

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

55-летию Победы
в Великой Отечественной войне
и героическим защитникам Ленинграда
посвящается

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСКУССТВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск V

Материалы к истории блокады Ленинграда

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск V

Материалы к истории блокады Ленинграда

Санкт-Петербург

2000

Под общей редакцией В. А. Фролова,
Л. Н. Конновой
и В. П. Мартыненко

Составитель В. А. Фролов

Выпуск V

Сборник рассказывает о трагических событиях блокады Ленинграда (1941–1944). В нем впервые публикуются дневники, воспоминания и письма жителей блокадного города; рисунки и фотографии тех лет, в основном хранящиеся в фондах ГМИСПб. Оригинальные исследования научных сотрудников музея дополняют документальные свидетельства.

Сборник рассчитан на историков, краеведов и читателей, которым интересна история Ленинграда и его жителей в суровых условиях блокады.

Вступление

Вечером 27 января 1944 года небо над Ленинградом озарили огни салюта в честь великой победы — полного освобождения города от вражеской блокады. Люди, смотревшие на праздничные сполохи залпов, вновь перебирали в памяти события минувших лет. Им было что вспомнить, о чем скорбеть, чему радоваться, чем гордиться.

Блокадное кольцо держало город в смертельных объятиях 882 дня. Ежедневно враг обрушивал на город в среднем по 245 снарядов и 175 авиационных бомб, голод душил мирных жителей. Прошло 55 лет, но общее число жертв блокады до сих пор еще не определено.

Любуясь салютом, блокадники вспоминали, как работали на торфоразработках и лесозаготовках, как служили в группах самозащиты, как уходило на фронт Народное ополчение, как возводились рубежи обороны города. Несмотря на голод, холод, недостаточную энерговооруженность, в городе производилось 148 наименований оборонной продукции, ремонтировались танки, самолеты, корабли. Ученые города разрабатывали новые образцы оружия и боеприпасов, новые технологии, спасали от гибели уникальные коллекции. В блокированном городе издавались книги, проводились выставки. В войсках и на кораблях выступали артисты фронтовых концертных бригад. Рядом со взрослыми трудились дети, более 15 000 из них награждены медалью «За оборону Ленинграда». Дети исполнили свой долг и тем, что продолжали учиться в условиях блокады.

Уходят в прошлое попытки представлять блокаду согласно установленным идеологическим штампам, на защите которых стоял мощный запретительный аппарат. Ему хотелось, чтобы мы знали только о героях и подвигах и постепенно забыли об ужасах и трагедии, а тем самым об ошибках и просчетах. Это привело в конечном итоге к тому, что к трагедии блокадного города и его жителей зачастую стали относиться как к явлению обыденному, заурядному, а то и закономерному в условиях войны. Без жестокой правды о блокаде блекнет образ города-героя, подвиг его жителей и защитников.

Настоящий выпуск «Трудов Государственного музея истории Санкт-Петербурга» посвящен блокадному городу, памяти тех, кто трудился на фабриках и заводах, в институтах, учился и просто, в силу сложившихся обстоятельств жил в блокадном Ленинграде.

Очерк Е. П. Перовского «О создании оборонительных рубежей Ленинграда в 1939–1941 годах» рассказывает о формировании системы обороны на дальних подступах к Ленинграду. О Дороге жизни через Ладожское озеро идет речь в публикации О. Р. Федорченко, где приведены подробные сведения о строительстве и результатах работы этой коммуникации. На основе документальных материалов написаны очерки И. А. Богданова «Эвакогоспиталь № 991», М. А. Ткачевой «Детские музыкальные школы в годы блокады» и

Ю. И. Кашаверской «Испытание временем». Главное в публикации Богданова — судьбы конкретных людей. Это крайне важно — помнить о тех, кто пережил блокаду. О многих из них идет речь и в публикации Ткачевой. В статье Кашаверской впервые публикуются не только документы, фиксирующие состояние Петропавловской крепости перед Великой Отечественной войной, но и акты военного времени, содержащие рекомендации по мерам защиты Петропавловского собора и сведения о причиненном ему ущербе.

В публикациях А. О. Евлановой «Н. М. Устольская. Воспоминания ленинградки», «Архитектор И. М. Чайко и его блокадный дневник» и В. А. Фролова «Л. Л. Шретер. Артиллерийская разведка в период осады Ленинграда» рассказывается о работе архитекторов блокадного города. Устольская пишет, в частности, и о своих друзьях-альпинистах, занимавшихся маскировкой шпиль и куполов. Ее воспоминания прокомментированы О. А. Фирсовой. Интересны также и документы служебной переписки, приложенные к публикации. Во вступительной статье к воспоминаниям Шретера приведены не только биографические данные, но и сведения о его службе на Балтийском флоте.

Следующие две статьи посвящены ленинградским художникам. Благодаря небольшому очерку Л. П. Баклан «Блокадные письма А. П. Остроумовой-Лебедевой» перед нами возникает живой образ известного художника, продолжавшего работать в сложнейших условиях с мечтой дожить до победы. В публикации Г. И. и А. Г. Чугуновых «Письма художника И. А. Серебряного из блокадного Ленинграда» дана подробная картина творчества художников.

Статья В. Ю. Жукова и Н. Л. Марковой «Письма-дневник из блокады» впечатляет картиной лютого голода и холода, жестокого повседневного быта. Публикация снабжена подробными комментариями и биографическими сведениями о сотрудниках Пулковской обсерватории.

«Воспоминания о блокаде Д. Н. Лазарева, Н. В. Лазаревой и Е. Д. Якубович» (публикация В. П. Мартыненко), написанные членами одной семьи — супругами Лазаревыми и их дочерью, интересны тем, что они дают возможность сравнить восприятие блокады глазами людей разных поколений.

Трагедия блокады отражена в воспоминаниях А. В. Мишне, ленинградского подростка того времени.

В статье Э. Мартино (Франция) «Блокада: между героизмом и трагедией» излагаются взгляды на блокаду иностранного автора. Выше говорилось о том, что долгое время существовала установка, как следует говорить и писать о блокаде. Мартино свободна от нее и характеризует блокаду так, как воспринимает этот исторический факт, что будет интересно читателю.

Завершают сборник статьи Е. В. Лезик «Монумент героическим защитникам Ленинграда», В. А. Фролова «Монумент на площади Победы» и Т. М. Семеновой «"Каменная летопись" Великой Отечественной войны», посвященные истории создания грандиозного памятника героическому Ленинграду — «Зеленого пояса Славы» с архитектурно-художественным анализом его отдельных элементов.

Н. А. Тюренков

Е. П. Перовский

О создании оборонительных рубежей Ленинграда в 1939–1941 годах

К началу Второй мировой войны советское командование располагало четкими выводами отечественной военно-исторической науки о возможных направлениях ударов предполагаемого агрессора по Ленинграду как со стороны Финляндии, так и со стороны Прибалтики.

Стратегическая обстановка в восточной части Балтийского театра военных действий значительно изменилась после Октябрьской революции и Гражданской войны в России. Петроград (Ленинград) стал приграничным городом. Ближе всех к нему находилась граница с Финляндией на Карельском перешейке.

В условиях приближения Второй мировой войны правительство СССР неоднократно ставило перед Финляндией вопрос о совместных мерах по предотвращению агрессии со стороны Германии. Сначала оно предложило Финляндии заключить пакт о взаимопомощи, а затем, после получения отказа, рассмотреть вопрос об обмене территориями для укрепления безопасности Ленинграда.

В 1939 году Германия захватила Данцигский коридор, что усилило опасность выхода гитлеровцев в Прибалтику и создания ими плацдарма для нападения на СССР. Аннексировав у Литвы Клайпеду (Мемель), немцы направили в Финский залив подводные лодки. Так, одной из них в районе Нарвского залива 27 сентября 1939 года был потоплен пароход «Металлист», а на другой день там же подвергся атаке пароход «Пионер», который, чтобы уклониться от торпеды, был вынужден выброситься на камни¹.

Осенью того же года правительство СССР заключило пакты о взаимопомощи с прибалтийскими республиками, которые дали пра-

во Советскому Союзу создать на их территориях военные базы и аэродромы. Это существенно изменило положение, но безопасность северо-западных границ СССР и Ленинграда не была полностью обеспечена. Особенно опасным представлялось возраставшее военное сотрудничество между Германией и Финляндией.

В Финляндии развернулось строительство военных объектов, прежде всего аэродромов, количество которых намного превышало потребности финской авиации. Авторы монографии «Финляндия во Второй мировой войне» подчеркивают активный характер германо-финляндских отношений по военной линии в различных направлениях и отмечают взаимодействие финской и немецкой разведок, а также участие германских специалистов в укреплении военного плацдарма на Карельском перешейке. Осенью 1939 года германским подводным лодкам были также предоставлены причалы на ряде островов в районе Хельсинки, что ставило под удар советские военные и транспортные коммуникации на Балтике в случае начала военных действий².

Все это не проходило мимо внимания со стороны СССР. Председатель Совнаркома В. М. Молотов в августе 1939 года в беседе с финским политическим деятелем Г. Идманом заявил: «Советский Союз не будет сидеть сложа руки, ожидать подхода немцев к воротам Ленинграда со стороны Финляндии. Земли у Советского Союза предостаточно, и он не нуждается в Финляндии, однако поведение финнов показывает, что в Финляндии пытаются любыми путями обострить отношения с Россией»³.

В связи с началом Второй мировой войны правительство СССР предложило Финляндии 5 октября 1939 года возобновить переговоры, прерванные весной, и обсудить вопросы взаимного обеспечения безопасности. Предмет переговоров оставался прежний: обезопасить Ленинград от возможности вторжения. На их первой стадии наметились возможности достижения приемлемого соглашения. 14 октября советское правительство предложило договориться о том, чтобы отодвинуть границу к северу от Ленинграда до линии Липола (район Котово) — Койвисто (Приморск) с тем, чтобы город находился вне зоны артобстрела с территории Финляндии. «Мы ничего не можем поделаться с географией, — сказал И. В. Сталин. — Поскольку Ленинград нельзя передвинуть, следует отодвинуть дальше границу»⁴.

В дополнение к перенесению сухопутной границы советская делегация стремилась договориться о передаче СССР небольших островов в Финском заливе западнее Кронштадта и передаче в аренду территории на полуострове Ханко для создания там военно-морской

базы. «Вполне естественно, — заявил по этому поводу У. Черчилль, — что Россия нуждается в базах, которые помешают Германии начать агрессию против прибалтийских территорий и Петрограда»⁵.

На третьем этапе переговоров в ноябре того же года финская делегация вновь отклонила советские предложения. Только после советско-финляндской войны, начавшейся 30 ноября 1939 года, правительство Финляндии согласилось не участвовать во враждебных СССР коалициях, отодвинуть на 150 км от Ленинграда границу, передать ряд островов в Финском заливе и сдать в аренду полуостров Ханко. Кроме того, СССР получил часть территории на полуостровах Средний и Рыбачий в Баренцевом море⁶.

Подписав 12 марта 1940 года мирный договор, Финляндия, однако, уже с 22 марта начала вести интенсивное строительство укреплений. На следующий день глава кабинета Р. Рюти заявил об «известном сближении» его правительства с Германией, а 27 марта на важнейшие министерские посты были поставлены прогерманские лица.

Тем временем Германия оккупировала Данию, Норвегию, ее войска принудили к капитуляции Франции и сбросили в Ла Манш английскую армию. 9 июня 1940 года Рюти заявил на заседании финского правительства: «Когда между Германией и Россией вспыхнет война, это будет в интересах всего мира. Германия — единственное государство, которое в настоящее время в состоянии разбить Россию...»⁷.

Как стало позже известно, на переговорах с представителем германского командования Р. Вальденсом, состоявшихся в Хельсинки 18–19 августа, Германии было предоставлено право держать в Финляндии войска в связи с их транзитом в Норвегию. Во время переговоров Р. Рюти и К. Г. Маннергейм заверили Вальденса, что в случае войны с СССР «Финляндия будет сражаться до последнего человека»⁸. Участвовавший в переговорах финский генерал П. Талвела записал в дневнике, что неделя переговоров «была неделей судьбы Финляндии. Тогда мы совершили поворот нашего пути на сторону Германии»⁹.

В Советском Союзе понимали, что Германии, имевшей удобные морские коммуникации с Норвегией, транзит нужен был для накопления войск в северной части Финляндии. Под видом транзита маскировалось создание плацдарма для агрессии против СССР. Сама переброска войск стала осуществляться не в Норвегию, а наоборот — из этой страны в Финляндию. Советская разведка докладывала: «В настоящее время происходят крупные переброски войск из Северной Норвегии в Северную Финляндию. За август–сентябрь месяцы финскую границу только в районе Сванвик-Сальмиярви и Наутси пере-

шло около 40 тысяч германских войск»¹⁰. Лапландия в начале 1941 года оказалась фактически оккупированной частью Финляндии.

Значительно выросла численность и самой финской армии с 385 тысяч человек в начале 1940 года до 420 тысяч в первой половине 1941. Военные заказы выполняли 647 заводов, что усиливало оснащение финской армии боевой техникой и оружием. Если сопоставить численность финской армии и немецкой группы армий «Север», насчитывавшей к 22 июня 1941 года 725 тысяч человек, то разница между ними составляла лишь около одной трети. Нельзя не учитывать и фактор непосредственной близости финских войск к Ленинграду. Из вышеизложенного понятно, почему угроза Ленинграду со стороны финской границы считалась крайне серьезной.

Существует мнение об ошибке Сталина, полагавшего что главный удар агрессора при вторжении в СССР будет нанесен через Украину и Донбасс. Возможно, это его предположение было вызвано не только учетом экономической значимости этих районов и опытом Гражданской войны, но и событиями в Берлине, предшествовавшими нападению Германии.

В июле 1940 года начальник штаба 18-й армии генерал-майор Э. Маркс получил задание от генштаба сухопутных сил Германии на разработку общей идеи военного вторжения в СССР. Маркс предложил использовать концепцию Г. Гудериана для разработки плана мощного танкового прорыва через Украину и Донбасс с дальнейшим окончательным наступлением на Москву и Ленинград.

Разработать план вторжения было поручено и генералу Ф. Паулюсу. Ознакомившись с задачей, он предложил разделить атакующие силы на три стратегические группы: «Север», «Центр» и «Юг». Когда 5 декабря 1940 года начальник генштаба Ф. Гальдер докладывал Гитлеру о работе над планом «Барбаросса», тот высказал поддержку плану генерала Маркса, подчеркнув, что нельзя допустить отход Красной Армии в тыл. «Наступающая на Москву группа должна быть сделана такой сильной, чтобы она могла затем повернуть на север»¹¹. При этом вновь были упомянуты Украина и Ленинград, на который этим войскам нужно было повернуть после их продвижения на восток.

Итоговый вариант плана «Барбаросса» предусматривал наступление тремя самостоятельными группами войск. В плане учитывалось желание Гитлера иметь самую мощную танковую ударную силу на флангах групп армий «Север» и «Центр». Для этого в Восточной Пруссии были сосредоточены 3-я и 4-я танковые группы, которые в

случае необходимости могли содействовать друг другу. На Ленинград из Восточной Пруссии должны были наступать в составе группы армий «Север» 16-я и 18-я полевые армии, поддерживаемые 1-м воздушным флотом. На севере, в районе Петсамо, действовала немецкая армия «Норвегия», поддерживаемая 5-м воздушным флотом. Южнее, до Финского залива, были развернуты Карельская и Юго-Восточная финские армии при поддержке собственного воздушного флота¹².

Финское руководство понимало, что ему предстоит вместе с Германией вести войну против СССР. Финский военный атташе в Швеции полковник В. Х. Палоярви заявил, в частности, что с нападением Германии на Советский Союз «для Финляндии откроется возможность вернуть обратно утраченные территории и отодвинуть границу с перешейка до Невы и даже к югу от Ленинграда»¹³. Позднее о прогерманской позиции Финляндии того времени президент У. К. Кекконен сказал, что она «фактически присоединилась к этому фронту в 1940 году». Ему принадлежит и высказывание о том, что «даже абсолютный болван не может больше отрицать того, что небольшая руководящая группа заключила с нацистской Германией секретное соглашение об участии Финляндии в агрессивной войне Гитлера летом 1941 года»¹⁴.

Понимая скрытую цель концентрации немецких войск в Финляндии, советское правительство потребовало в конце сентября 1940 года объяснений от правительства Германии. Молотов настаивал перед германским послом на ознакомлении с германо-финляндским протоколом по транзиту немецких войск и с секретным приложением к нему. Тогда не было еще известно, что во время пребывания советской делегации в Берлине вышло секретное распоряжение Гитлера № 18, где указывалось, что независимо от результатов переговоров с ней следует в соответствии с отданным уже устным приказом продолжить подготовку операции на Востоке¹⁵.

21 декабря 1940 года оперотряд генштаба финской армии составил первоначальный план участия в агрессии против СССР. 30 января 1941 года оперативный замысел боевых действий был уточнен на переговорах в Берлине начальника финского генштаба генерала А. Хейнрикса с Ф. Гальдером. Заключительный этап переговоров состоялся в мае, когда Гитлер направил в Хельсинки дипломата К. Шнурре. Он проинформировал Рюти о приближении сроков военных действий и предложил направить в Берлин представителя генштаба финской армии для согласования планов взаимодействия. Для этого в Зальцбурге и Цоссене германской стороной в лице генералов

В. Кейтеля, А. Иодля и Ф. Гальдера и финской, которую представляли генерал А. Хейнрикс и полковник К. Тапола, были согласованы планы совместных операций, сроки мобилизации и начала наступления. Договорились, что наступление финской армии на Ленинград будет скоординировано с продвижением группы армий «Север». Предполагалось, что финская армия начнет операцию через две недели после нападения Германии на СССР. За это время группа армий «Север» во взаимодействии с частью сил группы армий «Центр» должна была уничтожить советские войска в Прибалтике¹⁶.

В начале июня 1941 года на встречах представителей финской и немецкой армий и флотов обсуждались конкретные вопросы их взаимодействия. Было решено предоставить для немецкой авиации аэродромы в районах Хельсинки, Кеми и южной Финляндии. Делегация военно-морских сил Финляндии договорилась 6 июня о совместной постановке мин в Финском заливе и базировании в портах Финляндии немецких кораблей¹⁷.

С 1 июня 1941 года в Финляндии началась частичная, а с 18 июня всеобщая мобилизация, после чего численность ее вооруженных сил превысила 600 тысяч человек. В их составе находились 16 пехотных дивизий, кавалерийская и две егерские бригады. Авиация имела 307 самолетов, артиллерия насчитывала 1800 орудий. Две трети всех войск были сконцентрированы на Карельском перешейке. Финский флот на Балтике имел два броненосца береговой обороны, пять подводных лодок, пять торпедных катеров, 25 тральщиков, семь сторожевых кораблей, четыре канонерские лодки и 12 минных заградителей.

В Восточной Пруссии на фронте протяженностью 230 км располагалась немецкая группа армий «Север» (18-я, 16-я армии и 4-я танковая группа). В ее распоряжении находились 1070 самолетов 1-го воздушного флота. В войсках насчитывалось 25 пехотных, семь танковых и шесть моторизованных дивизий, насчитывавших 725 тысяч человек, свыше 13 тысяч орудий и минометов, 1500 танков. Это составляло более 30 процентов всех сил и средств вермахта, предназначенных для вторжения в СССР¹⁸. Для боевых действий в Балтийском море были выделены линейный корабль, семь крейсеров, 34 миноносца, 85 подводных лодок, 19 тральщиков¹⁹. Всего на карельской и прибалтийской границах Ленинграду угрожали силы более чем 1100 тысяч солдат и офицеров, около 1400 самолетов, 1500 танков, более 15 000 орудий и минометов.

Еще до начала Второй мировой войны СССР боролся за создание системы коллективной безопасности в Европе, но этому поме-

шала антисоветская политика правительств Англии и Франции. Заключенный 8 августа 1939 года советско-германский пакт о ненападении разрушил расчеты западных держав направить агрессию Германии на СССР. Советское правительство понимало, что, предлагая заключить пакт, Германия исходила из вывода о невозможности победы над СССР без предварительного завоевания господства в Европе, что предложение Германии является лишь маневром, рассчитанным на известный срок. Позднее Сталин так охарактеризовал значение пакта: «Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну, вопреки пакту»²⁰. Советскому Союзу удалось использовать заключение с Германией пакта о ненападении и для того, чтобы отодвинуть государственную границу от своих главных центров. В результате Германия начала войну не с линии Нарва–Минск–Киев, а с границы, расположенной на сотни километров западнее²¹. Подписание пакта позволило СССР выйти на исторические рубежи военной обороны России. На северо-западе страны для этого требовалось также обеспечить безопасность железнодорожной связи с Мурманском и, главное, обезопасить со стороны Карельского перешейка и Прибалтики Ленинград. Этому отвечали изменения советско-финляндской границы после подписания мирного договора с Финляндией в 1940 году и установления советско-германской границы между Восточной Пруссией и Литвой после принятия ее в июле того же года в состав СССР. На приобретенных территориях размещались такие старинные российские узлы обороны северо-запада страны, как Кексгольм (Приозерск), Выборг, Ханко (Гангут), Моонзундский архипелаг, Рига, Либава (Лиепая). Это позволило почти восстановить оборонительные рубежи, которыми располагал Петербург к началу Первой мировой войны.

У Ленинграда, как и в прежние времена, появились дальние морские подступы, хотя теперь они имели серьезный изъян: северное побережье Финского залива, на котором до 1917 года находились морские крепости и базы флота, было уже не в составе России, и только аренда полуострова Ханко частично возмещала этот недостаток.

Для создания стратегической оборонной системы Ленинграда требовалось возвести военные укрепления вдоль новых границ и восстановить мощную береговую оборону Балтийского флота.

На Карельском перешейке, вдоль новой границы, как вспоминал генерал-полковник М. М. Попов (с февраля 1941 года командующий Ленинградским военным округом), развернулось строительство трех

укрепленных районов: Выборгского, Кексгольмского и Сортавальского — для защиты основных направлений возможного наступления на Ленинград и Петрозаводск. «К началу войны, — писал он, — вчерне было готово в Выборгском укрепленном районе только 40 долговременных сооружений, в Кексгольмском и Сортавальском — около 10 в каждом»²².

Незаконченные строительством Выборгский и Кексгольмский укрепленные районы перекрывали Карельский перешеек от Ладожского озера до Финского залива, а позади них находился еще и старый Карельский укрепленный район, фланги которого упирались в озеро и залив. «Его слабостью явилось то, — отметил Попов, — что он почти не имел противотанкового вооружения и что между батальонными, а кое-где и между ротными районами были большие промежутки. Состояние Карельского укрепрайона вызывало у нас серьезные опасения. Принятыми мерами перед войной и в ее начале мы резко повысили боевую готовность этого УРа²³. Именно перед его передним краем впоследствии остановилась лавина финских войск, катившихся к Ленинграду. После некоторых попыток прорвать оборону УРа, финны отказались от них и стали спешно закапываться в землю. Здесь они и сидели в бездействии до 10 июня 1944 г.»²⁴.

В 1941 году намечалось создать 37 оборонительных пунктов с 336 железобетонными сооружениями, но сделана была лишь половина. По мере готовности на этих объектах устанавливалось вооружение и их занимали специально подготовленные части и подразделения.

С получением в аренду полуострова Ханко, где до революции располагалась Ганге-Лапвикская оборонительная позиция, там стала создаваться военно-морская база. Весной 1940 года сюда были переброшены сводные отряды моряков и пехотинцев. Бывший начальник штаба бригады, оборонявшей Ханко, генерал-майор Г. Р. Кетлеров вспоминал: «Лето и осень 1940 года были для нас очень напряженными. Закончились рекогносцировки, планирование обороны, полевые учения и перевозка войск из Ленинграда, пополнение их вооружением и техникой. Были построены необходимые полевые укрепления на сухопутной границе и островах»²⁵.

Ханковцы не знали, конечно, что в петровские времена в 1704–1708 годах у Кронштадта, а в Восточную (Крымскую) войну в 1854–1855 годах у Кронштадта и Свеаборга были созданы ряжево-артиллерийские, а затем и минно-артиллерийские позиции. В Первую мировую войну Балтийский флот перегородил Финский залив мощными минными полями, а берега Моонзундских островов — береговой

артиллерией. Теперь такую оборону, защищавшую город на дальних морских подступах, спешили возродить. Однако если в Первую мировую войну центральная минно-артиллерийская позиция Балтийского флота была в самой узкой части Финского залива между островом Нарген (Нейссар) и полуостровом Порккала-Удд, то теперь было решено создать ее в устье залива. Минные заграждения должна была прикрывать береговая артиллерия с полуострова Ханко и острова Осмуссар. Поскольку эта позиция могла контролировать морские коммуникации не только Ленинграда, но и финской столицы, установку минных заграждений предполагалось провести только в случае начала военных действий. Это привело к тому, что постановка мин, начатая лишь 23 июня 1941 года, сопровождалась серьезными потерями кораблей. Артиллерийское прикрытие создавалось заранее. Сложнее всего обстояло дело с установкой башни 180-мм орудий на острове Осмуссар. Работы велись ленинградскими рабочими вместе с матросами и солдатами по 10 часов в день без выходных. Окончание монтажных работ планировалось на конец 1941 года, и, хотя их завершили на полквартала раньше, это оказалось значительно позднее начала войны. Башня была готова к бою 17 ноября²⁶. Проще оказалось осуществить установку артиллерии на Ханко, куда из Ленинграда были вовремя доставлены артиллерийские железнодорожные установки дальнобойных орудий калибром до 305 мм.

Кроме обороны входа в Финский залив, Балтийский флот должен был быть готовым к обороне входа в Рижский залив, не допускать высадки десантов на латвийское и эстонское побережья, в том числе на Моонзундские острова, и содействовать приморским флангам Красной Армии. Оборона входа в Рижский залив и Моонзундских островов — района исторической боевой деятельности российских вооруженных сил — возлагалась также и на силы береговой обороны Балтийского флота.

В 1917 году на Моонзундской позиции на островах Вормс, Моон, Даго, Эзель имелось 27 артиллерийских батарей с орудиями калибром от трех до 12 дюймов. Значительная часть батарейных позиций была восстановлена до начала Великой Отечественной войны, и к началу наступления германских войск (6 сентября 1941 года) бывшая Моонзундская позиция, получившая название Береговой обороны Балтийского района, имела 260 дотов и дзотов, 213 орудий калибром до семи дюймов, аэродромы и гарнизон в 24 тысячи человек²⁷.

От границы с Германией Ленинградский военный округ был отделен Прибалтийским Особым военным округом. На 300-километ-

ровой полосе от Клайпеды (Мемеля) до южной границы Литовской ССР к началу войны были развернуты семь стрелковых дивизий из состава трех армий Прибалтийского Особого военного округа. Укрепленные районы в новой пограничной зоне к началу боевых действий находились еще в стадии строительства, а укрепления полевого типа на границе с Восточной Пруссией также не были еще готовы.

В связи с ростом военной угрозы со стороны Германии Генеральный штаб Красной Армии разработал весной 1941 года план обороны государственной границы. В начале мая командующий войсками Ленинградского округа генерал-лейтенант М. М. Попов и начальник оперотдела штаба округа генерал-майор П. Г. Тихомиров участвовали в отработке варианта плана прикрытия границы на случай войны. На основе его был подготовлен окружной план, отработаны армейские планы прикрытия и подготовлены директивы войскам²⁸. Так, например, Генеральным штабом перед войсками округа ставилась задача с первого дня мобилизации принять от Прибалтийского Особого военного округа северную часть Эстонии с находившимся там 65-м стрелковым корпусом для обеспечения обороны побережья²⁹. Этим заканчивалось оформление системы обороны Ленинграда.

В начале Великой Отечественной войны противнику удалось овладеть дальними подступами к городу со стороны Карельского перешейка. С южной стороны немецко-фашистские захватчики были остановлены только у его окраин. Хотя краткость предвоенных лет и новая историческая обстановка не привели к полному восстановлению той системы обороны города на Неве, которая складывалась на протяжении веков, тем не менее усилия по воссозданию дальних, укреплению ближних и сооружению уже в ходе войны новых рубежей обороны Ленинграда сыграли свою важную роль. Во многом благодаря им впервые во Второй мировой войне концепция «молниеносной войны», на которую делало ставку гитлеровское командование, потерпела крах. Наступление группы армий «Север», растянувшееся на три с лишним месяца непрерывных боев, захлебнулось, так и не достигнув конечной цели, и линия фронта под Ленинградом к концу сентября 1941 года стабилизировалась. Противник уже не имел сил вести наступательные действия и, замкнув кольцо блокады вокруг Ленинграда, перешел к созданию собственных оборонительных рубежей.

¹ Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Корниенко А. И. и др. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1989. С. 158.

² Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 54–55.

- ³ Там же. С. 55.
- ⁴ Там же. С. 62.
- ⁵ Цит. по: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Указ. соч. С. 63.
- ⁶ Перовский Е. П. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Морской атлас. Т. III. Описание. ГШВМФ. 1966. С. 109.
- ⁷ Вайц Х. М. Из истории «большой стратегии» правителей Финляндии в первой половине 1941 года // Скандинавский сборник. XV. Таллин, 1970. С. 111–112.
- ⁸ Цит. по: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Указ. соч. С. 131.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 134.
- ¹¹ Цит. по: Безыменский Л. А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1961. С. 155.
- ¹² Перовский Е. П. Развертывание немецко-фашистских сил перед нападением на СССР // Указ. соч. С. 193.
- ¹³ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Указ. соч. С. 144.
- ¹⁴ Цит. по: там же.
- ¹⁵ См.: Кезель Г. В. В бурях нашего века: Записки разведчика-антифашиста. М., 1987. С. 167.
- ¹⁶ Перовский Е. П. Развертывание немецко-фашистских сил перед нападением на СССР // Указ. соч. С. 193.
- ¹⁷ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁸ Барбашиан И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П., Харитонов А. Д., Яковлев Б. Н. Битва за Ленинград. М., 1964. С. 19.
- ¹⁹ Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И., Корниенко А. И. и др. Указ. соч. С. 171.
- ²⁰ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 11.
- ²¹ Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 31.
- ²² Там же.
- ²³ УР — укрепленный район.
- ²⁴ Там же. С. 32.
- ²⁵ Кетлеров Г. Р. Накануне больших событий // Гангут, 1941. Л., 1974. С. 14.
- ²⁶ Митрофанов Ф. Флаг над Осмуссааром. Таллин, 1980. С. 115.
- ²⁷ Аммон Г. А. Морские памятные даты. М., 1987. С. 296.
- ²⁸ История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988. С. 161.
- ²⁹ Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. С. 33.

О. Р. Федорченко

Дорога жизни
(основные этапы истории)

В декабре 1998 года в одной из автотранспортных организаций Санкт-Петербурга родилась идея совершить автопробег по местам, где в годы Великой Отечественной войны проходила Дорога жизни. Предлагаемый обзор материалов по истории ее создания и функционирования основывается лишь на некоторых материалах, к которым автор данной статьи обратился при работе над исторической справкой. Ее целью было собрать сведения, необходимые для осуществления автопробега. Из-за отсутствия льда на Ладожском озере и неблагоприятных погодных условий задуманное предприятие не состоялось, что, между прочим, еще раз подтвердило, насколько сложно даже теперь, спустя 55 лет после полного снятия блокады Ленинграда, повторить что-либо подобное подвигу строителей, эксплуатационников и воинов легендарной трассы.

В условиях полного окружения Ленинграда вражескими войсками с сентября 1941 года только по Ладожской коммуникации оказалось, по существу, возможным установить связь между осажденным городом и Большой землей. По масштабам деятельности, сложности сооружений, опасностям, связанным со строительством и эксплуатацией трассы, она не имела аналогов в мировой истории и стала одним из важнейших факторов победы под Ленинградом.

Прорвав 8–10 августа 1941 года Лужскую оборонительную линию, немецкие войска захватили 8 сентября Шлиссельбург и вышли на южный берег Ладожского озера. Бои в августе–сентябре 1941 года развернулись на всех направлениях. В середине сентября немцы вышли и к Финскому заливу. Ввиду упорнейшего сопротивления, оказанного советскими войсками и ополченцами, немецкие войска перешли

к обороне. С 25 сентября фронт под Ленинградом стабилизировался, но город, в котором оставалось около 2,5 миллиона жителей, оказался в кольце блокады.

Решение об использовании Ладожского озера для транспортировки грузов ГКО принял 30 августа 1941 года. К этому времени основные транспортные средства с Ладоги были выведены, в результате чего возможности озера поначалу не удалось достаточно эффективно использовать.

С конца сентября 1941 года была налажена воздушная транспортная связь с Большой землей, но она могла выполнять лишь вспомогательную роль, главная же роль отводилась Ладожскому озеру.

Сложность организации перевозок по озеру определялась его особенностями, не все из которых были вполне изучены, в частности, мало сведений имелось о его ледовом режиме. Ладожское озеро — самое большое в Европе. Площадь его водного зеркала составляет около 18 000 кв. км, длина с севера на юг — 219 км, наибольшая ширина — 130 км. В южной части озера находятся три широких залива — Свирская, Волховская и Шлиссельбургская губы. Котловина озера делится на глубокую северную и мелководную южную части. Северные берега скалисты, местами высоки, сильно изрезаны, на западном берегу много нагромождений валунов, уходящих в воду, особенно на мысах Морьин Нос, Осиновец, Сосновец.

Шлиссельбургская губа протянулась с севера на юг на 24, с запада на восток — на 28 км. Исток Невы отделен отмелью, в которой в 1902–1908 годах для улучшения судоходства сделали искусственную прорезь — Кошкинский фарватер длиной около 8 км и шириной 80–90 м. Берега губы низкие, в ней находятся три группы островов — Зеленцы, Кареджи, Киревядь.

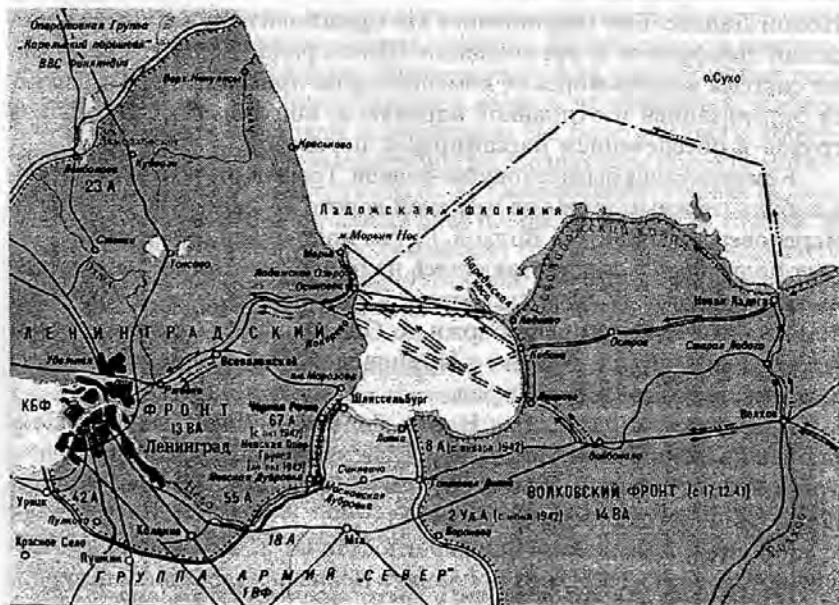
Климатические условия Ладожского озера отличаются значительными колебаниями температуры воздуха. Наиболее холодные месяцы — январь–февраль, средняя температура зимой -8° — -10° , в суровые морозы до -40° . Наряду с морозами наблюдаются оттепели. Лед образуется в ноябре, сначала в прибрежных заливах. Полный ледостав бывает не каждый год. Вскрытие озера происходит в апреле. Летом средняя температура $+16^{\circ}$ — 17° . Большую часть года, с сентября по апрель, дуют сильные ветры преимущественно южных направлений, сила ветра нарастает от осени к зиме. На озере бывает большая облачность, особенно осенью и зимой, число облачных дней достигает 20 в месяц. Часты туманы и штормы. Важной особенностью озера являются колебания уровня воды. Сгонно-нагонные коле-

бания, которые зависят от силы ветра и его продолжительности, в основном наблюдаются в осенне-зимнее время и в южной мелководной части озера. Здесь нагоны и сгоны достигают 20 и даже 40 см, бывают и до 90 см. Также существуют и сейшевые колебания уровня воды. Сейши, или стоячие волны, колеблются, при этом уровень воды в одной части озера поднимается, а в другой опускается. В южной части озера преобладают стоковые и ветровые течения. Скорость течений невелика.

Плавание по Ладоге всегда было сопряжено с трудностями. В 1718 году Петр I приказал строить каналы вдоль берегов Ладоги, и в 1723–1728 под руководством Б. Х. Миниха построили Ладожский обводной канал (ныне Старо-Ладожский). Когда он обмелел, между ним и Ладогой проложили Ново-Ладожский. До войны перевозки шли по нему. Опасность плавания по Ладоге заключается в том, что высота волны в северной и центральной части озера составляет 5,8 м, в южной — 2,5. Пологие длинные волны, возникающие в глубоководной части озера, в южных мелководных районах резко меняются. Волны ломаются и становятся высокими и короткими, волнение приобретает беспорядочный характер¹. Вследствие вышеназванных обстоятельств использование южной части Шлиссельбургской губы для плавания судов было связано с огромными трудностями. Устройство же и эксплуатация трассы в этом районе в зимний период требовали тщательной подготовки, изучения особенностей ледового режима.

До войны на озере имелся отряд учебных кораблей. В июле 1941 года было создано Управление морской обороны Ленинграда и Озерного района, и тогда началось развертывание Ладожской военной флотилии. Она подчинялась ВС КБФ, который выделил для флотилии не только корабли, но также опытных командиров и матросов. С 8 августа 1941 года флотилией командовал капитан 1 ранга Б. В. Хорошкин, с 13 октября — капитан 1 ранга В. С. Чероков. В августе 1941 года в ней насчитывалось 29 канонерских лодок, сторожевых судов, военных катеров, транспортных судов и 20 малых кораблей. Главная база Ладожской флотилии располагалась сначала в Шлиссельбурге, затем в Осиновце. Но так как Осиновец стал важнейшим перевалочным пунктом для снабжения города, база была перенесена в Новую Ладогу. Основная тяжесть перевозок легла на СЗРП, выделившее 43 деревянных сухогруза и шесть барж, часть из которых находилась в ветхом состоянии.

Командование Ленинградского фронта принимало все меры для скорейшей постройки портовых сооружений на западном берегу Шлис-

..... Линия фронта к 26 сентября 1941 г.

== Ладожская ледовая трасса с 22 ноября 1941 г.

== Автомобильная дорога, проложенная зимой 1941–1942 гг.

сельбургской губы. В районе железнодорожной станции Ладожское Озеро началось строительство пристаней в гаванях Осиновец и Гольсмана (в 55 км от Ленинграда). Бойцы строительных и саперных батальонов и ленинградские рабочие оборудовали пирсы, склады, землянки, проложили узкоколейку от причалов к основной железнодорожной магистрали. Также велись дноуглубительные работы, чтобы создать условия для подхода судов. В конце сентября 1941 года в Осиновце были построены два причала с глубиной на подходе 2,5 м, в бухте Морье — с глубиной до 2, в гавани Гольсмана — 1,7–2,5².

12 сентября 1941 года Ладожская водная трасса начала действовать. В Осиновец были доставлены первые продовольственные грузы — 626 тонн зерна и 116 тонн муки³. Для оперативного руководства перевозками по Волхову и Ладожскому озеру ВС Ленфронта назначил 30 сентября 1941 года своим уполномоченным по перевозкам генерал-майора А. М. Шилова. Его местопребывание было определено в

Новой Ладоге. Ему подчинялись все представители военных учреждений Ленфронта и организации Ленинграда. Была создана также система военно-морских комендатур на пристанях, занимавшихся организацией и отправкой караванов, контролем за перевозкой грузов и обеспечением пассажирских перевозок.

Коммуникация была сухопутно-водной. Транспортировка грузов проводилась сложным путем по железной дороге по маршруту Вологда — Череповец — Тихвин — Волхов. Грузы прибывали на пристань Гостинополье, далее они доставлялись на барках до Новой Ладоги, где их перегружали на озерные баржи. Корабли Ладожской флотилии или озерные буксиры вели баржи до Осиновца. Из Осиновца грузы доставлялись по узкоколейке к Ириновской железнодорожной ветке и за тем следовали в Ленинград.

Кроме основной трассы Новая Ладога — Осиновец, ВС Ленфронта постановил освоить новую трассу длиной 15 км: Осиновец — бухта Черная Сатала Шлиссельбургской губы. 29 сентября 1941 года сюда пришвартовались первые баржи.

Водная трасса действовала круглосуточно в сложных навигационных условиях. Действия противника привели к серьезным потерям. Вышли из строя и погибли 7 буксирных пароходов и 46 барж, осталось всего 7 барж. В Ладожской флотилии получил повреждения корабль «Конструктор», затонули два тральщика, катер «МО», канонерская лодка «Олексма», спасательный корабль «Водолаз»; был расстрелян транспорт «Щорс».

За 79 дней первой навигации военного времени в Ленинград было доставлено 60 000 тонн грузов, в том числе 45 000 тонн продовольствия, 7 000 тонн горюче-смазочных материалов, также боеприпасы и вооружение, было эвакуировано 33 500 человек⁴.

В ноябре 1941 года начался ледостав. Корабли были перебазированы к месту зимней дислокации в район Морье — Осиновец, часть кораблей осталась на зимовку в Новой Ладоге. 20 декабря командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц приказал командованию Ладожской флотилии приступить к зимнему ремонту кораблей. Подготовка к навигации 1942 года началась уже в конце февраля. По предложению ВС Ленфронта ГКО принял постановление от 11 марта 1942 года о строительстве Наркоматами судостроительной промышленности и речного флота новых судов — 10 металлических барж грузоподъемностью 600 тонн каждая и 30 деревянных общей грузоподъемностью 10 000 тонн. На Сясьской верфи строились озерные баржи длиной 40, шириной 8 и высотой 3,2 м. К 31 сентября 1942 года были изготовлены уже 30 барж.

С марта 1942 года строительство металлических барж развернулось и на трех ленинградских заводах: Балтийском, Адмиралтейском и им. А. А. Жданова. Изготовленные на них отдельные секции перевозили по железной дороге к озеру и на временной верфи в бухте Гольсмана собирали и сваривали. На берегу Ладоги сооружались стапеля и спусковые устройства. Создателем проекта металлических барж был конструктор А. К. Осмоловский. Первая баржа, несмотря на тяжелейшие условия работы, была сделана за 18 дней. В дальнейшем баржи собирали, сваривали, спускали и оснащали за 10 и даже за 6 дней. Грузоподъемность барж составляла 600–800 тонн, вес — 220 тонн. К июлю 1942 года вместо 10, предусмотренных планом, построили 13 барж⁵.

Тогда же возникла идея превратить металлические баржи в паромы, что давало возможность перевозить грузы без перевалки прямо в железнодорожных вагонах и платформах. Под паромы были переоборудованы две баржи, и в начале августа 1942 года произошла первая погрузка паровозов. Грузеная баржа-паром представляла фантастическое зрелище. Ее надводный борт был столь мал, что казалось, будто паровозы или вагоны передвигаются прямо по воде.

Помимо барж строились и самоходные малотоннажные суда. Постановление ВС Ленфронта от 7 мая 1942 года предусматривало постройку 50 самоходных судов-тендеров⁶. Уже 15 мая на стапелях находились пять тендеров в различной степени готовности. 29 мая два тендера, изготовленные на Петрозаводе, и один на заводе «Судомех» были показаны на Неве у Смольного — ВС Ленфронта⁷. Всего заводы Ленинграда к июлю 1942 года построили 122 тендера⁸.

Составной частью подготовки к навигации являлась реконструкция и расширение старых портов наряду со строительством новых. Все проектные работы были поручены инженерному отделу КБФ, дноуглубительные — Балттехфлоту.

Осиновецкий порт с бухтами Морье, Новая, Осиновец, Гольсмана и гаванью Каботажная на западном берегу Шлиссельбургской губы насчитывал 14 пирсов общей протяженностью 2200 м. Кобоно-Кареджский порт имел 13 пирсов общей длиной 5900 м и еще пирсы специального назначения.

На обоих берегах Шлиссельбургской губы велось строительство складов. На пирсах действовал 21 кран грузоподъемностью от 3 до 75 тонн. К концу навигации причальный фронт мог принимать 80 судов.

В навигацию 1942 года для бесперебойного снабжения горючим был проложен трубопровод. Мысль о его создании родилась в штабе тыла Ленфронта, предложение было одобрено ВС Ленфрон-

та и представлено в ГКО, который принял 25 апреля 1942 года постановление о прокладке трубопровода⁹. ЭПРОНу КБФ было поручено водолазное обследование трассы, гидрографическому отделу КБФ — промерить трассы трубопровода. Гидрографы начали работать с 21 апреля. К 5 мая трубы с Ижорского завода были завезены на берег Ладоги. Эскизный вариант проекта был утвержден 1 мая. Он разрабатывался одновременно с развертыванием работ.

На восточном берегу (мыс Кареджи) находилась главная насосная станция. На западном берегу трубопровод проходил неподалеку от деревни Кокорево и тянулся до станции Борисова Грива, где строился конечный наливной пункт. Работы велись одновременно на всех участках и почти круглосуточно. Бензин подвозили по железной дороге и перекачивали в зарытые в землю резервуары. Из них он попадал в насосную станцию и под давлением 12–15 атмосфер перекачивался по трубопроводу на западный берег, где находились склад горючего — небольшие вертикальные резервуары и наливная эстакада для одновременной заправки 10 железнодорожных цистерн или 20 автомашин.

Трубы сваривались в секции в Кокореве, их испытывали под тройным давлением и покрывали битумной изоляцией, затем секции втягивали на буксир пароходом, к хвостовому концу трубы на берегу приваривали следующую. Чтобы секции не тонули, к ним привязывали бревна. 14 июня 1942 года вся подводная часть трубопровода была уложена на дно, и 18 июня он вступил в строй. Трубопровод был построен за 50 дней, причем укладка труб на его подводном участке на глубине 12 метров была выполнена в невероятно короткий срок — 25 дней.

Трубопровод состоял из головной перекачивающей станции, линейной части, приемной станции и запасного наливного пункта. Линейный трубопровод составлял около 30 км¹⁰. Ежедневно город и фронт получали 300–350 тонн бензина.

Еще в сентябре–октябре 1941 года по дну Шлиссельбургской губы были проложены телеграфный и телефонный кабели. В 1942 году для передачи в Ленинград электроэнергии восстановленной Волховской ГЭС согласно постановлению Военного совета Ленинградского фронта от 7 августа 1942 года была построена высоковольтная линия электропередачи Волхов–Ленинград. Наиболее трудной была прокладка кабеля по дну Ладожского озера. Всего было проложено пять кабельных силовых линий. 120 километров десятикиловольтного кабеля были изготовлены на заводе «Севкабель».

В бухте Морье оборудовали строительную площадку, куда перевозили кабель и монтажную арматуру. Для прокладки кабеля, кото-

рая производилась в ночное время, использовали две баржи. 23 сентября по первой кабельной линии электроэнергия поступила в Ленинград. В октябре, несмотря на осенние штормы и налеты вражеской авиации, были проложены и остальные четыре линии подводного кабеля¹¹.

19 апреля 1942 года ВС Ленфронта принял постановление «Об организации перевозок для Ленинграда через Ладожское озеро в навигацию 1942 г.». Все перевозки через озеро тщательно планировались. Предполагалось ежесуточно ввозить 4200 тонн и вывозить 1000 тонн грузов и 3000 человек. Начальником управления перевозок был назначен А. М. Шилов. Вторая военная навигация началась 22 мая 1942 года.

Перевозки осуществлялись по двум трассам — малой и большой. Малая трасса — 29 км — проходила от Кобоны до Осиновца. Большая трасса — 150 км: 35 км по реке Волхов и 115 км по Ладожскому озеру от Гостинополя через Новую Ладугу до Осиновца.

В деревне Леднево недалеко от Кобоны была создана специальная диспетчерская служба. Приказом командующего Ладожской флотилией Черокова ее суда были распределены так: на большой трассе действовали озерные баржи и буксиры СЗРП, тральщики, канонерские лодки, на малой трассе — речные баржи.

Большое внимание уделялось охране перевозок. Перевалочные базы в Тихвине, Гостинополе, Новой Ладоге, бухте Гольсмана, Ваганове охраняла 23-я дивизия НКВД. На островах Зеленцы установили зенитную батарею. На западном берегу станции и базы защищала зенитная артиллерийская группа. Авиационное прикрытие осуществлял 123-й истребительный полк 7-го авиационного истребительного корпуса ПВО. Авиapolки ВВС КБФ прикрывали суда и корабли на переходах Ладожского канала от Леднево до Новой Ладуги и склады в Леднево, Кобоне, Новой Ладоге, Сясьстрое. 3-й истребительный авиapolк ВВС Ленфронта защищал склады и станции Лаврово, Жихарево, Войбокало, Волховстрой, Гостинополье. В июне 1942 года был создан также и Ладожский дивизион ПВО. Суда СЗРП имели зенитные установки, на буксирах было установлено по одному пулемету, на баржах по два.

Попытки гитлеровского командования использовать свои морские силы и авиацию на Ладогe не имели успеха. Операция немецкого командования 22 октября 1942 года «Бразиль», имевшая целью захват острова Сухо, находившегося на пути движения конвоев, провалилась, противник потерял 16 десантных судов и 15 самолетов.

За навигацию 1942 года было перевезено 790 000 тонн различных грузов и доставлено в Ленинград 290 000 военнослужащих, эвакуи-

ровано 448 000 человек, 41 000 раненых, массовая эвакуация населения завершилась.

Третья военная навигация продолжалась с 4 апреля 1943 года по 3 января 1944 года. В июне 1944 Ладожская военная флотилия принимала участие в проведении Выборгской и Свирско-Петрозаводской операций и в ноябре 1944 была расформирована. Ее корабли ушли на Балтику — Ладога вновь стала внутренним озером.

Зимой 1941–1942 годов, преодолевая огромные трудности, ленинградцы проложили по льду Ладожского озера знаменитую ледовую Военно-автомобильную дорогу (ВАД). Именно она сыграла решающую роль в спасении многих ленинградцев.

Согласно архивным документам в сентябре–октябре 1941 года фактический расход муки в сутки составлял 920 тонн, а с 20 ноября суточный лимит расхода муки и примесей составил 510 тонн (из них населению города — 310, населению Ленинградской области — 31, войскам — 144, КБФ — 25 тонн). Через Ладожское озеро в сентябре–ноябре 1941 года доставлялась в среднем ежедневно 241 тонна продовольствия¹², поэтому создание ледовой дороги имело первостепенное значение для города и Ленинградского фронта.

Подготовку к строительству ВАД ВС Ленфронта начал уже в октябре 1941 года. В истории имеются примеры использования замерзших рек, каналов, проливов для переброски войск и различных грузов. Так, в 1710 году во время Северной войны корпус русских войск под командованием Ф. М. Апраксина совершил 130-километровый ледовый переход с острова Котлин по льду Финского залива к Выборгу. В период русско-шведской войны 1808–1809 годов русская армия совершила переход по льду Ботнического залива. В 1940 году во время Зимней войны 1939–1940 годов по льду Выборгского залива успешно прошла 70-я стрелковая дивизия. До революции с 1892 по 1913 год каждую зиму сооружали ледовую переправу через Волгу у Казани длиной 750–900 м. Эта переправа являлась первым примером инженерных сооружений для перекатки железнодорожных вагонов через замерзшую реку по льду. С 1895 года зимняя переправа строилась у Саратова, длина ледяного пути составляла 1500 м¹³.

Организация ледовой трассы через Ладогу теоретически была возможна, однако требовала тщательной и всесторонней подготовки. Вся работа была сосредоточена в Управлении тыла Ленинградского фронта, в частности в Автодорожном отделе под командованием военного инженера 1 ранга В. Г. Монахова.

Было известно, что, когда температура на озере падает за 5 дней до -4° , -5° , мелководная часть южного побережья Шлиссельбургской губы затягивается сплошным льдом, который, однако, по состоянию атмосферы либо окончательно устанавливается, либо уничтожается. Период окончательного замерзания южной части озера продолжается с конца октября до декабря. Озеро покрывается сплошным льдом только в самые суровые зимы, при обыкновенном морозе льдом покрываются только окраины верст на 20–30 от берегов¹⁴.

Характерной особенностью льдообразования на Ладожском озере является донный лед. Его куски, всплывающие на поверхность, перемешиваются, как правило, с песком и мелкой галькой, а с понижением температуры смерзаются, что приводит к образованию заберегов. В начале зимы они разрушаются волной, и разбитый лед выбрасывается на берег, образуя нагромождения в виде валов высотой 2–3 м. Донный лед оказывает большое влияние на структуру и прочность ледового покрова, так как вмёрзший песок, галька постепенно вымываются водой, и это ослабляет способность ледового покрова выдерживать нагрузку¹⁵.

Кроме сбора сведений о ледовом режиме, началось планирование перевозок по льду озера и подсчет средств для их организации. К работе были привлечены НИИ Гидрологический, Коммунального хозяйства, Дорожный, Институт водного лесотранспорта. Еще в начале сентября 1941 года А. А. Жданов¹⁶ поручил главному инженеру Морской обсерватории КБФ М. М. Казанскому подготовить подробный отчет о ледовом режиме. 1-е управление Уполномоченного Главного управления шоссейных дорог (Гушоссдор) обобщило все материалы и установило связь с Гидрологическим институтом для систематического получения прогнозов погоды и осенне-зимних ледовых и снежных явлений, а также долгосрочного прогноза ледовых явлений на реках и озерах Северо-Западного района Ленинградской области.

В подготовленном документе «Обследование выбора направления ледяной переправы через Ладожское озеро»¹⁷ говорилось о том, что замерзание озера происходит от берегов к середине, причем середина вовсе не замерзает, и в самые суровые зимы остается свободное ото льда пространство 15–50 км. Лед появляется у южного и восточного берегов, а затем замерзает вся Шлиссельбургская губа до маяка Кареджи за исключением фарватера Невы до мыса Кошкин. Замерзание всей губы происходит на 15 дней позже появления льда у берегов, то есть в начале декабря, однако толщина льда в этом месяце не превы-

шает 20 см. В январе толщина льда достигает 30–35 см, в феврале 40 и даже 50 см. Чем меньше глубина, тем относительно выше толщина льда. Суточные колебания уровня озера во время ледостава достигают 40–50 см и не превышают 70 см. В документе высказывалось предложение наметить два варианта ледовой трассы. Первый — от Осиновецкой гавани через банку Астречье на острова Зеленцы и далее Кобону: По второму варианту дорога должна начаться южнее бухты Осинец и идти в направлении маяка Кареджи и далее на село Черное.

Из вышеназванного документа следовало, что образование ледяного покрова можно ожидать предварительно с 1 декабря по 15 марта, то есть в течение трех с половиной месяцев. Предусматривалось строительство в определенной последовательности: при толщине 5–7 см — работы по разбивке трассы, организация специальной службы наблюдения за ходом льдообразования и определения его толщины, расчистка ходовых полос, установка телефонной связи. Затем должно было начаться строительство самой ледовой дороги, прежде всего съездов с берега на лед.

Автодорожный отдел подготовил пять вариантов проекта дороги, срок постройки которой устанавливался в семь дней с момента ледостава по трассе Осинец — мыс Кареджи, а на участке Кареджи — Кобона — Лаврово — станция Жихарево было решено приступить к работе немедленно и закончить ее к 25 ноября 1941 года (проект от 9 ноября).

13 ноября 1941 года был подписан приказ по тылу фронта «Об организации постройки ледяной дороги по водной трассе Осинец — маяк Кареджи» начальником тыла Ленфронта Ф. Н. Лагуновым. Руководство строительством было поручено инженеру 3 ранга Б. В. Якубовскому, под командование которого передали 1-й рабочий, 165-й строительный и 88-й отдельный мостостроительный батальоны (ОМСБ).

Зима 1941–1942 годов выдалась суровой, почти безветренной, малоснежной, зато с сильными морозами. В середине октября температура была около 0° С, 28 октября упала. В ночь с 10 на 11 ноября понизилась до -21°, но уже 15–16 ноября была короткая оттепель. Вторая короткая оттепель наступила в конце ноября и сопровождалась сильными ветрами, которые взламывали лед. В первых числах декабря установились тридцатиградусные морозы. Третья оттепель была уже в конце марта 1942 года¹⁸.

Наблюдения за состоянием ледового покрова Шлиссельбургской губы начались 7 ноября 1941 года, когда значительная часть ее была покрыта плавающим льдом. 13 ноября сплошной лед стоял южнее ли-

нии Морье — Кареджи, но 14 ноября лед взломало, а 15-го он снова смерзся. Такой характер ледового покрова объяснялся северо-западным ветром, который местные рыбаки называли «подсеверным». Чаше он взламывал лед в первой половине зимы, уносил от берега, нагромождал торосами. Необходимо было непрерывно вести ледовую разведку. С 15 по 19 ноября южную часть губы обследовали 12 разведывательных групп и рыбаки колхоза в Кокорево. Рыбаки имели в руках бамбуковые удилища, которыми они стучали об лед, чтобы определить по звуку его надежность. Разведчики видели, как подо льдом перекатывается вода. Озеро перейти не удалось, продвинулись лишь на 7–8 км, но начало трассы было определено. Одна из групп под командованием командира взвода 88-го ОМСБ М. С. Дмитриева доложила, что лед 14–15 ноября неоднороден и имеет толщину 2–3 см.

По словам старожилов, наиболее надежный путь пролегал от мыса Осиновец вдоль берега на банку¹⁹ Астречье и далее чуть севернее островов Зеленцы. Здесь фарватер пересекается в неглубоком месте и лед взламывается только при сильном ветре.

С 12 ноября 1941 года систематическое изучение ледовой обстановки в Шлиссельбургской губе вели также моряки Ладожской флотилии. Одновременно началась разведка и с восточного берега. 16 ноября по приказу Уполномоченного ВС Ленфронта генерала А. М. Шилова через озеро были направлены машины с мукой для Ленинграда. Толщина льда не превышала 12–13 см. Машины шли уступом, водители стояли на подножке. Первый отряд из 7 машин прошел от Кобоны 20 км, но лед кончился, и началась полынья. Выгрузив муку на лед, машины вернулись, также вынужден был вернуться и второй отряд, состоявший тоже из 7 машин.

17 ноября 1941 года из деревни Кокорево в направления островов Зеленцы — Кобона вышел в разведку отряд из 30 человек 88-го ОМСБ. Он был разделен на две группы — западного и восточного берега. Первая группа имела задание достичь Шлиссельбургской губы, обследовать ледовый режим и проложить на этом участке трассу. Вторая — достичь островов Зеленцы и после ночевки разделиться на два отряда, один из которых должен двигаться обратно, производя промеры глубины и толщины льда, а второй производить те же работы от островов Зеленцы до Кобоны. Возглавлял отряд опытный дорожник воентехник 2 ранга Л. Н. Соколов, командирами групп были М. С. Дмитриев, С. И. Ашевский, И. И. Смирнов. В отряд отобрали наиболее выносливых бойцов, имевших с собой винтовки, гранаты, запасы вещей, веревки и спасательные круги. 17 ноября в 12 часов дня в сопровожде-

нии двух проводников группы вышли из Кокорева. Двигались колоннами, впереди — командир группы, за ним проводник. Через каждые 300–400 м разведчики группы Дмитриева вмораживали в лед вешки. На 9-м километре путь преградила вода, было потрачено время на обход. Группа Ашевского дошла до островов Зеленцы и 18 ноября вернулась, в тот же день Соколов и Смирнов прибыли в Кобону²⁰, а с западного берега на восточный проехал по льду на лошади командир 64-го дорожно-эксплуатационного полка майор А. С. Матвеев.

Таким образом, в течение трех–пяти дней была осуществлена основательная разведка ледовой дороги по трассе Кокорево — банка Астречье — Зеленцы — Кобона. В то время это оказалось единственно возможным направлением дороги. 19 ноября материалы разведки были обработаны и систематизированы. Они показали: наименьшая толщина на маршруте — 4 см — была обнаружена 17 ноября в 5,5 км от западного берега у банки Железница. Далее лед имел толщину 9–15–22 см, постепенно утолщаясь к восточному берегу губы. Известно, что пехотинец может пройти по пресному льду толщиной не менее 5 см, всадник — не менее 10 см, для легковой автомашины и полуторатонного грузовика нужна толщина льда 15–20 см, для трехтонного — 20–30 см. На морозе лед быстро нарастал. Ф. Н. Лагунов, В. Т. Монахов и Б. В. Якубовский были вызваны к Жданову, и вечером 19 ноября приказ о создании ледовой дороги был подписан.

Пешеходное и гужевое движение по ледовой дороге предусматривалось открыть 22 ноября, движение автомашин — 25 ноября (фактически оно началось на три дня раньше намеченного срока). С 26 ноября дорога стала именоваться «ВАД-101», ее начальником был назначен В. Т. Монахов, с 7 декабря по 24 апреля 1942 года — М. А. Нефедов.

На озере шли работы по уточнению трассы в местах нагромождения торосов, у трещин, на въездах на берег. На трещины укладывали дощатые мостики, на берегу велись работы по расчистке дорог, строительству перевалочных платформ у мыса Осиновец, на станциях Ладожское Озеро и Ваганово строились землянки для личного состава воинских частей.

20 ноября 1941 года на восточный берег Ладожского озера отправился конно-транспортный полк М. С. Дурова — 350 упряжек. Погрузив мешки с мукой, он утром 21 ноября прибыл в Осиновец, доставив 63 тонны муки. В дальнейшем гужетранспортные подразделения насчитывали 1400 лошадей, на сани грузилось 5–6 мешков муки (до 400 кг).

21 ноября для практической проверки возможности движения по льду автомобильного транспорта начальник тыла Ленфронта

Ф. Н. Лагунов с военным прокурором Д. И. Фуксом и Б. В. Якубовским проехали на легковой машине с западного на восточный берег озера²¹, результаты были доложены ВС фронта. Так как морозы усиливались и толщина льда нарастала с каждым днем, было решено начать перевозки грузовыми автомобилями ГАЗ-АА. Вечером 21 ноября отправилась в путь разведывательная колонна из 10 грузовиков, в полночь она прибыла в Кобону. 22 ноября автоколонна в составе 60 машин под командованием капитана З. А. Порчунова вышла с западного берега на восточный за продовольствием. К машинам были прицеплены сани. Поздно ночью прибыли в Кобону, а 23 ноября вернулись и привезли 70 тонн ржаной муки. Ледовая дорога была открыта.

Первоначально проложили пять ниток трассы: две — под продовольственные грузы, две другие — для транспортировки военных грузов и одну запасную. На восточном берегу грузы подвозили со складов на станции Войбокало, но в связи с захватом немецкими войсками Тихвина (8 ноября 1941 года) базы снабжения были перенесены на станции Заборье и Подборовье, находившиеся в 300 км от восточного берега. Велось строительство фронтовой автомобильной дороги станция Заборье — Кобона (ВАД-2). 7 декабря обе дороги были соединены. Трасса всей дороги от станций Заборье и Подборовье до западного берега составляла 308 км, за один рейс автомашины должны были пройти 620 км, в пути находились по 10–20 суток. После освобождения Тихвина 9 декабря 1941 года перевалочные базы были возвращены на прежнее место.

Основное звено дороги проходило по льду. Работы по сооружению трассы продолжались до 15 декабря. В конце ноября толщина льда была всего 12–14 см, достигнув к январю 1942 года уже 60 см. До 15 декабря ледовую дорогу длиной 30 км проложили по направлению Кокорево — банка Астречье — Зеленцы — Кобона.

Сначала загрузка автомашины не превышала полтонны. Ледовые трассы имели двустороннее движение транспорта — для порожняка и груженого. Расстояние между полосами вследствие слабости льда было сначала 100 м, местами 150 м, по мере утолщения льда уменьшилось до 50 м. Дистанция между машинами держалась не менее 100 м. Первый период до начала января 1942 года был бесснежным. Машины двигались по зеркальной поверхности с трудом, буксовали, и шоферы иногда сворачивали в сторону, где виднелись полосы снега, нередко при этом проваливаясь под лед. Кроме того, транспорт сбивался из-за отсутствия ориентиров, иногда из-за отсутствия достаточного сцепления машин с гладкой поверхностью льда.

Много трудностей возникало вследствие трещин, появившихся в результате перепадов температуры в верхнем и нижнем слоях льда. Если температура верхнего слоя часто доходила до -30° , то нижний слой имел около 0° . Однако такие «температурные» трещины не представляли опасности для движения по льду транспорта. Опасными были «мокрые» трещины, из которых выступала вода и заливала дорогу. Эти трещины, как правило продольные, появлялись в результате резкого колебания уровня воды из-за динамических нагрузок, передаваемых колесами автомашин. Уже 26 ноября 1941 года движение автотранспорта пришлось переносить на новую трассу. За первый месяц работы ледовой дороги трассы менялись 4 раза, на отдельных участках — еще чаще.

На Ладоге в течение всего периода были и так называемые «постоянные трещины». Характер их образования целиком зависит от гидрологических и метеорологических условий озера. Это, в основном, связано с тем, что Ладога замерзает полностью редко и в центральной части остается свободное пространство. Сильными южными ветрами вода и лед отгоняются к северной части озера, и это ведет к понижению уровня воды, а следовательно, и льда в Шлиссельбургской губе. На мелководных местах лед опускается на дно. Сильное воздействие на лед оказывает северо-западный ветер. Колебания приводят к появлению трещин и торосов. Девятый километр был особенно опасным из-за постоянных подвижек льда.

Большую практическую помощь в организации работы ледовой дороги оказывала гидрометеослужба. Промеры по трассе делались с интервалом 100–200 м. Всего за первую блокадную зиму было проведено свыше 3640 измерений толщины льда. Гидрометеослужба составила и проанализировала множество ледовых карт, учла рельеф дна, очертания берега, колебания уровня воды. Прояснились закономерности ледового режима губы. Гидрометеорологическое обслуживание включало большую научно-оперативную и исследовательскую работу в штабе фронта: изучали промеры, составляли карты распространения льда, трещин, торосов, увязывали ледовую обстановку с погодой²².

Чтобы облегчить движение по льду и уменьшить потери транспорта, был организован пост наблюдения за состоянием льда. Для этого была создана специальная группа гидрологов и гидрометеорологов. На льду были созданы небольшие станции (офицер и два-три солдата), которые тщательно следили за изменением ледовой обстановки. Сигналы передавались, что позволяло переключать движение на новые трассы, доставлять к поврежденным участкам ремонтные материалы, мостовые конструкции.

С целью безопасности движения были созданы службы регулирования и дорожно-комендантские, аварийные команды. Была пущена в эксплуатацию телефонная, телеграфная и радиосвязь.

Решающим этапом работы трассы стал период с января по апрель 1942 года. Была создана диспетчерская служба, на обоих берегах организованы филиалы авторемонтных заводов, действовали пункты технической помощи на ледовой дороге.

Военно-автомобильная дорога превратилась в крупное хорошо организованное воинское подразделение тыловой службы. Всего части и учреждения ВАД насчитывали около 19 000 человек и 4000 машин. Сама организация перевозок осуществлялась Управлением ВАД, которое первоначально размещалось в Новой Ладоге, во второй половине января — в Жихарево, с 7 марта — в Кобоне.

Начальник тыла Ленфронта генерал Ф. Н. Лагунов утвердил общий план обороны ледовой дороги. Была создана наземная оборона: на льду Ладоги — две оборонительные укрепленные полосы, снежно-ледовые окопы и огневые точки, сооруженные из земли, дерева и льда. Охрану дороги обеспечивали зенитная артиллерия и истребительная авиация.

Ледовая дорога уже в феврале 1942 года дала возможность существенно улучшить снабжение города и фронта. Среднесуточная доставка грузов в ноябре-декабре составила 361 тонну, в январе — 1770 тонн, в феврале — 3360 тонн, в марте — 3690 тонн.

С 22 января 1942 года началась массовая эвакуация населения. За время — 152 дня — работы ледовой дороги с 22 ноября 1941 по 24 апреля 1942 года в Ленинград было доставлено 361 109 тонн грузов (70% — продовольствие), эвакуировано с 22 января по 15 апреля 1942 года 514 186 ленинградцев, в том числе 35 713 раненых²³, вывезено из города около 3 000 железнодорожных вагонов промышленного оборудования.

Ледовая дорога действовала и следующей зимой — с 24 декабря 1942 по 30 марта 1943 года. Задача этого периода — не только подвоз и вывоз, но и обеспечение всеми видами материальных средств частей Ленинградского и Волховского фронтов, готовившихся к прорыву блокады. 18 января 1943 года блокада была прорвана, но Дорога жизни продолжала работать. За весь период действия Ладожской коммуникации в Ленинград было доставлено 1500 тонн грузов и 450 000 человек, эвакуировано более 1 200 000 человек. В течение 500 дней она была поистине Дорогой жизни, связывавшей Ленинград с Большой землей.

¹ Гидрометеорологические данные о Ладожском озере, сведения о структуре и свойствах льда представлены в дореволюционных и довоенных изданиях: *Андреев А. П.* Ладожское озеро. СПб., 1875; Материалы Главного управления гидрометеорологической службы, Главной географической обсерватории Государственного Гидрологического института, ЛГУ, Географического общества СССР. Из послевоенных работ следует назвать: *Колесник С. В.* Ладожское озеро. Л., 1968; *Распопова И. М., Вилинбахов В. В., Горелова Э. М., Кириллова В. А.* Ладога. Петрозаводск, 1969; *Нежжиховский Ф. А.* Река Нева и Невская губа. Л., 1981.

² *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. Л., 1975. С. 63.

³ О прибытии двух барж в Осиновец в исторической литературе существуют разные мнения: в книге *Д. В. Павлова* «Ленинград в блокаде» сообщается о прибытии 800 т зерна; в работах *З. Я. Нейгольберга* «Ладожская водная трасса в 1941/42 гг.» и *В. М. Ковальчука* «Ленинград и Большая земля» приводятся данные, основанные на изучении материалов в Центральном архиве Министерства речного флота СССР.

⁴ *Ковальчук В. М.* Указ. соч. С. 81.

⁵ *Плисов Б. В.* Корабли, построенные в годы блокады Ленинграда. СПб., 1996. С. 6. Б. В. Плисов ныне живет в Ленинграде, в годы войны он был главным строителем на Петрозаводе. Историк судостроения, почетный член НТО им. акад. А. И. Крылова. Материалы, собранные им, легли в основу выставки, открытой на Английской наб., 44, и стали частью экспозиции.

⁶ Тендеры — небольшие стальные баржи с простейшими формами корпуса, грузоподъемностью 15–25 тонн, длиной 15 и шириной 4 м. На них устанавливались 75-сильный автомобильные двигатели, позволявшие развивать скорость до 6 узлов (11 км/час). Плоское дно и небольшая осадка позволяли им близко подходить к берегу. Команда каждого тендера насчитывала два-три человека.

⁷ *Ковальчук В. М.* Указ. соч. С. 221–223.

⁸ *Плисов Б. В.* Указ. соч. С. 6–7.

⁹ В действительности идея прокладки трубопровода родилась еще в конце первой военной навигации, когда на западный берег озера прибыл наливной танкер. Его разгрузкой руководил офицер отдела снабжения Д. Т. Архипов. После налета на танкер немецкой авиации он высказал мысль о необходимости прокладки трубопровода, которая была рассмотрена специалистами Главнефтеснабжения. Лагунов Ф. Н. (начальник тыла Ленфронта) сообщил об этом А. А. Жданову. ГКО рассмотрел этот вопрос и принял положительное решение. См.: *Воротников И. М.* Трубопровод по дну озера // На Дороге жизни. Л., 1970. С. 213–214.

¹⁰ В литературе можно встретить цифры 29 км и 30 км. Линейный трубопровод состоял из подводной части (около 21,5 км) и береговой (около 8,5 км), из которой на восточном берегу 690 м и на западном — более 7,7 км. См.: *Ковальчук В. М.* Указ. соч. С. 237.

¹¹ Подробнее см.: *Усов С. В., Наумовский Л. Д., Ежов Ж. И.* Техническое описание электропередачи «Волховская ГЭС — Ленинграду через Ладожское озеро» / Энергетический сборник Ленинградского отдела Всесоюзного

научно-технического общества энергетики и электросвязи. Вып. III и IV. Л., 1946. С. 113–118.

¹² Постановление Военного совета Ленинградского фронта о снижении норм хлеба // Ленинград в осаде. Сборник документов. СПб., 1995. С. 194.

¹³ Данные о переходах войск по льду представлены в работах: *Тельпуховский Б. С.* Северная война 1700–1721 гг., М., 1946; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808–1809 гг. СПб., 1841. Сведения о переправах имеются в кн.: *Навгородский Л. В.* Железнодорожные переправы. М., 1935.

¹⁴ Энциклопедический словарь. Изд. *Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон*. СПб., 1896. Т. 17. С. 239.

¹⁵ Эти сведения известны из записки смотрителя маяка на о. Сухо А. Захарова. См.: Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1906. Т. 41. С. 343.

¹⁶ Жданов Андрей Александрович — секретарь ЦК ВКП (б), первый секретарь Ленинградского ОК и ГК ВКП (б), член Военных советов Северного и Ленинградского фронтов, председатель комиссии по вопросам обороны Ленинграда, член Военного совета обороны Ленинграда.

¹⁷ Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 88–90.

¹⁸ *Иоселев Я. Х.* Озеро раскрывает тайны // На Дороге жизни. Л., 1970. С. 305.

¹⁹ Банка — небольшой участок водной поверхности, отличающийся от окружающей меньшей глубиной.

²⁰ *Смирнов И. И.* Разведчики трассы // На Дороге жизни. С. 93, 95, 99.

²¹ *Якубовский Б. В.* Ради тебя, Ленинград // На Дороге жизни. Л., 1970. С. 72–74.

²² *Иоселев Я. Х.* Указ. соч. С. 319.

²³ Отчет Городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 г. // Ленинград в осаде. Сборник документов. С. 302. В документе указаны различные категории эвакуированных, общая численность которых с 29. 06. 1941 по 15. 04. 1942 составила 1 295 100 человек.

И. А. Богданов

Эвакогоспиталь № 991

Война для гостиницы «Европейская» (ныне — Гранд-Отель «Европа», Михайловская ул., 2) началась в тот день, когда на фасаде здания, часть которого выходит на Невский проспект, установили уличный репродуктор. По воспоминаниям очевидца, «люди стояли и терпеливо ждали новых известий»¹.

Тяжелые дни переживал Ленинград уже в первые месяцы войны. В августе фронт придвинулся близко к городу. На самых подступах к Ленинграду шли напряженные бои. Число раненых увеличивалось с каждым днем.

К началу блокады при содействии Ленгорздравотдела в Ленинграде было развернуто двадцать четыре эвакуационных госпиталя, входивших в состав фронтового эвакуационного пункта. Однако уже к началу сентября 1941 года загрузка госпиталей составила 111%. Военно-санитарное управление фронта принимало экстренные меры к расширению системы госпиталей.

В гостинице «Европейская» в это суровое время «за счет оставшегося по ликвидации гостиницы хозяйственного инвентаря и дополнительного имущества, полученного по линии военно-медицинской службы» (говоря языком документа того времени), в спешном порядке разместили эвакуационный госпиталь № 991 для лечения хирургических больных. Госпиталь был сформирован к 12 сентября 1941 года; прием раненых начался уже 15 сентября. Под палаты были отведены все 400 номеров гостиницы. Поначалу госпиталь был рассчитан на 1000 коек, однако уже через пятнадцать дней после его открытия здесь проходили лечение 1250 человек (солдат и офицеров).

Чтобы переоборудовать номера и служебные помещения гостиницы под медицинское учреждение, от всех сотрудников госпиталя

потребовались поистине героические усилия. Уже к концу сентября удалось открыть семь хирургических отделений (главным хирургом сначала был Ф. А. Копылов), операционный блок, семь перевязочных, физиотерапевтический, рентгеновский, лечебной физкультуры и зубоучебный кабинеты, а также клиническую лабораторию. В декабре начало действовать терапевтическое отделение на двести коек. Здесь же работала аптека, в которой лекарства изготовлялись даже в тяжелые зимние месяцы, когда госпиталь был лишен отопления, водопровода, электричества. В подвале было оборудовано бомбоубежище на сто пятьдесят человек.

В нижних этажах, где расположился операционный блок, размещались тяжелооболеченные. В верхних этажах находилось отделение для легкораненых, которые могли передвигаться. Большинство (примерно 90%) составляли раненые, но в госпитале лечились и истощенные голодом или пострадавшие от авиабомб и артиллерийских выстрелов горожане.

Медицинскому персоналу, делившему с пациентами все тяготы блокадной жизни, приходилось трудиться в поистине экстремальной обстановке, весьма близкой к фронтовой по степени риска и тяжести условий: медики входили в состав ПВО и дежурили на крыше гостиницы и соседних зданий; врачи не расставались с боевым оружием, а свои медицинские обязанности совмещали с изучением боевой и строевой подготовки. В этих занятиях участвовали все сорок три врача. По архивным документам удалось восстановить фамилии лишь немногих из них: это ортопед Д. Н. Федоров, ординатор В. Д. Беленков, военврач О. Г. Гельзандт, стоматолог Л. А. Крупникова, терапевт В. П. Козлова, старший хирург военврач 2 ранга А. В. Зубков, хирург военврач 3 ранга А. П. Бубнова, Н. А. Брыкин, бывший одно время комиссаром госпиталя. Военкомом был старший политрук Масленников, которого сменил Турмилов, а потом пришел батальонный комиссар Никитин; политруком был В. Тихонов (после войны директор ресторана «Метрополь»).

Ко времени зачисления на службу в госпиталь многие из них уже успели отличиться на полях боевых сражений; имена некоторых были известны еще в первый год войны. Например, об А. П. Бубновой поэт И. Авраменко писал:

К месту боя тропой неровной
Под метелицы волчий плач
Антонина идет Петровна —
Наш военный товарищ — врач.

Полушубок на ней дубленый,
Сбоку — сумка и пистолет,
Легким иномобилем убранный
Сверху синий простой берет.

В 1981 году мне удалось разыскать Т. Я. Лудрика, военврача I ранга, бывшего начальником эвакогоспиталя № 991 с конца октября 1941 года по 19 февраля 1942 года (до него начальником госпиталя был доктор медицинских наук Липкевич, а после 19 февраля 1942 года — военврач 2 ранга Качковский). После войны Тсодор Яковлевич поселился в Риге, откуда я и получил от него два письма. Из них я узнал, что начал он войну начальником военно-полевого госпиталя № 88 19-го стрелкового корпуса 23-й армии. После закрытия госпиталя в «Европейской» он был отправлен на фронт и дошел до Берлина.

Помимо своих профессиональных обязанностей врачи госпиталя во главе с Лудриком выполняли и другую работу, которую за них сделать было некому: заколачивали окна фанерой, заклеивали уцелевшие стекла бумажными полосками («Европейская» предстала вся оклеенная ровно и изящно, в одном узоре), — вспоминал художник Б. Ф. Семенов²), ставили буржуйки, ходили за водой к Неве.

Мне удалось встретиться и поговорить с некоторыми людьми, пережившими то время. Их рассказы стали документальной основой статьи.

Ленинградка О. А. Кутузова-Чернова пришла в этот госпиталь по окончании школы вместе с подружкой Надей (Надежда Дмитриевна Прусова погибла в бою в мае 1945 года). Она и сегодня помнит, что в просторном зале над главным входом размещалась операционная, где хирурги работали круглосуточно. Тяжелораненых с помощью специального подъемника поднимали вместе с носилками в операционную через окно второго этажа. Тяжелее всего, по воспоминаниям Ольги Александровны, приходилось тогда, когда нужно было переносить раненых в бомбоубежища во время воздушных налетов, а делали это иногда по несколько раз в день. Там же, в бомбоубежище, хранились и статуи, украшавшие гостиницу, одна из них и сейчас находится на парадной лестнице отеля³.

В бомбоубежище работала мать З. М. Виноградовой, а ей самой было тогда, в 1941 году, семнадцать лет. Жили они с матерью в бомбоубежище, а днем Зоя Михайловна работала официанткой — разносила еду по палатам. Она вспоминает, что раненые лежали на всех пяти этажах гостиницы (пищу разносили и бывшие официанты, хлеборезы и овощерезы «Европейской», которые уже в октябре 1941 года переквалифицировались в санитаров). За эту утомительную работу (суп разносили в вед-

рах) девушку кормили. Виноградова запомнила, что в октябре по коридорам «Европейской» бегали кошки, а потом их не стало.

Варвара Филипповна Зернова, работавшая в эвакогоспитале медсестрой, брала с собой в «Европейскую» сына, которому в конце 1941 года было два с половиной года. Раненые подкармливали ребенка, и ему позволялось ходить по палатам. Владимиру Борисовичу исполнилось шестьдесят, когда мы с ним встретились в 1999 году. Он рассказал мне о том, что пациенты госпиталя верили, будто бы от его тела исходили целебные силы. Раненые брали мальчика на руки, прижимали к тому месту, где была рана, и им казалось, что она заживает быстрее. Была даже очередь, которую составляли те, кто хотел подержать его на руках.

Семнадцатилетней девушкой пришла в эвакогоспиталь и С. Н. Ольховская; здесь лежал ее раненый отец. Светлана Николаевна записалась на краткосрочные курсы медсестер и, еще не закончив их, ухаживала за ранеными. Жила она тогда на 3-й линии Васильевского острова. От сфинксов шла по тропинке, вытоптанной в сковавшем Неву льду; на Невском были огромные сугробы. Иногда возвращалась затемно, рискуя попасть под бомбежку, иногда оставалась в гостинице, пристроившись на диване в дальнем углу коридора.

До войны в ресторане «Европа» работала официанткой Т. В. Лермонтова; ей приходилось обслуживать известных людей — например, народного артиста СССР К. В. Скоробогатова, поэта С. В. Михалкова. С открытием в гостинице госпиталя она снова стала официанткой и в помощницы к себе пригласила подруг — Е. Хохлову и артистку балета М. С. Орлову. Татьяна Владимировна работала в эвакогоспитале с сентября 1941 до августа 1942 года.

Дружинниц-санитарок для эвакогоспиталя № 991 готовили в райкоме Красного Креста, помещавшемся в 1941 году в одном из домов в Щербаковом переулке. Заведовала райкомом Ф. Г. Григорьянц, учебной частью — Е. Ф. Валк, которая рассказывала мне, что не однажды посещала в «Европейской» военкома госпиталя Никитина.

Л. А. Дмитриевой было девятнадцать лет, когда она вместе с другими третьекурсниками филологического факультета Ленинградского университета (Н. Таманцевым, А. Корнеевым, Г. Гармаш) поступила в сентябре 1941 года в эвакогоспиталь в так называемую «строевую часть», начальником которой был Л. А. Крепс. В обязанности студентов входило заполнение карточек на вновь прибывших. Спустя некоторое время Любовь Александровна стала звеньевой — следила за порядком во время бомбежек. Жила она на четвертом этаже, в 42-м номере, который запомнился ей обледенелыми стенами в ноябре 1941 года.

Раненые, по ее воспоминаниям, жгли в тазах костры, рубили на дрова инкрустированные золотом рояли; к концу года не пожалели и белый рояль, который стоял в помещении бывшей читальни в бельэтаже. В сентябре в этом помещении устраивали танцы, а за инструмент усаживался врач Беленков, который незадолго перед войной закончил Медицинский институт (в эвакогоспиталь он пришел вместе с однокурсником Китновским). Замполитом госпиталя с сентября 1941 по август 1942 года был отец Любови Александровны, А. Г. Дмитриев, до войны директор одной из ленинградских школ.

П. Г. Каминский был тяжело ранен в жестоких боях на Невской Дубровке и 26 ноября 1941 года с обморожением обеих ног второй степени был доставлен в госпиталь на улице Бродского (ныне Михайловская). Тогда ему было девятнадцать лет. Его поместили в номер, выходящий окнами на площадь Искусств. Это был дорогой гостиничный номер — с мягкой мебелью, картинами на стенах и бронзовой люстрой. Рядом на кровати лежал еще один раненый. Поскольку Павел Гаврилович был лежачий больной, то, как он мне рассказывал, во время бомбежек оставался в палате один, а бомбежки, особенно в конце года, были ежедневными. Раз в месяц лежачих больных выносили на носилках в подвал гостиницы; там стояли ванны, в которых их и мыли.

В одной из палат, рассчитанной на шесть пациентов, с ноября 1941 по март 1942 года лежал В. И. Власов. Он также поделился со мною воспоминаниями о времени, проведенном в «Европейской» в первую блокадную зиму. Раненые спали в шапках-ушанках, в обмундировании, а сверху их накрывали еще и матрасами. Нередки были случаи, когда кто-то из больных отмораживал руку, высунувшуюся во время сна. Рядом с кроватью Владимира Ивановича стоял стул, на котором он поставил железную коробку от телефонного аппарата; в ней он жег лучины — грел таким образом руки; буржуйки нещадно дымили, а тепла давали как костер — только во время топки. На мой вопрос, чем кормили раненых, он отвечал тогдашней присказкой: «Крупина за крупинкой бегала с дубиной». «Крупинки» варили в воде, прибавляя жмых, получалась «дуранда».

Свидетелем происходившего в ту пору в «Европейской» был писатель А. А. Фадеев. Вот что он увидел: «В роскошных номерах пришлось поставить железные печурки и на паркетном полу рубить дрова, когда их удавалось достать, а когда не удавалось — рубить мебель на дрова. За ранеными не успевали выносить. Все унитазы, ванны были завалены калом и отбросами, все это тут же обледепело. Медицинский персонал валился с ног от голода, холода и непосильного труда. Но до весны тысячи раненых были поставлены на ноги»⁴.

К этому прибавлю услышанное мною от В. И. Власова: в палате, в которой он находился, был камин, отопительное устройство несомненно более прожорливое, чем буржуйка. Немало мягкой мебели и стульев сгнуло в его утробе... Поскольку канализация не работала, то ванны в номерах использовали вместо унитазов.

С обострением обстановки на фронте работать всему медицинскому персоналу приходилось с каждым днем все труднее — скудел паек, не хватало хирургических инструментов, количество раненых постоянно увеличивалось (к концу 1941 года их было в госпитале 1300 человек). Однако, несмотря на тяжелейшие условия, труд врачей являл собою образец мужества и высокого профессионализма.

Врачи ежедневно проводили утренние конференции с подробным разбором лечебных и санитарных вопросов. Профессиональная подготовка медицинских работников подкреплялась и за счет их участия в общегородских научных конференциях с последующими отчетами на совещаниях города. Сюда часто приглашали лекторов. Перед врачами госпиталя выступали профессор Козловский, Залькиндсон.

Врачи делили с ранеными все тяготы блокадного времени. Они жили здесь же, в помещении гостиницы, отдавали большую часть своего скромного пайка раненым, помогали писать письма больным. П. Г. Каминский вспоминал, что в госпитале был «удивительный персонал», а медсестра З. Иванова запомнилась ему особенной заботливостью и душевным расположением. Вот, по воспоминаниям Павла Гавриловича, из чего состоял обед «постояльцев» «Европейской» конца 1941 года: сваренная в воде мука, бобы, кусочек сухаря или полкуски, если сухари вовремя не завезли, чайная ложка сахара, маленький кусочек масла (но не каждый день). Л. А. Дмитриева помнит «зеленые щи», состоявшие из травы, лебеды и крапивы — но это «блюдо» из «меню» весны 1942 года.

Ноябрь 1941 года принес тяжелейшие испытания. Наступили морозы. Температура в некоторых палатах опустилась до -6 — 8° , то есть была практически такая же, что и на улице. Стены некогда роскошных номеров гостиницы покрылись инеем. Выбитые окна заколотили фанерой. Отсутствие дымоходов не позволило повсеместно пользоваться «буржуйками»; в основном из окон первого этажа торчали железные трубы печек, которые дымили в зимние дни. Тяжелораненых переместили в отапливаемые комнаты. От недоедания и холода участились случаи заболевания среди медицинского персонала.

21 января 1942 года прекратилась подача электроэнергии (на каждом этаже висело лишь 3–4 керосиновых фонаря), а затем и воды,

зато раненым чуть-чуть увеличили довольствие. Ослабевшие работники госпиталя привозили в гостиницу воду, которую брали в Неве и везли по Невскому, поддерживая друг друга, спотыкаясь и падая. Ведро составляли в вестибюле гостиницы; вода в них тут же покрывалась ледяной пленкой.

Отсутствие воды и невозможность помыться представляли для многих неимоверные физические и моральные страдания. Как праздник вспоминает сегодня Л. А. Дмитриева тот день в феврале 1942 года, когда один знакомый офицер предложил ей помыться в походной бане в Главном штабе.

В феврале удалось установить в «Европейской» двигатель, обеспечивший аварийное освещение и водяное отопление. Второй двигатель, позволивший дать электроосвещение в коридорах и местах общего пользования, был смонтирован в марте 1942 года. Тогда же продовольственный паек для всех был еще раз немного увеличен.

К концу марта все больные стали получать горячее питание, а также витамин С в виде настойки хвои, изготовлявшейся на ликероводочном заводе. В апреле настойку хвои готовили и в госпитальной лаборатории, которой руководил профессор А. Д. Безуглов. Бесценные витамины стали получать и медицинские работники госпиталя.

13 марта 1942 года в госпиталь поступила медсестрой Е. С. Алимпиева. Как рассказывала мне Евгения Станиславовна, в палатах к тому времени оставались только нетранспортабельные раненые, которые лежали в гипсовых кроватях; было 10 медсестер; они несли караульную службу, занимались уборкой, красили закопченные до черноты стены гостиничных номеров, ездили на разборку деревянных домов и в Ботанический сад, где им показывали, какие растения съедобные, а какие — нет, разгружали дрова на железнодорожной станции, а когда выдавалась свободная минута, бегали через улицу Бродского в Филармонию, читали книги, взятые в гостиничной библиотеке, которой заведовала девушка по имени Инна.

В апреле 1942 года Военный совет принял решение о закрытии госпиталя № 991 и проведении восстановительных работ в помещениях гостиницы. Раненых стали перевозить в другие стационары. Упомянутый выше Каминский был выписан из госпиталя 12 апреля 1942 года. На память о пребывании в нем он прихватил с собой серебряную ложку с надписью «Европа», которую носил с собой всю войну (в ту блокадную зиму использовали посуду и приборы из гостиничных ресторанов).

На общем собрании врачей, состоявшемся в конце апреля, решено было силами медицинского и обслуживающего персонала «под-

лечить» здание, давшее приют тысячам защитников города. Начальником «объекта» был назначен И. М. Додзин — «невысокого роста, необычайно энергичный, малость крикливый человек». С ним встречался и Фадеев, оставивший такую его характеристику: «Маленький человек с большими черными глазами и спускающимися с висков черными бачками, что делает его похожим на офицера Отечественной войны 1812»⁵. По воспоминаниям Алимпиевой, кабинет Додзина (бывший № 6) находился в бельэтаже и состоял из двух комнат.

Он пришел в гостиницу «со всем своим медицинским персоналом. И все, начиная от сиделки и санитара и кончая главным врачом и начальником госпиталя Додзиным, стали своими руками очищать здание от отбросов. Презрев всякую брезгливость, они таскали их ведрами, лоханками, вывозили на тачках. Из этого громадного помещения было вывезено около трехсот грузовиков кала и мусора»⁶.

Додзин располагал другой статистикой: «Мне Военный совет дал пять полуторок, и каждая сделала сто ездов»⁷.

Работы велись до июня. Была восстановлена канализация, отремонтированы окна и двери, натерты полы и вымыты стены. Чудом сохранившаяся мебель была отреставрирована и покрыта лаком. Врачи были откомандированы в другие госпитали на курсы повышения квалификации, хотя, казалось бы, за время пребывания в гостинице они научились делать все.

Были среди работавших в госпитале и такие, кто наотрез отказывался покидать гостиницу, выражая готовность выполнять любую работу. С незапамятных времен служили в «Европейской» тетя Паша и тетя Маша — сначала горничными, потом коридорными (в советское время слово «горничная» попало в разряд старорежимных и было изъято из оборота) и, наконец, уборщицами. В этом последнем качестве их и застала война. Когда в «Европейскую» пришел Додзин, чтобы подготовить отель к закрытию, к нему явились обе женщины и принялись слезно просить оставить их «при гостинице», где прошла вся их жизнь. Начальник оставил обеих, перевел их на «котловое довольствие», а когда выдавалась свободная минута, слушал рассказы старожилов о том, в каком номере «хотеля» повесился растратчик, а в каком проживал государственный преступник, по следам которого шли агенты уголовного розыска...

Писатель А. Розен, рассказавший эту историю в своих воспоминаниях о блокадном времени, приводит там же и такую небезынтересную подробность. Как-то ему позволили остаться на несколько дней в «Европейской», но спать там он не мог — «замучили крысы».

Тварей очень интересовал паек обитателя номера. Розен нашел следующий выход из положения: он прятал паек в лампе, висевшей высоко под потолком, вслед за тем закрывался с головой шинелью и пытался заснуть⁸. (Как мне рассказывала Е. С. Алимпиева, по гостиничному двору, не таясь, бегали крысы величиной с зайца.)

В 1942 году в гостинице жили моряки штаба батальона по строительству огневых точек. Они занимались размещением в городе укреплений и завалов на случай боев в городе. О войсках внутренней обороны города в литературе о блокадном Ленинграде упоминаний практически нет, однако они проводили большую работу; город был разбит на участки, были сформированы «оборонительные полосы», а бойцам батальона разрешалось занимать любые помещения учреждений и жилых домов под нужды обороны города, возводить баррикады, устраивать скрытые подходы и т. д. Батальон моряков из бригады подводных лодок Балтийского флота разместился тогда в гостинице «Европейская», поскольку контролировал участок от Зимнего дворца до Фонтанки⁹.

От бомбежек и артобстрелов «Европейская» пострадала не столь сильно, как многие другие дома центральной части города. Лишь один крупный снаряд попал в окно первого этажа той части здания гостиницы, которая выходит на Невский проспект.

Наконец работы были закончены, и Фадеев увидел «прекрасное, светлое, поблескивающее свежеекрашенными стенами и полами здание». Только одно показалось ему странным — стены одних номеров, бывших палат, были выкрашены тщательно, других же — кое-как. Все очень просто, объяснил Додзин: «Одни палаты красили женщины, а другие — мужчины. Женщины и работали аккуратнее, и краски выбирали понежнее — какую-нибудь голубенькую или розовую. А наш брат разводил в ведре гадость — и давай смолить во всю стену»¹⁰.

В марте 1942 года город очищали от нечистот; были востребованы и работники эвакогоспиталя № 991, которым достался участок от «Европейской» гостиницы до Аничкова моста. С этой работой они справились, а в награду, по воспоминаниям Л. А. Дмитриевой, некоторых сотрудников госпиталя провезли в трамвае 15-го маршрута, который после первой блокадной зимы проехал по Невскому проспекту от Московского вокзала до Казанского собора.

По окончании работ гостиница была законсервирована, 1 августа 1942 года эвакогоспиталь был расформирован, и до 1945 года в «Европейской» не происходило ничего заслуживающего быть запечатленным в ее истории.

Но отмечу такое обстоятельство: когда гостиница вошла в строй после войны, она отгородилась суровыми, почти неподкупными швейцарами от жителей города, в том числе и от тех, кто лежал здесь в госпитале или лечил раненых. Все те, с кем мне довелось беседовать о пребывании в эвакогоспитале № 991, говорили, что после войны не были в гостинице ни разу — об этих людях попросту забыли; даже табличку никто не удосужился установить в вестибюле гостиницы, которая напоминала бы о том, что здесь размещался госпиталь.

События полувековой давности хранятся в памяти еще живых бывших больных и персонала эвакогоспиталя № 991. Вот еще о чем узнал я, беседуя с ветеранами в конце 1990-х: на одном из этажей «Европейской» жили политработники с семьями. Они и здесь не оставляли медперсонал и раненых без своей опеки: вели политзанятия, выявляли политически неблагонадежных. Одна пожилая женщина, работавшая тогда медсестрой, вспоминала: когда проходили по коридору мимо номеров этих обитателей гостиницы, оттуда веяло теплом. Кому-то и в блокаду жилось уютно, при семье и камине, но подавляющее большинство подвергалось огромным страданиям и незаслуженным унижениям.

¹ Кулагин Г. Дневник и память. Л., 1978. С. 16.

² Сурис Б. ...Больше чем воспоминанья. СПб., 1993. Кн. 1. С. 71.

³ Фадеев А. Ленинград в дни блокады. М., 1970. С. 197. Далее — Фадеев.

⁴ Розен А. Разговор с другом. Л., 1973. С. 22–23. Далее — Розен.

⁵ Фадеев. С. 198.

⁶ Розен. С. 23.

⁷ Там же. С. 97, 128.

⁸ Ленинградская правда. 22 августа 1984; Память. Л., 1985. Т. 1. С. 104.

⁹ Фадеев. С. 198; Богданов И. Блокадные санатории // Нева. 1999. № 1. С. 210–215; Богданов. И. Гостиница «Европейская». Л., 1991. С. 36–39; Военно-медицинский музей МО РФ. Архив военно-медицинских документов. Ф. 2604. Оп. 70502/6, 7, 8; Богданов И. Эвакогоспиталь № 991 // Диалог. 1988. № 16. С. 16–18.

¹⁰ Фадеев. С. 198.

М. А. Ткачева

Детские музыкальные школы Ленинграда в годы блокады

Публикаций о роли детских музыкальных школ (ДМШ) в культурной жизни блокадного Ленинграда очень мало¹. Настоящая статья является попыткой восстановить некоторые страницы истории ДМШ Петроградского района и государственной музыкальной школы им. Н. А. Римского-Корсакова.

К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде было шесть районных детских музыкальных школ — в Василеостровском, Красногвардейском, Ленинском, Московском, Петроградском и Фрунзенском районах. В школе им. Н. А. Римского-Корсакова обучались взрослые, но имелось и детское отделение². Школы входили в структуру Городского управления по делам искусств, которое возглавлял Б. И. Загурский — талантливый организатор, преданный делу и внимательный к людям руководитель. Отделом музыкальных учебных заведений руководил В. А. Коллар.

С первых дней войны ушли добровольцами в армию директор ДМШ Фрунзенского района А. С. Дукаревич³, в народное ополчение — директор школы им. Н. А. Римского-Корсакова К. К. Архипов⁴. Педагог ДМШ Петроградского района С. Б. Рыбаков был мобилизован в армию в декабре 1941 года⁵.

Городские власти использовали здания музыкальных школ для военных нужд. Так, в Ленинском и Московском районах их заняли команды МПВО, во Фрунзенском — прокуратура⁶, в школе Петроградского района размещались последовательно отряд медсестер-добровольцев, Детский приемник-распределитель, курсы иностранных языков, а затем общеобразовательная школа № 82⁷. В блокаду школа им. Н. А. Римского-Корсакова находилась по адресу: улица Некрасова, 4/2, в помещении Музыкального училища при Консерватории.

Приближение врага к Ленинграду заставило принять решение о консервации детских музыкальных школ с 1 сентября 1941 года. Детей надо было как можно скорее эвакуировать. Педагогов предупредили об увольнении; в штате школ были оставлены лишь старейшие преподаватели с сохранением им окладов в пределах 70 % ставки.

В школах Василеостровского и Фрунзенского районов занятия прекратились, а в Ленинском, Петроградском и Красногвардейском — продолжались. Управление по делам искусств не усмотрело в этом нарушения, так как, согласно мнению Загурского, «надо было сохранить связь педагогов и учащихся»⁸.

Особое упорство в продолжении работы с музыкально одаренными детьми проявили педагоги школы Петроградского района. 1 сентября 1941 года учащиеся пришли на занятия как в мирное время. Директор школы Ф. А. Цареградский получил разрешение на начало занятий по классу фортепиано, скрипки, виолончели и теории музыки. По классу фортепиано занятия вели Р. М. Швейцер, Б. Я. Бурштейн, Э. И. Шауфлер, Т. Д. Сергеева, Ф. А. Цареградский, Н. П. Заблоская, Е. А. Фонберштейн и А. С. Замков; по классу виолончели — И. А. Натансон; по теоретическим предметам — Н. Н. Сергеева и Р. М. Непорент⁹. К занятиям приступили 96 учащихся¹⁰, но 15 сентября 1941 года был издан приказ об их прекращении¹¹. Несмотря на это, занятия по классу рояля в школе Петроградского района продолжались с учащимися на дому до октября¹², когда все педагоги были мобилизованы на оборонные работы¹³. В школах Московского и Красногвардейского районов в сентябре–ноябре 1941 года также пытались продолжать работу с учащимися старше 13 лет.

Школа им. Н. А. Римского-Корсакова работы не прекращала. К началу 1942 года в ней было 56 учащихся и восемь педагогов. На 16 января 1942 года по классу фортепиано вели занятия Н. Л. Беляева, В. А. Николенко, Ю. В. Рейснер, Е. О. Вайнтрауб (21 ученик); по классу вокала — А. Г. Бутова, А. Н. Платонов, Н. И. Максимова, Е. М. Малинина, А. М. Песоцкая, Валицкая, Дадзурабов (44 ученика); по классу скрипки — М. С. Блиндер (3 ученика); по классу виолончели числилось два ученика¹⁴. Учебный план был сокращен — учащиеся занимались один-два раза в неделю, что позволяло совмещать учебу с работой на производстве или с уроками в средней школе. В большинстве случаев занятия проходили дома у педагогов¹⁵.

Музыкальные школы делали все, что было в их силах, для сохранения педагогических кадров и продолжения работы. Так, сохранил-

ся, например, приказ администрации ДМШ Петроградского района от 15 января 1942 года о назначении преподавателя фортепиано Е. А. Фонберштейн истопником. Она исполняла эти обязанности до конца отопительного сезона¹⁶, и, возможно, именно рабочая карточка, давшая прибавку к скудному продовольственному пайку служащих, спасла ей жизнь.

Голодной зимой 1941–1942 годов умерли многие педагоги, продолжавшие трудиться до последнего дня: из преподавателей школы им. Н. А. Римского-Корсакова — Е. Д. Фомина, А. М. Песоцкая, Ю. В. Рейснер, А. Н. Платонов, при этом Е. Ф. Мольмгрен скончался во время урока¹⁷; в школе Красногвардейского района — ее директор А. Н. Вишняков; в школе Петроградского района — педагоги Н. П. Заблоцкая и Р. М. Швейцер.

Весна 1942 года несла с собой тепло и надежды. В приказе, посвященном Международному женскому дню 8 марта, директор школы имени Н. А. Римского-Корсакова Коллер отметил самоотверженную работу трех педагогов и премировал Н. Л. Фомину и А. Г. Бутову. В приказе подчеркивалось, что усилия этих женщин способствовали продолжению деятельности школы в суровых условиях блокады¹⁸. В марте, апреле и мае 1942 года число учащихся в школе не опускалось ниже 65 человек. Самыми многочисленными были классы фортепиано у Н. Л. Беляевой (14–18 человек) и вокала у Е. М. Малининой (8–10 человек)¹⁹.

Удивительную настойчивость и энергию проявили педагоги ДМШ Петроградского района, добиваясь возобновления нормальных занятий в школе. Они предложили, в частности, открыть прием детей в школу на бесплатной основе, чтобы выявить количество желающих посещать занятия. Управление по делам искусств согласилось с предложением, хотя оно требовало дополнительных бюджетных расходов. С 1 апреля по 1 августа 1942 года проводились бесплатные уроки, показавшие, что десятки детей стремились возобновить занятия музыкой²⁰. 2 июня в состав учащихся зачислили 46 человек по классу фортепиано и пять по классу виолончели²¹. С 1 мая начал занятия И. П. Аркадьев — педагог по теории музыки и сольфеджио, что свидетельствует о некотором приближении учебного плана к норме.

Школа работала в крайне тяжелых условиях. Она по-прежнему ютилась в трех–четырех небольших комнатах служебного флигеля бывшего особняка С. Ю. Витте (Каменноостровский проспект, 5),

Репетиция перед выступлением в госпитале.

На переднем плане Марина Сергеева (Ткачева). 26 июня 1942 г.

в то время как в самом особняке размещалась общеобразовательная средняя школа № 82. В самом большом из музыкальных классов стоял рояль, в остальных — пианино.

Стремясь увеличить количество учащихся, педагоги школы Петроградского района попытались развернуть работу непосредственно в детских домах и детских садах. Восемь педагогов — А. С. Замков, В. С. Майзель, Е. А. Левман, Л. Е. Аркадьева, О. В. Никитина, Е. А. Фонберштейн, Н. М. Цыбулевская, Т. М. Евдокимова, И. П. Аркадьев были прикомандированы к конкретным детским учреждениям²². Однако развить это начинание не удалось. 28 августа 1942 года Управление по делам искусств издало приказ о консервации школы и увольнении педагогов с 15 августа²³, но директор школы М. М. Фарафонов добился отмены этого решения. В приказе по школе № 492 от 18 сентября сообщалось, что Управление разрешило возобновить занятия с 1 октября на условиях самокупаемости²⁴.

Дети и педагоги были истощены. Мне отчетливо вспоминается Т. М. Евдокимова, на руке которой свободно болтался браслет с часиками, которые, казалось, вот-вот разобьются о клавиатуру. Фотография, сделанная корреспондентом ТАСС в июне 1942 года, свидетельствует о том, как исхудали запечатленные на ней завуч И. П. Аркадьев и ученики Неля Балакирева, Боря Милавин и Марина Сергеева.

Детская музыкальная школа Петроградского района продолжала свою деятельность даже тогда, когда во всех других районных ДМШ жизнь замерла. В декабре 1942 года по классу фортепиано у педагогов Т. М. Евдокимовой, Н. М. Цыбулевской, Р. А. Вургафт и М. Я. Сокольской обучался 41 человек, по классу скрипки у И. П. Аркадьева — пять, а по классу виолончели у Н. В. Храмова — двое. Возобновились и теоретические занятия²⁵. В январе 1943 года были проведены первые испытания, на которых только пять человек получили похвальные оценки²⁶.

В условиях блокады работа педагогов предполагала не только выполнение ими профессиональных обязанностей, но и многочасовые дежурства, проведение политзанятий и заготовку дров. На лесозаготовки направлялись М. М. Дудорина, П. Д. Певцова, М. Я. Сокольская, В. Ф. Гайдукевич; 40 кубометров дров погрузили, разгрузили и уложили Т. М. Евдокимова, Р. А. Вургафт и П. С. Любченко²⁷.

Педагоги и ученики школы имени Н. А. Римского-Корсакова также заготавливали дрова, разбирая в районе Шувалова пустовавшие деревянные дома²⁸. Летом 1942 года в этой школе были проведены зачеты и небольшой концерт. 5 июля решением Военного совета Ленинградского фронта Музыкальное училище имени М. П. Мусоргского, на базе которого работала школа, было законсервировано. Учащиеся и часть педагогов перешли работать в школу. Завуч Н. Л. Беляева писала в своем дневнике, что число учащихся в 1942–1943 учебном году достигло 300 человек. Их разделили на три группы: ДМШ, училище и школу для взрослых. Каждая из групп имела свой учебный план. Среди учащихся были участники фронтовых концертных бригад, трудящиеся предприятий города, демобилизованные воины. Работу вели 24 педагога по классу вокала, фортепиано, скрипки, виолончели, баяна, альты, гитары и фагота²⁹. На фортепианном отделении, самом большом по численности, возраст учащихся колебался от 9 до 32 лет. К 1 января 1943 года в школе насчитывалось 35 детей в возрасте до 18 лет. Творческие отчеты по классам, проведенные осенью 1942 года, показали хорошие результаты³⁰.

18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана, однако испытания военного времени для ленинградцев не закончились. Самым тяжелым среди них в 1943 году стали артиллерийские обстрелы. ДМШ Петроградского района в 1943 году трижды подвергалась арт-обстрелам: здание получило наружные и внутренние повреждения, пострадал инвентарь и музыкальные инструменты³¹.

Весной и летом 1943 года концертная бригада, созданная в школе, выступала перед ранеными в госпиталях района. Администрация ДМШ настояла на том, чтобы участники концертов были освобождены от отправки на сельскохозяйственные работы в пригороды Ленинграда. Юным музыкантам было от 8 до 15 лет. Несколько месяцев систематической учебы позволили им подготовить репертуар, включавший русскую и иностранную классику, в том числе и немецкую, и народную музыку. Концерты неизменно заканчивались аплодисментами благодарных слушателей, а исполнители награждались тарелкой каши.

В отчете ДМШ Петроградского района за 1943 год упоминается, что актив педагогов и учащихся был награжден медалью «За оборону Ленинграда»³². В списке награжденных — педагоги Вургафт, Любченко, Гайдукевич³³. Педагоги Королько и Эбергард-Поликарпова «во время вражеских обстрелов подбадривали учащихся и крепко держали дисциплину»³⁴.

Среди 15 награжденных учащихся были три девочки-первоклассницы 1936 года рождения — Галя Добрынина, Люда Сенча и Таня Солдатова³⁵. Можно представить себе, как теплели сердца раненых солдат, когда такие крошки выступали перед ними.

Школа имени Н. А. Римского-Корсакова тоже, конечно, не стояла в стороне от концертного обслуживания воинских частей и госпиталей. По воспоминаниям педагогов Н. И. Максимовой, Е. Н. Николаевой, В. А. Платоновой, учащихся Г. В. Орловой, Ю. В. Сапуновой, хранящимся в ГММОБЛ, а также опубликованным Т. Н. Громовой³⁶, концертная работа проводилась как в 1942, так и в 1943 году, но она осуществлялась в основном силами взрослых. Так, по воспоминаниям Н. И. Максимовой, в состав первой концертной бригады вошли четыре педагога — Е. О. Вайнтрауб, Е. Ф. Мольмгрен, А. Г. Бутова, Н. И. Максимова и две выпускницы вокального отдела А. Борткевич и М. Мержевская, окончившие школу перед войной. В дальнейшем бригада пополнялась артистами эстрады и Театра музкомедии. Только в первом полугодии 1943–1944 учебного года было проведено 20 концертов как в самой школе в соответствии с учебным планом, так и в подшефных госпиталях и воинских частях³⁷. Представляет интерес свидетельство В. А. Платоновой, управделами школы, о том, что сбор от концертов (в частности, весной и летом 1944 года) поступал в фонд детей фронтовиков. Это единственное упоминание о том, что за концерты школе перечисляли какие-то средства.

В 1943 и в 1944 годах 40 педагогов, технических работников и учащихся школы имени Н. А. Римского-Корсакова были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

Занятия в обеих продолжавших работать в осажденном городе музыкальных школах вошли почти в нормальное русло, однако в школе им. Н. А. Римского-Корсакова произошли изменения состава учащихся — в июле 1943 года лучшие ученики были переведены в училище им. М. П. Мусоргского, возобновившее деятельность. Тем не менее к началу 1944 года в школе насчитывалось 362 учащихся (157 человек на фортепианном отделении, 145 — на вокальном, 60 — на оркестровом). Дети и подростки составляли 80% от нормы учащихся фортепианного отдела, 90% класса скрипки и большую часть учеников по классу народных инструментов. Школа им. Н. А. Римского-Корсакова была хорошо известна в городе, желающих обучаться в ней было много.

В ДМШ Петроградского района начало 1943 года ознаменовалось официальной расконсервацией, правда, без дотации государства и на условиях самокупаемости. Педагогический состав остался прежним — 11 человек. Сто человек учащихся обучалось по классам фортепиано, скрипки, виолончели, духовых инструментов. Созданы были три группы теоретического обучения. Дисциплина детей удивляла самих педагогов — ведь некоторые ездили на занятия издалека, к примеру, из района Коломяг. В 1943 году проводились весенний зачет (к 1 апреля), годовой отчет (к 1 июня) и зачет за первую четверть 1943–1944 учебного года. Хорошие и отличные оценки получили 65–70 % учащихся³⁸.

Полное снятие блокады Ленинграда в январе 1944 года позволило приступить к возобновлению работы учреждений культуры. Музыкальные школы были расконсервированы, и начался процесс постепенного восстановления их прежней деятельности.

¹ См.: Загурский Б. Искусство суровых лет. Л., 1970. Крюков А. Н. Музыка в кольце блокады. М., 1973; Громова Т. Н. По следам блокадной фотографии // Стояли со взрослыми рядом. Сборник документальных очерков. Л., 1985. С. 69–76.

² Во время блокады школа им. Н. А. Римского-Корсакова находилась в ведении Музыкального училища им. М. П. Мусоргского и размещалась вместе с ним в помещениях Музыкального училища при Ленинградской государственной консерватории (с 1944 г. им. Н. А. Римского-Корсакова). Директором объединенных учебных заведений в конце 1941 — начале 1942 г. был В. А. Коллар.

- ³ Архив Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 99.
⁴ Там же. Л. 105.
⁵ Там же. Л. 119 об.
⁶ ЦГА СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 239. Л. 93, 95, 96.
⁷ Архив Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 113, 123, 139.
⁸ Загурский Б. Указ. соч. С. 83.
⁹ Архив Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Л. 116.
¹⁰ ЦГА СПб. Там же. Д. 212. Л. 23.
¹¹ Архив Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Л. 116, 116 об.
¹² ЦГА СПб. Там же. Л. 24.
¹³ Там же. Д. 213. Л. 23.
¹⁴ Там же. Д. 212. Л. 24.
¹⁵ Там же. Л. 39 об., 59.
¹⁶ Архив Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Л. 122 об., 123 об.
¹⁷ Громова Т. Н. Указ. соч. С. 72.
¹⁸ Фонды Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. Материалы в обработке. (Далее: Фонды ГММОБЛ).
¹⁹ Там же.
²⁰ ЦГА СПб. Там же. Д. 231. Л. 38.
²¹ Архив Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Л. 125–125 об.
²² Там же. Л. 125 об.–126.
²³ Там же. Л. 126 об.
²⁴ Там же. Л. 127.
²⁵ Там же. Л. 128 об., 130 об.
²⁶ Там же. Л. 129 об.
²⁷ Там же. Л. 132, 133 об.
²⁸ Громова Т. Н. Указ. соч. С. 73.
²⁹ Фонды ГММОБЛ.
³⁰ ЦГА СПб. Там же. Д. 232. Л. 20.
³¹ Там же. Д. 239. Л. 92.
³² Там же.
³³ Там же. Ф. 7384. Оп. 38. Д. 404. Л. 102, 103 об., 105 об.
³⁴ Там же. Д. 407. Л. 16 об., 18 об.
³⁵ Там же. Д. 404. Л. 102 об. Д. 406. Л. 52.
³⁶ Громова Т. Н. Указ. соч. С. 73, 74.
³⁷ ЦГА СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 239. Л. 100.
³⁸ Там же. Л. 91, 91 об.

Ю. И. Кашаверская

Испытание временем

Петропавловская крепость — особое место Петербурга: его великое начало, его трагедия и гордость. Главные ее укрепления — шесть бастионов, которые носят имена Меншикова, Головкина, Нарышкина, Трубецкого, Зотова и Государев соединены между собой куртинами — Кронверкской, Петровской, Невской, Екатерининской, Васильевской и Никольской. В дальнейшем были возведены дополнительные укрепления — Иоанновский и Алексеевский равелины.

В XVIII–XIX веках крепость активно застраивалась. Были сооружены Петропавловский собор, Монетный двор, Ботный дом, Гауптвахта, Артиллерийский цейхгауз, Комендантский, Инженерный, Ober-офицерский, Плац-майорский и Прокурорский дома. В конце XIX — начале XX века рядом с Петропавловским собором возвели Великокняжескую усыпальницу и на территории Алексеевского равелина — здание Военно-исторического архива¹.

После событий 1917 года у Петропавловской крепости не было единого хозяина — здесь располагались многие учреждения и ведомства (в основном военные), что негативно сказывалось на её состоянии.

Ошибочно было бы думать, что перед Великой Отечественной войной она содержалась в удовлетворительном состоянии. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в научно-методическом информационно-издательском секторе КГИОП. Там же находятся материалы, касающиеся истории крепости в период войны. Документы 1930–1940-х годов, к сожалению, до сих пор практически не подвергались научному анализу и не публиковались. Вместе с тем именно этот неблагоприятный период в судьбе выдающегося исторического памятника предопределил необходимость проведения тщательных реставрационно-восстановительных работ в послевоенные десятилетия.

Здесь мы даем краткий обзор части документов, характеризующих состояние Петропавловской крепости в довоенное и военное время. В Приложении впервые публикуются некоторые из них с сохранением характерных особенностей формы составления делопроизводства того времени и лишь с исправлением пунктуации и орфографии в соответствии с современными правилами.

Из акта от 8 мая 1938 года следует, что комиссия в составе К. С. Петрова-Водкина, Н. Е. Лансере и Г. Г. Гримма, направленная правительственной комиссией для обследования архитектурных памятников, в присутствии директора Музея революции М. И. Солодниковой и экскурсоводов Шапиро, Стадник и Лебедева установила, что сооружения Петропавловской крепости давно не ремонтировались, обветшали и разрушаются (Приложение, № I).

Акт от 16 октября 1939 года, составленный инспектором Отдела охраны памятников управления по делам искусств при Ленсовете архитектором В. Н. Ненароковым и представителем Отдела архитектором Т. П. Валицкой, свидетельствует о том, что ремонт Петропавловского собора не был произведен и он находится в крайне запущенном состоянии. Был составлен перечень проведения необходимых работ (Приложение, № II).

К сожалению, в 1939 году деньги на ремонт собора не были отпущены. Из всех вышеперечисленных объектов был отремонтирован Трубецкой бастион (Приложение, № III, IV).

Кроме того, в течение 1939 года были произведены ремонтные работы по следующим объектам: Гауптвахта, Комендантский дом, Монетный двор, здание Цейхгауза, бывшего Офицерского собрания, Иоанновский рavelин, Кронверкская, Невская и Никольская куртины, бастионы Анны Иоанновны и Екатерининский, жилые дома № 7, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16 и 17, здание Архива².

В 1940 году частично выполнены ремонтные работы по Петропавловскому собору³, завершить которые планировалось в 1941 году, но начавшаяся война внесла свои коррективы. 2 июля 1941 года были осмотрены здания Петропавловской крепости и намечены необходимые меры по защите их в условиях военного времени (Приложение, № V).

Уже 13 сентября был составлен первый акт обследования повреждений Петропавловского собора и намечены меры по их ликвидации (Приложение, № VI). В этом же месяце по распоряжению председателя Горисполкома П. С. Попкова начались работы по маскировке шпиля собора. Ввиду срочности проведения этой работы были привлечены альпинисты. 27 сентября заместитель начальника Отдела

охраны памятников Н. Н. Белехов обратился к начальнику гарнизона Петропавловской крепости с просьбой об установке шести телефонных аппаратов по всей высоте шпиля на время производства работ⁴. Ответственным распорядителем по маскировке шпиля был назначен инженер Института механизации строительства Л. А. Жуковский, временно откомандированный в распоряжение Отдела охраны памятников. Ответственным представителем Отдела по надзору и контролю был назначен старший архитектор Отдела В. Н. Ненароков — руководитель производственной части и районный архитектор А. Ф. Рюмин. Руководил воздухоплавательными работами военный инженер 3 ранга И. П. Соколов.

В декабре 1941 года Отдел охраны памятников поручил архитекторам В. И. Каразину и Л. М. Шуляк выполнить обмер помещения и иконостаса бывшего придела св. Екатерины в Петропавловском соборе, который на тот момент хранился в разобранном виде⁵.

Большие разрушения принесла война. Зажигательная бомба, попавшая в Ботный дом, вызвала сильный пожар. От артобстрелов и бомбардировок пострадали Петропавловский собор, Монетный двор, здание тюрьмы Трубецкого бастиона, Комендантская пристань, Екатерининская куртина, многие жилые здания и здания хозяйственного назначения.

Исполком Ленгорсовета в конце октября 1942 года принял решение о приведении в порядок мест захоронений великих русских полководцев Александра Невского, Петра I, А. В. Суворова и М. И. Кутузова для их посещения и поднятия боевого духа защитников города. В связи с этим следовало произвести ремонтные работы в Петропавловском соборе и обустроить могилу Петра I (Приложение, № VII).

В декабре 1942 года были выполнены аварийно-восстановительные работы по Петропавловскому собору на сумму 11 675 рублей⁶, а в марте 1943 года по Ботному дому — на 4351 рубль⁷.

В июне 1943 года снова возникла необходимость в ремонтных работах на соборе — воздушной волной были снесены большие листы железа на крыше⁸.

Интересный документ сохранился в ведомственной переписке — письмо начальника ГИОП Белехова в Ленплан, сектор капитального строительства (Приложение, № VIII), с просьбой включить в план работ на сентябрь месяц ремонтно-строительные работы по Петропавловскому собору, так как он является музеем и открыт для посещения. И это в тяжелое блокадное время!⁹.

В октябре 1943 года согласно постановлению Совета Народных Комиссаров СССР за № 493 от 7 мая 1943 года на территории Петро-

павловской крепости начала работу местная комиссия по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками. Комиссия должна была составить экспертное заключение, произвести фотофиксацию и зарисовки мест поражения охраняемых зданий.

28 ноября 1943 года по поручению городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков под председательством заместителя председателя Исполкома Ленгорсовета, главного архитектора города Н. В. Баранова был составлен акт за № 200 об ущербе, причиненном зданию тюрьмы Трубецкого бастиона и Петропавловского собора, отнесенных к категории памятников государственного значения и находящихся под государственной охраной (Приложение, № IX). Эксперты Оценочно-экспертного бюро городской комиссии: доцент, кандидат архитектуры, архитектор-художник Я. О. Рубанчик, районный архитектор ГИОП О. А. Остроумова, архитектор ГИОП С. Н. Давыдов оценили сумму ущерба в 69 514 000 рублей. Общая сумма ущерба, причиненного во время многочисленных бомбардировок и артиллерийских обстрелов с момента возникновения военных действий, а именно с 19 сентября 1941 года до 1 мая 1943 года крепостным сооружениям (стенам, бастионам и куртинам), а также различным зданиям (жилым, административным, хозяйственным, промышленным, музейным и прочим), составила 214 014 900 рублей¹⁰.

27 января 1944 года Ленинград был полностью освобожден от блокады. Начинались восстановительные работы. Летом 1945 года была произведена демаскировка купола и шпиля Петропавловского собора¹¹, хотя в литературе ошибочно указан 1944 год.

В ведомственной переписке научно-методического информационно-издательского сектора КГИОП хранится письмо жителя Петропавловской крепости (дом № 4) Кононова Н. Ф. с обращением к председателю Исполкома Ленгорсовета Попкову П. С., в котором он просил поручить ему работу по демаскировке шпиля собора.

К сожалению, все меньше остается ленинградцев, помнящих, как выживала Петропавловская крепость в годы Великой Отечественной войны. Но сохранившиеся документы той поры позволяют живо представить, как в тяжелое блокадное время люди спасали «детище Петрово».

¹ Об истории строительства и архитектуре Петропавловской крепости см. подробнее: Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 1994; Вып. 6. СПб., 1998.

² НМИИС КГИОП. П. 90. Л. 137–137 об., 144–144 об., 145–145 об., 146–146 об., 150–151, 152–153, 154–154 об., 155, 157–158, 159–159 об., 160–161, 162–164, 169–169 об., 170–170 об., 178–178 об., 180–180 об., 225–225 об.

³ Там же. Л. 127–129, 130 об.

⁴ См. об этом подробнее приложение к публикации в настоящем сборнике: Устольская Н. М. Воспоминания ленинградки. С. 93.

⁵ НМИИС КГИОП. Л. 82.

⁶ Там же. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 57.

⁸ Там же. Л. 54.

⁹ Там же. Л. 52.

¹⁰ Там же. Л. 31

¹¹ См. Приложение к публикации: Устольская Н. М. Указ. соч. С. 100.

Приложение

I

Гор. Ленинград. 8-го Мая 1938 года.

Мы, нижеподписавшиеся член ЛЕНСОВЕТА К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН от секции полит-просвет-искусств по поручению президиума ЛЕНСОВЕТА, и бригада, выделенная Правительственной Комиссией по обследованию архитектурных памятников Ленинграда и окрестностей, в составе ЛАНСЕРЕ Н. Е. и ГРИММА Г. Г. в присутствии директора Музея Революции СОЛОДНИКОВОЙ М. И. и в сопровождении экскурсоводов тт. ШАПИРО, СТАДНИК и ЛЕБЕДЕВА произвели осмотр зданий, находящихся на территории Петропавловской крепости, и установили:

I. Петропавловский собор.

а) Крыша во многих местах проржавела и протекает, в частности около иконостаса работы И. Зарудного и у входа около колокольни.

б) Штукатурка на фасадах в очень значительной степени совершенно отсутствует так же, как и окрытие железом карнизов, волпот и т. д.

в) Шпиль во многих местах обнажен от позолоты и имеется, по-видимому, много протектов.

II. Петровские ворота.

Находятся в полуразрушенном состоянии.

III. Невские ворота, пристань и облицовка крепостных стен.

а) Пристань совершенно развалилась.

б) Стены проросли, штукатурка откосов обвалилась.

в) Крыши значительно разрушены.

г) Куполки над сторожевыми башенками так же значительно разрушены.

IV. Трубецкой бастион.

а) Крыши разрушены не менее чем на 80 %.

б) Протечки разрушают кирпичные своды второго этажа.

V. Монетный двор.

а) Состояние главного фасада лицевого корпуса удовлетворительное.

б) Задняя стена со стороны Трубецкого бастиона частично повреждена.

VI. Иоанновские ворота.

а) Значительно повреждена штукатурка фасадов.

б) Разрушена крыша.

VII. Крепостные стены.

Изнутри во многих местах лишены штукатурки, кладка изветривается и кирпичи частично выпадают.

Недостаточные и находятся в очень плохом состоянии уборные для эскурсантов.

Вследствие наличия ряда отдельных учреждений на территории б. крепости и отсутствия общего центрального управления, ответственного за сохранность и общий вид памятника, территория крепости разделена многочисленными деревянными заборами и оградами, уродующими общий вид комплекса архитектурно-исторического памятника.

Считаем необходимым производство следующего срочного ремонта:

а) по Петропавловскому собору:

ремонт крыши, пайка протоков на шпиле, ремонт штукатурки фасадов в первую очередь колокольни, окрытие железом поясков, тяг, волют и т. д.

б) по Петровским воротам:

Капитальный ремонт скульптур в нишах и над фасадом — ремонт штукатурки.

Ремонт крыши.

в) по Невским воротам:

Капитальный ремонт пристани, восстановление лестниц и парапета. Ремонт крыши. Штукатурка откосов, уничтожение травы и кустарников в швах кладки. Ремонт мостовых в проезде.

г) по Трубецкому бастиону.

Капитальный ремонт крыш. После окончания его и просушки сводов исправление штукатурки второго этажа.

Ремонт полов в коридоре.

д) по Иоанновским воротам.

Ремонт штукатурки, восстановление крыши.

Председатель комиссии, заслуженный

деятель искусств:

(К. С. Петров-Водкин)

Члены комиссии:

Архитектор:

(Н. Е. Лансере)

Архитектор:

(Г. Г. Гримм)

И. о. директора Музея:

(Солодникова М. И.)

НМИИС КГИОП. П-90. Л. 195-196.

II

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВА ПРИ ЛЕНСОВЕТЕ

Отдел Охраны Памятников

16 Октября 1939 года.

Гродненский пер. д. 4,

Тел. Ж.-2-62-22

Здание Петропавловского собора

АКТ

Комиссия в составе:

1. Инспектора Отдела Охраны Памятников Управления по Делах Искусства при Ленсовете арх. Ненарокова В. Н.

2. Представителя Отдела арх. Валицкой Т. П.

составила настоящий акт на предмет определения технического состояния здания Петропавловского собора и перечня необходимых ремонтно-реставрационных работ.

При обследовании здания на месте комиссия определила следующее:

I. Техническое состояние фасадов:

(кровля с покрытиями, лепка, штукатурка, скульптура, окраска).

Все фасады здания собора находятся в крайне запущенном состоянии, штукатурка во многих местах обвалилась, обнажая большие плоскости выветрившейся кирпичной кладки. Особенно значительные повреждения наблюдаются на западном фасаде (главный вход), краска по всем фасадам выцвела, облупилась. Архитектурные детали, карнизы, пояски и пр. местами полностью отсутствуют, их разрушению способствовали пришедшие в полную негодность мелкие кровельные покрытия. Водосточные трубы и кровля капитально не ремонтировались свыше 25 лет (последний капремонт был произведен задолго до империалистической войны, вследствие чего на износ должен быть определен не менее как в 80 %).

II. Внутренняя отделка (полы, обработка стен, плафоны, лепка, живопись).

В связи с неисправностью кровли в помещении собора на потолке имеются протечки, повредившие художественную отделку. В нижней части стен на большом протяжении наблюдаются повреждения штукатурки и окраски. Поверхность купола потолка архитектурных

деталей, резьбы и скульптуры чрезвычайно запылена. В северной части собора снято до 10 кв. м плитного пола, обнажившаяся подготовка закрыта ковром. В помещении экскурсоводов поставлена плита временного типа в неисправности, стены и потолок загрязнены.

Алтарная часть загромождена всевозможными видами и представляет собой склад утиля, хорошо видимый сквозь алтарные двери. Колокола курантов сильно заржавели, часть из них снята, находящийся тут же механизм часов, давно не действующий, засорен, все помещение курантов сильно загрязнено голубями.

III. Основные конструкции.

В целом основные конструкции здания собора, по мнению комиссии за исключением стропил и обрешетки в относительно удовлетворительном состоянии. Специальная проверка произведена не была, стропила же и обрешетка из-за неисправности кровли местами сильно повреждены, особенно это замечается над западным портиком (главным входом).

Сантехника.

Электропроводка в помещении собора в неисправности.

Перечень работ:

Фасады:

1. Произвести штукатурно-малярный ремонт западного фасада с восстановлением всех архитектурных деталей строго в соответствии с сохранившимися. Сменить металлические окрытия тяг карнизов и пр. с окраской их.

2. То же восточного фасада.

3. То же южного фасада.

4. То же северного фасада.

5. Произвести капитальный ремонт крыши с заменой новым железом на 80 % с покраской.

6. Сменить недостающие трубы с покраской (100 %).

Внутренняя отделка.

7. Произвести в местах протечек на потолке ремонтно-реставрационные работы.

8. Заштукатурить и окрасить панели.

9. Произвести очистку от запыленности всего внутреннего помещения собора со всех архитектурных деталей, скульптуры и резьбы.

10. Уложить на место снятые плиты пола в северной части собора.

11. Произвести штукатурно-малярный ремонт помещения экскурсоводов со снятием временной плиты и устройством новой тяги.

12. Ликвидировать склад в алтарной части.

13. Очистить помещение курантов от голубей и принять меры для переделки и пуска в ход курантов.

Основные конструкции:

14. Сменить пришедшие в негодность стропила и обрешетку. Сантехника.

15. Произвести ремонт электропроводки.

Прочие работы:

16. Составить научно-исследовательский паспорт.

17. Произвести архитектурные обмеры.

18. Укрепить на фасаде мемориальную доску о значении памятника.

19. Произвести фотофиксацию фасадов, внутренних помещений и деталей.

Все перечисленные ремонтно-реставрационные работы, а также возможные реконструкции должны быть согласованы с Отделом Охраны Памятников по Делах Искусства при Ленсовете и выполнены в соответствии с его требованиями и преследовать цель восстановления первоначальной авторской подлинности здания, установленной на основании данных научной паспортизации и исследований на месте.

Все проекты, необходимые для производства перечисленных выше работ, должны быть утверждены Отделом охраны памятников.

Надзор за архитектурно-реставрационными и прочими работами должен быть обеспечен архитектором-консультантом, кандидатура которого должна быть утверждена в отделе охраны памятников.

Район. архитектор

(Ненароков)

Архитектор

(Валицкая)

Директор Музея

Там же. Л. 191-194.

III

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ ЛЕНСОВЕТЕ

Отдел Охраны Памятников

8 Января 1940 г.

Бастион Трубецкого
Петрокрепость.

Акт № 11 (*Петрокрепость*)*

Комиссия в составе:

1. Представителя Отдела Охраны Памятников арх. ТОРОПОВА М.

*Курсивом выделены надписи, сделанные в оригиналах от руки.

2. Представителя Музея Революции зам. директора БЕСПОРАЙ-ТЕС И. В.

составила настоящий акт о проверке произведенных ремонтно-реставрационных работ за 1939 г. и о необходимых к выполнению работах на 1940 г.

В момент обследования здание Бастиона Трубецкого, состоящее под государственной охраной, как национализированное, находится в ведении Музея Революции и используется:

Цели	Название Учреждения	Система	Наркомат	Примечание
Музей	Музей Революции		Наркомпрос	

Перечисленные учреждения используют здание по следующим договорам:

Название сторон	Дата	Срок	Сумма	Способ оплаты
Нет	—	—	—	—

Доходность дома и количество спущенных средств на ремонтно-реставрационные работы определяются:

Доходность	Эксплуатац.	Капвложен.	Перечень	Смета
70.000–75.000 по Петрокрепости Музей Революции	Посещ. экскурс.	210.000	—	209.000 р. на 39 г.

На 1940 г. комиссия считает необходимым закончить ремонт: покрыть оставшуюся крышу железом и произвести малярные работы во 2-м этаже и наружные малярные работы.

Техническое состояние здания на день акта хорошее. Осталось закончить ремонт 10%.

Что сделано по ремонту за 1939 г.

Произведены капитальные работы кровли, штукатурные работы и малярные работы — все на 90%.

Что предлагается сделать по ремонту на 1940 г.

Закончить оставшиеся работы, перекрыть окончательно крышу, произвести малярные работы и электропроводку хозяйственным способом.

Есть ли смета, утверждена ли и на какую сумму.

Осталось с 1939 г. около 10.000 руб.

Архитектор ООП

Зам. директора

(Торопова)

(Беспорайтес)

Там же. Л. 185–186.

IV

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ ЛЕНСОВЕТЕ
 Отдел Охраны Памятников Петропавловский собор
 8 Января 1940 г. Петрокрепость

АКТ № 21 (Петрокрепость)

Комиссия в составе:

1. Представителя Отдела Охраны Памятников арх. ТОРОПОВОЙ

2. Представителя Музея Революции зам. директора БЕСПОРАЙ-
 ТЕС И. В.

составила настоящий акт о проверке произведенных ремонтно-реставрационных работ за 1939 г. и необходимых к выполнению работах на 1940 г.

В момент обследования здание Петропавловского собора, состоящее под государственной охраной, как национализированное, находится в ведении Музея Революции и используется:

Цели	Название учреждения	Система	Наркомат	Примеч.
Музей	Музей Революции		Наркомпрос	

Перечисленные учреждения используют здание по следующим договорам:

Название сторон	Дата	Срок	Сумма	Способ оплаты
Нет	—	—	—	—

Доходность дома и количество спущенных средств на ремонтно-реставрационные работы определяются:

Доходность	Эксплуатац.	Капвлож.	Перечень	Сумма
70.000—75.000 по Петрокрепости Музея Революции	Посещ. экскурс.	На 1939 г. 150.000 р. не были спущены	—	—

На 1940 г. комиссия считает необходимыми произвести капитальный ремонт.

Техническое состояние здания на день акта плохое. Неисправна кровля, заметны следы протечек внутри. На фасадах при входе и у фронтонов заметны разрушения, обита штукатурка, в плохом состоянии покраска.

Что сделано по ремонту за 1939 г.

Не было отпущено денег. Ничего не делалось.

Что предполагается сделать по ремонту на 1940 г. Начать капитальный ремонт кровли, штукатурные работы и малярные работы.

Есть ли смета, утверждена ли и на какую сумму.

Наркомпросом намечается отпустить на ремонт 200.000 руб. Смета составляется — срок окончания 20-25/1-1940 г.

Архитектор ООП

(Торопова)

Зам. директора

(Беспорайтес)

Там же. Л. 188-189.

V

2 июля 1941 года, г. Ленинград. Петрокрепость.

Петропавловский собор — филиал Музея Революции.

Мы, нижеподписавшиеся, Комиссия в составе представителя Отдела Охраны Памятников районного архитектора т. КРЫЛОВОЙ З. И. и представителя Музея Революции Научного сотрудника т. НИКОЛАЕВОЙ М. И., архитектора-консультанта т. СЕМЕНОВА Б. С., произвели осмотр всех помещений и установили следующие необходимые меры по защите здания-памятника.

1. Освободить главный алтарь от загромождающих частей иконостаса, книг и проч. церковного инвентаря, сохранив на месте предметы первоначального убранства алтаря, укрепленного к зданию (к стенам и полу).

Все вышеуказанные подлежащие уборке предметы надо перенести в ризницу и прочие свободные помещения с обязательным соблюдением подходов (размещение вдоль стен с проходами).

2. Часть иконостаса из б. придела Екатерины собрать с иконами, укрепив на одной из стен гл. алтаря или б. придела согласно акта 1940 г., составленного с представителем ООП при разборке иконостаса с обмером и фотофиксацией.

3. Для сохранения иконостаса гл. алтаря в целом виде согласно требований защиты в военное время необходимо отнести на некоторое расстояние аналои и пр. предметы от иконостаса, обложив последний по низу мешками с песком с двух сторон и поставить ящики с запасом песка и бочки с водой.

4. Помещения ризницы убрать и освободить от лишнего хлама и разместить все переносимые из главного алтаря и находящиеся в ризнице предметы и шкафы с соблюдением проходов. Деревянный пол помещения ризницы и кладовок надо засыпать песком.

5. На чердаках главного церковного нефа у двух деревянных конструкций (лестницы и шпренгель с электропроводкой) засыпать у основания песком и поставить 2 ящика с песком и бочки с водой.

6. Сильно поврежденную железную кровлю площадью около 70 м² у западного щипца гл. корпуса над распределителем электропроводки всего здания необходимо срочно капитально отремонтировать, устранив протечки и намокание всей стены.

Данная работа, как аварийная, была намечена к выполнению в 1940 г. и до сих пор не выполнена. Дальнейшее невыполнение грозит сохранности здания-памятника.

7. Имеющуюся в колокольне деревянную шахту (ограждение грузов механизма часов и курантов) необходимо разобрать в части обшивки, с сохранением стоек и обвязок основной конструкции, что ликвидирует опасную в пожарном отношении тягу в данной закрытой шахте.

Все доски от снимаемой обшивки и весь лишний хлам убрать из пределов колокольни.

8. Все междуэтажные деревянные настилы по железным балкам в колокольне необходимо защитить насыпкой слоя песка, для чего надо сделать борты. Такую же засыпку песком надо сделать на широких деревянных подоконниках.

9. Ввиду сложного ухода, трудностей правильного обслуживания механизмов часов, нежелательности частых подъемов на колокольню Комиссия считает целесообразным временно прекратить заводку часов.

10. Все леса по восточному фасаду, деревянную передвижную конструкцию внутри собора, а также металлические леса (4 балки) с тросами под шпилем необходимо разобрать и убрать. По разборке и спуску металлических конструкций с колокольни необходимо привлечь специалистов, выполнивших ее установку в 1940 году (т. Плоткина и Волошина).

11. Все вышеуказанные работы должны быть выполнены в кратчайший срок, после чего надо вызвать комиссию из представителей Отдела Охраны Памятников, Музея Революции и пожарной охраны для проверки выполнения.

12. Все помещения собора и все ярусы колокольни должны находиться под бдительной охраной, систематическим наблюдением и проверки ответственной охраны Музея революции.

Представитель Отдела Охраны Памятников

Архитектор —

(Крылова)

Представители Музея Революции:

(Николаева)

(Каразин)

(Семенов)

Там же. Л. 114—115.

VI

АКТ ОБСЛЕДОВАНИЯ

повреждений здания б. Собора Петра и Павла
в Петропавловской крепости.

Ленинград, 13-го Сентября 1941 г.

Комиссия в составе Районного Архитектора Отдела Государственной Охраны Памятников тов. РЮМИНА А. Ф., архитектора Аварийно-Восстановительных мастерских тов. ХАЛТУРИНА К. Д. и смотрителя собора тов. СЕМЕНОВА П. С. — произведено обследование повреждений здания б. Петропавловского собора.

На северном фасаде здания обнаружено большое количество отдельных выщерблин.

Разбиты стекла окон по всему зданию; необходимо произвести зашивку окон временными щитами, досками или фанерой, причем в первую очередь на барабане купола для защиты от осадков резного позолоченного иконостаса, стоящего под этим куполом.

Одновременно отмечается недостаточность проведенных профилактических и противопожарных мероприятий. В отмену требования акта от 7-го марта с. г. установить срочно необходимым следующее:

- а) устранить протечку над электрощитом, отремонтировав крышу.
- б) установить дополнительную бочку с водой у иконостаса.
- в) провести электропроводку с синими лампочками по чердаку.
- г) обеспечить здание противопожарным инвентарем: лопатами, щипцами, рукавицами и масками для тушения зажигательных бомб.

м. п. Районный архитектор ООП

(Рюмин)

Архитектор Аварийно-Восстановительных Мастерских: (Халтурин)

Смотритель здания:

(Семенов)

Там же. Л. 113.

VII

Акт

Ленинград, 28 октября [1942 г.]

Мы, нижеподписавшиеся, представители Госинспекции Охраны Памятников г. Ленинграда, районный архитектор Остроумова О. А., представитель музея Революции тов. Кац и производитель работ Управления жилищного строительства М. М. Басов, согласно решения № 78-22 Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся от 26 Октября 1942 г. об открытии для мас-

совых посещений мест захоронения великих русских полководцев: Александра Невского, Петра I-го*, Суворова и Кутузова, составили настоящий акт о необходимости производства ремонта Петропавловского Собора, согласно прилагаемого перечня работ.

Срок выполнения перечисленных в приложении работ назначается на 5-ое Ноября 1942-г., приемка работ должна быть сделана по исполнительному акту.

Представитель ГИОП

Райархитектор

(Остроумова)

Представитель Музея Революции

(Кац)

Представитель Управления

Жилстроительства

(Шорохов)

Там же. П. 90. П-130. Л. 67.

VIII

VIII-1943

В ЛЕНПЛАН, В СЕКТОР КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
тов. ПАВЛОВСКОМУ.

Пр. 25-го Октября, 26.

Госинспекция по Охране Памятников Ленинграда просит Вас включить в план работы на сентябрь месяц ремонтно-строительные работы по Петропавловскому Собору, ценнейшему памятнику XVIII века, который является в настоящем Музеем и открыт для посещения экскурсий.

Начальник Госинспекции Охраны Памятников (Белехов)

Районный Архитектор

(Остроумова)

Там же. Л. 52.

IX

АКТ 200

Ленинград 28 Ноября 1943 года.

По поручению Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, под председательством члена этой Комиссии — Заместителя Председателя Исполнительного Комитета Ленинградского Совета Депутатов Трудящих-

* Надгробие Петра I было пышно оформлено (бюст, драпировка тканями, венки, ковры, электроосвещение) и открыто для массового посещения горожан и воинских частей. Там же. П. 90. П-130. Л. 66.

ся, Главного архитектора города, орденоносца БАРАНОВА Николая Варфоломеевича, мы, нижеподписавшиеся:

Главный архитектор Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда Белехов Николай Николаевич,

Член-корреспондент Академии Архитектуры Союза Советских Республик, доктор архитектурных наук, профессор Фомин Игорь Иванович,

Писатель, кавалер четырех орденов Союза Советских Социалистических Республик ВИШНЕВСКИЙ Всеволод Витальевич,

Народная артистка Союза Советских Социалистических Республик, орденоносец МИЧУРИНА-САМОЙЛОВА Вера Аркадьевна, а также Местная Комиссия, действующая на основании приказа по Государственному Музею Революции Российской Советской Федеративной Республики от 15 Июня 1943 года за № 18, в составе:

Председателя Комиссии — Директора Государственного Музея Революции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики ПАВЛОВОЙ Серафимы Дмитриевны,

Главного бухгалтера ЗАШТОВТ Александры Михайловны,

Председателя Местного Комитета, научного работника Музея ИЦКОВИЧ Баси Исаевны, с участием экспертов:

Эксперта Оценочно-Экспертного Бюро Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, доцента, кандидата архитектурных наук, архитектора-художника Рубанчика Якова Осиповича,

Эксперта Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда, районного архитектора ОСТРОУМОВОЙ Ольги Анатольевны,

Эксперта Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда, архитектора ДАВЫДОВА Сергея Николаевича, составили настоящий акт об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками зданиям тюрьмы ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА и ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА, находящимися на территории Петропавловской Крепости и состоящим в ведении Государственного Музея революции.

Согласно решения Генерального Исполнительного Комитета Российской Советской Федерации Социалистической Республики 20 Марта 1935 года (протокол № 5), вышеназванные здания, входящие в комплекс ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ, отнесены к категории памятников Государственного значения и находятся под Государственной охраной.

Здание ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА построено по проекту архитектора ДОМЕНИКО ТРЕЗИНИ в период 1714–33 годов и является одним из первых и замечательных памятников Петербургской архитектуры Петровского времени.

Основной акцент архитектурной композиции памятника сосредоточен на колокольне Собора, высотой 122 метра, являющейся самой высокой вертикалью города и играющей доминирующую роль в его силуэте и общем архитектурном пейзаже.

Чрезвычайно велико художественно-архитектурное значение здания Собора, часть которого сохранила характерные формы раннего зодчества начала XVIII века, другая, связанная с последовавшими ремонтами и переделками, отмечена чертами позднего барокко и классицизма.

Во внутреннем убранстве Собора особую художественную ценность представляет резной, деревянный иконостас, выполненный в 1722–1726 годах русским мастером ЗАРУДНЫМ.

Собор служил царской усыпальницей и сохранил могилы лиц царской семьи от Петра I до Александра III.

Здание ТЮРЬМЫ ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА, Арестантское Отделение при Санкт-Петербургской Крепости, построенное в 1870 году, представляет собой исключительный интерес, как место заключения целого ряда виднейших руководителей и участников многолетней революционной борьбы в России.

Наличие этого застенка царского режима, созданного в эпоху наибольшего усиления реакции и помещенного в стенах Крепости, еще более утвердило за ней печальную славу «русской Бастилии».

После Октябрьской Революции здания Собора и Тюрем превращены в Музей, посещение которых широкими массами трудящихся имело огромное политико-воспитательное значение, раскрывая перед ними героический путь борьбы и страданий противников царского режима и служило незаменимым материалом в деле изучения и правильного понимания истории развития революционных событий в России.

В настоящее время Собор находится в ведении Государственного Музея Революции.

При осмотре зданий обмером в натуре и анализом имеющейся технической документации установлено, что за период времени с начала военных действий до 1-го Мая 1943 года, в результате неоднократных бомбардировок с воздуха и артиллерийских обстрелов территории Петропавловской Крепости, Собору и зданию Тюрем нанесены ущербы в виде неоднократного выбивания оконного

остекления, с частичной поломкой переплетов, повреждения наружной штукатурки, пробития кровель и так далее.

Нанесенный ущерб и его размеры приведены в таблицах (см. страницу 5).

Стоимость уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества в денежном выражении.

Виды уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества	Восстановительная стоимость полностью уничтоженного имущества в рублях.	Размер затрат, необходимых для восстановления частично поврежденного имущества в рублях.	Общий размер ущерба в рублях.
Здания культурно-бытового назначения и Музеи.	—	69.514.000	69.514.000
ВСЕГО	—	69.514.000	69.514.000

Шестьдесят девять миллионов пятьсот четырнадцать тысяч рублей.

Расходов, связанных с эвакуацией и реэвакуацией, не было.

ВИДЫ ИМУЩЕСТВА (по номенклатуре)	Единица измерения.	Количество Полностью разрушенного имущества	Частично поврежденного	Стоимость причиненного ущерба	Дополнительные сведения
1. Здания. 2. Здания культурно-бытового назначения	Число здан.	—		2	% повреждения по зданию: Тюрьмы — 4,52%; Собору — 8,45%. См. приложение к акту № 1.
1	2	3		4	5
15. Музеи.	Куб. м	—		4, 280	69.514.000

Перечень отдельных видов разрушенного, уничтоженного и поврежденного имущества.

Председатель Комиссии:

Член Ленинградской Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, Заместитель Председателя Исполнительного Комитета Ленинградского

Городского Совета Депутатов Трудящихся, Главный архитектор города, орденоносец

(БАРАНОВ Н. В.)

Члены Комиссии:

Главный архитектор Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда

(БЕЛЕХОВ Н. Н.)

Член-корреспондент Академии Архитектуры Союза Советских Социалистических Республик, доктор архитектурных наук, профессор

(ФОМИН И. И.)

Писатель, кавалер четырех орденов Союза Советских Социалистических Республик

(ВИШНЕВСКИЙ В. В.)

Народная артистка Союза Советских Социалистических Республик, орденоносец

(МИЧУРИНА-САМОЙЛОВА В. А.)

Местная Комиссия:

Председатель — Директор Государственного Музея Революции Российской Советской Федерации Социалистической Республики

(ПАВЛОВА С. Д.)

Главный бухгалтер

(ЗАШТОВТ А. М.)

Председатель Местного Комитета, научный работник Музея

(ИЦКОВИЧ Б. И.)

Эксперты:

Эксперт Оценочно-Экспертного Бюро Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, доцент, кандидат архитектурных наук, архитектор-художник

(РУБАНЧИК Я. О.)

Эксперт Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда, районный архитектор

(ОСТРОУМОВА О. А.)

Эксперт Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда, архитектор

(ДАВЫДОВ О. Н.)

Там же. Л. 37-40 об.

Н. М. Уствольская

Воспоминания ленинградки

Публикация А. О. Евлановой*

Наталья Михайловна родилась в Петербурге 13 августа (31 июля по старому стилю) 1909 года в семье коллежского асессора в отставке Михаила Михайловича Уствольского и его жены Веры Константиновны (урожденной Дылевой). Уствольская окончила Ленинградский институт инженеров коммунального строительства в 1934 году. Дипломный проект на тему «Театр в парке» выполнила под руководством профессора А. А. Оля. Трудовую деятельность начала в тресте «Ленпроект» в мастерской архитектора А. П. Вайтенса, затем работала в мастерской № 2, возглавляемой архитекторами А. И. Гегелло и Д. Л. Кричевским. Первая самостоятельная постройка — проект школы на улице Каляева (ныне Захарьевской), 35. Участвовала в реконструкции Аничкова дворца для размещения в нем Дворца пионеров (оформила зал для танцев и игр). В 1936 году перешла на работу в «Техторгснаб» (Проектная организация при Горторготделе). Занималась оформлением интерьеров магазинов, кафе и т. д. В 1938–1939 годах как член секции Народного зодчества при ЛОСА принимала участие в творческих поездках в высокогорные районы Кавказа для изучения зодчества Ингушетии, Хевсурии, Чечни и Тушетии. По уникальным материалам этих поездок исследователи подготовили рукопись «Архитектурного путеводителя по высокогорному Кавказу», которая вместе с иллюстрациями в начале 1941 года была выслана в Москву в издательство Академии архитектуры. Начавшаяся война не дала осуществиться этой работе.

* Приношу искреннюю благодарность О. А. Фирсовой, которая в период подготовки публикации внимательно ознакомилась с фрагментом воспоминаний Н. М. Уствольской, прокомментировала и дополнила некоторые сюжеты.

Н. М. Уствольская.
Фотография 1950-х гг.
Публикуется впервые.

С сентября 1941 по июль 1942 года работала в ГИОПе районным архитектором Васильевского острова и Александро-Невской лавры. Занималась укрытием памятников архитектуры и искусства (например, защитой знаменитой мозаики М. В. Ломоносова «Полтавская баталия» на главной лестнице здания Академии наук).

Одной из сложных задач по защите города была маскировка высотных доминант, в частности золоченых куполов и шпилей, которые, по словам Уствольской, «сияли, блистали, светились, видные издали ясно и четко, и фашисты, окопавшиеся под Ленинградом, по ним корректировали прицелы своих дальнбойных пушек». Решение этой проблемы было поручено Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры (ГИОП). Именно по

предложению Уствольской для маскировки куполов и шпилей Ленинграда были привлечены альпинисты.

В июле 1942 года Уствольская эвакуировалась в поселок Базарный Карабулак Саратовской области.

После войны в 1945 году вернулась на работу в ГИОП архитектором-реставратором сначала в мастерской Н. Н. Белехова, потом в группе Ф. Ф. Олейника при Павловском дворце (позднее эта группа была переведена во вновь созданную реставрационную мастерскую № 9 в Ленпроекте). Занималась работами по восстановлению и реставрации дворцов и парков Ленинграда и пригородов. В Царском Селе она проводила обмеры интерьеров Екатерининского дворца, возобновляла павильоны в Екатерининском и Александровском парках. Ею были полностью воссозданы Мраморный (Палладианский) мостик, Турецкая баня, интерьеры Скрипучей беседки; выполнены обмеры и проекты по восстановлению Адмиралтейства, Арсенала, Китайской деревни. В Стрельне под ее руководством была восстановлена «Старая почта» (совместно с архитектором Н. Л. Апостоловой), воссоздан деревянный домик Петра I. В бригаде по восстанов-

лению ансамбля бывшего Константиновского дворца и приспособлению его для размещения Ленинградского Арктического училища (автор А. В. Корягин) она провела реставрацию Голубого зала, Воронихинской террасы, Грота; совместно с архитектором С. В. Поповой-Гунич была автором реконструкции бывшего Конюшенного корпуса для размещения мастерских и лабораторий училища. В Петергофе в группе, возглавляемой В. М. Савковым, на первом этапе работала над фасадом и кровлей Большого дворца. В дальнейшем не раз возвращалась к работе над его интерьерами (Портретный зал, Куропаточная гостиная и др.). В Луговом парке проводила обмеры и реставрацию фасадов павильона Бельведер. В Павловском дворце по ее проекту был возобновлен Кавалерский (Предцерковный) зал. Принимала участие в обмерах и частично в проектировании бывших усадеб по Большой Петергофской дороге, в Знаменке и Михайловке. В Ленинграде ею были восстановлены два павильона в парке Смольного института, южная решетка (ворота) Летнего сада, фасады церкви св. Петра на Невском проспекте, один из учебных корпусов Педагогического института им. А. И. Герцена (ныне Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена), сделаны обмеры Малого Тронного зала в Инженерном замке.

В 1947–1951 годах в составе группы архитекторов, членов секции народного зодчества при ЛОСА, ездила в юго-западные области СССР для изучения архитектуры Закарпатья. Результатом этих исследований стала большая работа архитекторов Н. Л. Апостоловой, С. В. Поповой-Гунич, М. Е. Успенской и Н. М. Уствольской «Деревянное зодчество Закарпатья и его связь с деревянной архитектурой русского севера». К сожалению, эта публикация не была осуществлена.

Выйдя на пенсию в 1965 году, Уствольская продолжала работать, как она писала в автобиографии, «от себя»: принимала участие в создании первого варианта музея-квартиры Ф. М. Достоевского, совместно с архитектором Е. Н. Петровой делала обмер деревянной дачи А. Н. Воронихина на Кировском (ныне Каменноостровском) проспекте, 62а, а впоследствии была членом комиссии при разборке этого строения.

Последней работой Уствольской было участие в проектировании интерьеров и освещения Розового павильона в Павловске.

Наталья Михайловна скончалась 25 октября 1986 года и похоронена на Серафимовском кладбище.

Мы публикуем фрагменты «Воспоминаний ленинградки» о ее друзьях-альпинистах, занимавшихся маскировкой куполов и шпилей города осенью 1941 года. Эта героическая работа уже нашла отраже-

ние в литературе¹, но живой рассказ инициатора и очевидца этих событий вносит важные дополнительные штрихи в эту эпопею. Воспоминания написаны в 1985–1986 годах. Документ представляет собой авторскую рукопись в пяти тетрадах большого формата. Текст был подвергнут некоторому исправлению согласно нормам современного русского языка, и отдельные сокращения, использованные автором (Л-д, Петрогр., ц-ви, быв., прод.), для удобства чтения расшифрованы. Материал в составе семейного архива передан в ГМИСПб сестрой автора Марьяной Михайловной Устольской, которой мы приносим искреннюю благодарность за разрешение осуществить данную публикацию. В настоящее время архив находится в обработке.

¹ См., например: *Краснояров В.* Покорители золотых вершин // *Белые ночи*. Л., 1973. С. 434–465 (В. Краснояров — псевдоним журналиста В. И. Михельсона); *Воробьев Е.* Небо в блокаде. М., 1975; *Баранов Н. В.* Силуэты блокады. Л., 1982; *Замятин Л.* Покорители золотых вершин // *Нева*. 1985. № 5. С. 190–194; *Медведев М.* Требуется верхолазы. М., 1987; *Бобров М. М.* Хранители ангела. СПб., 1998; и др.

О золотых шпилях

Часто из-за артобстрела или бомбежки приходилось отсиживаться в нашей общей комнате «районных» в Инспекции. <...> начинались разговоры. Ольга Николаевна¹ делилась своими тревогами. В ее Октябрьском районе находились два объекта, два шедевра, составляющие гордость и славу Ленинграда и, однако, ставшие для него и его жителей опасными: Исаакий с его величественным золотым куполом и Адмиралтейство, славившееся своей, воспетой еще Пушкиным «адмиралтейской иглой». Они сияли, блестели, светились, видные издали ясно и четко, и фашисты, окопавшиеся под Ленинградом, по ним корректировали прицелы своих дальнобойных пушек (не только эти два объекта, но и Петропавловский шпиль, и острое над Инженерным замком, и многие другие позолоченные купола церквей служили прекрасными ориентирами врагу). С тех пор, как начались систематические артиллерийские обстрелы города, начальству стало ясно, что все это «золото» необходимо срочно замаскировать, окрасить в нейтральные, блеклые, под стать ленинградскому небу, тона, или укрыть, окутать чехлами. Ольга Николаевна говорила нам, что с маскировкой Исаакиевского собора проблемы собственно нет, он будет окрашиваться; химики уже подобрали состав красок, для работ на куполе готовятся люльки, лестницы, нашлись и верхолазы.

Трудную проблему, по словам Шилиной, представляют высокие шпили, а в ее районе — шпиль Адмиралтейства. Как к ним подцепиться? Как навесить на верхушку блоки или петли? О том, что шпиль Адмиралтейства нельзя окрашивать, было уже решено, его надо было укрыть чехлом из мешковины, главный вопрос был в том, чтобы найти людей для выполнения маскировки на такой высоте.

А между тем, начальство из Смольного и военное командование требуют, торопят, угрожают... Кому, чему угрожают? Самим шпилям. Гордости и красе Ленинграда. И сама Адмиралтейская игла с ее корабликом, ставшая позднее символом Ленинграда, другие шпили города, если их не удастся замаскировать, были приговорены к уничтожению, к сносу! Да, да — так стоял вопрос в те дни. Потому так тревожно было в эти дни в Инспекции по охране памятников, призванной их охранять, оберегать, потому так беспокоилась районный архитектор Шилина.

Звонки, звонки, звонки; из штаба², из Исполкома и Обкома, от главного архитектора города Баранова³. Все требуют от Белехова⁴ того или иного решения и незамедлительного исполнения. В <...> книге⁵ главный архитектор Н. В. Баранов сам пишет на стр. 43 (но, конечно, несколько завуалированно): «Возникла срочная задача — максимально ослабить восприятие этих ориентиров. Некоторые горячие головы с ходу предложили разобрать башни, купола и шпили (не Жданов⁶ ли, не Попков⁷ ли в своем замаскированном Смольном? — Н. У.). Но это мнение было отвергнуто сразу как несостоятельное (сразу ли? — Н. У.) — не хватало еще нам собственными руками разрушать выдающиеся архитектурные и художественные ценности!» И Н. Н. Белехов делал в те дни все, что мог, но попытки срывались, а О. Н. Шилина и другие головы теряли от тревоги, что же предпринять? Как?

— Ольга Николаевна, а если альпинистов пригласить?

Я, еще стеснявшаяся проявлять среди многоопытных архитекторов ГИОП инициативу, обратилась с таким вопросом-советом к Шилиной.

— Альпинистов?

Тут надо сказать, что тогда, в 30–40-е годы, понятие об альпинизме было у населения весьма смутное; единицы вообще могли быть в курсе, что это за спорт и что он может дать в данном случае. А большинство считало, что это что-то близкое к безумию, опасное и никому не нужное увлечение.

Ольга Николаевна — мне задумчиво:

— Пойдите к Белехову. Как он отнесется к такому странному предложению?

Улучив редчайший момент, когда Николай Николаевич был в своем кабинете один, я несмело вошла к нему.

– Николай Николаевич, не пригодятся ли для дела о маскировке шпилей альпинисты?

– Что?

– Николай Николаевич, я нынешней зимой занималась в альпинистской секции, готовилась к восхождениям... В нашем обществе (спортивное общество «Искусство») есть известные и опытные альпинисты, инструкторы.

– Наташенька, что такое Ваши альпинисты? Впрочем, надо подумать... поговорим позднее.

Конечно, Белехов был удивлен, в недоумении, но ведь он был наш необыкновенно отзывчивый, находчивый Николай Николаевич. На следующий день он призвал меня к себе в кабинет. Оказалось, что он сказал об этом странном, но и любопытном, с его точки зрения, предложении начальнику по делам Культуры Загурскому⁸, а тот был знаком с питомцем консерватории виолончелистом Михаилом Шестаковым и слышал от него о спорте смельчаков, покоряющих вершины гор, и кое-что об альпинистской технике и приемах. Мысль применить альпинистский опыт и сноровку показалась интересной и даже многообещающей.

Мое второе свидание с Белеховым было коротким:

– Снимаю Вас со всех Ваших объектов. Давайте альпинистов.

– Постараюсь, но ведь, легко сказать, Вы же представляете себе, Николай Николаевич, мужчины, тем более спортсмены все на фронте, в ополчении, воюют.

– Ищите.

Так началось в ГИОП в конце сентября это важное для Ленинграда мероприятие; и купол Исаакя и шпили Адмиралтейства, Инженерного замка, Петропавловки были замаскированы, не светились уже в ленинградском небе. Как все это налаживалось, как происходило, я расскажу ниже. А пока в сентябре передо мной стояла одна задача: дать альпинистов.

Наше спортивное общество помещалось в Доме искусств им. Станиславского (быв[шем] дворце Юсуповых) на Невском, д. 86. Вход был со двора во 2-ой этаж. К счастью, канцелярия спорт[ивной] секции оказалась открытой (там велись еще какие-то отчеты), и я с первого же захода застала в обществе его неизменного секретаря Саара⁹. Услышав от меня, в чем дело, Саар сразу же схватился за свои списки. У него не только оказались адреса всех членов нашей спортсек-

ции, но, что еще важнее, свежие сведения: кто, где и чем в настоящее время занимается (конечно, не полные).

— Так... Альпинисты... Поищем. Вот наши инструкторы: Кабанов Володя — воюет. Шестаков Михаил — воюет. Тот, другой — тоже на фронте. Бобров Михаил — был ранен, в госпитале... вероятно, уже на поправке. Я поговорю сам. В городе сейчас — Алоизий Земба, кое-кто из девушек — Фирсова, Пригожева. Запишите их адреса.

Первой я разыскала на улице Блохина Петроградской стороны Лялю Фирсову. Это было не так просто. Ляля работала на каких-то погрузках*, я оставила ей на квартире записку. Саар быстро раздобыл Алоизия Зембу и узнал о Боброве. Ляля Фирсова пригласила Аллю Пригожеву, а муж Ляли — Михаил Шестаков случайно сам встретился мне на Невском проспекте**, и мы с ним тут же переговорили. Миша, конечно, загорелся, но не представлял себе, как ему перевестись из той военной части, под Пулковом, где он служил, в город. Позднее он рассказывал мне, что, глядя со своих позиций на высотные ориентиры города, он и сам подумывал об использовании альпинистской техники.

Настал день, когда четверо альпинистов из нашей секции — двое мужчин и две девушки — явились в здание театра¹⁰ и спросили меня. Был приемный день, все были на местах, и я тут же отвела своих друзей к Белехову. Вскоре все четверо — О. А. Фирсова, А. С. Пригожева, А. О. Земба и М. М. Бобров были оформлены в ГИОП как рабочие по маскировочным работам высшей сложности и получили карточки 1-й категории. Им предстояла ответственная, сложнейшая, никогда ранее не знаемая работа в холоде, на ветру и в тихое время, и во время тревог и налетов. Увы, не все из них выжили. Теперь о героическом подвиге ленинградских альпинистов из Д[обровольного] с[портивного] о[бщества] «Искусство»*** написано много книг, статей, есть даже фильмы. Моя роль в своеобразной альпинистской эпопее быстро закончилась, ведь в моем районе «золотых» вершин не было. Я виделась с отважной четверкой, когда они в конце месяца

* Комментарий О. А. Фирсовой: «Я работала на разгрузке минных ящиков в порту».

** Шестакову иногда удавалось откомандироваться из части в город, повидать своих. — Н. М. Уствольская.

*** Здесь необходимо сказать, что, вероятно, в городе, можно было найти и других более опытных и более известных и прославленных альпинистов из других спортивных обществ. Дело случая, что я знала именно этих из ДСО «Искусство». — Н. М. Уствольская.

являлись в ГИОП для получения продуктовых карточек на следующий месяц. Ляля Фирсова бывала у меня дома.

Расскажу немного об этой «четверке плюс один» (один это М. Шестаков, присоединившийся к работам на шпилях позже).

Ольга Афанасьевна (Ляля) Фирсова и Михаил Шестаков были супругами. Вероятно, они поженились незадолго до войны, и Ляля была безумно влюблена в своего видного, красивого мужа. Оба они закончили Ленинградскую консерваторию, он — по классу виолончели, она — как дирижер хорового пения. Оба были уже инструкторами альпинизма, много бывали в горах, а весной 41-го, вместе с Володией Кабановым, руководили кружком начинающих, в котором начала изучать приемы альпинизма и я. На этих занятиях, как теоретических, так и практических, с вылазками для упражнений в скалолазании в Тосно и в Саблино (дачные места по Московской ж. д.) я с ними и познакомилась.

Ляля Фирсова была среднего роста, очень ладная в движениях, веселая по характеру молодая женщина с выразительным круглым личиком, которое очень украшали живые и умные серые глаза под темными, прежде сказали бы «соболиными» бровями. Щеки ее были смугло-румяными бархатистыми и напоминали спелые персики (описание это относится к довоенному времени.) Все мысли Ляли с того момента, как она была оформлена в ГИОП на верхолазные работы, были о Мише, о том, как бы поскорее вызволить его из его воинской части под Пулковом и оформить ему перевод в группу маскировщиков. В течение зимних месяцев она без конца писала заявления, требования, разные бумаги в Штаб Ленинградского военного округа, добиваясь этого перевода, который был осуществлен наконец уже весной 42-го года.

Михаил Шестаков был красив, высок, атлетически сложен, приветлив и улыбчив <...>. В те первые и самые тяжелые месяцы, когда производились первые маскировки, его все не отпускали из части (см. Приложение, IV¹¹), и он лишь издали, из своих окопов, глядел в сторону города, и ему представлялась как бы горная цепь с несколькими, возвышающимися над нею пиками, не алмазно-белыми, как на Кавказе, а золотыми. Миша был не только музыкантом, но и изобретателем-конструктором. Так, глядя на эти золотые «вершины», он стал рисовать схемы и комбинации блоков и узлов для различных способов подтягивания и закрепления снастей. Свои схемы и соображения он передавал Ляле, которая время от времени пробиралась к нему с риском для жизни, по ночам, через изрытые снарядами поля и огороды пригорода. Она предпринимала эти вылазки, лишь бы повидать-

ся с ним и получить его подпись под очередной бумагой в штаб фронта о переводе его на новое поприще.

Пригодились ли тогда Мишины схемы — не знаю, но позднее он с успехом применял свои идеи на сложных скальных работах при строительстве гидроэлектростанций. Такова была эта пара, казалось бы, такая дружная. Но, когда жизнь опять наладилась, они расстались <...>

Аля (Александра) Пригожева — типичный до плакатности образец советской девушки 30–40-х годов. Работала она до войны делопроизводительницей при спортивном обществе «Искусство». В первые же дни войны она отправилась в военкомат, но в ополчение ее не взяли. В ту зиму при верхолазных работах на Адмиралтействе, Инженерном замке и Петропавловке она была верной напарницей более опытной и предприимчивой Ольги Фирсовой. Я познакомилась с Алей в каком-то веселом туристском походе по Васкелово-Кавголовским холмам в 1940 году, а мои друзья Фукин¹² и Назарьин¹³ знали ее по альпинистскому лагерю «Рот-Фронт» <...> Я и запомнила Алю, к которой так подходила ее фамилия, жизнерадостной, высокой и статной молодой девушкой с мальчишески-спортивными движениями, оптимисткой без страха и сомнений. Была она по-мальчишески острижена, румяна, улыбчива, увлекалась кроссами, походами, плаванием, лыжами и, конечно же, была смелой и выносливой альпинисткой. Кто бы мог подумать, что именно Аля, самая молодая и, казалось, крепкая из пятерки маскировщиков, первая погибнет от истощения, не перенесет всех испытаний той первой страшной зимы. Аля Пригожева не дожила до весны. Она умерла в марте 42-го года*.

Другой жертвой блокады и войны стал Алоизий Земба, которого все, кто его знал, называли любя «Люсей». Алоизия я знала меньше других, так как он не участвовал в кружке для начинающих, в котором я познакомилась с другими альпинистами. Хорошо помню его облик. Он был долговязый, тощий, слегка сутуловатый, как многие высокие люди, блондин, с немного как бы размагниченными движениями и с удивительно кроткой, даже застенчивой улыбкой, благодаря которой ему подходило прозвище «Люся». Он, вероятно, был очень добр.

Алоизий работал на студии «Ленфильм» осветителем в цехе обработки пленки. Его сослуживец по студии Владимир Кабанов (тот, кто руководил нашим кружком) еще в 1937 году затянул парня в горы,

* Комментарий О. А. Фирсовой: «Я встретила сестру Али Пригожевой Нину на углу Невского и Литейного, она меня окликнула. Она мне сообщила, что Аля умерла в Первомайские праздники».

и с тех пор Алоизий стал страстным альпинистом и надежнейшим товарищем в любых сложных ситуациях. И на работе и в горах товарищи любили Люсю за веселый нрав, скромность и бесстрашие. Он участвовал в финской войне, получил ранение в ногу, но больная нога не помешала Алоизию вступить в бригаду верхолазов, однако очень мучила его. Вдвоем с Михаилом Бобровым они выполняли самые ответственные и трудные работы по маскировке, о чем я расскажу позднее.

Михаилу Боброву не исполнилось еще и 18 лет, когда началась война, и его, как и Пригожеву, первоначально отказались записать в народное ополчение, когда он вместе с товарищами по оптико-механическому заводу, где он работал слесарем, явился в конце июня в военкомат. Однако когда там узнали, что этот крепкий парень опытный спортсмен, лыжник и альпинист, его приняли в спец. отряд для подготовки разведчиков. <...> Миша сам рассказывал мне, как Николай Николаевич Белехов, которого он очень уважал, в те дни особенно интересовался рассказами о его деятельности как разведчика и восклицал, обращаясь к окружающим: «Нет! Вы только подумайте! Совсем ведь мальчик, а уже не только побывал в тылу врага, но и «языков» сумел раздобыть!» — и постоянно просил рассказывать, как Миша все это проделывал. Из госпиталя Мишу извлек секретарь нашего общества т. Саар. Поскольку Михаил хорошо знал Зембу еще по горным тропам и оба они не раз ходили «в одной связке», они были уверены друг в друге и при этих необычайных восхождениях, которые им пришлось осваивать на золотых вершинах Ленинграда — им работалось вдвоем дружно и слаженно. <...>

Был в активе ГИОП еще один опытный и смелый верхолаз-строитель и обмерщик архитектор Юрий Павлович Спегальский¹⁴. Главным делом жизни Ю. П. Спегальского было дело реставрации памятников города Пскова, тем более что и сам он был коренной пскович. Но в дни войны Спегальский отдаст все свои силы, умение и знания блокадному Ленинграду, и, хоть сам он никогда не занимался альпинизмом, он тоже включается в маскировочные работы на высотных точках города: на куполах церкви Иоанна Предтечи на Лиговке¹⁵, на Адмиралтействе, на

* Комментарий О. А. Фирсовой: «Спегальскому было поручено срезать на переплавку крест с колокольни церкви Иоанна Предтечи, после чего он был направлен на другой объект. А маскировку этой церкви от и до, ремонт и демаскировку я делала одна. Маскировка проходила в мае-июне 1942 года. У меня не было помощников, и я нашла двух здоровенных финок, румянощеких (это — 1942 год, представляете?). У них были ижженческие карточ-

куполе церкви Екатерины на Васильевском острове и др. Я знала Юрия Спегальского еще по институту, он был самобытный, интересный, увлеченный человек, добрый и отзывчивый. В институте он ходил в русских сапогах, косоворотке, совсем еще молодой, красивый и румяный, он носил небольшую русую бородку (что тогда отнюдь не было в моде) и подстригался «под скобку», так что выглядел таким добрым русским молодцем — псковичом*. И вся его деятельность и все его мечты были посвящены Пскову. В годы блокады, когда родной его Псков был оккупирован фашистами, он успевал еще заполнять свой альбом рисунками, посвященными архитектуре древнего Пскова. К маскировочным работам на шпилях и куполах Ленинграда привлекла Спегальского не я; он состоял в штате ГИОП еще до моего поступления в это учреждение. <...>

«Альпиниада» в Ленинграде

Пора рассказать о том, как проходила силами четверки альпинистов работа по маскировке «золотых вершин Ленинграда» в ту жестокую блокадную зиму 1941–1942 года. На совете у Бориса Ивановича

и дети на руках. Они согласились мне помогать. Я их проинструктировала, объяснив, как они были должны меня страховать при подъеме и спуске. Как только я поднималась на колокольню, начинался обстрел: сначала прицельный, а потом и всего района. И вот население Лиговки пришло к воротам церкви требовать прекращения работ. Мы ушли с этого объекта. Н. Н. Белехов предложил работать не днем, а в сумерки или рано утром. Работали после 8-и часов вечера. Наступили белые ночи. Однажды мы задержались, очень хотелось закончить работу до конца. И меня засекли фашисты в лучах восходящего солнца. Начался шрапнельный обстрел, очень страшный. От него никуда не спрятаться. Я даже видела направление этого обстрела. Меня нужно было срочно спускать, а помощницы от страха бросили веревки и убежали. Я летела много метров, пока не задержала сама себя, закрепив веревку ладонями. В результате даже сухожилия на ладонях были повреждены — мясо осталось на веревке. Я очень долго не могла работать».

* Комментарий О. А. Фирсовой: «Наташа все правильно описала, я даже не сумела бы ничего добавить. Он был воплощением русского не только в облике, но и в мыслях. Это был необыкновенно доброжелательный человек. Он ко мне нежно относился, как говорится, немножко жалел. Боялся, что высотные работы могут закончиться трагедией. Последний раз я встретила его в начале Невского проспекта, около магазина "Лавка художника". Не обращая внимания на публику, он обхватил меня по-мужички, а потом подхватил меня, покачал на руках, как не очень тяжелое бревно, и опустил. Это был 1947 год. Я уже была в разводе с Шестаковым. Он мне выразил сочувствие, а потом сказал: "Ничего, все впереди, ты еще молодая". И был прав».

ча Загурского была решена очередность этих работ. В первую очередь — Адмиралтейство, к маскировке которого приступили в конце сентября, в октябре подступились к шпилю Инженерного замка, и только в первых числах декабря началась окраска самого высокого «пики» — шпиля Петропавловского собора. Позднее, приступили к маскировке уже не таких высотных объектов: куполов того же Петропавловского собора и некоторых церквей. <...>

Итак, конец сентября 1941 года. Место действия — Адмиралтейство. Первая проба для проверки сноровки, изобретательности, смелости и выдержки верхолазов.

Ввиду того, что в России до середины XIX века способ золочения куполов и шпилей заключался в том, что на их поверхность позолота, состоявшая из тончайших лепестков золота, накладывалась слой за слоем на специальный клей, наносить краску на такую поверхность было невозможно, это повредило бы позолоте. Поэтому было решено, что и на Адмиралтейскую иглу и на шпиль Инженерного замка должен быть натянут специальный чехол. И действительно, под руководством Ольги Николаевны Шилиной и главного архитектора Адмиралтейства Владимира Ивановича Пилявского¹⁶ на швальне Адмиралтейства за одну ночь был сшит из мешковины гигантский чехол весом в полтонны. Но как этот чехол на 72-метровую высоту поднять, как укрепить блок на самой верхней точке шпиля?

Из статьи В. Красноярова: «Шпиль Адмиралтейства исключительно сложен для подъема <...> Внутри шпиля сплошные деревянные конструкции, человеку там не протиснуться. Скоб на поверхности восьмигранника тоже нет <...> К тому же в своей верхней части шпиль тонок, венчает его так называемое яблоко, корона и вращавшийся на ветру кораблик, сделанный из листовой меди и имеющий тонкий непрочный каркас»¹⁷. На галерею под основанием шпиля поднялись О. Н. Шилина, Н. Н. Белехов, В. И. Пилявский и четверка альпинистов. Обсуждали, примерялись. Случайно, при взгляде вниз, где в Александровском садике были пришвартованы огромные аэростаты воздушного заграждения, Оле Фирсовой пришла в голову счастливая мысль использовать для укрепления блока* наверху аэростат¹⁸. Начальник

* Комментарий О. А. Фирсовой: «Мы привыкли подниматься ногами и руками при помощи крючьев и веревок. Как подняться на эту вертикальную высоту? Мальчики сразу сказали, что нужно верхнее укрепление. Только при условии, если сверху есть укрепленная точка в виде блока, через который пропущена веревка, можно подниматься верхолазу. Целых две недели

ГИОП Белыхов обратился за содействием в штаб МПВО, и вскоре в помощь верхолазам в ГИОП был откомандирован летчик-воздухоплаватель старший лейтенант В. Г. Судаков¹⁹.

Да, теперь наступил момент для альпинистов проверить свои знания и сноровку по технике восхождения на золоченом «пике» Адмиралтейства. Первыми поднялись альпинисты-мужчины. Им, еще не имевшим, конечно, никакого опыта по такого рода работе, досталась самая трудная и ответственная задача.

Итак, Бобров и Земба занялись фигурами²⁰, а одевать их было особенно сложно, так как блок подъема висел в нижней части короны, и работать надо было над ним, держась на ничтожной опоре. Покончив с верхушкой, они завели на место конец основного чехла, закрепили, принялись оборачивать шпиль, как запахивают полы. Настал черед для наиболее сложной работы: после того как гигантский маскировочный «халат» был поднят и закреплён, надо было, постепенно расправляя мешковину, зашивать чехол. Эту операцию поручили Ольге Фирсовой и Але Пригожевой*. <...>

Ольга рассказывала, как она работала на холодном октябрьском ветру, сидя на неудобной дощечке. Она размещалась на подветренной стороне «иглы», чтобы использовать для своей выгоды ветер, который, нещадно дуя ей в спину, плотно прижимал и ее и самое мешковину к шпилью. Одета она была поверх теплого свитера в аль-

ушло только на то, чтобы укрепить блок. Это было сделать очень трудно: дули сильные ветры. Приблизиться с наветренной стороны было невозможно. У кораблика очень острые металлические края, они могли проколоть шар и человек, находящийся в его люлке, мог погибнуть. С подветренной стороны шар отдувало, оттягивало, и к кораблику было не приблизиться. Только через две недели, ранним безветренным утром, удалось приблизиться к шпилью».

* Комментарий О. А. Фирсовой: сложность маскировки яблока, короны и кораблика заключалась еще и в том, что их надо было укрывать по отдельности. «Кораблик заворачивался в прямое, сшитое из мешковины полотно. Он накрывался и подвизывался снизу, чтобы мешковина не мешала ему вращаться. Потом нужно было туго запеленать сам кораблик. Это называется ошпаговка. Отдельным полотнищем была укрыта корона, отдельно был зашит в полотнище шарик. И все это было туго обвязано, чтобы ткань не колыхалась. "Халат" или "юбку" (так маскировочную ткань назвала Фирсова. — А. Е.) поднимали в свернутом виде за три конца: середину и два края. Разворачивали материал буквально по 10 сантиметров, так как нельзя было допустить, чтобы он парусил. В таком случае под давлением ветра шпиль мог быть поврежден — верхушка шпиля просто слетела бы».

пинистскую штурмовку, на голову одевала два берета — один на левое, другой на правое ухо, на ногах ее были ботинки сорок шестого размера, так как поверх двух пар шерстяных носков ноги были обмотаны еще и шерстяными портянками и газетами. А вот рукам было холодно, чтобы работать иглой, пальцы на перчатках были срезаны. Под «душегубкой»²¹ у Ольги висели еще пара рукавиц и сумка от противогаза с портняжными принадлежностями — мотком парусных ниток, изогнутыми иголками, большими ножницами и острейшим кухонным ножом в самодельном чехле. С этой высоты ей слышны были и сигналы тревоги и отбоя, видны были пожары, взрывы. Однажды, когда Оля работала на шпиле, совсем близко от нее снизился «мессершмитт» и дал длинную очередь из пулемета; пули прошли позолоту. Немец пролетел близко, под прозрачным колпаком кабины Ольга различила лицо летчика в шлеме и очках.

Аля Пригожева, сменяя Ольгу, работала на шпиле с таким же снаряжением, переживала те же трудности. Увы, Але не довелось дожить до освобождения родного города от вражеской осады, фотографы и кинематографисты еще не делали своих эффектных снимков на шпиле, не пришлось ей участвовать в демаскировке золотых вершин города.

К ноябрю 41-го и ГИОП, и МПВО, и альпинисты, имевшие теперь уже немалый опыт восхождения, готовились ко второму высотному «штурму» — на шпиль Инженерного замка. Снова Алоизий Земба и Михаил Бобров первыми овладели этой 58-метровой, но очень сложной вершиной. <...> Укрепив наверху двойной блок, Бобров и Земба подтянули наверх брезентовый чехол, зашивать который снова предстояло двум отважным «рукодельницам» — Оле и Але. <...> Ольга рассказывала мне, что на руках у нее не проходили болезненные нарывы*.

Маскировочные работы продолжались. Алоизий и Михаил готовились к наиболее ответственному заданию — к маскировке шпиля Петропавловского собора, который решено было, как и купол Исаакия, окрашивать (купол и шпиль были позолочены способом гальванопластики, и краску впоследствии можно было смыть каустической содой). <...> Наконец, первого декабря 41-го года Алоизий Земба и Миша Бобров приступили к штурму восьмигранного золотого шпи-

* Комментарий О. А. Фирсовой: «Эти нарывы назывались "скорбуты". Они появились у меня на почве истощения. Их следы остались до сих пор. Это были сквозные раны на ладонях между большим и указательным пальцами. Чтобы прочистить этот нарыв, врач засовывал пинцетом тампон и двигал им сквозь ладонь туда-сюда. Я этого не могу забыть до сих пор».

ля, увенчанного на вершине пика фигурой ангела с крестом, вращавшегося, как флюгер, на шаре. <...>

Невозможно себе представить, как на этой высоте, в декабрьский мороз, на раскачивающемся от ветра острие шпиля Алоиз, а за ним и Миша преодолевали «выход» на полутораметровый в диаметре шар! В альпинистской технике такой момент называется «нависание» (или «отрицательный угол»). При нижней страховке, отклоняясь от вертикального положения, спиной надо было на руках подтянуться на шар, к основанию креста. От слухового окошка в шпиле до вершины креста — двадцать метров. <...>

Алоизий и Миша укрепили наверху стальные тросы и установили блоки: два для самих себя и два для подъема ведер с краской. В этот момент начался артиллерийский обстрел. Надо было торопиться. <...>

Потянулись дни (позднее ночи) и недели невероятно тяжелой утомительной работы. Алоизий и Миша, подвесившись на стометровой высоте на парашютных стропах, сидя на узенькой, неудобной дощечке, замерзшими руками наносили на золотую поверхность шпиля корабельную краску сероватого цвета, и постепенно скрывался от глаз фашистских артиллеристов и летчиков яркий и четкий ориентир — золотая игла колокольни Петропавловского собора²² <...>

Ведра с краской подавали им снизу бойцы МПВО. На морозе краска застывала, не хотела ложиться на металл. Да и сам металл на морозе покрывался слоем изморози. Одно и то же место, а особенно там, где на солнечной стороне поверхности шпиля эта изморозь под лучами солнца местами сходила, приходилось перекрашивать по несколько раз. Вражеские летчики кружили над Петропавловкой. <...>

Из-за постоянных налетов, обстрелов, осколков, из-за потери времени и сил на хождение домой и назад к Петропавловске друзья решили изменить режим работы: окрашивать шпиль по ночам, когда ничто им не мешало и не тревожило, а заодно и вообще переселиться в собор. Сторож-смотритель помог им в этом переселении.

Как-то проводя экскурсию на колокольню и шпиль, Михаил Михайлович показал на небольшую сводчатую каморку под лестницей колокольни. «Вот здесь, — сказал он, — мы с Алоизием и жили. Спали, можно сказать, на могилах царевича Алексея и его жены». <...>

Соседство царственных захоронений нимало не тревожило самоотверженных верхолазов. Наоборот, им стало теперь гораздо удобнее и проще. В одной из казарм на территории крепости они раздобыли пару коек, смотритель установил в каморке буржуйку, которую топили, разбирая здесь же внутри колокольни старую шахту от

прежней конструкции курантов²³. Дерево было сухое-пресухое, в камере тепло. Михаил Михайлович рассказывал: работу они начинали, когда становилось уже совсем темно, часов в 6–7 вечера, разогревшиеся, отдохнувшие и почти сытые. Поднимались на свою высоту в ночь, в мороз, в тишину, на свой сверкающий над уснувшим городом пик. Город был тих, погружен в темноту, лишь Нева широким белым пространством светилась под звездами, лишь на юге, там, где был враг, краснели вспышки и зарева, а небо — небо было беспокойным, во всех направлениях пересекаемое снующими голубыми лучами прожекторов. Они красили и красили, глуша предательское сверканье шпиля, изредка окликая и подбадривая друг друга. Глубокой ночью, устав и до костей промерзнув, они спускались в свою камеру, где, они знали, сторож уже снова протапливает буржуйку и кипятит для них чайник. Это было счастьем и спасением, что никуда после работы не надо было брести, что тут же внизу, у них под ногами, их уже ждали горячий чай и теплые постели. Но сверхтяжелая их работа, напряжение, постоянное недосыдание, морозы — все более и более подтачивало их силы. <...>

Оля и Аля, закончив работы по маскировке Михайловского шпиля, тоже работали на Петропавловском соборе, окрашивая купол над алтарем. Потом ГИОП поручил девушкам работу по обмерам нескольких памятников архитектуры (на высотных частях зданий, без лесов): на карнизах и фронтонах Александринского театра, костела Екатерины на Невском, в Таврическом дворце. Аля, не переборов простуды, сдавала, но все же эта славная пара работала не покладая рук еще и в январе, и в феврале...*

К весне «хранительницей» высотных объектов Ленинграда осталась одна Фирсова. Ей пришлось собирать и организовывать новую обмерную бригаду.

<...> неизвестно где, как и при каких обстоятельствах оборвались жизни Алоизия Зембы²⁴ и его матери. <...>

В эту зиму Алоизию пришлось похоронить своего отца, мать тоже была совсем слаба, друзей в городе не было, многие из них воевали на горных перевалах. Через товарищей Зембы, от Володи Кабанова и других [журналисту] Михельсону удалось напасть на след большого друга Зембы и бывшей его сослуживицы по студии Зои Васильевны

* Комментарий О. А. Фирсовой: «В это время Земба уже не работал, Бобров был мобилизован. Аля Пригожева последний день была на работе 10 января, 11 января я пришла в Петропавловский собор одна. В феврале и марте уже и я не работала на высотных работах».

Встреча альпинистов-блокадников в Петропавловской крепости 9 мая 1981 г.
Слева направо: М. М. Бобров, О. А. Фирсова, Н. М. Уствольская,
М. М. Уствольская, О. И. Фирсова (дочь О. А. Фирсовой).

Сумбатовой. Из беседы с Зоей он узнал, что именно она провожала в конце марта 42-го года Алоизия и его мать, больных и вконец изможденных, на перроне Финляндского вокзала.

— При прощании, — рассказывала она, стараясь удержать набегавшие на глаза слезы, — Люся, как я ни отказывалась, дал мне целую буханку хлеба (очевидно, выдававшуюся как «сухой» паек отъезжающим. — Н. У.).

— Мы едем на Большую Землю, а вы с Лаурочкой остаетесь здесь, — сказал он ей при расставании.

— Была ночь, светила луна, когда я попрощалась и зашагала по Неве домой, спрятав драгоценную ношу под шубой. Как я позднее узнала, глубокой ночью 29 марта эшелон отправился на Борисову Гриву к Ладоге.

Зоя Васильевна несколько месяцев ждала весточки от Алоизия. Наконец, из Северного Казахстана, от родственников, к которым он направлялся, пришло письмо: «Мы их ждали, но они так и не приехали. Наверное, что-нибудь стряслось в пути. Или разбили эшелон, а может быть, провалились под лед, когда ехали по Ладоге»²⁵. Вероятно, так и было. Много жертв собрала тогда суровая Ладога. Так, на пути к спасению, бесследно исчезли бесстрашный альпинист, все силы

свои и умение отдавший на труднейшее дело большого стратегического значения, Алоизий Земба и его мама. <...>

Стационары спасли многих ленинградцев. Но далеко не все попадали в стационар. Только в мае я узнала, что без всякой помощи, без всякой поддержки умерла в конце марта самая молоденькая, казалось, самая крепкая из четверки альпинистов-маскировщиков ГИОП — Аля Пригожева. А ведь стационары уже существовали, и ей, наверное, еще не поздно было подать руку помощи. <...>

Конечно, ГИОП и Управление по делам искусств и военные из МПВО должны были бы поинтересоваться судьбой людей, так самоотверженно отдававших свои последние силы для ответственных заданий, так нужных городу... Увы, ни Аля Пригожева, ни Люся Земба не дождались помощи. Ольга Фирсова узнала о печальной судьбе Али от ее младшей сестренки, встретившейся ей на Литейном проспекте. «Осталась я, Оленька, совсем одна», — сказала она почти шепотом и заплакала. <...>

Но все же подчеркну: нельзя судить по нашим здоровым, нормальным меркам поступки людей, их тупое равнодушие и бессилье. Тогда все привыкли к смертям, ежедневно могли ждать того же и для себя. <...>

¹ Ольга Николаевна Шилина (1903–1982). В этот период — архитектор ГИОП Октябрьского и Кировского районов.

² Штаб обороны Ленинграда находился в Смольном.

³ Николай Варфоломеевич Баранов (1909–1989) — главный архитектор Ленинграда с 1938 по 1950 г.

⁴ Николай Николаевич Белехов (1904–1956). Осенью 1941 г. заместитель начальника, в декабре — начальник Отдела охраны памятников.

⁵ Имеется в виду книга: Баранов Н. В. Силуэты блокады. Записки главного архитектора города. Л., 1982.

⁶ Андрей Александрович Жданов (1896–1948) — секретарь ЦК ВКП(б), в 1934–1944 гг. первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б); в период Великой Отечественной войны член Военного совета Северо-Западного направления, член Военного совета Ленинградского фронта.

⁷ Петр Сергеевич Попков (1903–1950) — в 1939–1946 гг. председатель Ленгорисполкома; в период Великой Отечественной войны один из руководителей обороны Ленинграда, член Комиссии по вопросам обороны Ленинграда.

⁸ Борис Иванович Загурский (1901–1968) — музыковед, заслуженный деятель искусств РСФСР, в 1936–1938 директор Ленинградской консерватории, в 1938–1941 и в 1944–1951 начальник Управления по делам искусств Ленгорсовета, в 1951–1961 директор Ленинградского Малого оперного театра.

⁹ Сведений об этом человеке найти не удалось.

¹⁰ Ленинградская государственная инспекция по охране памятников (Отдел охраны памятников) размещалась в годы войны в здании Большого драматического театра им. М. Горького (ныне Большой драматический театр им. Г. А. Товстоногова).

¹¹ М. И. Шестаков служил в хоз. части 2-го стрелкового полка 6-й дивизии Народного ополчения. В НМИИС КГИОП хранится переписка по поводу откомандирования альпиниста на маскировочные работы (П. 90. П-310. Л. 89, 92).

¹² Николай Михайлович Фукин (1908–1982) — инженер-архитектор.

¹³ Николай Михайлович Назарьин (1909–1993) — архитектор.

¹⁴ Ю. П. Спегальский (1909–1969) — архитектор. См. о нем подробнее: Булкин В., Овсянников О. Ученый. Зодчий. Каменщик. Л., 1983.

¹⁵ Имеется в виду церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (Ямская Иоанно-Предтеченская) на Лиговском пр., 128.

¹⁶ В. И. Пилявский (1910–1984) — инженер-архитектор; впоследствии историк архитектуры, профессор.

¹⁷ Краснояров В. Покорители золотых вершин // Белые ночи. Л., 1973. С. 442.

¹⁸ М. М. Бобров свидетельствовал, что был использован не азростат, а «шарик-прыгун» диаметром 5 м, который служил для осмотра и ремонта азростатов перед их полетом. См.: Бобров М. М. Хранители ангела. СПб., 1998. С. 53.

¹⁹ Владимир Григорьевич Судаков (1907–?). «Мы поставили перед [Судаковым] основную задачу: повесить на штоке под основание кораблика-флюгера веревку, по которой мы могли бы подняться наверх с помощью альпинистской техники — схватывающих узлов «пруссиков»» (Бобров М. М. Указ. соч. С. 53).

²⁰ Имеются в виду венчающие шпиль так называемые яблоко, корона и кораблик.

²¹ Имеется в виду подвешенная на веревочных петлях дощечка, на которой работали альпинисты.

²² В оригинале в этом месте автор делает ссылку на статью Л. Замятина «Покорители золотых вершин», однако тексты не совпадают.

²³ Решение разобрать шахту было принято еще летом 1941 г. в ряду мер по защите Петропавловского собора. В актах, составленных сотрудниками ГИОП и Музея Революции, от 2 июля 1941 г. в пункте № 7 было отмечено: «Имеющуюся в колокольне деревянную шахту (ограждение грузов механизма часов и курантов), необходимо разобрать в части обшивки с сохранением стоек и обвязок основной конструкции, что ликвидирует опасную в пожарном отношении тягу в данной закрытой шахте. Все доски от снимаемой обшивки и весь лишний хлам убрать из пределов колокольни» (НМИИС КГИОП. П. 90. П-310. Л. 114–115) и от 7 августа того же года в пункте № 5: «Внутри колокольни, от уровня главного чердака здания, расположена деревянная шахта, которая разобрана по высоте в 30 метров, и оставленные на месте деревянные брусья, которые служили основным каркасом шахты. На 15-метровой высоте от основания шахты находится деревянное перекрытие, укрепленное на железных балках, перекрытие не разобрано и является с пожарной точки зрения представляющей опасность». По пункту № 5 было сделано заключение: «Пропитать деревянные балки каркаса, оставшиеся от разобранной шахты, суперфосфатом. Разобрать деревянное перекрытие, расположенное на высоте 15 метров от уровня чердака» (Там же. Л. 119).

²⁴ А. О. Земба умер 30 марта 1942 г. См.: Бобров М. М. Указ. соч. С. 90.

²⁵ Автор цитирует по: Краснояров В. Указ. соч. С. 450.

Приложение

Документы, хранящиеся в НМИИС КГИОП, о работе верхолазов-альпинистов по защите памятников архитектуры в 1941–1942 годах*

I

В Снабискусство

27/IX–41 г.

№ 7/1054**

Заявка

По распоряжению начальника Управления тов. Рачинского П. И. для работ по спецзаданиям тов. Попкова, срочно отпустить и доставить на места работ следующие материалы 1-й очереди:

I В Петрокрепость (б. Петропавловский собор)

1.	Сиккатив	30 кг
2.	Охры тертой	15 "-"
3.	Сажи тертой	5 "-"
4.	Шнур электрический	200 метров
5.	То же в резиновой трубке	100 "-"
6.	Патронов обыкновенных	10 шт.
7.	Электроламп	10 "-"
8.	Ленты изолированной	1 кг
9.	Веревки технической Ø 18 мм	80 кг
10.	Проволоки вязательной	5 "-"
11.	Фанеры сосновой	15 листов
12.	Железа кровельного	10 "-"
13.	Ведер железных	10 шт.
14.	Сита для протирки красок	4 "-"
15.	Гвозди 2, 3, 4 и 5" по 5 кг	20 кг
16.	Кисти маховые с длинными ручками	4 шт.
17.	"-" ручные большие	4 "-"
18.	Рукавицы рабочие	20 пар
19.	Перчатки кожаные	8 пар

* Приношу благодарность Ю. И. Кашаверской за оказанную помощь в подборке документов.

** Курсивом выделены надписи, сделанные на документе от руки.

II В Инженерный замок

1.	Блоков двойных для канатов	1 шт.
2.	Каната 10-12 мм	100 м
3.	Веревки 5-6 мм	200 "-"
4.	Мешковины	150 м ²
5.	Троса 6 мм стального	25 м

Зам. нач. Отдела Охраны Памятников (Белехов)

Секретарь Отдела (Гензель)

П. 90. П-310. Л. 109.

II

27/IX 41 г.

№ 7/1053

Начальнику Гарнизона Петрокрепости.

Для производства работ по маскировке шпиля Петрокрепости, производимой согласно указаний Председателя Горисполкома тов. Попкова — необходима установка на время работ полевого телефона (6 шт. Телефонных аппаратов по всей высоте шпиля), о чем Отдел Охраны Памятников просит Ваших распоряжений.

Зам. нач. Отдела Охраны Памятников: (Белехов)

Секретарь Отдела (Гензель)

П. 90. П-310. Л. 110.

III

29/IX-41 г.

№ 7/1054

В Петроградское районное отделение телефонной связи.

Отдел Государственной охраны памятников просит срочно установить полевой телефон для обслуживания работ по шпиллю Петрокрепости, в количестве 6-ти аппаратов по всей высоте шпиля, согласно указаний нашего ответственного представителя.

Работа производится по приказанию Военного Совета.

За нач. Отдела охраны Памятников Ненароков

Секретарь Отдела Гензель

Там же. Л. 108.

IV

3/X-41 г.

№ 10/1087

Секретарю Куйбышевского районного комитета ВКП(б) тов. Лизунову

На основании распоряжения Военного Совета и решения Исполкома Ленгорсовета о маскировке шпилей Инженерного замка, Петрокрепости и др., Отдел проводит указанные работы, ввиду срочности задания открытым способом, без лесов и подмостей, используя для выполнения работ альпинистов и применяя альпийские* методы подъема на высоту.

Несмотря на Вашу личную поддержку нашего требования в ТЭУ ВЦСПС о выдаче необходимого для работ оборудования (н/письмо от 23/IX- с. г. № 7/1034/2) начальник Л. О. Т. Э. У. — тов. Гаврилов задерживает предоставление необходимых вещей:

1) Из 8 штурмовых костюмов выдано лишь — 3, несмотря на то, что на складе Т.Э.У. имеется большое количество новых костюмов.

Нашим же представителям было заявлено, что имеется только 4, в том числе 1 старый, от которого пришлось отказаться.

2) Альпийские веревки (10 концов по 40 м) были предложены гнилые, от которых пришлось отказаться.

3) Репшнуры — имеются сигнальные, длиной 18–24 метров, нужны же охранительные, длиной по 3 метра — 10 шт., могущие быть полученными разрезанием сигнального шнура на несколько частей. ТЭУ отказывается выдать длинные репшнуры.

Ввиду того, что указанное недополучение оборудования срывает выполнение задания — Отдел Охраны Памятников просит Вашего вторичного вмешательства и побуждения тов. Гаврилова к безусловной и немедленной выдаче необходимого оборудования. <...>

Необходимо отметить, что все сношения с тов. Гавриловым крайне затрудняются его обычным отсутствием на месте.

Зам. нач. Отдела Охраны Памятников

Белехов

Секретарь Отдела

Гензель

Там же. Л. 107.

* Так в тексте, надо «альпинистские».

V

8/X-41 г.

№ 7/1109

Командиру 2 СП Д.Н.О.

На основании распоряжения Военного Совета ЛФ и решения Исполкома Ленгорсовета, Отделу Охраны Памятников поручено проведение маскировочных работ большого оборонного значения.

Ввиду особой срочности работы проводятся без лесов на большой высоте, путем привлечения квалифицированных альпинистов и верхолазов, которых в городе сейчас нет.

На основании изложенного нам необходимо откомандирование находящегося в Хоз. части Вашего полка бойца Шестакова, Михаила Ивановича, сроком на 15 дней.

За нач. Отдела Охраны Памятников

Ненароков

Секретарь Отдела

Гензель

Там же. Л. 100.

VI

11/X-41 г.

№ 7/1138

Военному прокурору Л. В. О.

Отдел Охраны Памятников приступая к выполнению спецзадания по Петрокрепости, просит Вашего разрешения на выдачу пропусков в Вашу столовую нашим ответственным руководителям работ, инженеру Жуковскому, Ненарокову и Рюмину, а также 4 высококвалифицированным альпинистам.

Зам. нач. Отдела Охраны Памятников

Белехов

Секретарь Отдела

Гензель

Там же. Л. 96.

VII

11/X-41 г.

№ 7/1139

Директору завода «Монетный Двор»

Отдел Охраны Памятников просит Вашего разрешения на питание рабочих, занятых по выполнению спецзадания по Петрокрепости

в общем количестве до 20 чел., по указанию нашего ответственного руководителя работ инженера Жуковского, сроком по 1-е ноября с. г.

Зам. нач. Отдела Охраны Памятников

Белехов

Секретарь Отдела

Гензель

Там же. Л. 97.

VIII

20/X-41 г.

№ 7/1209

Майору Вавилонову

Отдел Охраны Памятников просит об оставлении для работ по выполнению спецзадания в Петрокрепости шара-прыгуна и команды его обслуживающей до выполнения намеченных работ, по окончании коих шар и команда будут немедленно освобождены.

Зам. нач. Отдела Охраны Памятников

(Белехов)

Секретарь Отдела

(Гензель)

Там же. Л. 85.

IX

23/X-41 г.

№ 7/1230

Председателю Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся
тов. Попкову П. С.

Отдел Государственной Охраны Памятников выполняя Ваше приказание о маскировке шпилей Адмиралтейства, Инженерного Замка и Петрокрепости производит работы без установки лесов, используя для этой цели верхолазов-альпинистов.

Для шпилей Адмиралтейства и Инженерного замка было привлечено 2 мастера альпиниста, которые и произвели означенную работу.

Для маскировки шпиля Петрокрепости необходимо участие еще по крайней мере одного мастера.

Разыскать такого мастера-альпиниста удалось, но он находится в данный момент в воинской части.

Двукратные обращения непосредственно в воинскую часть об откомандировании бойца-альпиниста тов. Шестакова на 10 дней для выполнения оборонной работы — остались безрезультатными (копия отношений Отдела с резолюцией командования прилагается).

В связи с тем, что отказ командования чрезвычайно осложняет положение с маскировкой шпиля Петрокрепости и задерживает выполнение этого задания, Отдел просит Вашего содействия для урегулирования вопроса.

Срок откомандирования т. Шестакова в случае необходимости может быть сокращен для использования его лишь в самой ответственной части работы.

Приложение: упомянутое.

Зам. нач. Отдела Охраны

Памятников:

(Белехов)

Секретарь Отдела

(Гензель)

Там же. Л. 84.

X

3/II-42 г.

Начальнику О.О.П. т. Белехову Н. Н. от бригадира Жуковского Л. А.

В связи с Вашим задержанием в выдаче членам бригады дополнительного пайка и зарплаты еще за декабрь месяц, что ставит все в чрезвычайно затруднительное положение, считаю долгом предупредить, что создавшееся положение грозит развалом бригады и невозможностью выполнить задание. Прошу Ваших срочных распоряжений о выдаче полученных продуктов и выплате зарплаты по сданным <...> актам.

Бриг. инж. Жуковский

Там же. Архив Н. Н. Белехова. Папка № 42.

XI

9/VII-42 г.

Начальнику ООП Н. Н. Белехову от Технорука Спецбригады по маскировочным работам — арх. С. Н. Давыдова.

Репорт

В целях ускорения производства работ, а также облегчения их, рабочее время руководимой мною Спецбригады устанавливается с использованием светлого ночного времени с 3-4 часов.

Для проведения в жизнь означенного мероприятия, дающего возможность значительно повысить производительность труда работников Бригады, им необходимо выдать пропуска на хождение по городу после 23-х часов.

Вследствие изложенного прошу Вашего распоряжения об исхodateйствовании упомянутых пропусков следующим товарищам:

1. Давыдову С. Н.
2. Шестакову М. И.
3. Фирсовой О. А.
4. Сафонову А. Н.

Там же.

XII

20/VII-42 г.

В Военный Совет Л.Ф.

<...> Ввиду разбросанности объектов работы по различным районам города, единственным возможным способом передвижения работников бригады в различное время суток, является имеющиеся у них велосипеды.

На основании изложенного, Отдел просит Вашего распоряжения о закреплении этих велосипедов за спецбригадой, освободив их от мобилизации, выдав соответствующие удостоверения.

Список членов спецбригады:

1. Давыдов С. Н. — технорук
2. Шестаков М. И.
3. Фирсова О. А.

члены бригады

4. Сафонов А. Н.

Начальник Отдела Охраны Памятников (Белехов)

Там же. Папка № 42.

XIII

[Конец 1942 г.]

Секретарю Ленинградского Городского Комитета ВКП(б)
тов. П. Г. Лазутину.

Копия: тов. И. А. Андреев.

В 1941 году по решению Исполкома Ленгорсовета и распоряжению Военного Совета ЛФ — Госинспекции по охране памятников было поручено ответственное дело по маскировке высотных объектов осажденного Ленинграда, могущих служить ориентирами при вражеских обстрелах и бомбардировках.

Для выполнения этого задания, имеющего исключительное значение в общей системе обороны нашего города, Госинспекцией с боль-

шим трудом была создана Маскировочная Спецбригада, для участия в которой в качестве верхолазов, в виду отсутствия таковых в Ленинграде, были привлечены высококвалифицированные альпинисты.

Самоотверженным и упорным трудом, протекающим в чрезвычайно тяжелых условиях, с огромной затратой физических сил, при длительном пребывании на значительной высоте (свыше 100 м) в подвешенном на канатах состоянии, Бригада обеспечила выполнение возложенных на нее Командованием Ленфронта заданий, добившись высокой оценки Штаба МПВО г. Ленинграда качества своих работ.

В течение зимы 1941—42 гг. вследствие недостаточной обеспеченности питанием, часть (2) работников Бригады — погибло. Весною 1942 г. Госинспекция после краткого перерыва в работах, пополнив кадры Бригады, вновь приступила к выполнению маскировок по заданиям Военного Совета ЛФ и Штаба МПВО как в части ремонта работ 1941 г., так и в части производства их на новых объектах. Эти работы ведутся до настоящего времени.

По решению Продтройки и последующему предписанию Председателя Исполкома Ленгорсовета ДТ — тов. П. С. Попкова 37-ми человекам — работникам и ИТР Маскировочной Бригады были предоставлены пайки МПВО*, а 10-ти человекам, кроме того — ежедневная выдача водки (по 100 гр.)**.

* Комментарий О. А. Фирсовой: «Весной 1942 года из всей бригады я осталась одна. Белехов много хлопотал о комплектовании новой бригады и о дополнительном питании. И вот на его "козлике" мы приехали в Смольный. Николай Николаевич остался этажом ниже, а меня секретарь пригласила в кабинет к Попкову. Большой кабинет, какой-то неприятный, затемненный. Огромный стол, рядом с ним Попков, стоя меня встречает. "Я предупрежден Белеховым. Что Вы там делаете?" Я говорю: «Работаем на церкви Иоанна Предтечи». Мне нужны были помощники, знающие альпинистскую технику: когда поднять, когда опустить, как держать не просто двумя руками — есть дополнительные альпинистские способы страховки. Я просила двух помощников: один меня поднимает, а второй обслуживает снаряжением (иголками, веревками) — мне все наверх было не взять. Разговор зашел о питании. Попков мне сказал: "Ну, Вы же работаете на свежем воздухе и имеете рабочую карточку. Вот если бы Вы работали у доменной печи, мы бы Вам дали литерную". А литерная — это целый набор продуктов, кроме хлеба. Это — сахар, белый хлеб, шоколад и что-то еще. Литерную карточку не имел даже и Белехов, у него была только дополнительная карточка».

** Комментарий О. А. Фирсовой: «Да, ежедневная норма была 100 граммов водки и, по-моему, 200 граммов вина. У нас были колоссальные накопления. Конечно, водку мы обменивали на продукты. Деньги никому были не нужны. Военные спрашивали водку и с удовольствием обменивали ее на сахар и хлеб».

Ввиду изложенного, а также принимая во внимание непрерывное продолжение работ и необходимость сохранения столь малочисленных и ценных кадров верхолазов, просим Вашего распоряжения о продлении с 01.03.43 г. снабжения пайками МПВО 37 (тридцати семи) человек нашей Бригады с установленной ранее выдачей 10-ти (десяти) человекам — водки по 100 гр. в день, т. к. лишь при этом условии возможно продолжение порученных нам работ.

Начальник Госинспекции по охране памятников г. Ленинграда (Белехов)

Штаб МПВО г. Ленинграда со своей стороны подтверждает в письме Госинспекции, а также необходимость снабжения работников единственной в Ленинграде Верхолазной Бригады, выполняющей работы по оборонным заданиям, пайками МПВО.

Начальник МПВО г. Ленинграда

Генерал-майор (Лагуткин)

Там же. Архив Н. Н. Белехова. Папка № 48.

XIV

26/VI [1945]

7/500

Директору Музея Революции т. Павловой.

Согласно постановлению Исполкома Ленгорсовета летом 1945 г. должна быть произведена демаскировка купола и шпиля Петропавловского собора в крепости. Демаскировка купола в крепости нами закончена. Направляем Вам счет на оплату указанной работы, т. к. производство демаскировки поручено было Государственной Инспекции по охране памятников.

Начальник Госинспекции

по охране памятников

Старший инженер

(Белехов)

(Коржавина)

Там же. П-90. Л. 13

А. О. Евланова

Архитектор И. М. Чайко и его блокадный дневник*

О жизни ленинградцев в годы блокады сказано и написано много. Каждый новый документ отзывается болью в душе даже тех, кто знает об этом времени только понаслышке. Еще одно свидетельство о трагических событиях тех лет — публикуемые ниже воспоминания архитектора, судьба и творчество которого были связаны с городом на Неве.

Игорь Михайлович Чайко родился 29 (16) марта 1910 года в семье гражданского инженера Михаила Гавриловича Чайко (1881—1927), жившего в Царском Селе на Бульварной улице, 45¹. О постройках М. Г. Чайко известно мало. Сохранилась светокопия «Проекта особняка в Тиуру-ниём», подписанная автором: «Гражданский инженер М. Чайко. 1909 г.»². Известно также, что в 1911 году он руководил строительством гимназии в Гельсингфорсе (ныне — Хельсинки). На открытке, отправленной из Петербурга 10 ноября 1911 года, стоит адрес: «Гельсингфорс, Тёльö, ул. Аркадия, постройка русской гимназии. Архитектору М. Г. Чайко»³.

С этой постройкой связаны трагические события, происшедшие в семье. Сопровождая мужа в одной из его поездок по делам строительства, простудилась и умерла мать будущего архитектора — Зинаида Михайловна (1887—1911). Маленькому Игорю исполнился в это время только год.

В Гельсингфорсе М. Г. Чайко руководил, по крайней мере, еще одной постройкой. На открытке, датированной 7 июля 1912 года, указан ее адрес: «Гельсингфорс, Аврорская, 16. Постройка. Его Высокоблагородию Михаилу Гавриловичу Чайко»⁴.

* Материал публикуется с любезного разрешения вдовы архитектора О. В. Чайко.

Вскоре М. Г. Чайко переехал в Петербург. Имея здесь постоянную квартиру, Михаил Гаврилович подолгу жил с сыном и второй женой, Галиной Александровной, в Шлиссельбурге, где служил инженером на Пороховом заводе⁵.

Жизнь в Шлиссельбурге — одно из самых ярких детских воспоминаний И. М. Чайко. Вот как он ее описывает: «Мы всей семьей, часто приезжаем в нашу петроградскую квартиру, а живем постоянно "на заводе". Так сокращенно мы называем Шлиссельбургские пороховые заводы, где работает отец. Там для служащих построены коттеджи. Они стоят в садиках, вдоль прямой улицы. Мы занимаем такой коттедж, и с нами живет в комнате рядом со столовой пожилой адмирал — Троян, а в комнате второго этажа химики — молодые супруги Черкасовы. Черкасов с увлечением играл со мной. Он делал очень искусно игрушки из бумаги и делал это при мне. Это было очень интересно. Однажды "мы" сделали мельницу, у которой вращались крылья и высыпалась мука. Все это достигалось при помощи песка, который приводил в движение крылья и имитировал муку. Черкасов умел работать "вместе" так, что я до сих пор помню, как надо сделать мельницу. Наша квартира состоит из большой столовой, папиного кабинета, он же гостиная, спальни папы и Гали, детской — моей комнаты, комнаты для прислуги, большой кухни, комфортабельных ванной и уборной. Квартира имела 2 входа. Парадный вход с большой передней и вход через сени в кухню. Черный ход выходил на хозяйственный проезд, за которым был хозяйственный двор с конюшней и сараем. Папина лошадь очен[ь] красивая, серая в яблоках, норовистая. Кучер Егор умело с ней обращается. В сарае живет подаренный мне белый кролик»⁶.

Однако вскоре привычный ритм жизни нарушился. Наступил февраль 1917 года: «На улицах Петрограда у всех довольные лица и красные банты на груди. Галя сшила папе и мне красивые розетки из красных лент. Я очень горд тем, что тоже участвую в праздновании чего-то хорошего, называемого революцией.

Галя едет со мной к зубному врачу. Выходим из трамвая, не доезжая Пяти углов. Снег. Почти стемнело. На улице какой-то беспорядок. Бегают какие-то темные полусогнутые фигуры. На снегу много битого бутылочного стекла и красных пятен, в воздухе винный запах.

Громят винные склады. Галя держит меня за руку и торопится увести в сторону на спокойную улицу. Приближается Октябрьская революция... <...>

Уезжаем на завод — папа, Галя и я. Некоторое время жизнь идет обычным порядком, я не замечаю перемен. Но однажды папа приходит домой необычно рано. Не снимая фуражки и пальто, входит в столовую и у меня на глазах достает из заднего кармана браунинг и, нагнувшись, кладет его на запасные доски внутри обеденного стола. Мне же говорит, чтобы я молчал, если будут спрашивать посторонние. <...>

Через несколько дней отец отсутствовал сутки. Придя домой, рассказал, что он с другими инженерами, членами правления завода, всю ночь выкачивал запасы спирта, необходимого для производства, в кислотные канавы. Такие канавы проходили почти по всем улицам завода.

Выкачивать спирт пришлось потому, что опасались беспорядков, пьяная же толпа была бы особенно опасна, учитывая большие запасы взрывчатых веществ на территории завода. Я слышал разговоры инженеров, папиных друзей, о том, что в случае взрыва склада от взрывной волны может пострадать Петербург. <...>

Произошел октябрьский переворот. Каждый день папа приносит неожиданные новости. Рабочие учиняют самосуды. Хватают неугодных им инженеров, связывают и в завязанных мешках на тачках вывозят за ворота цехов или завода и вываливают в кислотные канавы.

Мы окончательно переселяемся в Петроград. Начинается нехватка продуктов...»⁷.

В 1926 году Игорь закончил 40-ю единую трудовую школу, располагавшуюся в доме № 2-а по Торговому переулку. Еще в школе он обнаружил «особенно ярко выраженное стремление к рисованию и физико-математическим наукам» и, получив рекомендацию от президиума школьного совета⁸, в том же году поступил на архитектурный факультет Ленинградского института гражданских инженеров⁹. После окончания института в декабре 1930 года¹⁰ Чайко был принят на должность архитектора в сектор проектировки Ленинградского филиала института Гипрогор¹¹. Уже через год появился его первый самостоятельный проект — поселок Тихвинских бокситовых рудников.

В 1930-х годах Чайко в составе авторского коллектива (с архитекторами И. Г. Нипоркиным, Ф. З. Мазель, инженерами Д. К. Альперовичем и Н. И. Дюбовым) участвовал в проектировании и строительстве 15-го, 19-го и 21-го кварталов Международного (ныне Московского) проспекта — новой крупнейшей магистрали Ленинграда. В 1937 году фамилия Чайко появилась на страницах журнала «Архитектура Ленинграда» в статье, посвященной строительству общежития для рабочих фабрики «Скороход». Проект был разработан в ма-

стерской профессора Н. А. Троцкого архитекторами Ф. З. Мазель и И. М. Чайко при участии инженера Д. К. Альперовича¹². Молодой архитектор построил также здание школы № 253 и в исторически сложившейся части города, на углу канала Грибоедова и Демидова переулка (ныне переулок Гривцова, 18)¹³.

В 1939 году Игорь Михайлович женился на Ольге Владимировне Конашевич, дочери известного художника, профессора живописи В. М. Конашевича. Молодые жили в комнате на Геслеровском (ныне Чкаловском) проспекте, дом 29/19, кв. 19. По этому адресу пришла посылка под номером 59, приказывавшая явиться военнообязанному Чайко И. М. 27 июня 1941 года к 8 часам утра в Приморский райвоенкомат¹⁴. Он был призван на военную службу и рекомендован на работу «по маскировке»¹⁵ в штаб ВВС Ленинградского фронта. Вскоре Игорь Михайлович уехал в одну из своих первых военных командировок — в Парголово. Это название он впоследствии часто упоминал в своих блокадных записях. Туда по адресу «Парголово 3. Деревня Старожиловка. Колтовская ул., 8» посылала Ольга Владимировна полные тревоги письма, в которых слова любви соседствовали с чисто практическими вопросами: «Ужасно досадно, что не догадались тебе дать мои хрустали. Мне кажется, что они должны иметь успех. Например, у старой твоей хозяйки у Антонины Васильевны. Она может польститься. Это дымчатый хрусталь, почти топазное ожерелье. <...>, но, мое мнение, если дадут за них 2 кило (хлеба. — А. Е.) не отдавай, т. к. это первая драгоценность, подаренная мне. Ну а если дадут больше — Бог с ними. Пусть идут на прокорм наших душ и главное тел»¹⁶.

Осенью 1941 года в комнату на Геслеровском к семье Чайко переселились родители его жены, спешно покинувшие Павловск, который вскоре был оккупирован фашистами. Впоследствии выяснилось, что все ценное из оставленных ими там вещей, в том числе около 300 рисунков, картин и литографий работы Конашевича, было разграблено или уничтожено¹⁷.

В 1942 году В. М. Конашевич получил квартиру из пяти комнат на Моховой улице, 12, и вся семья переехала туда. 4 августа этого же года у Ольги Владимировны и Игоря Михайловича родилась дочь Елена. Сохранился акварельный портрет шестимесячной Алены (так девочку звали в семье), выполненный отцом¹⁸. На нем изображен ребенок, лежащий в детской кровати. Он повернул головку к зрителю: голубые глазки — «пуговки», розовые пухлые щечки.

Особое внимание привлекает дата создания портрета — январь 1943 года. Можно только догадываться, какие невероятные усилия

потребовались, чтобы спасти новорожденную, выходить ее и поддерживать жену. Для этого Чайко старался найти заработок помимо службы. Так, в апреле 1942 года он сделал иллюстрации к медицинскому атласу для Института переливания крови. По приложению к договору на их исполнение можно судить о расценках на оплату работы, например, «технический рисунок, изображающий аппарат или таблицу», стоил, в зависимости от сложности, от 50 до 150 рублей; «методический рисунок, показывающий действие аппарата с изображением аппарата и анатомических деталей» — от 100 до 200 рублей; «методический композиционный рисунок, изображающий работу с аппаратами, с одной или несколькими человеческими фигурами и интерьером» — от 200 до 300¹⁹. Известно, что весной–летом 1942 года на рынках Ленинграда хлеб (100 г) стоил 30–35 рублей, турнепс, свекла (1 штука) — 100 рублей, сливочное масло (1 кг) — 1500 рублей, льняное масло (0,5 кг) — 500 рублей; папиросы «Беломорканал» (1 пачка) — 150–200 рублей²⁰.

Летом 1942 года Чайко делал обмеры, фотофиксации и зарисовки в здании Инженерного замка, где в годы войны располагался эвакуационный госпиталь № 1448, с целью выяснения ущерба, нанесенного зданию бомбежками и артобстрелами²¹. В акте, подготовленном к 19 июля 1942 г., приведен перечень «разрушений, вызванных в здании б. Инженерного замка авиабомбой 4-го апреля 1942 года и артиллерийским обстрелом 31-го декабря 1941 года, а также условиями ненормальной эксплуатации здания» и указана стоимость всех разрушений на 1 июля 1942 года в ценах 1942 года и в золотом исчислении 1914 года²². Архитектор работал и над проектами восстановления разрушенных и поврежденных зданий и ансамблей Ленинграда. В частности, 27 июля 1942 года Чайко заключил договор с Отделом охраны памятников Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета, по которому обязался до 4 августа 1942 года представить эскизы реконструкции Мошкова переулка (работа была выполнена, один из перспективных рисунков находится в фонде советской архитектурной графики ГМИСПб). Кроме проектных рисунков, им были подготовлены исторические справки о реконструкции Мошкова и Конюшенного переулков и здания бывших придворных конюшен.

В феврале 1943 года Игорь Михайлович представил на конкурс, объявленный Ленинградским отделением Союза советских архитекторов, эскизы к проекту монумента, посвященного прорыву блокады Ленинграда (сохранились 25 листов с вариантами проекта)²³.

И. М. Чайко с женой и дочерью [1945–1947 гг.].
Публикуется впервые.

В том же году Чайко работал над оформлением экспозиции Музея военно-медицинской службы Ленинградского фронта, располагавшегося на улице Ракова (ныне Итальянской), 25. Открытие музея состоялось 26 марта 1944 года²⁴. Количеству продуктов, полученных за эту «халтуру», Игорь Михайлович посвятил отдельные строчки в своем дневнике²⁵.

В январе 1944 года архитектор возобновил работу в тресте «Ленпроект», куда он пришел еще в 1936-м. Вскоре появилась его первая послевоенная работа — жилой дом с универмагом на Лиговском проспекте, 107 (совместно с Б. М. Серебровским), сооруженный на месте разрушенного в годы войны здания (в настоящее время в его первом этаже расположен фирменный магазин женской одежды «Большевичка»).

В 1952 году на 7-й линии Васильевского острова, 34, на месте дореволюционного кинотеатра «Форум» был выстроен по проекту И. М. Чайко и Е. Г. Груздовой новый, получивший название «Балтика». За эту работу Чайко была присуждена третья премия в конкурсе «на лучшие жилые и гражданские здания, выстроенные в городах и рабочих поселках РСФСР в 1952 году»²⁶. Несколько проектных листов Игорь Михайлович сам передал в фонд архитектурной графики

нашего музея, остальные поступили уже после его смерти²⁷. Сохранились фотографии, запечатлевшие вид участка до застройки, варианты проектов главного фасада, внешний вид и интерьеры кинотеатра перед его торжественным открытием²⁸. В настоящее время здание «Балтики» полуразрушено, двери и окна заколочены, интерьеры полностью утрачены.

В последующие годы по проектам Чайко были построены жилой дом завода им. Козицкого на Тучковой набережной (ныне набережная Макарова), 24²⁹, жилые дома на Большом проспекте В.О., 58, 72, 79, 81³⁰ на Наличной улице, 15-а, 19–21, и на 10-й линии, 29.

Новым этапом в его творчестве стала работа над планировкой и застройкой «образцового» квартала № 44 на Московском проспекте (совместно с П. А. Арешевым). Это был первый в Ленинграде опыт комплексной застройки квартала крупноблочными жилыми зданиями. В первых и вторых этажах жилых корпусов были размещены четыре детских сада, двое детских яслей, магазины, почта, сберкасса и парикмахерская³¹. Кроме жилых домов, в квартале были предусмотрены две школы и гараж для легковых машин. Чайко с увлечением работал и над проектом благоустройства квартала³², согласно которому во внутренних скверах были сооружены фонтаны³³.

В начале 1960-х годов Чайко продолжил разработку планировки и застройки новых кварталов. По его проектам были возведены 9-этажные крупноблочные магистральные дома со встроенными универсамами на Ново-Измайловском проспекте (корпус 17 в квартале № 4 и корпус 30 в квартале № 3), на Кузнецовской улице (корпус 29 в квартале № 4 и корпус 16 в квартале № 3). В одном из этих домов, на Ново-Измайловском проспекте, 4, расположился универсам «Синтетика»³⁴, получивший в дальнейшем название «Юность». Архитектор разрабатывал также новые серии типовых жилых зданий (дома серии I АГ-528А из крупных блоков, дома серий I АГ-504, I АГ-507А из крупных панелей и 9-этажный дом серии I АГ-528 КП).

В 1963 году Чайко возглавил мастерскую № 5 в ЛенЗНИИЭПе и начал проектировать общественные здания. Появились проекты Дома техники в парке Авиаторов (в составе авторского коллектива) и комплекса спортивных сооружений Кировского завода в Ленинграде, а также спортивного комплекса с бассейном для Надыма. В Ярославле на берегу Волги по его проекту (совместно с Е. В. Карпиным) было возведено здание Центра научно-технической информации³⁵.

В 1966 году авторский коллектив под руководством Чайко приступил к проектированию Спортивно-концертного комплекса (СКК)

имени В. И. Ленина на проспекте Юрия Гагарина, 8³⁶. Строительство этого грандиозного и поистине уникального сооружения (здесь впервые в мире было осуществлено проектирование зала, перекрытого стальной мембраной) было полностью закончено в 1982 году. Руководитель проекта и авторский коллектив получали много поздравлений с творческой удачей, однако официального признания этой работы не последовало.

Все последующие годы Чайко наблюдал за эксплуатацией этого сооружения и даже разрабатывал проект реконструкции, переоснащения и капитального ремонта СКК им. В. И. Ленина в связи с подготовкой к Играм Доброй Воли³⁷. Но этим планам уже не суждено было осуществиться. Игорь Михайлович умер 24 апреля 1993 года и похоронен рядом с отцом на Новодевичьем кладбище в Петербурге.

Весной 1996 года вдова архитектора передала в ГМИСПб его личный архив. Среди многочисленных документов, фотографий, рисунков и архитектурных проектов есть толстая тетрадь в черной обложке³⁸. Записи, сделанные рукой Игоря Михайловича, велись нерегулярно, основная часть их относится к 1942–1943 годам. В фонд советской и современной живописи была передана также серия рисунков, запечатлевших жителей блокадного города. Изображая разрушенный Ленинград, художник использовал черно-белую гамму с вкраплением трагического красного цвета. Некоторые рисунки точно иллюстрируют дневниковые записи. Много лет спустя, в ноябре 1954 года, Чайко назвал свои блокадные заметки «бредом полупомешанного», но эта оценка была сделана им уже в годы мирной жизни; тогда же, когда он вел их в блокадном Ленинграде, они искренне отображали его мысли и чувства.

Благодаря любезному разрешению Ольги Владимировны мы получили возможность прикоснуться к этому документу.

¹ На открытках, посланных М. Г. Чайко или его жене в 1910 году, значится этот адрес.

ГМИСПб РДФ. КП 406015–406017.

² Светокопии. ГМИСПб ФГТМиР. КП 405434–КП 405438.

³ ГМИСПб РДФ. КП 406018.

⁴ ГМИСПб РДФ. КП 406019.

⁵ Чайко М. Г. — гражданский инженер, коллежский секретарь, архитектор Петроградского учебного округа Министерства народного просвещения, член хозяйственно-технического комитета Императорского человеколюбивого общества; начальник строительного отдела Шлиссельбургского порохового завода (Весь Петроград. Пг., 1917. С. 738).

- ⁶ Черновики воспоминаний И. М. Чайко. Рукопись. ГМИСПб РДФ. КП 406444.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ГМИСПб РДФ. КП 406420.
- ⁹ Зачетная книжка Ленинградского института гражданских инженеров имени Всесоюзного Союза Строительных Рабочих Чайко И. М., 1926 г. ГМИСПб РДФ. КП 406421.
- ¹⁰ Свидетельство № 333 об окончании Ленинградского института инженеров коммунального строительства. Приказ № 93 от 6. XII. 1930 г. ГМИСПб РДФ. КП 406424.
- ¹¹ Расчетная книжка служащего Чайко И. М. ГМИСПб РДФ. КП 406426.
- ¹² Архитектура Ленинграда. 1937. № 3. С. 62.
- ¹³ Архитектура Ленинграда. 1940. № 2. С. 25.
- ¹⁴ ГМИСПб РДФ. КП 406431.
- ¹⁵ Дневник И. М. Чайко. Запись 13. III. 1943 г. Рукопись. ГМИСПб РДФ. КП 406348.
- ¹⁶ Письмо О. В. Чайко от 13. XII. 1941 г. Рукопись. ГМИСПб РДФ. КП 406353.
- ¹⁷ Список вещей, пропавших из квартиры В. М. Конашевича в г. Павловске во время оккупации. Рукопись В. М. Конашевича [1945 г.]. ГМИСПб РДФ. КП 406458.
- ¹⁸ Детский портрет (Портрет Алены Чайко. — А. Е.) 1943 г. ГМИСПб ФСЖиГ. Инв. № ИБ-12094ра.
- ¹⁹ ГМИСПб РДФ. КП 406435.
- ²⁰ Блокадный дневник судостроителя В. М. Чекризова. Рукопись. ГМИСПб РДФ. В обработке.
- ²¹ Разрешение на производство работ по обмеру в здании эвакуационного госпиталя № 1448 (б. Инженерный замок) на имя Чайко И. М. ГМИСПб РДФ. КП 406437.
- ²² ГМИСПб РДФ. КП 406438.
- ²³ ГМИСПб ФАГ. КП 404625–404649.
- ²⁴ Пригласительный билет на открытие Музея военно-медицинской службы Ленфронта на имя тов. Чайко. ГМИСПб РДФ. КП 406328.
- ²⁵ Дневник И. М. Чайко. Запись 25. VIII. 1943 г. Рукопись. ГМИСПб РДФ. КП 406348.
- ²⁶ Почетная грамота Управления по делам архитектуры при Совете министров СССР. ГМИСПб РДФ. КП 406360.
- ²⁷ Проект кинотеатра «Балтика». Перспектива главного фасада. Вариант. 1951 г. ГМИСПб ФСАГ. КП 404612, 404613.
- ²⁸ ГМИСПб, фонд фотографий. КП 404280–404303.
- ²⁹ Жилой дом завода им. Козицкого на Тучковой наб., д. 24. Фотографии. 1955 г. ГМИСПб, фонд фотографий. КП 404266–404271.
- ³⁰ Жилой дом Балтийского завода на Большом проспекте В.О., 72. Фотографии. 1956 г. ГМИСПб, фонд фотографий. КП 404272–404274.
- ³¹ Строительство жилых кварталов в Ленинграде. Л., Проектный кабинет института «Ленпроект». 1959. С. 8.
- ³² Застройка 44-го квартала в Московском районе. Фотографии. 1956–1957 гг. Фонд фотографий ГМИСПб. КП 404304–404318.

³³ Проект фонтана в 44-м квартале по проспекту Сталина. 1954–1955 гг. ГМИСПб ФАГ. КП 404607–404611.

³⁴ Девятиэтажный жилой дом со встроенным универмагом на Ново-Измайловском проспекте. Фотография. 1962–1963 гг. ГМИСПб, фонд фотографий. КП 404321. Универмаг «Синтетика». Интерьер торгового зала. Фотографии. 1962–1963 гг. ГМИСПб, фонд фотографий. КП 404322–404324.

³⁵ Проект центра научно-технической информации в Ярославле. 1971. Варьанты. ГМИСПб ФСАГ. КП 404593–404599.

³⁶ Проект спортивно-концертного комплекса им. В. И. Ленина. 1970–1980 гг. ГМИСПб ФСАГ. КП 404600–404606.

³⁷ Письмо И. М. Чайко директору ЛенЗНИИЭПа тов. Верещагину О. Н. о выполнении проектно-сметной документации к реконструкции СКК им. Ленина. 20. VII. 1992. Машинописный текст. ГМИСПб РДФ. КП 406395.

³⁸ Дневник И. М. Чайко. Рукопись. Текст расположен на 65 страницах, записи сделаны разными чернилами в тетради в клетку. На обороте первого листа наклеены газетные вырезки с извещениями Исполкома Ленгорсовета от 29. 08 и 19. 09. 1943 г. о нормах продажи населению Ленинграда продовольственных товаров. В тетрадь вложены четыре листа с записями 1942 г. ГМИСПб РДФ. КП 406348.

Приложение

Дневник И. М. Чайко

23. VI. [19]42. Под стеной Университета в 13 часов — мертвая женщина. Лежит на спине вдоль стены, глаза открыты, смотрят на прохожих. Ноги — палки, чулки висят. Под головой красный с белыми цветами мешок. Веревка от мешка зажата в руке. Яркий солнечный день.

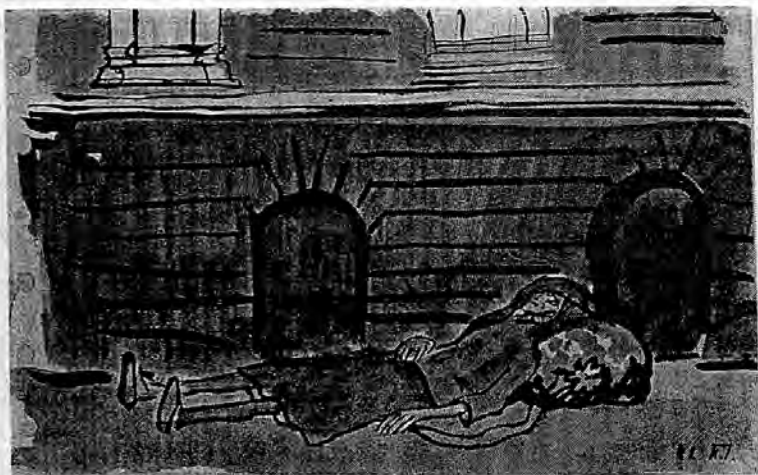
1. VII. [19]42. Гостиный двор, угол Апраксина. Старик умирает, сидя на краю панели. В руке кусок хлеба. Руки не действуют. Сил нет поднести его ко рту. Поздно. Умрет минут через 10–15.

2. VII. [19]42. Трава, трава, трава.

Весь город ест траву всех сортов. Садики закрыты, в них огороды. Под заборами садилов ползают ребятишки, сквозь решетки рвут, какую попало, траву и едят ее, как кролики, с аппетитом, с каким никогда не ели конфет. Дети с лицами стариков и фигурками скелетов из анатомического музея.

Апраксин. На панели женщина в беспорядочной позе. Рядом лыжная палка. Должно быть, умерла.

Зима оставила впечатление могилы, какого-то темного жуткого замкнутого пространства, из которого случайно человек вылез.

И. М. Чайко. Мертвая женщина. Акв., тушь, кар. 1942 г.
ГМИСПб ФСЖИГ. Инв. № ИБ-12016ра. Публикуется впервые.

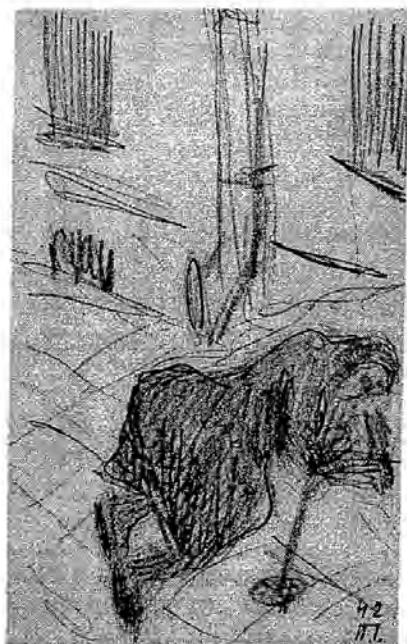

И. М. Чайко. Старик.
Б., кар. 1942 г.
ГМИСПб ФСЖИГ.
Инв. № ИБ-12015ра.
Публикуется впервые.

Таким казалось ощущение человека, проснувшегося от летаргии глубоко под землей.

9. VII. [19]42. Кровати ленинградцев нашли новое оригинальное применение. Из них делают заборы огородов. Эти заборы можно видеть везде, на каждом пустыре, в садиках, на уличных газонах.

24. VIII. [19]42. Дежурю на работе в Военпроекте¹. Перед окнами величественный архитектурный пейзаж площади Урицкого (ныне Дворцовая. — А. Е.), направо Зимний дворец, налево Арка Главного штаба, прямо передо мной зеленый комок Александровского сада, шпиль Адмиралтейства, совершенно поражающего своей изысканностью, силуэтом, и темно-синий в вечерних сумерках силуэт Исаакия. Огней нет, от этого силуэты города особенно красивы и получают какую-то печать Вечности. Вечернее освещение придает архитектуре искусственность. Сейчас архитектура — это сама

И. М. Чайко. Мертвая женщина
с лыжной палкой. Б., кар.
1942 г. ГМИСПб ФСЖиГ.
Инв. № ИБ-12017ра.
Публикуется впервые.

И. М. Чайко. Портрет блокадницы.
Б., кар. 1942 г. ГМИСПб ФСЖиГ.
Инв. № ИБ-12019ра.
Публикуется впервые.

природа, это лучшее, что она создала. Громады зданий вечны, как скалы. <...>

Зашла сотрудница. Зимой она похоронила всех оставшихся в Ленинграде родных и сейчас живет здесь же на службе. Повесть, которую она рассказала, поразительно проста и очень распространена, и поэтому хочется ее записать. Отца убило на производстве осколком снаряда. Хотелось его похоронить. Мороз — 38° С. Пошла на завод. Директор советует обождать потепления, идти далеко, особенно с оставшимися силами. На обратном пути силы быстро убывают. Мост. Половина моста пройдена. На дороге лежит женщина, видно, что умерла. Глаза открыты. На щеках замерзли жемчужинки слез. Надо идти дальше. Ноги скользят. Падает. Встать нет сил, да и не хочется. Благоразумие подсказывает, что надо подняться, но силы воли нет. Мимо идут прохожие. Никто не помогает встать. Все при-

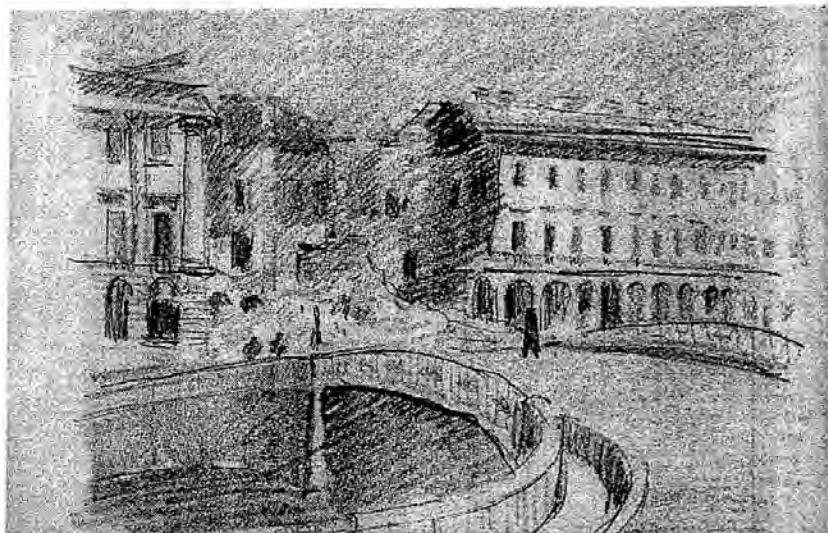

И. М. Чайко. Портреты блокадниц. Б., кар. 1942 г. ГМИСПб ФСЖИГ.
Инв. № ИБ-12018ра, ИБ-12020ра.
Публикуются впервые.

выкли, а большинство боится наклоняться, т. к. тогда можно самому потерять равновесие, упасть и не встать.

Вдруг становится совсем не холодно, хорошо, хорошо. В голове мысль: приближается смерть. Слышно, прохожие говорят: «Одна мертвая, а эта, кажется, еще живая». Не может быть, чтобы никто не поднял, эта мысль как-то особенно упорна. И вдруг чувствует, что по щекам текут слезы, и перед глазами сразу встает лицо мертвой с открытыми глазами и жемчужными льдинками на щеках. Прошло еще какое-то время. В голове упорная мысль: «Меня должны поднять». И вот подходят два моряка. Нагибаются, слышно говорят: «Пульс слабый, но есть». Поднимают и начинают растирать.

3. III. 1943. Сегодня воробьи на своих сходках впервые провозгласили приход весны. На солнце тает несмотря на мороз в 8° С. До этого стояла оттепель. В воздухе уже недели две пахнет весной.

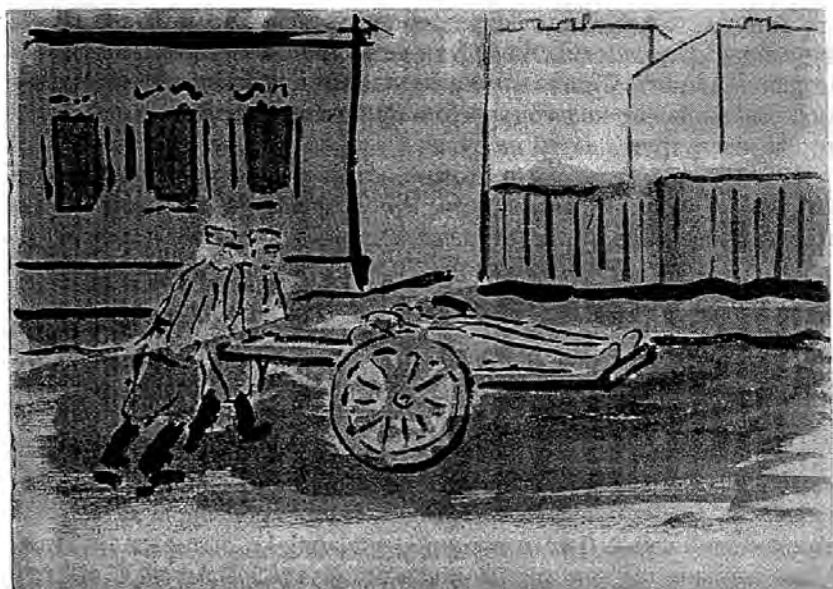

И. М. Чайко. Разрушенный дом Адамини. Б., кар. 1942–1943 гг.
ГМИСПБ ФСЖиГ. Инв. № 16-12022ра. Публикуется впервые.

Вторая весна с тех пор, как началась война. Давно хочется записать многое из пережитого, виденного и передуманного, но именно эта ранняя весна, наконец, заставила меня приняться за это.

Весна — это время торжества жизни, когда в каждом атоме воздуха напряженно пульсирует жизнь, в каждом закоулке притаились волшебные силы, перерождающие все, и, кажется, одно слово Весна способно воскресить всех мертвых, уснувших в суровые зимние морозы. Кажется, что все пережитое за эти зимы должно исчезнуть вместе со снегом и так же, как ростки цветов, должны вновь прорасти все оборвавшиеся жизни, но, увы, это не так. Появятся новые жизни, но те, кто пал жертвой дикой вакханалии, называемой войной, ушли безвозвратно. Весна вливает жизнь только в живое. Весна — это торжество жизни, и она заставляет забывать все, что напоминает о смерти.

Я думаю, что все, что я пережил, навсегда врежется огненными буквами в моей памяти, а между тем еще не прошли угрожающие мне в течение этих 1 1/2 лет опасности, и еще не кончились война и голод, а все переживания недавних дней, даже мрачные мысли сегодняшней ночи, когда безумно хочется есть, а где-то недалеко рвутся немецкие снаряды, бледнеют от яркого солнца, когда идешь по Мойке и в грудь вливается заколдованный весенний воздух. <...>

И. М. Чайко. Уборка трупов. Акв. 1942–1943 гг. ГМИСПб ФСЖиГ, Инв. № 16-12021ра. Публикуется впервые.

20. III. [19]43. Вчера Оля² встретила случайно своего бывшего начальника — Кроткова Игоря Ник. Оказывается, он был все это время в Ленинграде. Зашла к нему и узнала, что у него в тысячный, а может быть и в миллионный раз повторилась трагедия многих ленинградских семей. Мать, которая его обожала, сейчас его ненавидит. Она считает, что он ее обьедает. Перевешивает каждый кусок, что он приносит. Что бы он ни принес, она съедает сразу, и если он ее останавливает, говоря, что это надо распределить на такой-то срок, считает, что он ее всячески «утесняет» в еде. Отношения испорчены до безобразия. Какой ужас. Самые близкие люди стали врагами <...>

Была страшная зима 1941–42 года. На улицах трупы, трупы и трупы. Их бросают под заборами, в закоулках, в сугробы. Они завернуты в одеяла, простыни, занавески и напоминают мумии. У многих на головах цветные тряпки, это для того, чтобы они были заметней, и машины, подбирающие их по городу, скорее бы их заметили в снегу. Из-за этих тряпок рабочие, работающие по уборке трупов, поэтически называют свою работу собиранием цветов.

Много еще и тех, кто сохранил остатки сил, а с ними и кое-какие чувства к умершим близким. Эти везут легкие невесомые скелеты в морги. Их много. Тащат кто на чем: на саночках, на детских самокатах, связанных по два-три, а кто и просто на фанерном листе. Некоторые несут трупы детей на руках.

Все время попадаются прохожие, которые падают и больше не встают. Редко, редко можно видеть, чтобы упавшим пытались помочь встать. Люди очерствели, отупели, а часто боятся сами потерять равновесие и упасть. Упавшие умирают: кто от слабости, кто от мороза.

У людей ощущение идущих по канату.

Кончался январь. Самое страшное время. Смертность достигла неслыханных размеров. Боюсь записать число умирающих в день, которое называли и которое сейчас называют. Хоть видел все своими глазами, все-таки не верится.

Люди были так слабы, что достаточно было малейшего толчка, малейшего нарушения скудного рациона, и человек гиб. Последние числа месяца — дни получения карточек. И тут произошла катастрофа. Многие ленинградцы не пережили 31 янв[аря], 1 и 2 февраля 1942 года, и для многих эти три дня навсегда останутся в памяти. С выдачей карточек произошла задержка. Их не выдали ни 31-го, ни 1-го, а начали выдавать только 2-го. Люди съедали все сразу, что получали. Хлеб ежедневно, а остальные продукты в дни получений.

Ежедневное питание — хлеб. Вспоминаю, как часто можно было видеть, как женщина, получив мясо, тут же съедала его сырым, не имея силы воли донести его до дома и приготовить. Таким образом, эти три дня для многих оказались совершенно голодными и концом.

Мы, я, Оля и ее родители были обреченными. Это стало мне понятно только потом. Человек, слабеющий от голода, не сознает степень своей слабости и близость конца.

Спас случай. Нет, не случай, а человек, помнить о котором я буду всегда, хранить в самых лучших воспоминаниях. В Парголово³ со мной работал Константин Александрович Леонтович. Прекрасный человек, скромный и честный.

Я лежал больной в дистрофии с 5-го января и не мог двинуться, а не только съездить в Парголово за своим пайком. 31-го января Конст. Ал. приехал в Ленинград. Поезда не шли, не шли и трамваи. Была метель и сильный мороз. Он шел пешком по снегу выше колен. Выбился из сил и свалился в аптеке где-то на окраине. Отдохнув, он добрался до дома, где нашел умершего от голода отца. На себе же он принес мой скудный месячный паек. Хлеб, крупа и еще что-то. Это нас спасло. 1-го

(февраля. — А. Е.) Кон. Ал. хоронил своего отца. Но уже не смог его проводить. Сел на тумбочку, чтобы отдохнуть и с тех пор пропал без вести. Умер. Умер от голода, принесся нам спасение от того же голода.

3 февраля мы получили хлеб за 3 дня, был пир и одна буханка была даже засушена.

25. III. [19]43. В субботу 16 марта были с Ольгой в Филармонии⁴. Первый раз за время войны. Был концерт Ойстраха и Як. Зака. Получили большое удовольствие несмотря на то, что страшно замерзли. Зал был наполнен на 3/4. Публика не обычная, хотя и попадаются знакомые. Публика не раздевается, много в шинелях мужчин, женщин. Вид у большинства хороший. Мы с Ольгой имели самый дистрофический вид. Во втором отделении играл Ойстрах, а снаружи слышна энергичная стрельба зенитки. Когда Ойстрах исполнил «бис» — раздались очень громкие выстрелы зенитки. Ойстрах вздрогнул, но доиграл. Домой едем во время тревоги. В небе вспыхивают разрывы, напоминая звездный дождь. Ольга боится осколков. Торопимся.

27. III. [19]43. Зимой 42–43 года, когда топим печь в комнате, где работаем, часто сидим у огня, курим. Разговор нередко заходит о прошлой зиме. Что было в это время год тому назад? Насколько сейчас лучше и насколько труднее терпеть голод теперь, когда мы так истощены. Комната, где мы сидим, служит предлогом для воспоминаний. Здесь в прошлом году умерло 28 человек. В ней метров 35, одно окно на площадь Урицкого.

Третьего дня, сидя у огня и угощая друг друга махоркой, говорим о том, как равнодушны были люди в прошлом году.

Я вспоминаю, как однажды, уже летом, трамвай, в котором я ехал по Каменноостровскому, переехал человека, отрезав ему обе ноги. Трамвай остановился. Откуда-то появился милиционер. Публика спокойно продолжает идти по панелям. Нашелся только один любопытный. А что было бы в мирное время. В течение минуты собралась бы толпа, остановившая движение. <...>

7. IV. [19]43. Вспоминаю свою недавнюю жизнь в Парголово. Попал туда осенью 41-го года. В ноябре голод дал себя уже сильно чувствовать. 31 октября ездил в Ленинград. Оля с родителями жила у Барановых⁵. В этот день есть было совершенно нечего. Я взял несколько горошин, посыпал их на снег за окном на подоконнике и, притаившись, стал ждать. Очень быстро были пойманы два голубя. Обед был великолепный. В Парголово кормили водой, называемой супом, т. к. в

тарелке плавало два ошметка капусты (хряпы). Декабрь был совсем нестерпим. Норма хлеба пришла к минимуму. Что получал по карточке, отсылал в Ленинград, т. к. там голодали еще больше. Когда ездил в командировки и получал сух. паек, его тоже отвозил, надеясь на авось. Такова была обстановка. Люди начали умирать. В командировках часто не удавалось есть. Передать мучительное состояние голода, мне кажется, не в состоянии никакие слова, никакое искусство. Это совершенно непередаваемый кошмар, особенно ужасный тем, что вы чувствуете, как вас покидают силы, а значит и способность бороться, сопротивляться, что-то предпринимать. В таком состоянии однажды мне пришлось дежурить по штабу. Комната, где должен был сидеть дежурный, находилась, как это обычно принято, перед кабинетом начальника <...>. Вечер. Сажу, читаю. Начальству понесли с кухни ужин. Через некоторое время из кабинета выставили грязную посуду, кто, не помню. Сверху, на стопке грязных тарелок, стоит тарелка, полная жирной с мясом вермишели, видимо, почти нетронутой. Кто-то потерял аппетит или попросту зажрался. Поковырял ложкой и бросил. Первое мое движение было наброситься и съесть это прекрасное блюдо, о каком я не мог и мечтать давно. Но вдруг стало стыдно. Неужели я так низко пал, что стану подъедать объедки после людей, не пользующихся у меня каплей уважения, жалких жуликов, прохвостов, нечистоплотных выскочек, просто хамов. Бороться с собой было ужасно трудно. Я протягивал руку и опять отдергивал ее, отходил, опять подходил, даже брал рукой кусочек мяса и подносил его ко рту, а затем опять убегал. Все-таки гордость взяла верх и, воспользовавшись приходом уборщицы, я отправил посуду на кухню.

16. IV. [19]43. Парголово всегда останется черным кошмаром в моих воспоминаниях. Страшное беспокойство о своих в городе. Ольга изредка приезжает. Силы покидают, но еще непонятно почему. Кормят символически. Помню случай, как я с товарищем по работе, Антиповым, собирались поймать собаку, чтобы ее съесть. Не знали только, где ее потрошить. Один сотрудник с участка обещает поймать и прислать собаку. Ждем как манну небесную. Кто-то опередил, собака исчезла. Красноармейцы, несущие караул, начали умирать первые. Злоупотребляют солью и много пьют. Делают это часто нарочно, т. к. от этого болеют, и есть шанс, попав в госпиталь, демобилизоваться.

Начальство всегда останется начальством. Начальник и его зам. не только обеспечены, но ведут себя просто вызывающе. Пьянство каждый день с девками, которые после кутежей уносят с собой по

несколько коробок консерв, масло, шпиг и т. п. Слава по всей округе. Мы случайно натыкаемся на документ, по которому видно, что наше нач. ходатайствовало и получило для инж. тех. работников консервы (ок. 160 банок) и др. продукты. Мы их не видали.

Однако до последнего дня пребывания в Парголово не сознаю степени упадка сил и продолжаю копить хлеб и молоко. Молоко мне иногда удается выпрашивать по 1/2 литра у моей хозяйки. Иногда выпиваю чашку, это очень поддерживает. Как милость, нам дали и то по заявлениям 2 кг дуранды. 1/2 кг оставил себе, 1 1/2 свез в Ленинград. Оставленная дуранда заменяет мне хлеб.

28. IV. [19]43. <...> Вспоминается прошлая весна. Не было сил. Жить хотелось. Появились надежды. Основанием надежд были только лучи солнца. Сегодня видел у панели молодые листики одуванчиков и живо вспомнил свой походы на острова за корешками. Как это началось? Однажды обстоятельства сложились так, что в перспективе на завтра не было супа.

<...> Мне пришла идея пойти собирать первые побеги крапивы или сныти, или чего-либо подобного. Едва передвигая ноги, мы отправились с Олей на Крестовский остров. Принесли сныть на два дня. Щи были чудесные. Так начались мои вылазки. Часто уходил я еще до завтрака. Когда у человека мало сил и приходится делать усилие над собой, чтобы заставить передвигаться, почему-то перекашиваются мускулы лица, а когда это усилие надо делать непрерывно, то чувствуешь, что на лице какая-то маска из мелких судорог. Когда идешь за зеленью на острова, лицо перекашивает, т. к. идти много пешком. Собирал преимущественно корешки одуванчиков. Тяжело наклоняться, не говоря о том, что трудно рыть. Олины родители не очень склонны есть эту французскую кухню <...>.

Однако солнце и весна приносят жизнь. У забора садика на Геслеровском маленькие дети похожи на экспонаты анатома, ползают на четвереньках и, как кролики, едят траву. Садик закрыт, там огороды. Сквозь изгородь из металлических прутьев тянутся руки, маленькие, маленькие, тоньше этих прутьев. Рвут какую-то траву. Они, как животные, инстинктом, наверное, знают, что можно есть. Жить, жить, жить во что бы это ни стало. На островах группы мальчишек, как воробьи, облепляют деревья, ломают ветки и объедают почки. Позже летом и мальчишки и взрослые с жадностью объедают цветы липы. Как ярко чувствуешь, что жизненные соки человек получает от земли. Как мало мы это понимаем, получая все через шикарные магазины и рестораны. <...>

17. VII. [19]43. В 4 часа утром, проснувшись, слышу близкий обстрел. Визжат и рвутся снаряды. Что-то хотел сказать Ольге, но сразу заснул. Устал безумно.

Просыпаюсь в 5 ч. 30 в ярости от того, что не встал раньше. Встаю обычно в 4—4. 30 и работаю. До работы заготавливаю дрова.

5 ч. 30 м. обстрел продолжается. Олины родители встают, боясь обстрела. Иду за дровами. Во двор сыплются осколки и обломки кирпичей. Обстреливают фугасными и шрапнелью.

Вл. Мих. и Евг. П.⁶ ушли вниз и взяли нашу дочь. Я пилю на кухне дрова. Ольга ставит самовар и говорит, что очень боится. Владеет собой хорошо. Рвутся близко и больше: визжат над головой и на излете шуршат. Пили чай у меня в комнате, она с обратной стороны относительно направления обстрела и Олиным родителям кажется более безопасной.

К одиннадцати часам пробрался на работу и сразу попал в убежище, здесь и пишу. Писать совершенно некогда.

Оля на глазах поправляется. Наш паек по-прежнему минимальный: 600 г хлеба, 2 кило крупы, 800 г жиров, 900 г кондит. изделий за сахар и 1 500 г мяса, которое заменяется селедками или американским фаршем. Поправляемся, т. к. я с 2 мая халтурю в Доме санкультуры и получаю продуктами.

18. VII. [19]43. Ночь проспала спокойно. Вчера обстрел кончился около 6-и часов вечера. Такого обстрела еще не было за всю войну. Сегодня Олины родители спали одетые, на всякий случай.

19. VII. [19]43. До сих пор в городе нет ни одной собаки, кошки или голубя. Этой весной мне посчастливилось, и я видел 2-х привезенных собак и 2-х кошек. Кошка стоит от 1 000 до 2 000 руб., т. к. крыс развелось невероятное количество.

Я, кажется, уже где-то записывал или только хотел записать о кроватях, стеклянных банках, ватниках. Это предметы первейшей важности в городе в блокаде. Металлические кровати везде. В развалинах домов, во дворах, на улицах. Их новое применение — временные заборы у огородов, разрушенных мест и т. п.

Банки стеклянные из-под варенья или консерв в основном поллитровые. С ними ходят все ленинградцы, чтобы сложить все, что повезет получить где-либо в столовой. Ватник — куртка и штаны — это основная одежда и мужчин и женщин. <...>

26. VIII. [19]43. Большинство людей в период голода становятся или черствы к чужим страданиям, или превращаются во врагов.

Улица. Падают люди. Идущие перешагивают, даже не оглядываясь. Откуда-то слышатся мольбы о помощи. Обессилел ли человек и упал, раздевают ли еще не умершего или у слабого отнимают карточки — все равно.

Вот одна из тысячи историй. Муж и жена очень любили друг друга. Вся предыдущая жизнь — забота друг о друге. Весь мир сосредоточен в любви. Но вот голод, слабеют больше мужчины.

В конце концов муж умирает. Перед смертью сознается, что уже в течение 2-х месяцев воровал карточку своей жены. Вину сваливал на жильцов. Ужас, ужас, ужас...

16. VIII. [19]43. Сажу в амбулатории и жду очереди «на укол». Впрыскивают аскорбиновую кислоту. Цинга совершенно замотала. Болят все суставы. На ногах красные пятна.

В декабре 1941 года в Парголово начался у меня фурункулез. На правой руке огромные карбункулы. Пришлось взять бюллетень. Провел несколько дней в городе у своих. Вместе встречали Новый год. 6-го января приехал из Парголово и больше уже не уезжал. Так вспоминаю это состояние, как будто меня погрузили в какую-то черную яму. <...>

25. VIII. [19]43. <...> Несмотря на то, что сейчас мы значительно лучше питаемся, чем в 41–42 году, ведем себя значительно хуже. Элементарной воспитанности не осталось и следа. Еда делится, что-либо предложить другому, сдерживать себя от лишнего куска — невозможно. Брюхо набито, а весь организм хочет есть.

Наиболее серьезное последствие голода — это психическая травма. Еда до сих пор занимает все человеческие помыслы. Эгоизм никто не старается скрыть, особенно у нас в семье.

Сейчас наш дневной рацион такой.

В 7 часов утра чай без сладкого в течение 10 дней из 30-и. Все остальные дни с 2-мя конфетами или шоколадными дольками или с 1-й ложкой сахарного песка. К чаю по 300–400 грамм хлеба и по полселедки или по чайной ложке какого-либо жира. Обедаем в 18.30. На обед тарелка каши, сваренной на двоих из 140 грамм крупы, а т. к. сейчас лето, то и суп из какой-либо ботвы. Травы и вода. Ужинаем в 21.30. Тарелка такой же каши и около 250–300 г хлеба и чай, к хлебу опять по чайной ложке жира. Т. к. я за халтуру в Доме санкультуры

получаю сухой паек, то дня 3 из 10 мы едим хлеба вволю. До тех пор, пока Ленке не сократили питание в консультации (когда ей исполнился год), мы имели с моим «халтурным» пайком по килограмму хлеба в день: 600 г на раб[очую] карт[очку], 400 на ижд[ивенскую], 400 на детскую и 600 г по сухому пайку <...>

Помню, как я, едва держась на ногах, ходил весной 42 года на острова собирать траву (одуванчики, лебеду, мокрицу). Варили ее в виде каши. Казалось съедобным, хотя было все наполовину с землей, т. к. не было сил мыть как следует. Осенью, когда Оля была в больнице, это было моей основной едой. А зимой 41–42 года и летом 42 года что за прелесть казалась олифа! Платили за 1/2 литра 70–80 рублей.

23. IX. [19]43. От эвакуировавшихся приходят письма, полные жалоб на тоску о Ленинграде и тяжелую жизнь. Однако описания этой жизни не создают впечатления «тяжелой». Люди совершенно не представляют обстановки, в какой мы живем.

В прошлом месяце артиллерийский обстрел города длился почти непрерывно весь месяц. Это значит, что в самые разнообразные часы дня в разных районах рвались снаряды шрапнельные и фугасные. Кровь лилась ручьями. Не ходить было невозможно, т. к. неизвестно, когда и куда они начнут сыпаться. Иногда обстрел не прекращался в течение 18 часов. Сейчас более или менее «тихо», не чаще одного раза в день стреляют по какому-либо району. И так тянется уже почти год. Уходя из дому, не знаешь, вернешься или нет. Подходя к дому, не знаешь, цел он или нет. Мы привыкли, но если на минуту отвлечься и посмотреть на город трезвыми глазами, то поражаешься, какое количество металла на него обрушилось. Нет ни одного дома без следов осколков. Осколки валяются по улице буквально через каждые 10 шагов. Стекол в окнах нет, и на каждом шагу руины разрушенных авиабомбами домов или изуродованные снарядами стены. Ленинградцы же привыкли.

Три дня назад, возвращаясь с работы⁷, на Марсовом поле я попал в очень интенсивный обстрел. Стреляли куда-то немного дальше. Снаряды свистели устрашающе, а справа были слышны оглушительные разрывы. Каждую секунду снаряд мог разорваться среди идущих. Однако народ шел, и среди них я видел мужчину, который инстинктивно закрыл голову портфелем, а под кустом сирени притаилась на корточках группа женщин, как цыплята, спрятавшиеся от коршуна. Когда я им сказал, что это ведь нелепо, если прятаться, то надо уходить в «щели», которых, кстати, тут же сколько угод-

но. Они сами очень смеялись, сообразив нелепость своего «укрытия» под кустами.

Часто можно видеть женщин с детьми, идущих во время обстрела и только посматривающих, рвется ли шрапнель над головой или немного дальше. Если над головой, то уходят в подворотни.

Но многие в конце концов не выдерживают, люди худеют, становятся нервными, а многие при звуках стрельбы не находят себе места. <...>

2. XI. [19]43. Придет ли психика людей в порядок и когда?

Педагог со стажем, наш сотрудник Гардей в возрасте ок. 45 лет набрасывается на поднос, приносимый официанткой в столовой. Хватает то одну, то другую порции, стараясь выбрать большую. Затем, поставив себе тарелку, с тревогой озирается, не прогадал ли он. <...>

16. XI. [19]43. Те, кто не пережил дистрофию, не поймут этого. «Мгновенный» кратковременный голод — это нечто совершенно иное.

Мне кажется, что истощение (дистрофия) можно сравнить с быстро пущенной, медленно снятой на киноплентку жизнью человека. Это старческий упадок сил в короткое время. Разница та, что старик привыкает и понимает упадок своих сил, это доходит до его сознания. Слабеющий ленинградец не замечает этого, не отдает себе отчета в том, что силы его сократились в сто раз.

В декабре 1941 года с Финляндского вокзала на Петроградскую сторону, до угла Геслеровского и Б. Зелениной, где жили тогда наши, я ходил 4 часа. Считал это естественным, т. к. до этого этот маршрут не ходил пешком. Дорога была нерасчищенной и казалась очень скользкой.

Когда я шел последний раз перед тем, как слег, я ухитрился свалиться, кажется, 15-й раз в ста шагах от дома. Упав, встаешь не сразу. Надо отдохнуть, подумать, выбрать точки опоры, снять вещевой мешок. Лежу и благодушно рассуждаю, что я уже почти дома. Подходит женщина. Походка как у всех ленинградцев сильно утилитарная, никакого кокетства, ноги врозь и палка вперед. Треножник. Прерывает мои мечты и соображения, как буду вставать, вопросом. В голосе простая деловитость без всякой любезности: «Гражданин, Вы как, встанете сами или Вам надо помочь?» Отвечаю: «Думаю, что встану, не беспокойтесь, мне недалеко, я живу в этом вот доме». — «Если Вы уверены, что встанете, то вставайте сами, а то я сама могу упасть, а вставать трудно, мне далеко, за Большой».

Смеемся оба как дети на зеркальной поверхности льда своей беспомощности и неловкости. Зима яркая, яркая, ослепительно яркая. Мороз звенит.

«Спасибо, спасибо, — благодарю я, добравшись до водосточной трубы. — А то будем здесь барахтаться оба и поднимать друг друга, я знаю, что голова у нас теперь тяжелее всего тела, и чуть наклонишься, кувырк, и упираешься головой в панель. До свиданья». — «До свиданья».

Я уже встал при помощи трубы и поднял мешок. Дом рядом. 9 маршей на четвереньках — и я буду среди своих и молоком, которое я везу, заставлю их улыбаться так же радостно, как этот день. Я знаю, что Оля меня ждет и только меня, а молоко это так, общая радость. Я любил и люблю! Человек для того, чтобы быть человеком, должен любить <...>.

¹ Чайко работал в Военпроекте старшим архитектором с апреля 1942 по апрель 1943 г.

² Ольга Владимировна Чайко работала до начала 1942 г. научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии.

³ С октября 1941 по апрель 1942 г. Чайко служил в Штабе оборонных работ Северного рубежа.

⁴ В сезон 1942–1943 гг. концерты в Филармонии были регулярными.

⁵ Баранов (Гальперсон) Сергей Сергеевич (1893–1952) — организатор «Научного книгоиздательства», существовавшего в Петрограде–Ленинграде в 1918–1931 гг. Барановы жили на Моховой ул., 26.

⁶ Владимир Михайлович и Евгения Петровна Конашевич.

⁷ С апреля 1943 по май 1944 г. Чайко работал старшим архитектором в Инженерном отделе КБФ.

Л. Л. Шретер

Артиллерийская разведка в период осады Ленинграда (отрывки из воспоминаний архитектора)

Публикация В. А. Фролова

Логин Логинович (Людвигович) Шретер родился 23 марта 1908 года¹. После окончания в 1925 году 217-й единой трудовой школы на 14-й линии Васильевского острова (бывшая гимназия К. И. Мая) поступил в Художественно-промышленный техникум. Еще не закончив обучения, он начал работать в мастерской гражданского инженера П. И. Сидорова, где получил первые навыки в проектировании. В 1930 году Шретер был призван на военную службу. Через год он был демобилизован в звании лейтенанта запаса, после чего поступил чертежником в Гипрогор, который в то время размещался в здании Академии художеств. Вскоре начинающий строитель был переведен техником в группу, которой руководил архитектор И. И. Виноградов. Здесь Шретер получил первое самостоятельное задание: спроектировать столовую для пионерского лагеря в поселке Сиверская. В 1932 году он поступил на архитектурный факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры². Будучи достаточно подготовленным, он окончил первые два курса за один год.

Дипломный проект «Музей Гражданской войны в Ленинграде» Шретер выполнил в 1936–1937 годах под руководством С. С. Серафимова и защитил на отлично. Началась плодотворная работа молодого архитектора во 2-й архитектурно-планировочной мастерской треста «Ленпроект»³, которой руководили Е. А. Левинсон и И. И. Фомин — мастера с ярко выраженной творческой индивидуальностью. Шретер оказался погруженным в атмосферу активной проектно-строительной деятельности. Мастерская занималась проектированием и застройкой предполагавшегося нового центра Ленинграда — Меж-

Л. Л. Шретер. Фотография 1940-х гг.

дународного⁴ проспекта. Тогда же он самостоятельно построил школу на 2-й линии Васильевского острова, дом № 43 (1938) и подготовил проект жилого дома Октябрьской железной дороги в 4-м квартале Щемиловки (1939), осуществленный после Великой Отечественной войны на улице Поляриков, 12.

В предвоенный год Шретер продолжал работу по постройке ранее спроектированных домов; принимал участие в конкурсах по созданию памятников на местах боев недавно прошедшей советско-финляндской войны, на проект второго дома Совета народных комиссаров в Москве, совместно с О. А. Ивановой и Д. А. Риппа-Аньолетто, на постройку жилого дома Академии художеств на Международном проспекте.

Война прервала успешно начатый путь зодчего. 2 июля 1941 года Шретер был призван в армию и направлен на курсы переподготовки артиллеристов, а вскоре на Балтийский флот.

Логин Логинович никогда не расставался с альбомом для зарисовок. Так было и в мирное время, так было и в дни войны. Большое графическое наследие Шретера хранится у его потомков. Созданные им пейзажи Петергофа, Гатчины, Павловска, Новгорода, Суханова, виды Армении и многие другие говорят об уверенной руке мастера, чуткого колориста и графика. Акварельные пейзажи архитектора привлекают то импрессионистической меткостью передачи настроений природы, то виртуозной, почти ювелирной отделкой миниатюрных композиций. «На отчетной выставке в Доме архитектора есть один весьма примечательный экспонат: "Письма с фронта", принадлежащие перу, точнее — кисти, молодого архитектора Л. Шретера. Эти миниатюрные акварели передают впечатления бойца. Мы видим мирную землю, изуродованную войной, пожары и взрывы, и вдруг, в чередовании страшного и героического, — зарисовка легкого дачного

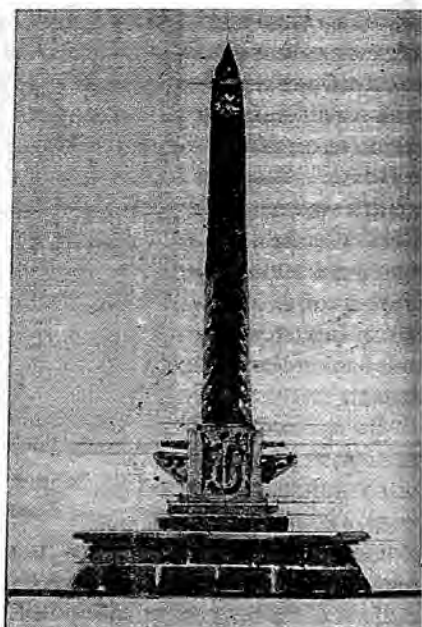
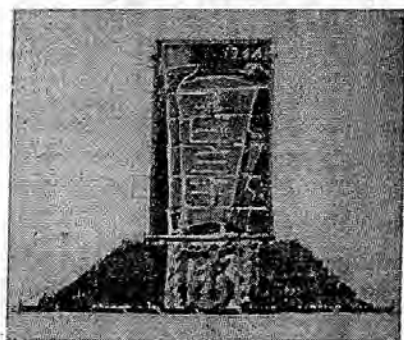
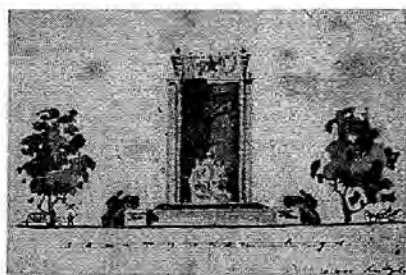
коттеджа или здания старинного русского собора с тщательно выписанным орнаментом. Каким верным, сильным чувством должна быть эта приверженность к зодчеству, чтобы находить и фиксировать такое на поле сражения!»⁵

Л. Л. Шретер. Небо над Финским заливом. 1942.
Акварель. Публикуется впервые.

Во время блокады Ленинграда были созданы специальные корректировочные и наблюдательные посты для отслеживания действий противника. Шретер был назначен командиром поста, размещенного под самым куполом Морского собора в Кронштадте. Корректировочные посты вели наблюдение за передвижением воинских формирований противника и осуществляли корректировку подавления огневых точек врага. Как писал генерал-лейтенант береговой службы И. Мушнов, «малейшее движение противника немедленно замечалось и фиксировалось, засекалась первая обнаруженная вспышка. Каждая такая вспышка получала свой номер, и за ней устанавливалось систематическое наблюдение. Корректировочные и наблюдательные посты проделали огромную работу. Только одна группа наблюдения лейтенанта Шретера в 1942 году засекала орудия и батареи противника 1031 раз, проекторы — 116 раз, аэростаты — 21 раз и другие цели — 18 раз.

В наших условиях решающее значение приобретала быстрота открытия огня по стреляющей батарее противника при попытке обстрелять наши морские объекты. В условиях сравнительно небольших дистанций и знания противником наших фарватеров его огонь мог быть эффективным. Малейшее промедление с открытием ответного огня могло привести к потерям. Наши корректировочные и наблюдательные посты, как правило, почти по первому выстрелу определяли, какая из батарей противника открывала огонь. Бывали случаи, когда на это уходило всего полторы-две минуты»⁶. Газеты военного времени зафиксировали, например, следующий эпизод: «Командир Шре-

Л. Л. Шрeтeр. Эскизы памятников Победы. 1940-е гг. Акварель.
Публикуются впервые.

тер внимательно наблюдал за противником. Просматривая прибрежную линию, он заметил, что в пункте С. на лёд вышла группа немцев. Фашисты стали тянуть колючую проволоку и минировать подходы к своим позициям. Шрeтeр насчитал около 50 фрицев. Он немедленно сообщил о замеченном на батарею.

Исполняющий обязанности командира орудия Г. Трeмбeцкий приготовился к стрельбе. Молодой боец Варламов быстро поднес фугасно-осколочные снаряды.

Раздалась команда:

— Залп!

Замковый Иванов дернул шнур. Первый же снаряд попал в гущу фашистов. Немцы бросились в стороны и залегли. Но их участь была решена. Трeмбeцкий открыл беглый огонь и взломал торосистый лёд.

За несколько минут метким огнем балтийцы уничтожили около 40 гитлеровцев»⁷. Данные, полученные мужественными разведчиками, сыграли важную роль как в обороне Ленинграда, так и в подготовке прорыва блокады.

Боевая служба наблюдательного поста.
Фотография 1940-х гг.

Сохранилось опубликованное в газете воспоминание одного из боевых товарищей Шретера, коротко, но четко характеризующее человеческие и профессиональные качества архитектора. «Логин Людвигович Шретер еще пять лет назад проектировал постройки. В жил-массиве на правом берегу Невы, на Щемиловке, по его проекту был сооружен дом. На Московском шоссе, в новом центре Ленинграда, по проекту коллектива, в котором участвовал Шретер, построены многоэтажное здание одного из наркоматов. Новая школа на 3-й линии⁸ Васильевского острова, ряд зданий в столице Узбекистана — Ташкенте сооружены по замыслам Логина Людвиговича Шретера.

Путь от командира поста до командира целого разведывательного подразделения прошел гвардии старший лейтенант Шретер. Личные качества и заслуги выдвинули его в ряд лучших специалистов артиллерийской разведки в соединении.

Данные об артиллерии противника, которые определял он в период боев под Ленинградом, на Карельском перешейке, под Тукумсом, Джуксте и Либавой, всегда отличались точностью и достоверностью. Кропотливая работа сверки, сопоставления отдельных донесений и засечек постов, в конце концов, превращалась в стройную

систему вражеских огневых позиций на артиллерийском планшете. И наша артиллерия беспощадно громила эти позиции.

До войны архитектор Шретер никогда бы не предположил, что ему когда-либо придется иметь дело со стереотрубами, планшетами, артиллерийскими приборами и таблицами. Но Родина потребовала этого, и гвардии старший лейтенант Л. Шретер в эти годы стал известен, как опытный разведчик, как умный руководитель постов сопряженного наблюдения и звуковой разведки. Четырьмя правительственными наградами отметила его Отчизна⁹.

Конец оккупации фашистами приневских земель застал Шретера в должности командира разведывательного подразделения. Гвардии старший лейтенант Шретер воевал на Карельском перешейке и в Прибалтике, участвовал в разгроме Клайпедского плацдарма и Курляндской группировки. Его военные заслуги были отмечены орденами и медалями.

Еще находясь на военной службе, Шретер рисовал эскизы будущих памятников Победы, а в 1945 году он создал проект памятника морякам, погибшим в боях под Клайпедой, осуществленный в дереве (не сохранился). Этим он отдал долг памяти фронтовым сослуживцам, героям, павшим в борьбе с фашистскими захватчиками.

После демобилизации в 1946 году архитектор много проектировал, участвовал в конкурсах. Так, например, им были созданы проекты для конкурса на постройку станций метро «Балтийский вокзал» и «Площадь Восстания» (в соавторстве с О. А. Ивановой и М. П. Савкевичем); памятника Победы для Вильнюса (в соавторстве с О. А. Ивановой, Л. Н. Линдротом, М. П. Савкевичем). В это время он работал в Леноблпроекте, а в 1950-м вернулся во 2-ю мастерскую Ленпроекта, став с 1967 года ее руководителем.

Ответственной задачей, вставшей перед зодчим как руководителем авторского коллектива архитекторов, была реконструкция комплекса сооружений больницы Фореля, разрушенного войной. На территории больницы необходимо было создать жилой городок Кировского завода (пр. Стачек, 140; 1950–1964, в соавторстве с Ю. А. Визенталь, В. Н. Зотовым, В. И. Заусской, Е. М. Лавровской и Л. М. Гольдвассером): возвести ряд новых зданий, сохранить и отремонтировать уцелевшие, приспособить их под жилье, детский сад, ясли, библиотеку, клуб, магазины и столовую. При этом авторы стремились и сумели сохранить масштаб и характер исторического места.

Не менее сложной была работа по возведению ряда зданий для Гидроэнергопроекта в 1955–1958 годах (в соавторстве с М. П. Савкеви-

чем): административных на проспекте Щорса¹⁰, 77–79, 83; жилых — на улицах Ординарной, 12, и Плуталова, 18.

В 1951–1963 годах в соавторстве с В. Ф. Беловым и М. П. Савкевичем Шретер разработал и осуществил проект Светлановской площади. Полукруглая в плане, она сформирована монументальными зданиями, классицистически строгая и ясная композиция которых организует истоки крупных проспектов Выборгского района: Светлановского и 2-го Муринского. Здесь они смыкаются с проспектом Энгельса, а пространство площади перерастает в широкий проезд, протянувшийся вдоль Удельного парка к Комендантскому аэродрому. Центральным звеном площади явилось здание Радиополитехникума, возведенное Шретером и Заусской в 1954–1958 годах. Классицистическая тектоника фасада, четкий ритм ордерных построений, согласованный с архитектурой и масштабом других сооружений площади, определяет ее парадный, представительный вид. Комплекс Светлановской площади продолжил лучшие традиции петербургского градостроения первой четверти XIX века. Его можно сопоставить с классицистическими ансамблями центра города.

Новые принципы организации ансамбля наглядно проявились при проектировании застройки площади Мужества в Выборгском районе¹¹. Проект был разработан Шретером в соавторстве с Л. И. Шимановским, при участии С. Д. Тартаковского и Н. А. Зазерского, в 1959–1960 годах. Строительство на этом ответственном в градостроительном отношении участке было достаточно сложным. Площадь служит развязкой шести крупных транспортных магистралей, она является местом притяжения значительных людских потоков, обусловленных расположением в непосредственной близости институтов, промышленных предприятий и учреждений. Кроме этого, ее пространство тематически сопряжено с Пискаревским мемориалом.

Застройка площади Мужества, начавшаяся в 1960-х годах, только в 1990-х подошла к своему завершению. Однако в центре площади нет обелиска мужеству ленинградцев в годы Великой Отечественной войны, предусмотренного авторами, что обеднило композиционное и идейно-художественное содержание интересного по замыслу ансамбля.

Одновременно с работой на площади Мужества под руководством Шретера велись застройка и благоустройство районов, примыкающих ко 2-му Муринскому проспекту, проспектам Мориса Тореза, Энгельса и Гражданскому.

Строительная деятельность зодчего шла параллельно с педагогической. Первоначально он консультировал студентов мастерской

профессора А. К. Барутчева на архитектурном факультете Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, а с 1972 года сам стал руководителем учебной мастерской в том же институте. «В мастерской царила атмосфера творчества, спокойствия и доброжелательности. <...> Логин Логинович, сидя на табурете в любимой позе (поджав под себя ногу) и попивая крепкий чай, толстым цанговым карандашом облекал в архитектурные формы наши идеи. Самую робкую мысль он пытался вытащить на свет божий, дать ей жизнь, никогда не навязывая своего решения. Развивая идеи студентов, он рисовал малюсенькие (иногда со спичечный коробок) планы, фасады, разрезы с интереснейшим внутренним пространством — разными уровнями, галереями, где не было места скуке, однообразию. Игра света, цвета, контраст объемов, гармония с ландшафтом — все интересно, захватывающе! И невольно забывались трудные поиски, неудачи, неверие в себя. <...> В планировке поселка, микрорайона Логин Логинович учил нас видеть не только абстрактные объемы, формирующие прямые или кривые линии улиц и пространства площадей. Главным было то, как человек будет воспринимать их с разных точек, какие картины возникнут перед ним, насколько все будет красиво, гармонично, комфортно», — вспоминала студентка архитектурного факультета 1970-х годов Л. Никитина (Романова)¹².

Творческая целеустремленность, исключительная работоспособность и человеческое обаяние определили успех, уважение и любовь сослуживцев и учеников. В 1983 году в день празднования 75-летия Шретера И. И. Фомин сказал: «Лог поистине плоть от плоти Академии. Вся его жизнь связана с Академией. Более того, эта связь с Академией имеет длинную историю: Н. Л. Бенуа, Л. Н. Бенуа — вот где корни этой связи! <...> Логин достойно продолжает архитектурную линию семьи <...>»¹³.

Логин Логинович Шретер скончался 1 июня 1988 года.

Здесь мы публикуем фрагменты воспоминаний Л. Л. Шретера, посвященные защите Ленинграда в период Великой Отечественной войны, любезно предоставленные вдовой архитектора О. А. Ивановой и дочерьми М. Л. и Е. Л. Шретер.

¹ Более подробно о творчестве зодчего см.: *Фролов В. А. Логин Шретер // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / Составитель В. Г. Исаченко. СПб., 1999.*

² Ныне Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

³ С 1976 г. «Леннинпроект».

⁴ С 1956 г. Московский проспект.

- ⁵ *Рискин А.* Сегодня и завтра // Вырезка из газеты / Хранится у Е. Л. Шретер.
⁶ *И. Мушинов.* Морские артиллеристы в обороне Ленинграда // Вырезка из газеты / Хранится у Е. Л. Шретер.
⁷ *Антипов А.* Беглым огнем // Красный Балтийский флот. 29 декабря 1942 г.
⁸ Автор ошибся: школа была построена на 2-й линии.
⁹ *Гроссман Ал.* Архитектор // Запп за Родину / Вырезка из газеты. Хранится у Е. Л. Шретер.
¹⁰ Ныне Малый проспект Петроградской стороны.
¹¹ *Шретер Л. Л.* Площадь Мужества. Проспект Непокоренных. В поисках решений, развивающих ленинградские традиции // Строительство и архитектура Ленинграда. 1971. № 6. С. 2–7.
¹² Записки *Л. Никитиной (Романовой)* хранятся у Е. Л. Шретер.
¹³ Запись речи *И. И. Фомина* хранится у Е. Л. Шретер.

Мой активно начатый творческий путь в архитектуру прервала война, 2-го июля я был призван и направлен на курсы переподготовки артиллеристов, размещенные в мобилизованном помещении ГлавАПУ на площади Ломоносова¹.

Пройдя курс подготовки, я был направлен 25 августа в действующую часть КБФ.

Дежурный с красной повязкой на руке смотрит документ, предлагает подняться на 2-й этаж. Поднимаюсь по роскошному «траку» (лестнице) наверх, вхожу в кубрик личного состава — белый зал — АПУ, уставленный двухъярусными койками на протяжении «от Фомина до Баранова»² по фасадной линии.

Моя койка в центре зала, примерно против кабинета Василевского³. Его на месте нет, как впрочем нет и Баранова и Фомина. Где-то они? Занимаются маскировкой или чем-нибудь другим, не архитектурным?

Над нами порой звучат сигналы тревоги, и мы покорно спускаемся в убежище. «Отбой воздушной тревоги», — говорит голос из громкоговорителя. Все возвращаются к прерванным трудам. Мы — в кабинеты слушать лекции, «морские стрельбы» — пристрелка «уступом», поражение «струей».

Ночью и днем ходили в наряд вдоль нашей улицы Росси — несли службу.

В середине августа мое образование признано достаточно успешным. С группой товарищей (Кривица и др.) получил назначение в Мукково (там был штаб флота) близ Котлов. Ехали на грузовике. По дороге остановка, выскакивает водитель с криком «воздух», мы быс-

тро «рассеиваемся» по кустам. Самолет пролетает над нами. Команда «отбой». Без дальнейших приключений въезжаем в Мукково.

* * *

Сидим в казарме, одной из окружающих город⁴, по контуру кирпичных домов-казарм, построенных из красного кирпича с выносными, в виде башенок, флотскими галюнами (двухэтажными уборными, рассчитанными на массового потребителя).

Сидим в казарме, чего-то ждем. Вечером поверка на плацу. После поверки строем идем к военной гавани. Строим догадки — «Пойдем в неведомом направлении... Наверно в Таллин». Но все молчат. Ждем приказа. Его нет. Солнце зашло где-то за Толбухиным маяком. Возвращаемся в казарму около 2-х часов ночи.

На следующий день история повторяется, на третий день тоже. Что-то в обстановке неладно. Наша помощь, видно, Таллину уже не нужна.

В конце концов получаю направление на форт «Р» помощником командира 131-й батареи. Поездом (никогда не думал, что вдоль острова ходит поезд) доезжаю до места. И вот я на Западной окраине острова. Еще западней только Толбухин маяк, а дальше вода и редкие острова.

Кронштадт — город-крепость, но не видно на нем мощных «замковых» стен или сторожевых башен. Все военные сооружения стелющиеся, прижатые к Земле, вкопанные. Только орудия стоят на поверхности, прикрытые маскировочной сеткой, в любую минуту готовые к бою. В насыпном холме КПН⁵ командира батареи — маленькая комнатка с окном-щелью, в которую смотрит оптический глаз стереотрубы на морские просторы. Офицерские каютки и большая «потерна»⁶ — казармы личного состава батареи, артиллерийский погреб.

Наблюдательная щель защищена сверху бетонным козырьком. Вся батарея укрыта насыпной землей, территория покрыта высокоствольной растительностью — выглядит садиком, мирной усадьбой. Территория благоустроена. Одноэтажные домики кают-компаний, матросского клуба и др. вносят дополнительное ощущение мирной жизни.

Началась служба. Наряды по дивизиону, батарее, кухне. А вечером посещение кают-компаний. Там ежедневные бильярдные сражения. Офицеры лихо справляются с шарами, загоняя их в лузы. Так шла жизнь по форту. Война чувствовалась в небе. Были большими силами налеты на город, бомбежка, зенитный огонь. А у нас слышен

был рокот самолетов, плотная стрельба зениток, изредка к нам залетали осколки снарядов и свистели шальные пули.

* * *

В начале сентября 1941 года наступающие на Ленинград немецкие войска пересекли пригородную железную дорогу Ленинград—Ораниенбаум и вышли к побережью Финского залива, на участке от завода «Пишмаш» до Гранильной фабрики. Под ударом оказался морской путь Ленинград—Кронштадт—Ораниенбаум. В обороне города возникла новая, неожиданная задача — оборона коммуникаций от береговой артиллерии, развернувшей батареи на прибрежной полосе и готовой к борьбе с кораблями и транспортом.

Организация системы обороны незащищенной стороны острова Котлин и водного перехода из Ленинграда стала перед штабом КМОР⁷. С этой целью на юго-востоке острова Котлин, в районе Морского завода и Ленинградской пристани были развернуты 16-й и 17-й артиллерийские дивизионы, нацеленные на район Петергоф—Стрельна.

Надо было создать надежную систему разведки, могущую быстро и точно раскрывать расположение огневых средств противника, сосредоточенных в зоне «Стрельна—Новый Петергоф».

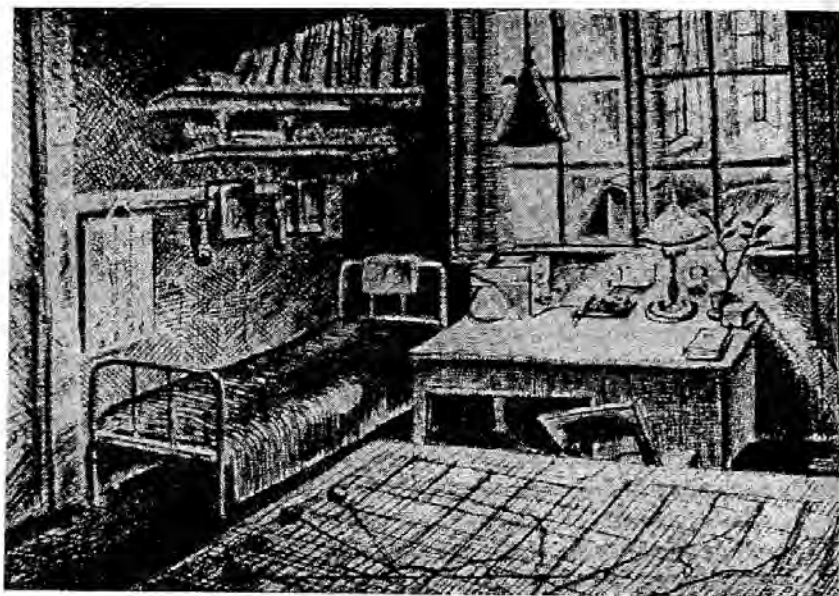
Создание группы из 4-х наблюдательных корпостов на многокилометровой базе гарантировало большую точность засечек. <...>

В этот день [в начале сентября 1941 года] я нес службу оперативного дежурного в штабе дивизиона. Мне доложили о прибытии на форт майора Кузнецова из штаба флота. Встречаю его. Докладываю по форме: «Все спокойно! Оперативный дежурный помощник командира 131-ой батареи — Шрертер». «А! Помкомбат! Вот и отлично! — отвечает майор. — Сдать дежурство! На сбор 10 минут, выезжаете со мной».

Я передал дежурство, и через 10 минут на машине майора выезжаем в Кронштадт.

На Кронштадтском морском соборе было решено создать наблюдательный пост на отметке существующей галереи. На этой галерее уже существовали наблюдатели МПВО и геодезисты со своими бусолями.

Поднимаемся на подкупольную галерею Морского собора, откуда открывается широкий горизонт во все стороны. Прекрасный вид. Но! Южный берег в руках врага. Сейчас эта сторона кажется суровой, враждебной, нелюдимой, какой-то настороженной, кажется, что там что-то готовится, кто-то оттуда должен напасть. И это наш дорогой Петергоф!

Л. Л. Шретер. Комната командира группы наблюдательного поста в Морском соборе. 1940-е гг. Рисунок. Публикуется впервые.

Наблюдательный пост на соборе — конечно, великолепен, быть может, слишком свободен, ну да ладно, там видно будет.

Так началось формирование группы наблюдательно-корректировочных постов, сыгравших потом большую роль в контрбатарейной борьбе.

Задача: наблюдать, засекать, подавлять, не давать вздохнуть [противнику]. Штаб дает указание начальнику связи выделить «пару» в подводном кабеле, обеспечить связь с постами Лахта, Лисий Нос, четвертый северный форт.

В системе военно-морского флота не было такого подразделения, не было его и в армейских частях. Но для обороны Ленинграда его надо было, не теряя времени, создать. И оно было создано и развернуто вдоль северного берега Финского залива — от Лахты, Лисьего Носа, фортов и до Кронштадтского Морского собора.

Пока налаживается телефонная линия — подбирается личный состав постов из расчета: офицер, старшина, 2 матроса-наблюдателя на каждый пост, старшина и 2 матроса-телефониста на командный пункт.

Оборудуются посты стереотрубами и биноклями. Оборудуется командный пункт — изготавливается геодезический планшет района разведки в масштабе 1:25000 с нанесением на него точек наблюдательных постов, каждый со своим азимутальным кругом; в пределах разведки южной части горизонта. В точке каждого НП (наблюдательный пункт. — В. Ф.) закрепляется нить с грузиком на свободном конце.

По определенному стереотрубой отсчету с каждого поста на планшет накладываются нити. Пересечение нитей дает цель. Координаты цели считываются с планшета и передаются в штаб КМОР, штаб дивизиона и на батарею.

Начали прибывать люди из морского Флотского экипажа: офицеры, старшины, матросы. Так, на Морской собор прибыл старший лейтенант Придатко С. Ф., главный старшина Ганичев, старшина 2-ой статьи Прохоров В. И., матросы Попович, Леонов, Хусаинов, Черпаков и другие; на четвертый северный форт — лейтенант Муратов Ю. Т. и др.; на Лисий Нос — техник-лейтенант Макаренко, старшина 2-ой статьи Величко, матросы Булах и Исаев; на Лахту — лейтенант Кочанов, матросы Крючников и Логинов.

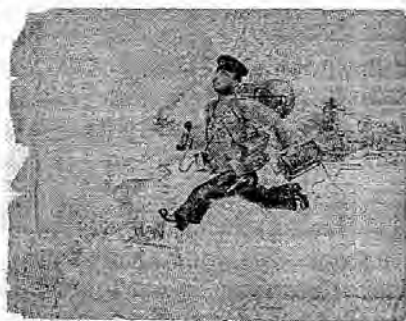
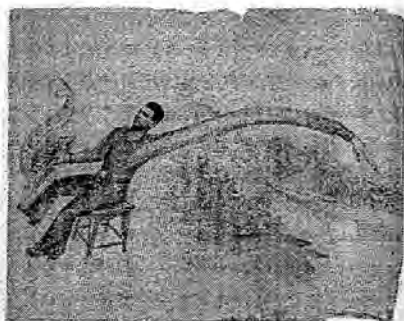
Еще несколько дней шли предварительные работы, по организации подразделения, оснащения техникой и оборудованием.

Постройка и оборудование КП (командный пункт. — В. Ф.) на 4-ом этаже Морского собора; оборудование кубриков личного состава, оборудование НП в Лисьем Носу и в Лахте, налаживание связи. Вся эта кропотливая работа продолжалась и дальше, но заложено было все в эти первые осенние дни.

Помню первые морозные ночи на соборе. Пока еще не было тепло-го КП, мы сидели и спали в промежутках между подъемными ходами на НП. А ночи были удивительно ясными, сверкающее звездами небо, нередкие полярные сияния, озаряющие всю округу светом, которого в мирное время мы не ощущали, а он, неведомый, таинственный, — был.

Л. Л. Шретер. Матрос Логинов.
1940-е гг. Карандаш.
Публикуется впервые.

Л. Л. Шретер. Шаржированные рисунки. 1940-е гг. Публикуются впервые.

Позже, когда было освоено КП, когда был установлен планшет с четырьмя нитками, идущими с каждого поста, стало возможным производить уточненные засечки по условной команде «ноль» (при одновременной работе 4-х орудий батареи давало возможность точного определения места каждого).

Морской собор поставлен на довольствие в XVII дивизион, штаб которого размещен на Морской улице в Кронштадте.

Была установлена круглосуточная вахта на всех постах и на командном пункте, все аппараты заговорили. С этого момента началась непрерывная разведывательная систематическая деятельность с двухкратной засечкой цели, вторичной по команде «ноль».

На базе длиной около 20-ти километров было размещено четыре НП, связанных надежной, непрерывной телефонной связью. Они оборудованы отличной техникой, укомплектованы личным составом из дивизионов Балтийского Флотского экипажа из освободившихся разведчиков с действовавших батарей полуострова Ханко.

Общий состав группы — от шестнадцати до двадцати двух человек, в том числе пяти человек среднего комсостава и четырех младших командиров. Я стал командиром группы.

Надо было найти надежно укрытое место для расположения командного пункта. В нем должен быть размещен генеральный планшет, на котором нанесены все районы разведки от Красного Села до Ропши, от Лахты и Морского канала до Ломоносова и Кронштадта с точным нанесением каждого НП.

Такое КП с таким планшетом было оборудовано в Морском соборе, в северо-западной его части, примерно на половине высоты главного наблюдательного поста.

В то же время в районе Ленинградской пристани на юго-восточной оконечности острова Котлин были развернуты два дивизиона бывшей железнодорожной береговой артиллерии (XVI и XVII) с современными дальнобойными пушками, направленными в юго-восточном направлении на Стрельну и Петергоф.

Эти дивизионы были предназначены для обороны крепости с незащищенной стороны и для контрбатарейной борьбы. Мы должны были, в первую очередь, их обеспечивать необходимыми данными. КП корпостов были связаны телефоном с начальником базы и оперативными дежурными дивизионов.

Надо было начинать работу, и можно было работать.

А задач стояло много! И все надо выполнить.

Необходимо было не давать противнику возможность вести прицельный огонь по транспортным средствам на водных путях.

Надо было немедленно открывать огонь по батареям, обстреливающим Ленинград и Кронштадт.

Надо было немедленно реагировать на всякую активность врага, надо было точно знать позиции каждой батареи, а кроме того, надо было обеспечить удобное размещение личного состава.

Группа сопряженного наблюдения оправдала себя полностью. Только за 1942 год она засекала орудия и батареи 1031 раз, прожекторы — 116 раз, азростаты и другие цели — 18 раз.

По инициативе командира НП «Морской собор» Придатко С. Ф. и старшины Прохорова В. И. была обнаружена возможность, поднимать НП выше купола непосредственно под венчающий знак (шишку), что значительно расширило радиус видимости до 45 километров. Установка на этой точке цейсовской бинокулярной трубы 20–40-кратного увеличения, найденной старлейтом Придатко в запаснике Морского завода, обеспечила возможность наблюдения

перемещений противника в районе Красного Села и Ропшинского шоссе.

За время существования группы посты неоднократно подвергались артобстрелам, как правило, безвредным. Купол Морского собора пропустил несколько снарядов, прошивавших оболочку и взрывавшихся в помещении, не причиняя сооружению существенного вреда. Лишь однажды вражеский снаряд попал в группу краснофлотцев в непосредственной близости от Морского собора. Тогда погибли старшина Ганичев, матросы Воротников и другие.

Наблюдательные посты вели безостановочное наблюдения вплоть до снятия блокады, до победы наших войск под Ленинградом.

Группа сопряженных корпостов сыграла в обороне Ленинграда весьма существенную роль. Артподготовка 1-го этапа прорыва была основана на данных группы.

* * *

Обычно противник открывал огонь несколькими орудиями одновременно, и часто получалось, что засечки разными постами давались по разным целям.

Тогда было введено правило засечек по команде «ноль», подаваемой вторично первым обнаружившим цель (а в дальнейшем номер цели).

* * *

Группа постов сопряженного наблюдения, организованная штабом КМОР, на Кронштадтском Морском соборе, на 4-м северном форту, на северном побережье Финского залива в поселках Лисий Нос и Лахта и связанная телефонным проводом в единую систему, обеспечила точность и скорость засечек. Обеспечила скорость открытия огня нашими батареями. Все батареи немцев были разведаны, известны наперечет, и стоило любой из них открыть огонь, как она через 2-3 минуты получала заслуженный ответ и вынуждена была умолкать.

В течение всего времени блокады Ленинграда, все 900 дней и ночей, военно-морские посты сопряженного наблюдения вели наблюдение. В любое время дня и ночи на нашем КП [раздавался] звонок оперативного дежурного: «Штаб флота. Кто ведет обстрел? Снаряды рвутся в городе. Готовность № 1».

Как досадно, когда нет видимости, когда в сплошном тумане земля, занятая врагом, и понятна нервность дежурного, и обидно, что ничем не помочь.

¹ Главное архитектурно-планировочное управление Исполкома Ленгорсовета находилось на площади Ломоносова, 2.

² Имеются в виду кабинеты архитекторов И. И. Фомина (1904–1989) и Н. В. Баранова (1909–1989).

³ Возможно, Г. М. Василевский, конструктор.

⁴ Имеется в виду г. Кронштадт.

⁵ Так у автора. Очевидно, командный пункт наблюдения.

⁶ Галерея-туннель в толще укрепления.

⁷ Так у автора. Кронштадтский морской оборонительный район был создан в декабре 1942 г.

Блокадные письма А. П. Остроумовой-Лебедевой

Публикация Л. П. Баклан

В РДФ ГМИСПб хранятся сотни писем жителей блокадного Ленинграда на фронт, на Большую землю и даже в другой район города. Каждое письмо того сурового времени — крупница подлинной истории. Особенно интересны среди них те, автор или адресат которых известная личность.

Автором шести писем из музейного собрания является замечательный художник Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955). Всю блокаду она, несмотря на преклонный возраст, провела в своем любимом городе, продолжая работать: рисовать, писать начатые еще до войны «Автобиографические записки», вести дневник¹.

Пять писем Остроумовой-Лебедевой адресованы Л. Я. Круковской², жившей в Ленинграде на 1-й Красноармейской улице (на них нет штампа военной цензуры). Одно письмо было послано В. Я. Курбатову³, находившемуся тогда в Казани. Все они относятся к периоду с ноября 1941 по январь 1943 года и содержат не только дополнительные материалы к биографии их автора, но и ценные свидетельства о жизни в осажденном городе.

¹ Архив А. П. Остроумовой-Лебедевой хранится в рукописном отделе РНБ (Ф. 1015). Он передан туда согласно завещанию художника.

² Круковская Людмила Яковлевна — писатель, автор ряда книг, в т. ч. «Н. А. Морозов. Очерки жизни и деятельности» (Петербург, 1920), «Шлиссельбургский узник Валериан Лукасинский» (Петербург: Государственное издательство, 1920). Письма переданы в дар музею Л. Я. Круковской в 1960 г., КП-13072-13077.

³ Курбатов Владимир Яковлевич (1878–1957) — ученый-химик, историк искусства, один из основателей и член дирекции Музея Старый Петербург, один из инициаторов создания Музея Города. Гравюры Остроумовой-Лебедевой иллюстрируют книгу В. Я. Курбатова «Петербург» (СПб., 1913).

13 ноября 1941

<...> Я в роли беженки. Моя квартира на Выборгской¹, как и вся Выборгская набережная, подвергается усиленной бомбардировке и оружейному обстрелу. В последние дни громадный семиэтажный дом, примыкавший вплотную к нашему, превращен в кучу мусора, а в нашем доме вырваны рамы со стеклами. Мне было необходимо оттуда заранее уехать, я это сделала правильно. Сейчас я второй день как встаю с кровати. У меня было воспаление легких. Мой врач очень пессимистически смотрит на мое пребывание у моих родственников на улице Марата². Во-первых, этот район очень подвергается обстрелу. Октябрьский вокзал³, Лиговка, Обводный канал — все это около нас. Но самое главное, что смущает врача, — это температура комнат, которую нельзя повысить выше 7–8. Комнаты огромные, высокие и их невозможно нагреть. И я рискую опять заболеть. Но деваться мне некуда.

Я со всем этим примирилась и примирилась с мыслью, что всей этой катавасии я не переживу. Ужасно устала бороться за жизнь. <...>

19 ноября 1941

<...> Ксения Алекс.⁴ очень ласково и настойчиво предлагает переехать на ее квартиру. Но она, видимо, не знает, что к ним переехали Красовские. Мне советуют переехать в подвал Эрмитажа, где спасается очень много народа. И мне Орбели⁵ обещал меня устроить. Но там люди бывают частично, приходят только на ночь, день проводят в своих квартирах. А мне надо там совсем жить, оставаясь все время в подвальном этаже. Отсутствие дневного света, сырость, скученность людей меня страшат. Кроме того, там нельзя готовить еду. <...> У меня сейчас в комнате t +7. Я замотана и закутана по самую макушку. Но рассчитываю, что я к такой температуре постепенно привыкну и освоюсь с нею. <...>

13 января 1942

<...> Еще раз поздравляю Вас с наступившим Новым Годом и желаю Вам от души исполнения Вашего желания — дожить до окончания этой ужасной войны.

Я тоже твердо убеждена, что мы победим и немцы будут раздавлены. Глубоко убеждена.

Сейчас я живу в своей квартире, в одной комнате и кухне, где мы забили досками выбитые стекла; хотя удалось так устроить, что можно отчасти пользоваться и дневным светом. Электричество у нас не горит, и воды тоже нет. Это, конечно, не очень удобно, а отсутствие света даже угнетает. Но ничего — все впереди.

Дома мне уютнее, спокойнее и свободнее (душевно). На улице Марата мне было просто тяжело, и я сама удивляюсь, как я могла там прожить три с половиной месяца. Но иначе я не могла поступить, уж очень немцы трепали Выборгскую сторону. А теперь стало потише.

Голодать мне не дают мои друзья, то один что-нибудь принесет, то другой. Из запасов у меня не осталось ничего, и если б не друзья, то мне пришлось бы плохо. Это похоже на милостыню, но я ее принимаю. < . >

5 октября 1942 г. Ленинград⁶.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Вы меня зовете в Казань. Я почти совсем туда решила ехать недели три тому назад. Петр Евг. Корнилов⁷ меня и Ньюшу⁸ приглашает жить у него (Ньюшу не очень) в его собственном доме. Он даст мне комнату.

Председатель Комитета Искусств обещает меня и Ньюшу устроить на самолет до Москвы, а там прямая поездка до Казани. У меня очень слабо сердце от всего пережитого, и более сложного и трудного пути я не перенесу. Так говорят врачи. Но когда я стала собираться и мне надо было решать, что с собой брать шубку и зимние вещи и немного белья, или вместо них граверные инструменты, несколько досочек, кисти, краски и все то, что нужно для работающего художника, то здравый смысл подсказывал, что надо брать теплые вещи, обувь и т. д., если хочешь жить.

И вот здесь настал момент, когда я должна была сама себя уничтожить как художника, т. е. оставить все, чем жила всю жизнь, и приехать в Казань без вещей, старой, никому ненужной старушкой, без опоры, без близкого человека, только затем, чтобы спасти свою жизнь.

И я решила остаться в моем любимом городе.

Зима меня не страшит — в бытовом отношении, я постараюсь выжить, а дальше... как судьба.

<...> В последние дни я сделала новую гравюру — памятник Фальконета — Петр Великий. Четыре года я не резала доски, и мне было интересно знать, смогу ли я резать. С глубокой радостью и удовлетворением увидела, что зрение — острое по-прежнему и рука тверда и послушна. Сейчас начала вторую. Тороплюсь работать пользуясь светлыми, ясными днями. Работая, держу доску в солнечных лучах, чтобы лучше видеть. Месяц тому назад я была тяжело больна, перед тем целую неделю я приводила в порядок книги Сергея Васильевича⁹ и, видимо, очень утомилась. У меня сделался сильнейший сердечный

припадок и одновременно тоже очень сильный припадок печени (как ни странно при таком режиме — печень). Ньюша меня выходила. <...>

2 декабря 1942

<...> Я бесконечно рада, что Вам сейчас хорошо. На сердце становится легче. Я тоже совсем определенно решила никуда не ездить. И, к моему удивлению, я и мое искусство оказались нужными. Особенно мне ценно, что понадобилось мое искусство таково каково оно есть, без всякого искажения и подлаживания и без тени лакейства. Вы, может быть, слышали, что женщины Шотландии прислали нам большой приветственный альбом¹⁰. Члены нашего правительства решили ответить тоже альбомом. Вспомнили обо мне, т. к. альбом был прислан Ленинградским женщинам и Ленинграду. Альбом создавался в моей мастерской. Работали над ним 3 переплетчика, 3 графика, я и еще двое организаторов. В альбом помещено 20 моих гравюр, цветных и черных. Кроме моих гравюр, было несколько страниц фотографий. Форзац состоял из отлично исполненных гербов Шотландии и СССР, фронтиспис — статуя Ленина (моя акварель). Альбом вышел чрезвычайно красивым. Переплет холщовый, со старинной вышивкой, и альбом лежал в коробке, обтянутой золотой и серебряной парчой. Он был сделан в 4 дня, но мы работали с 7,5 ч. утра и до двенадцатого часа ночи. Это было в июне. В альбоме было несколько карманов, в которых находились приветствие и просто подписи от 5 тысяч Ленинградских женщин. Приветственные тексты были ручным способом нарисованы графиками. На днях мне передали, что этот альбом в Москве произвел фурор. Он тотчас же улетел в Англию¹¹. От жены Майского мы знаем — ее слова: «он произвел в Англии потрясающее впечатление».

Мне было это очень приятно слышать. Теперь затевается один сборник. Кажется, его точное название: «Героические женщины Ленинграда». Он будет роскошно издан и будет говорить о героической работе на фронте и в тылу наших Ленинградских Женщин.

Меня просят принять участие в этом издании. Я согласилась. За эти месяцы я сделала большой семейный портрет Корнилова и его жены, 10 литографий видов Ленинграда, две гравюры (!) и 4 акварели. <...>

23 декабря 1942

<...> Я чувствую себя не очень хорошо. Недостаточное питание очень сказывается на моем здоровье. А может быть, однообразие питания. У меня когда-то был туберкулез второго и третьего шейных

Женщинам Уирсайда

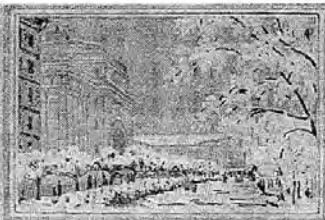
Мы — ленинградки, приветствуем вас, женщины Уирсайда.

Расстояние, разделяющее нас, не мешает нам любить вас, нашу дружескую близость, нашу общую готовность помочь и поддержать победу над врагом.

Будущее наших народов?

Совместными усилиями мы должны разгромить гитлеризм в 1942 году и освободить мир от варварства и насилия.

Будем же взаимной поддержкой укреплять сопротивление нашим отрядам, чтобы победить быстрее.

Девушкам Котбриджа от Девушек Ленинграда

Дорогие подруги!

Мы очень приветствуем вас. Ваше одобрительство помогло нам начать новую жизнь в наших сердцах.

Живем мы сейчас в тесноте, но под нашими маленькими жилищами война прекрасного будущего, мы в плену

свободу и счастье.

нам на земле наших сил, и даже самой жизни, для победы над нечестным и несправедливым врагом.

Рука об руку с вами в этот дождь, опираясь на все крепкий Союз и братскую помощь наших государств, мы завоеваем право на свободу и счастье.

А.А. Остроумовой-Лебедевой.

1948.

[illegible]

e alguns latinos.
 Aho topa. Quem conhece de
 de a natureza e a vida e a
 espírito e a vida. Quem sabe
 e a vida e a natureza e a
 e a vida e a natureza e a
 e a vida e a natureza e a
 e a vida e a natureza e a

Женщинам
Катерины, Дирдори и Фурсейды.

позвонков, и, кажется, он хочет возобновиться, а это грозит мне потерей движений правой руки. Но, может, это обойдется. Продаю свои книги — художественные издания. Дают за них гроши. Покупаю на эти деньги молоко (раз в четыре дня), овощи. Но мне нужен сахар и жиры — но их трудно достать, да и бешеная цена стоит на них. Ну да об этом скучно говорить. У меня тепло +14 по Реомюру, и дров хватит на январь. Сейчас мне поручили новую работу. Будет издаваться сборник «Героические женщины Ленинграда», очень роскошный. Меня просили взять на себя художественное оформление его. Издатель — Лениздат¹². В нем будет работать 6 художников, а если понадобится и больше. Я предвижу, что эта работа будет сложнее, чем создавать альбом шотландским женщинам, трудно будет согласовывать противоречивые мнения и вкусы всех участвующих в нем. С начала ноября ничего не знаю о Морозовых. На их поздравительную телеграмму¹³ ответила им, написав письмо и открьтку, а ответа на них не имею.

6 января 1943

<...> Дело в том, что я получаю 1-ю категорию¹⁴ и академический паек. Нюша 3-ю категорию. Я с ней абсолютно всем делюсь, начиная с хлеба, и потому академич[еского] пайка мне хватает на две недели. И выдается он нерегулярно, а с запозданиями. Видимо, мне этого мало, т. к. я продолжаю сильно худеть. Врач говорит, что мне не хватает жиров и сахара. Недавно я заплатила за 400 гр. сахарного песка 650 р., но ведь это часто нельзя себе позволять. Молока я уже больше не могу покупать, т. к. пол-литра стоит 145 р.

Я просила чрез т. Трофимова (председателя Управления по учету и выдаче продукт[ов], карточек) мне дать добавочную карточку на обед в столовой. Он мне ответил, что я могу получать только чрез союз. А в союзе художников сколотилась очень тесная и теплая группа, которая всякими способами уклоняется мне дать такую карточку. Видимо, моей карточкой там кто-то уже воспользовался. Они не раз пользовались моими пайками, ничего мне об них не сообщая. <...> У меня на столе хорошенькая, убранная елочка, присланная мне друзьями, а я одна, одна... Завтра Рождество и день рождения моего отца — наш любимый день в году.

Всего, всего Вам лучшего, дорогая Людмила Яковлевна. Преданная Вам А. Остроумова-Лебедева.

* * *

На полях письма приписка: «Хочется дожить до конца войны и хочется видеть мой милый город свободным и возрождающим[ся]. Так хочется!»

Желание Анны Петровны сбылось. Она не только дожила до Победы, но и создала после окончания войны еще много работ. В 1951 году в связи с ее восьмидесятилетием в Русском музее была открыта персональная выставка Остроумовой-Лебедевой. В ее «Автобиографических записках», второй том которых рождался в годы блокады¹⁵, есть слова: «Мой путь подходит к концу. Я счастлива, что была свидетельницей героической, победоносной борьбы нашего великого народа, великого в своем терпении, мудрости и героизме»¹⁶.

¹ Нижегородская ул., д. 10, с 1949 г. — ул. Академика Лебедева.

² С 14 сентября по конец 1941 г. Остроумова-Лебедева жила на ул. Марата в семье вдовы ее брата — Ольги Анатольевны Остроумовой.

³ Московский вокзал.

⁴ Морозова Ксения Алексеевна — жена Н. А. Морозова, известного революционера-народника, ученого.

⁵ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, академик, в 1934–1951 гг. — директор Государственного Эрмитажа.

⁶ Письмо передано в 1987 г. в дар музею В. В. Курбатовым, сыном В. Я. Курбатова.

⁷ Корнилов Петр Евгеньевич (1896–1981) — искусствовед, сотрудник Русского музея, автор работ по истории русской графики, в том числе о творчестве Остроумовой-Лебедевой.

⁸ Домработница Остроумовой-Лебедевой.

⁹ Лебедев Сергей Васильевич (1874–1934) — химик, академик АН СССР, муж Остроумовой-Лебедевой.

¹⁰ Альбом с приветствиями от женщин Котбриджа, Эйрдри и Уирсайда (Шотландия) женщинам Ленинграда хранится в РДФ ГМИСПб. КП-59792.

¹¹ Альбом хранится в Национальной библиотеке г. Глазго, в 1986 г. обществом «Шотландия — СССР» в ГМИЛ была передана фотокопия альбома. КП-129198 всп.

¹² Альбом был издан в 1944 г. под названием «Женщины города Ленина», художественное оформление форзаца Остроумовой-Лебедевой.

¹³ В ноябре 1942 г. художнице было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

¹⁴ Продовольственная карточка по нормам рабочих.

¹⁵ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Л.; М., 1945.

¹⁶ Цит. по: Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Т. 3. М., 1974. С. 348.

Письма художника И. А. Серебряного из блокадного Ленинграда

Публикация Г. И. Чугунова при участии А. Г. Чугуновой

Подготавливая письма Иосифа Александровича Серебряного (1907–1979) к изданию, я сравнил их с его статьями, опубликованными в сборниках, посвященных блокадному Ленинграду¹. Как будто все то же — те же факты, отношение к происходившему, обстановка творческой работы... Тем не менее — как сильно отличаются письма от этих статей. Дело даже не в том, что в статьях опущены кое-какие факты, которые в 1970–1980-х годах стали восприниматься иначе, нежели в блокадные времена, когда появилась естественная для мужчины в пожилом возрасте эмоциональная сдержанность. Дело в другом. В отличие от статей письма дают возможность ясно представить, почувствовать саму душевную атмосферу жизни ленинградских художников. Конечно, это наблюдение — не новость; что может быть откровеннее, незащищеннее писем? Вероятно, именно поэтому к ним следует относиться иначе, нежели к другим жанрам литературы: они не были предназначены для чужих глаз. Однако давно уже нет в живых ни автора писем, ни адресата, ни их дочери.

Творческая деятельность Серебряного и его товарищей по Союзу художников, в отличие от их повседневной жизни, отражена в письмах достаточно подробно. Не стоит забывать, что в те годы существовала военная цензура, и это не было тайной для автора. По обыкновению он явно преуменьшал голод в городе и совсем не упоминал о бомбежках и обстрелах; не случайно, что военной цензурой было вымарано несколько строк только в одном из писем. Но главной причиной тому, конечно, было нежелание расстраивать жену, которую он нежно любил.

Мы знаем, что многие художники покидали Ленинград и до и во время блокады, особенно после открытия дороги через Ладогу. Серебряный этого не сделал. Больше того, когда после знаменитой пер-

И. А. Серебряный с женой.
Фотография конца 1930-х гг.

вой выставки блокадных художников в Москве В. А. Серов привез несколько путевок в дом отдыха, в том числе и Серебряному, он, обремененный бесконечными работами, откладывал свой отъезд почти полгода. Вместе с тем художник часто выезжал в воинские части, на передовые аэродромы, в партизанские отряды, где писал портреты героев Ленинградского фронта. Оказалось, что эта чрезвычайно напряженная работа (иногда художник делал портрет за один день) принесла совершенно неожиданные плоды: будучи в январе 1942 года в партизанском отряде в Жихарево (под Волховом), он, в сущности, спас себя от голодного истощения, о чем впоследствии не раз упоминал в письмах.

Творческая деятельность в такой обстановке и вообще условия жизни в блокадном городе закалили художника, сформировали его характер. Живя в Ленинграде, он в своих письмах не только успокаивал супругу, которая ни разу не видела немецкого самолета, но постоянно воспитывал ее в соответствии с военным временем, вселяя бодрость и терпение. На первый взгляд это может показаться не вполне логичным, но только на первый... В одном из писем 1942 года Серебряный писал: «Ты <...> настаиваешь на моем отъезде <...> Пойми <...> мне до боли в сердце хочется видеть тебя и дочурку <...> и уж конечно не хочется умирать... Но пойми также, что я в своем будущем благополучии не могу краснеть перед кем бы то ни было за свои поступки теперешнего времени и посему не могу сейчас покинуть Ленинград. Я бы чувствовал себя дезертиром и никогда не простил бы себе этого <...> кроме того, трудно оторваться от того грандиозного и героического, что творится сейчас в Ленинграде. Мы здесь переживаем незабываемые дни, и упустить их было бы для художника непростительным». Разумеется, такие откровения были предназначе-

или Ленинградно внешне со всем советским народом.
 Сейчас у нас в Ленинграде стало хуже и
 с бытовой стороной жизни населения и с питанием.
 Правда для многих еще сказывается самый
 тяжелый период — декабрь, январь, февраль.
 Была очень слаба мама, но сейчас она чувствует
 себя лучше; она уже принимает пишу слов,
 чего раньше не могла бы сделать физически.]

В этот вечер Аркадий, пожелав
 от. уходит в морю. Ибо мама переносит все
 с драгоценным мужеством но тоже слаба и я помогаю
 ей тем, что могу. Тетя ходит ко мне в Союз и
 я отдаю ей вещи которые она носит домой.
 Подрабаваю я им такие кое что из художков
 (по возможности), кроме того прилагаю сейчас
 усилив чтобы пережить их в нормальную кон-
 натуру в том же доме, но на втором или третьем
 этаже. Я надеюсь, что мне удастся этого до-
 биться т.к. у них в доме имеется свободное кон-
 натуры.

Фрагмент письма И. А. Серебряного от 17/IV 1942 г. из Ленинграда
 с вымаранными военной цензурой строками.

Почтовая открытка от 16/VI 1942 г.
с надписью «Просмотрено военной цензурой».

ны лишь для жены и не могли появиться в его статьях. Естественная скромность не позволяла художнику рассказывать об отношении к той или другой своей работе друзьям-блокадникам, это он делал в письмах, но наказывал не передавать другим. С большим и искренним чувством он повествовал о вступлении в Коммунистическую партию или о награждении медалью «За оборону Ленинграда». Спустя сорок лет подобные факты стали восприниматься иначе, что художник отлично понимал.

Все приведенные здесь письма художник адресовал жене и дочери². 29 июля 1941 года вместе с другими они были эвакуированы сначала в Гаврилов-Ям Ярославской области, а затем, в декабре того же года — в поселок Емуртла Омской области, где Художественный фонд организовал детский лагерь.

Письма, вернее, их фрагменты, публикуются впервые, за исключением одного из них от 22 января 1943 года. Они не были известны ранее и найдены в архиве художника³.

¹ См.: Подвиг века. Л., 1969. С. 146–151; Художники города-фронта. Л., 1973. С. 31–46. О творчестве художника см.: Никифоровская И. В. Иосиф Александрович Серебряный. Л., 1976.

² Евгения Моисеевна Серебряная (1914–1991) — сотрудник Комбината наглядной агитации при Ленсовете. Виктория Иосифовна Серебряная (1937–1989) — искусствовед. Они сберегли около четырехсот писем художника из блокадного Ленинграда, которые сейчас хранятся в собрании наследников Серебряного в Санкт-Петербурге.

³ Часть блокадных писем Серебряного была опубликована в книге: *Сурис Б. Д.* «...Больше, чем воспоминанья». СПб., 1993. С. 99–116.

Ленинград. I/IX [1941]

<...> Обо мне не беспокойся. Я в числе небольшой группы (куда входит и Вениамин¹). Продолжаю работать много: с 8 ч. утра и до темна. Нахожусь у мамы. Они пока не эвакуируются, ибо, пока все дети с матерями не выедут, им нельзя. Вообще отсюда выехать сейчас очень трудно <...> У нас сейчас трудповинность, отбывают решительно все граждане, домохозяйки сдают малых детей в очаг и сами идут, таково у нас положение. Мы, группа, работающая <...> в нашем МПВО², освобождены вовсе от трудповинности. Правда, это окупается нашей повседневной работой <...>

5/IX [1941]

Милая, родная Женечка! Пару дней назад я отправил тебе письмо, сейчас пишу в надежде, что какое-либо из них ты получишь. Меня весьма озадачивает то обстоятельство, что ты не получаешь моих писем, а ведь я тебе пишу аккуратно, как всегда <...> Мне пишут о том, что многие уезжают и приезжают (?), что это значит — не знаю, но, очевидно, уезжают те, кто либо имеет конкретно, к кому ехать (из родни), либо те, кто имеют достаточные средства <...> У тебя же, моя дорогая девочка, нет ни того, ни другого, и самое разумное, что можно сделать, это, повторяю, держаться коллектива нашего лагеря, ибо коллектив нашего типа никогда государство не оставит в беде, это мое твердое убеждение. Тем более, что как мне сказали в нашем Худ. Фонде, от Манизера пришла телеграмма из Москвы³ о том, что в адрес вашего лагеря переведено 20 000 р. для нужд ребят. Я отчетливо понимаю твоё и других настроения, когда многие мамы разъезжаются кто куда <...> Конечно, вам там кажется, что вот они счастливые, что уезжают, но еще вопрос — так ли это, ведь не надо забывать наше суровое время Отечественной войны и того, что брать на себя ребенка целиком на свой страх и риск — это действительно рискованно даже для тех, кто имеет и родню, и хоть и приличные, но все же ограниченные средства. Я не собираюсь отговаривать тех, кто уезжает, пусть уезжают на здоровье, это значит, что останутся в лагере

дети с матерями, которым некуда и не с чем ехать и которые будут находиться в лучших условиях как в смысле питания, так и в смысле осенне-зимней перспективы. Это значит, что им спать по двое в кровати, может быть, не придется, и общий расход на содержание лагеря сократится, т. е. улучшатся для оставшихся ребят условия существования там у вас. Так что, милая моя, пусть тебя не деморализуют настроения других уезжать; сама никуда не подумай (упаси боже) двигаться с Витусей — в Ленинград тем более, во избежание катастрофически непоправимых бедствий <...> Я этому вопросу посвящаю почти целиком письмо, потому что этот вопрос для нас почти жизненный, и этот вопрос является объектом немалого беспокойства для меня и других здесь. Вениамин целиком разделяет эту точку зрения и, думаю, пишет жене в том же духе. Я также отчетливо понимаю, что тебе там тоскливо на душе, питание, очевидно, неважное <...>, что тебя там могут постигать всякие неприятности, но все это должно для тебя там стать малозначимыми явлениями при одном, конечно, условии — если и ты, и Витусенька здоровы. Не надо ни на минуту забывать, какие дни и месяцы мы переживаем и, вероятно, еще предстоит нам пережить. Я надеюсь, что Витусенька уже оправилась от коклюша <...> Ты же, моя родная, будь благоразумна, не трать напрасну здоровье и нервы, они еще так пригодятся впереди. Я знаю ведь, что работы ты не боишься, будешь работать где надо, работать с пользой, Витусю по ее полному выздоровлению ты, вероятно, отдала в дошкольную группу снова, она все же если не целиком, то хотя бы частично остается в твоём поле зрения <...>

6/IX [1941]

<...> Не унывай, родная, с каждым днем ближе наша победа над проклятым врагом. У нас здесь никто не унывает, все преисполнено бодростью и энергией, в Союзе работает небольшой, но очень хороший и дружный коллектив. Хотелось бы, чтобы и у вас там было то же, лично ты, я уверен, не ударишь лицом в грязь, несмотря ни на какие обстоятельства <...> Я очень тоскую и скучаю по тебе и дочурке, но отдаю себе отчет, что происходит вокруг, и эта вынужденная разлука кажется не такой горькой, надо мириться с неизбежным. За меня не беспокойся, я на своем месте, работаю по-прежнему в нашей бригаде. Я здоров, питаюсь прилично и мысленно всегда с тобой и дочуркой <...>

25/IX [1941]

<...> У меня все в порядке, дома тоже, я ужасно занят работой, к этому нас всех и меня, в частности, обязывают исторические дни нашего города, дни Отечественной войны. И ты, дорогая, там не унывай, — больше спокойствия и бодрости. Главное же — следи за своим и Витусиным здоровьем <...>

12/X [1941]

<...> Твои волнения из-за отсутствия моих писем напрасны, я пишу часто, правда, последние дни так был чертовски занят, что не мог урвать времени даже для открытки. Ты мне в этом поверь, родная. Письма очень долго идут, может быть, не все доходят, но что поделаешь <...> Ты безумно устаешь, меня это очень огорчает, но пойми, что это сравнительно меньшее зло, чем то, что претерпевают многие и многие в этой войне, навязанной нам подлыми собаками. Но недалек тот час, когда враг будет разбит, и в ожидании этого счастливого момента будь бодра и спокойна. Мы с тобой еще заживем на славу. Хандру брось. Я мыслями всегда и везде с тобой и дочуркой <...> Прошу тебя, родная моя, не беспокойся обо мне, если услышишь, что нас посещают «гости непрошеные». У нас у всех, работающих в Союзе, настроение бодрое, мы продолжаем в меру сил своих работать на дело разгрома врага <...> У меня работа пошла много лучше; я делаю вещи во много раз быстрее; последний плакат сделал за двое суток и получил высокую оценку⁴. Работаю, как и ты, с утра до ночи, иногда (для срочности) в ночь, и это меня как-то не утомляет, наоборот, чувство и сознание большого дела, которое делаешь, придает много бодрости. Нашим маленьким коллективом я очень доволен. Все ребята — молодцы. Володя Серов⁵ сидит сейчас рядом и просит передать тебе его привет. В связи с событиями, я боюсь, не предстоит ли вам там эвакуация всего лагеря, но надеюсь, что до этого не дойдет, а в случае если и придется, то опять-таки всем коллективом. Надо быть только при коллективе, ибо в нем сила при любых обстоятельствах <...>

13/X [1941]

Родная, вчера прервал письмо из-за позднего часа. Сегодня утром получил твою молнию с беспокойством обо мне и спешу сейчас на телеграф, дам ответную молнию <...> Будем поддерживать по возможности более частую связь. Пиши почаще мне, роднунелю. Я тебе пошлю в конверте бумагу и конверты, ты пиши закрытые письма

прямо на адрес ЛОСХ, а открытки на адрес папы. Чаще пиши открытки, они действительно, говорят, быстрее доходят <...>

11-1942 г.

<...> я счастлив, что ты и наша Витусенька, находясь там, избежали всего того, что приходится естественно пережить здесь нам, ленинградцам. Однако твои некоторые беспокойства относительно твоей семьи несколько неосновательны, ибо там все, за исключением одного, имеют 1-ю категорию продукт[овых] карточек, ну, затем ставлю тебя в известность, что все здоровы. У нас тоже все здоровы, я по-прежнему здоров и бодр. Настроение в связи с хорошими фронтовыми вестями хорошее, и мы очень хорошо (в пределах наших возможностей, конечно) встретили вчера Новый год; встречали вчетвером: я, Вениамин, Володя [Серов] и Толя Казанцев⁶. Пили за победу, за Сталина; пили за ваше здоровье, за здоровье наших любимых деток. Говорили, вспоминали о вас, вам, вероятно, изрядно там икалось. Вчерашняя встреча Нового года была особенной, специфической встречей, незабываемой, и я твердо верю и надеюсь, что в этом новом году я лично и устно расскажу тебе все подробности этой встречи, и ты будешь с волнением меня слушать⁷. Ты пишешь, что вы там сдружились — это замечательно. Мы здесь тоже сдружились, тесно, крепко. Иначе и быть не может. Завтра мы открываем интересную выставку эскизов и работ станкового характера⁸. Хорошая выставка, хорошие есть работы, средний уровень выше довоенного, а это обстоятельство, учитывая условия, в которых надо было работать, приобретает исключительное значение <...>

30/1-1942 г. <Волхов>

<...> Я надеюсь, что это письмо ты получишь быстрее, чем из Ленинграда, ибо я нахожусь сейчас в командировке по другую сторону блокады, юго-восточнее Ленинграда. Условия моей командировки не позволяли мне писать тебе письма, ты мне поверь в этом, родная. Я командирован ленинградским Горкомом и Обкомом партии со специальным творческим заданием. Сама командировка и цели задания являются для меня великой честью <...> Наши все здоровы; я, правда, не имею с 17-го о них сведений, но думаю и надеюсь, что и сейчас у них относительно все благополучно и все здоровы. Остальное не в счет: при нынешних переживаемых Ленинградом суровых условиях здоровье — это единственный показатель благополучия <...> Береги себя и Витусеньку для будущей нашей снова совместной и снова счастливой жизни, которая, я уверен, возобновится в недалеком буду-

И. А. Серебряный с товарищем.

Фотография 1942 г. На обороте надпись: «Моим дорогим и любимым девочкам <...> 7/VII-42 г. Ленинград». Публикуется впервые.

щем <...> Как твоё и её здоровье, как питание? Хотелось бы, чтобы ты была устроена при коллективе по-прежнему, была полезным коллективу работником. Надеюсь, что так и есть. Как у тебя с деньгами? Словом, пиши обо всем. Я тебе буду писать отсюда ещё, а затем уже по возвращении в Ленинград <...>»

24/II 1942 г.

<...> Наконец-то я получил от тебя письма <...> Моему блаженству нет границ, ибо до сих пор я ничего от тебя не получал из Емуртлы и начал сильно беспокоиться. Женечка, родненькая моя, у меня были перерывы в письмах, но верь, что это не по моей вине: я был в командировке <...> во многих местах по ту сторону блокады, и лишь во время моего пребывания в Волхове я имел возможность послать тебе телеграмму и подробное письмо <...> Сейчас пишу тебе снова из своего родного Ленинграда и теперь снова буду иметь возможность более часто писать <...> Я полагаю <...> не так уж далек счастливый

час нашей встречи. Тогда я тебе смогу многое рассказать из нашей ленинградской жизни этого периода, многое, о чем писать тебе в письмах не хочется, да и ни к чему. Достаточно пока того, что вы там знаете. Хочу тебя лишь заверить, родная, что очень скоро наступит час, когда фашистские разбойники, эти немецкие бандиты, заплатят полностью по счету, который им предъявят ленинградцы; это будет суровый счет <...> Нужно признать, что сейчас положение ленинградцев неизменно улучшается с каждым днем, и худшие дни уже считаются ушедшими в прошлое <...> Нашему небольшому оставшемуся в Лен[ингра]де коллективу художников предстоит большая работа — подготовка к юбилейной выставке, которая будет открыта осенью этого года <...>

11/III [19]42 г.

<...> Сейчас в Москву улетаёт один человек, который это письмо опустит в Москве, и оно дойдет до тебя быстрее. Некоторое время назад кое-кто эвакуировался туда к вам, и я передал <...> тебе письмо; надеюсь, ты его уже получила. У нас сейчас работа кипит вовсю. Готовимся к осенней выставке «Ленинград в дни Отечественной войны». Коллектив у нас остался небольшой, но очень деловой, и выставку поднимем на должный уровень. Дел очень много, нас поддерживает Горком партии, и успех нашего дела будет обеспечен. Я из командировки привез много интересного материала, который и реализую для выставки. Пиши, родненькая, о подробностях своей и дочуркиной жизни. Как у вас там с питанием? Я счастлив, что ты работаешь при коллективе, что вы там здоровы и как будто сыты. За меня не беспокойся. Я здоров, после командировки чувствую себя превосходно <...>

17/IV [19]42 г. Ленинград

<...> последнее время я действительно не писал тебе, ты уж извини меня, моя дорогая любимая девочка; причиной тому было, с одной стороны, нежелание тебя обманывать, с другой стороны — нежелание тебя расстраивать. Может, это было ошибкой и малодушием с моей стороны, ибо писать тебе нужно для твоего же спокойствия хотя бы относительно лично меня. Да и ты ведь не ребенок и кое-что знаешь о тяжелых условиях жизни ленинградцев в последние месяцы (из рассказов приезжих к вам ленинградцев). Ты знаешь, родненькая, что нам здесь пришлось пережить немало самых тяжелых испытаний. Всем известно, что ленинградцы в условиях этих испытаний и лишений

показали примеры исключительного героизма и выдержки. Но ты, вероятно, также слышала и о том, что, к несчастью, не у всех хватило сил все перенести, что были жертвы <...> наши семьи также не обошлись без жертв. Вскоре после моего возвращения из Жихарево умер папа. Ты писала в письме, что сердце твое чует беду, и твое сердце не обмануло тебя. Но найди в себе достаточно мужества, чтобы воспринимать эти и подобные им горькие вести, мужества, которым так отличились ленинградцы. Правда нам, испытавшим все и уже привыкшим кое к чему, легче воспринимать такие вещи, но я верю в тебя и умоляю ради меня, ради нашей дочурочки, ради нашего лучшего будущего — быть умницей и найти в себе это мужество. Береги свое здоровье, оно еще так необходимо будет и мне, и нашей маленькой семье. Будь тверда, взнуздай свое сердце, наберись терпением и верь, как верю я, в то, что немецкие бандиты полностью заплатят по суровому счету, который предъявят им ленинградцы вместе со всем Советским народом. Сейчас у нас в Ленинграде стало лучше и с бытовой стороной жизни населения и с питанием. Правда, для многих еще сказываются самые тяжелые месяцы — декабрь, январь, февраль. Была очень слаба мама, но сейчас она чувствует себя лучше; она тебе напишет пару слов, чего раньше не могла бы сделать физически <...> В смысле питания за меня не беспокойся. Я чувствую себя очень хорошо, я совершенно пришел в нормальное состояние, и, конечно, в этом смысле благодарить мне надо мою первую командировку в январе в Жихарево <...>

9/V-[19]42 г.

<...> У нас в блокированном Ленинграде много досталось ленинградцам и отсюда жертвы. Очевидно, под влиянием этих прискорбных обстоятельств, попривыкнув к этому, мы и реагируем на постигающее нас горе по-иному, не так, как раньше. Когда папа умер у меня на глазах и я лично сам (Аркадий¹⁰ и мама лежали больными) его хоронил — я отнесся к этому не так, далеко не так, как отнесся бы раньше <...>

30/V-[19]42 г.

<...> Сейчас раннее утро; пишу письмо у Володи Серова, т. к. ночевал у него в мастерской. Вечером пойду ночевать на Литейный, ибо уже 3 дня не был у мамы. Работаю по-прежнему много <...> задача моя сейчас состоит в том, чтобы, во-первых, не ударить лицом в грязь и написать хорошие картины и, во-вторых, изменив своим обычным темпам мирного времени, написать в максимально короткий срок,

ибо обстановка этого требует. Надеюсь с этой своей задачей справиться, ибо самочувствие у меня хорошее, зарядка к работе огромная, с питанием благополучно, т. е. я сыт <...> Позавчера я был у нас на Мойке. Ты знаешь, что наша комната пострадала, но вещи целехоньки. Эти вещи как всегда напомнили мне о тебе, о нашей милой любимой дочурке, и я (грешным делом) взгрустнул. Это со мной бывает всякий раз, когда я попадаю к себе на Мойку. В квартире живет одна Анаст[асия] Петровна¹¹; она всякий раз вспоминает тебя добрым словом; но она тоже собирается уезжать <...> Был также недавно в своей мастерской на ул. Плеханова. Там тоже все в порядке, но работать нельзя — покрашен потолочный фонарь, и поэтому темно. Я работаю в просторной, очень светлой мастерской. <...> Работаю сейчас непосредственно над большим холстом¹². Кроме творческой работы, у меня много работы общественной, ибо я еще являюсь членом жюри выставки и выставочного комитета и, кроме того, членом президиума Союза <...> За меня, родненькая, не беспокойся: не пропаду. Главное для меня утешение — это творческая работа, главная радость — это перспектива победы и счастливой встречи с моей маленькой, родной и любимой семьей <...>

9/VI-[19]42 г. Ленинград

<...> я сейчас нахожусь в состоянии некоторого беспокойства за тебя и Витусеньку. Вчера Вениамин получил письмо от жены от 7 мая <...> Письмо полно тревожных сведений о жизни вашего лагеря, из него, надо полагать, что у вас там неблагополучно. Так ли это и если так, то в чем выражается это неблагополучие? Почему ты мне обо всем этом не пишешь? Я понимаю, что многие разъезжаются <...> может быть, там свирепствуют склоки и всякие неприятные вещи. Но ты ведь умница и, конечно, понимаешь, что сейчас такое время, когда эти и подобные неприятности нельзя допускать дальше поверхностности кожи, нельзя допускать близко к сердцу. Главное сейчас — это сохранить как можно лучше свое здоровье, невзирая ни на какие обстоятельства, здоровье и нервы — это все; ибо ведь кончится наша разлучная жизнь, и тогда и тебе с дочуркой, и мне еще как пригодится здоровье, сбереженное в эти тяжелые времена. Запомни это и береги себя и дочурку <...> Я догадываюсь, что тебе приходится очень тяжело работать, но что поделаешь, мое солнышко: это сейчас необходимо, неизбежное зло, навязанное нам проклятым немцем, и тем более утешительна для нас перспектива победы, перспектива счастливого воссоединения нашей маленькой семьи <...> Живу и работаю

я по-прежнему. Я здоров <...> питаюсь по нашим обстоятельствам весьма прилично, так что и этот вопрос пусть тебя не волнует <...> Если от меня долго писем нет, то не всегда в этом я повинен, чаще бывает виновата почта, ибо вот полученное от тебя последнее письмо шло ко мне около трех месяцев. Это письмо, я надеюсь, дойдет сравнительно быстро, ибо я его отдаю человеку, который летит в Москву, и он там направит его дальше по почте <...> я снова возобновил вместе с оставшимися здесь художниками работу над плакатом. Ночую я попеременно то в Союзе, то у мамы на Литейном. В Союзе я ночую вместе с Володией Серовым у него в мастерской, чтобы веселее было, иногда с Вениамином вместе, даже на одной постели (у него в мастерской только одна кровать). Вообще должен тебе сказать, что троим очень сдружались, а также сдружались с Николаем Павловым¹³: он хороший парень и хороший художник. Ты там, кажется, дружна с его женой — и это очень хорошо <...>

16/VI-[19]42 г. Ленинград

<...> Те потери, которые нас постигли, — это неизбежное бедствие в условиях нашей войны. Ничего не поделаешь. Но ясно и то, что каждый наступающий день приближает конец нашим испытаниям, приближает победу, и вместе с ней нашу счастливую встречу. А поэтому — еще и еще терпение. Я здоров, чувствую себя хорошо, много по-прежнему работаю. Нас, художников, осталось здесь мало. Но тем ответственнее и почетнее наша работа здесь, в нашем городе <...>

12/VII-[19]42 г. Ленинград

Послезавтра эвакуируется моя мама <...> Ехать ей необходимо, т. к. сейчас эвакуируют всех не занятых на работе (и это правильно). Одна она ехать не может, и ее будет сопровождать Аркадий, которому театр дал командировку на две-три недели, после чего он обязан будет вернуться обратно в театр на работу. В связи с маминым отъездом у меня куча хлопот по ее отправке, ну, а я уж после ее отъезда займусь отправкой и твоей мамы с Геней¹⁴ <...> Ты мне, родненькая, пишешь, чтобы я не отрывал от себя ничего; но пойми, что <...> помочь ведь надо, ты бы то же самое делала на моем месте. Я здоров, я питаюсь хорошо, и при том, конечно, помогаю своим, без ущерба для своего здоровья <...> Меня здесь поддерживают, а иной раз даже проявляют трогательную заботу обо мне, так что не беспокойся, еще раз прошу тебя <...> Сейчас Павлов мне сказал, что кто-то там написал (какой-то у вас маме), что, мол, Серов, я, Павлов и Пинчук куда-то едем на базу. Это брехня и провокация. Об этом ты первая узнала

ВЫСТАВКА

РАБОТ
ЛЕНИНГРАДСКИХ ХУДОЖНИКОВ
НА ТЕМЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

1 9 4 2

Пригласительный билет на «Выставку работ ленинградских художников на темы Великой Отечественной войны». Открытие выставки состоялось 12 июля 1942 г. в 15 часов в залах ЛССХ.

бы от меня. Во многих отношениях наша судьба и судьба Союза решится сейчас в Москве, в связи с пребыванием там Володи Серова, и мы с нетерпением будем его ожидать, а затем я тебе напишу, ежели будет что новое¹⁵. А пока мы продолжаем здесь делать свое полезное дело; сегодня открылась большая выставка (городская) наших работ и эскизов¹⁶. Выставка получилась хорошая. С отъездом мамы буду постоянно находиться в Союзе вместе с Вениамином и Николаем Павловым, а с приездом Серова и с ним <...>

19/VII-[19]42 г. Ленинград

<...> Должен тебя успокоить: мы здесь не терпим никаких лишений, и наша творческая работа имеет здесь надлежащие условия, и уж во вся-

ком случае условия более подходящие, чем там у ваших художников <...> Ей-богу, наша судьба здесь сложилась не так уж плохо; живем мы неплохо, работаем вовсю, а главное перед нашими глазами проходит в течение вот скольких уже месяцев гигантская борьба, героическая оборона нашего города. И мы также являемся хоть и малыми, но участниками этой борьбы. Ведь это для художника клад. О будущем, родненькая, я так же, как и ты, много думаю, но убежден, что мое настоящее теперь обогатит и сделает более интересным будущее. Ничего, моя любимая, не пропадем, как-нибудь вытянем, зато какая радость впереди, после победы <...> Вчера я снова был у нас на Мойке. Там по-прежнему все в порядке (т. е. вещи целы). Шелкунова на днях эвакуировалась, и в квартире осталась единственная семья, вновь вселенная в комнатку Алексеевой¹⁷ <...> Жду от тебя подробных писем с изложением обстоятельств твоей и дочуркиной жизни. У тебя, вероятно, осталось мало денег. Скоро я должен буду их получить и тогда снова переведу. Пиши на адрес Союза: Как питаетесь вы, мои дорогие? Напиши, какой сейчас рост у Витусеньки. Обнимаю вас обеих и крепко, крепко целую вас, моих любимых девочек. Привет от всех и всем.

25/VI-[19]42 г. Ленинград

<...> Я здоров и хорошо себя чувствую. Вчера получил твою телеграмму на адрес Союза; ты огорчена, что я остался один, но ведь я не один, а с друзьями; без мамы мне легче, ибо ведь приходилось помогать ей <...> Вчера была также телеграмма от Серова из Москвы. В августе будет устроена в Москве выставка наших ленинградских работ. Поэтому сейчас мы нажимаем на работу вовсю <...>

14/VIII-[19]42 г.

<...> У меня особых изменений нет. Я здоров и очень много работаю, чтобы успеть к московской выставке. Вот и эту открытку пишу в спешке, чтобы не нарушать регулярного поступления к тебе моих писем. Сейчас наша ленинградская выставка закрылась, и уже приступили к упаковке вещей в Москву¹⁸. Сегодня появилась в «Лен. Правде» статья о нашей выставке. В следующем письме я вложу в конверт и эту статью <...>

19/VIII-[19]42 г. Ленинград

<...> Спасибо, родненькая, за частые письма; я вот всеми силами старался писать тебе также часто, но последние дни никак не выходит, ибо я зверски занят приведением картины в более или менее приличный вид для отправки ее в Москву¹⁹ <...> Работа у меня идет не-

плохо, всем как будто очень нравится, однако целиком закончить ее не удастся к этому сроку, и решено послать ее неоконченной, тем более что на выставке таких незаконченных будет много. Вот почему, кисанька моя, я сейчас нажимаю усиленным образом на работу, чтобы максимально использовать каждый час и день, еще имеющийся у меня в распоряжении. Вчера Володя Серов меня очень хвалил за картину, говоря, что это лучшее, что я сделал до сих пор и что она будет лучшей на выставке. Это я тебе передаю между нами не для передачи кому-либо, потому что сам не совсем доволен картиной, хоть и есть в ней удачные места. После этой Московской выставки я предполагаю закончить ее к выставке «Наша Родина», т. е. к октябрю <...> Я пишу тебе так часто о моей работе, потому что эта картина сейчас поглощает все мое время. Если она долго не сможет возвратиться из Москвы, то я похлопочу, чтобы мне дали возможность закончить ее непосредственно в Москве. Там видно будет <...> Относительно же моего отъезда из Ленинграда, то, разумеется, это вопрос будущего, как я и писал тебе, кажется, т. е. поближе к зиме. Все будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства. Мне смешно, моя кисанька, что ты допускаешь мой приезд в Тагил; ну что я там буду делать? Мне нужно работать, и нужны минимальные условия для работы, а просто отсиживаться где-то не могу. Думаю, что если поедем, то с Павловым вместе, и в этом случае ты будешь оповещена <...> Посылаю тебе в этом письме статью из «Ленинградской Правды» о нашей выставке, которая была здесь открыта пару месяцев. К сожалению, на выставке, кроме портрета партизана и эскиза, у меня ничего не было, потому что все остальное в мастерской в работе. Насчет «суриковской выразительности» — это преувеличение на совести автора статьи <...>

5/IX-[19]42 г.

<...> при всех этих трудностях и при куче других трудностей, которые неизбежны в этой войне, ты должна, ты обязана быть достаточно бодрой духом, достаточно сильной, чтобы перенести эти трудности. И ты, как мне казалось, до сих пор была молодцом в этом отношении. Но вот в последних твоих письмах сила и выдержка явно начинают уступать место слабости, слабости; ты, моя любимая девочка, кажется, начинаешь сдавать, и это-то обстоятельство пугает меня больше всего остального. Ну милая моя, ну ненаглядная моя, горячо любимая, ты ведь умницей была всегда, будь ею и впредь, сейчас это необходимо нам как воздух, как необходима нам победа наша. Возьми себя в руки. Я знаю, тебе тяжело, трудно, но посмотри вокруг

себя, как тяжело и трудно всей стране, ведь время какое переживаем мы с тобой, переживает вся страна. Что от тебя требуется, моя любимая, чего я хочу от тебя? Я хочу единственного, чтобы ты сберегла несмотря ни на что себя и сберегла дочурку нашу. Это тем более необходимо, что, как ты сама пишешь, нас осталось так немного. Ты пишешь, что надо подумать о своей семье. Я много, очень много думаю и мучительно думаю о моей маленькой, любимой семейке, я не стал, как тебе кажется, каким-то черствым: правда, характер мой после всего виденного и пережитого и очерствел, но это никак не относится к тебе и дочурке нашей: я остался таким же, как прежде, и люблю вас обеих, моих дорогих и ненаглядных, единственных моих девочек, больше прежнего. Неужели ты, моя любимая, можешь сомневаться в этом? И тем не менее, как видишь, я нахожусь до сих пор в Ленинграде, хоть и рвусь к вам всей душой своей. Родная моя, неужели тебе непонятно это? Вначале уезжали среди нас многие художники, грубо говоря, чтобы спасти свою шкуру. Неужели ты хотела бы видеть меня среди них? Убежден, что нет. Затем мы сами многих старались сплавить из города, как балласт, людей, которые мешали бы нашему Союзу в его боевой и нужнейшей работе, так сказать, лишних для Союза людей. Неужели ты и в этом списке хотела бы меня видеть? Также убежден, что нет. Теперь хочу тебя убедить в том, что у тебя нет ни малейшего представления о том, что у нас сейчас здесь происходит. Та информация, которой ты там питаешься, — есть брехня от начала и до конца. И боюсь, что эта сволочная информация и сбивает тебя с толку и ты ночи не спишь, изводишь себя совершенно напрасно; а это, конечно, идет во вред твоему здоровью и состоянию моральному, и, к моему величайшему огорчению, в твоих настроениях стал пробиваться и мешанский душок. С чего это, любимая моя, ведь на тебя это не похоже. Вернусь снова к этой информации. Какая-то там приезжая заявила, что ЛОСХ распадается. Кто-то там еще заявил, что имеется постановление об обязательной эвакуации творческих союзов из города. И т. д., и т. п. Но ведь все это брехня и ничего более. Не верь этим приезжим ни одному слову. Я подозреваю, что люди просто желают оправдать как-то свой приезд и треплются бог знает о чем, и сбивают с толку тебя и других. Вот ты писала, что Виктор Прошкин²⁰ должен приехать в Емуртлу. Во-первых, ему на командировку эту вместе с дорогой давали 20 дней, во-вторых же, Виктор сегодня приехал не в Емуртлу, а снова в Ленинград. И в Емуртлу он не поедет: так у него сложились обстоятельства. Повторяю, ты не знаешь, что у нас здесь происходит, и отсюда в значительной степени

твое уныние. А происходят у нас грандиозные дела. Подробнее расскажу, когда увидимся с тобой, а пока поверь мне, милая, на этом коротком слове — «грандиозные дела» <...> Союз никуда не собираются эвакуировать, нет к этому необходимости, сейчас для нас имеются блестящие условия для работы, нас к тому же хорошо питают. Мы живем здесь напряженной творческой жизнью, связанной, вернее, спаянной с фронтом, и наши помыслы — это скорейшая победа над врагом. Сегодня отправилась наша большая выставка на аэродром для погрузки на самолеты. Моя большая картина тоже отправлена. Не знаю, в каком она состоянии дойдет до Москвы, немножко боюсь за нее, ибо упаковалась она почти сырой. Меня волнует вопрос, как отнесутся москвичи к нашей выставке; по-моему, успех должен быть <...> Не пропаду, да и не дадут пропасть. У нас сейчас не те времена, что были зимой и весной этого года. И работаем мы сейчас в спокойной обстановке <...>

15/IX-[19]42 г.

<...> Я тебе уже писал о том, что послал холст незаконченный, и это, конечно, лучше, чем поторопиться с окончанием его и скомкать работу. А состояние его таково, что смотреть можно. И я доволен, что послал картину. Кроме нее, я выставляю портрет партизана и пару плакатов. Как нас, ленинградцев, будут судить москвичи — увидим позже. Сейчас все эти дни я занят рисунком для альбома «Ленинград в дни обороны», который будет издаваться в Москве. В свое время я собирал материал на Ладожском озере для картины. Картину я буду писать значительно позднее, но сейчас предварительно делаю рисунок «Ледовая трасса», который и должен быть помещен в альбоме. Весь альбом будет поднят нашими усилиями. Не беспокоюсь за меня <...> я хорошо питаюсь, и мне абсолютно спокойно работать. Условия замечательные, и это не идет ни в какое сравнение с прошлыми тяжелыми месяцами. С отъездом наших мам мне стало легче во всех отношениях. И в дополнение, у меня, Серова, Павлова и Вениамина установилась хорошая и крепкая дружба, которая также облегчает нам жизнь и работу. Теперь вот мы имеем очень ответственное творческое задание, которое должны выполнить в месячный срок²¹. Если мы его выполним (в чем я убежден), то сделаем огромное дело. Подробностей пока тебе писать не буду. И кстати после этой работы я смогу считать себя вправе съездить к тебе и дочурке <...> Только ты не подумай, моя родная, что я собираюсь эвакуироваться; для меня это было бы бедствием. Союз никуда не едет, и мы,

здесь оставшиеся, не бросим и Союз, и город в момент, когда мы нужны. Об эвакуации вопрос окончательно отпадает, нет в этом ни малейшей необходимости. И ты должна понять, что бывают ситуации, которые нас кое-к чему обязывают. Жить и работать сейчас в Ленинграде — это большое счастье, и если ты этого не можешь понять сейчас, то поймешь потом, я убежден в этом. Но на твой вопрос, так тебя волнующий, я отвечаю: приеду, обязательно приеду к тебе и дочурке, приеду повидаться с вами, ибо неизмеримо велика моя тоска <...> А когда приеду, тогда и поговорим обо всем, тем более что к тому времени кое-что сможет стать яснее <...>

12/X-[19]42 г.

<...> Завтра у нас с тобой знаменательный день: нашей дорогой любимой дочурке исполняется 5 лет, целых полдесятка лет. Гуленька она моя, как бы я хотел на нее посмотреть, расцеловать мою доченьку родную; она, должно быть, уже большая девочка, мне сейчас положительно трудно представить ее себе <...> Единственным моим желанием является то, чтобы когда дочурке исполнится 6 лет, то эту и последующие годовщины ее рождения мы бы отмечали с тобой вместе <...> Это будет, обязательно будет, девочка моя, но для этого нам нужно прежде победить, разбить сволочных немцев, вырождков рода человеческого. И для этого нам с тобой нужно еще потерпеть, преодолеть с честью новые испытания, которые может вызвать война. А мне еще поработать на победу нашу, мобилизовать все свои силы и способности. Я имел от тебя письмо, из которого явствовало, что ты без гроша денег. Я знал об этом и раньше, но, к несчастью, ничем помочь не мог <...> На днях надеюсь, что смогу тебе еще выслать денег. Теперь о наших творческих делах: от Серова была телеграмма следующего содержания: «Выставку посетила правительственная комиссия Совнаркома, поздравляю с успехом». Затем недавно мы получили точные сведения о том, что выставку всю целиком закупила правительственная комиссия²². Все это говорит об определенном успехе нашем в Москве, с чем я тебя и поздравляю. Кроме этого, мы предполагаем открыть к октябрю дополнительную юбилейную выставку здесь в Ленинграде²³; вещи, которые сейчас в Москве, сомневаюсь, чтобы прибыли обратно к нам в связи с их приобретением Совнаркомом. Но все же самой для нас сейчас актуальной задачей является быстрейшее выполнение нашей настоящей работы, о характере которой ты знаешь²⁴. За меня не беспокойся: я абсолютно здоров, хорошо себя чувствую и хорошо питаюсь. Вчера говорил с Аркадием по телефону: он также сейчас очень

загружен работой по театру и концертам <...> Пока кончаю писать, ибо нужно работать над эскизом октябрьского плаката. Расцелуй за меня нашу доченьку <...>

2/XII-[19]42 г.

<...> Твои опасения насчет благополучия моего пути мне понятны, однако можешь быть уверена в том, что я поеду тогда, когда можно будет ехать. Разумеется, мы с Павловым теперь ждем этой возможности, и это единственное, что нас сейчас задерживает²⁵. Как бы там ни было, а в течение этого месяца мы надеемся выехать, и кто знает, может, вскоре после получения этого письма нагрянем и мы; но, может быть, это случится и позднее. Все будет зависеть от того, когда окончательно замерзнет Ладога <...> Не знаю, брать ли с собой краски и материал для работы: как там у тебя насчет того, чтобы мне поработать над парой картинок. Я бы тогда смог побыть и подольше (судя по обстановке) <...> Меня умиляет и трогает то обстоятельство, что ты отращиваешь доченьке косички по случаю моего приезда. Моему нетерпению ее прижать к себе и расцеловать ее личико нет предела. Это же нетерпение беспредельно и в отношении тебя, моя любимая, ненаглядная. Следуя этому чувству, мне, может быть, и следовало, не дожидаясь Ладоги, взять командировку и хлопотать нам самолет, но, памятуя твои опасения, благоразумнее подождать ледовой трассы, тем более что и ждать-то осталось немного. За меня, родненькая, не беспокойся. Я здоров и надеюсь в добром здравии явиться к тебе. Несколько дней пришлось не работать; все мы были заняты заготовкой дров на зиму, зато теперь тепло нам обеспечено. Единственно, что особенно огорчает, это почти абсолютное отсутствие дневного света. Дни сейчас стоят поразительно маленькие, и писать почти невозможно. Зато сейчас хорошо обдумывать будущие картины, и, кроме того, у нас большая работа по плакату и т. п. На зимнее время мы, как и в прошлую зиму, тепля ради потеснились. Я живу и работаю в мастерской у Володи Серова, т. к. мою мастерскую невозможно отопить. Вечера как и прежде проводим все вместе. Сейчас у меня задача: <...> поместить в безопасное место ценные для меня холсты из моей мастерской на Плехановой ул. <...> т. к. у меня <...> уже 2 раза были воровы <...>

9/XII-[19]42 г.

Милая, родная, любимая моя Женечка! В последние дни у нас с Павловым решался вопрос нашей командировки в Емуртлу. Дело в том, что несмотря на принципиальную договоренность в этом вопросе

с Серовым самая наша поездка стала в зависимости от целого ряда обстоятельств; вернее, не самая поездка, а время ее и сроки нашей командировки <...> Я тебе писал, что надеялся встретить Новый год вместе с тобой, мне этого безумно хотелось, но сейчас уже девятое декабря, и для того, чтобы к первому января быть у вас, нужно выехать не позднее числа 15-го — 17-го, т. е. через неделю. А положение следующее: деньги, которые мне следует получить за работы нашей выставки в Москве²⁶ <...> эти деньги уже получены из Москвы, и только теперь их начинают переводить авторам купленных правительством работ, причем переводить на сберкнижки. Само собой разумеется, что ни я, ни Николай без этих денег ехать не можем, не говоря уже о том, что мне необходимо до поездки закупить все, что удастся достать из вещей, крайне необходимых тебе и доченьке <...> И наконец, что является самым главным. Ладожское озеро еще пока не замерзло, а посему мы вынуждены ждать, когда будет готова ледяная трасса. Ввиду всех этих описанных мною обстоятельств я боюсь, что нам придется некоторое время подзадержаться и в этом случае мы выедем если не в двадцатых числах этого месяца, то уж не позднее 5-го января. Но так или иначе мы уже сейчас собираемся в дорогу, чтобы быть готовыми в путь при первой возможности <...> Вот как в общем обстоят дела. А пока я работаю по ответственному заданию: над плакатом и эскизами к предстоящей юбилейной выставке, посвященной 25-летию нашей Красной Армии. Я тебе уже писал о том, что беру с собой необходимые материалы с тем, чтобы поработать и собрать дополнительный материал у вас в Емуртле; у нас ведь с натурой дело обстоит неважно. Павлов тоже берет с собой все необходимое, чтобы как следует поработать в Емуртле. Время такое, что нужно использовать каждый день для работы, а потом в этом случае я смогу побыть у вас и подольше, что, разумеется, тебя бы устроило. Родненькая моя, судя по последнему твоему письму ты зверски устала сама. Но ведь ничего не поделаешь, кисонька моя, время такое, что нам необходимо без усталости работать, а главное — не нужно ни на секунду терять бодрости духа. Уж что неизбежно — то неизбежно. А потом я ведь знаю тебя, работать ты можешь, и те похвалы, которые ты заслужила своим трудом, для меня не новость и не удивление. Теперь особенно приободришься, моя любимая, ведь скоро наступит долгожданная победа наша, враг будет разгромлен и мы снова будем счастливы. Тому порукой дела нашей Армии на фронтах, о чем ты, не сомневаюсь, осведомлена из газет. Ну и потом, надеюсь, мой приезд к тебе <...> также даст тебе «некоторое» основание приободриться...

27/XII-[19]42г.

Милая, дорогая Женечка! Пишу открытку из экономии времени: ужасно занят работой. Мне до отъезда необходимо закончить начатую картину «Ладога» к выставке РККА. Только что перевел тебе деньги (3000) и послал поздравительную телеграмму. Придется с командировкой еще обождать некоторое время. Причина — состояние озера. Погоды у нас исключительно теплые для зимы, и озеро не замерзает <...> Трудно сейчас определить, когда в январе мы сможем трогаться в путь, но думаю, что это будет не позднее 20-го — 25-го числа <...>

2/I-[19]43 г.

<...> Как видишь, я еще здесь задерживаюсь с командировкой, и ничего не поделаешь: так лучше. Мне бы не хотелось, чтобы ты переживала и волновалась из-за этих откладываний моей поездки в Емуртлу, но надеюсь, что ты понимаешь положение вещей; да я и писал тебе, кажется, в прошлом письме, что должен еще написать свою картину «Ладога — дорога жизни» и закончить ее не позднее января, т. е. в этом месяце²⁷. И в других отношениях мне еще ехать нельзя, но надеюсь, что поеду если не в середине января, то не позже конца этого месяца. Так лучше. С Павловым такая же история. А пока я продолжаю доставать кое-что из необходимого тебе и доченьке, думаю, что к моменту моего отъезда кое-что подсоберу <...> Итак, мое золотко, не волнуйся, наберись еще немножечко терпения и будь умницей. Так или иначе, скоро увидимся и главное даже не в этом: главное в том, что, по моему твердому убеждению, мы сравнительно скоро, т. е. в этом году снова заживем неразрывной своей маленькой и счастливой семейкой, а 1944 год встретим вместе в нашем Ленинграде. За меня не беспокойся: я здоров, и хочется работать как никогда²⁸. Вот повидаемся с тобой и доченькой, и я снова за работу не покладая рук. А повидаться совершенно необходимо, к тому же невредно немножко отдохнуть и набраться новых сил <...>

22/I-[19]43 г.

Родная, любимая моя Женечка! После перерыва в письмах к тебе только сегодня могу снова взяться за перо и бумагу. Милая, родная! У нас, у ленинградцев, эти дни большой праздник: 18-го января, т. е. четыре дня тому назад наши доблестные войска прорвали блокаду Ленинграда. Ты, вероятно, знаешь уже об этом и радуешься вместе со мной и всеми ленинградцами. Невозможно описать наши чувства в связи с этой победой. В ночь, когда мы узнали об этом, мы всех, кого

только можно было, будили и целовались без конца <...> поздравляю тебя с этим счастливым моментом для нас, ленинградцев. Теперь объясню — почему у меня эти дни было так занято время. В связи с прорывом блокады нам было предложено срочно ответить на события хорошими плакатами. И вот я дни и ночи напролет работал над плакатом по поводу прорыва блокады. Я счастлив, что мои труды увенчались успехом. Вчера мой плакат утверждался в Горкоме Партии, и ты можешь меня поздравить с успехом. Плакат так понравился, имел такой успех, что неудобно мне подробно писать об этом. Говорили, что это лучший плакат, и таких плакатов мы еще не выпускали²⁹. Об этом я тебе пишу, милая, не для передач кому бы то ни было, но знаю, что тебе будет приятно читать об этом. Кроме моего были утверждены плакаты Серова, Павлова и Пинчука. В прошлом письме я писал тебе о том, что я и Павлов здесь задерживаемся, в январе мы не выедем. Выедем в конце февраля, т. е. ровно через месяц <...> С моими героями я завязал переписку. Вчера получил второе письмо от одного знатного снайпера, портрет которого мною был написан. На его личном счету 223 фашиста. Он пишет, что ухлопал за меня восьмерых немцев и впредь будет делать это. Это письмо я буду хранить как священную реликвию³⁰. Теперь еще тебе несколько слов о моей жизни. Работаю и живу я сейчас в мастерской Малагиса³¹, пока Малагис отсутствует. У меня тепло и уютно для работы и жилья. У Вениамина стало тесновато после развернувшейся нашей работы, и притом я, как тебе известно, люблю и привык работать один. Часто у меня работает Николай Павлов. Вот и сейчас он сидит рядом и пишет своей жене письмо. Малагис приедет не раньше, чем через месяц, когда я надеюсь выехать к тебе <...> Я по-прежнему здоров. Немного стал уставать, но не беда, вот приеду через месяц к тебе и отдохну. Зато сейчас делаю важное и неотложное дело³², а это главное теперь <...> Этот месяц должен быть для меня особенно продуктивным. Нельзя срамить доброе имя ленинградских художников, по праву завоеванное нами за время Отечественной войны. И мы не посраим это доброе имя. А посему надо работать и работать. Учти, что я еще председатель живописной секции и несу ответственность за работу всех живописцев к предстоящей выставке. Кончаю писать. Сегодня впервые я лягу спать нормально, чтобы немного отоспаться для дальнейшей работы.

¹ Вениамин Борисович Пинчук (1908–1987) — скульптор.

² Художники защищали здание своего Союза (ул. Герцена, 38, — ныне Большая Морская) от зажигательных бомб.

¹ Матвей Генрихович Манизер (1891—1966) — скульптор, народный художник СССР, председатель правления ЛОСХ (1937—1941). В июле 1941 г. он уехал в Москву, и его место занял В. А. Серов, который провел всю блокаду в городе.

⁴ В августе—декабре 1941 г. основной работой Серебряного, как и других ленинградских художников, были плакаты, «Окна ТАСС», «Боевой карандаш», то есть те формы агитационного искусства, с помощью которых можно было быстро откликаться на события.

⁵ Владимир Александрович Серов (1910—1968) — живописец, график, народный художник СССР, председатель правления ЛОСХ (1941—1948).

⁶ Анатолий Алексеевич Казанцев (1908—1984) — живописец, график.

⁷ На тарелках были написаны всевозможные яства, была и бутафория, а встречали Новый год пивом, закусывая его конскими котлетами с эрзац-хлебом.

⁸ 2 января 1942 г. была действительно открыта первая выставка блокадных художников. Поначалу она не предназначалась для публики: там были представлены почти исключительно этюды и эскизы, однако в начале февраля выставка открывалась для посетителей и работала почти три месяца. К неожиданности устроителей, она посещалась достаточно интенсивно, учитывая обстановку в городе.

⁹ 17 января 1942 г. Серебряный первым среди ленинградских художников по инициативе Горкома КПСС был послан на станцию Жихарево в район Волхова, откуда он ездил в разные места для встречи с партизанами. За пять недель жизни среди партизан Серебряный исполнил ряд портретных этюдов и закончил портрет командира Оредежского партизанского отряда И. Г. Болознева (ГРМ). Вскоре у партизан побывали многие ленинградские художники.

¹⁰ Аркадий Александрович Серебряный (1912—?) — младший брат художника, артист театра Сатиры в Ленинграде, во время блокады — различных театральных объединений, работавших в городе и прифронтовой полосе.

¹¹ Соседка по коммунальной квартире.

¹² Речь идет о картине «Партизаны-лесгафтовцы» (ГРМ) — групповом портрете ленинградских студентов, образовавших партизанский отряд под командованием Д. Ф. Косицына.

¹³ Николай Александрович Павлов (1899—1968) — график, гравер.

¹⁴ Геня Моисеевна Шпак (1916—?) — сестра Е. М. Серебряной.

¹⁵ ЛОСХ не прекращал работу в течение всей блокады.

¹⁶ Выставка была открыта два месяца в помещении ЛОСХ.

¹⁷ Соседи по коммунальной квартире.

¹⁸ Выставка была открыта 4 октября в залах Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

¹⁹ См. примечание 12.

²⁰ Виктор Николаевич Прошкин (1906—1983) — живописец.

²¹ Художник имел в виду исполнение нескольких огромных уличных живописных панно к 25-й годовщине Октябрьской революции. Панно писались коллективно; Серебряный был руководителем группы из шести человек.

²² Работы были приобретены для их последующей передачи в ГРМ.

²³ Такая выставка была открыта в залах ЛОСХ.

²⁴ См. примечание 21.

²⁵ Серов привез из Москвы несколько путевок в дом отдыха под Куйбышевом для ленинградских художников, в том числе Серебряному и Н. Павлову.

²⁶ Работы Серебряного были оценены для того времени довольно дорого, например: портрет И. Болознева — 5000 рублей, «Партизаны-лесгафтовцы» — 12000, эскиз неосуществленной картины «Атака» — 3000.

²⁷ Художник намеревался исполнить эту работу к выставке «25 лет Красной Армии», открытой в феврале — апреле 1943 г. в Доме Красной Армии им. С. М. Кирова в Ленинграде.

²⁸ В конце 1942 — начале 1943 г. Серебряный исполнил несколько портретов героев Ленинградского фронта, кроме ряда плакатов. Продолжал он писать и партизан. Как-то Серебряный рассказывал: «Когда в 1943 году я привел Дмитрия Ивановича Власова (временно находившегося на партизанской базе в Ленинграде) в мастерскую Серова, и мы группой художников писали с него портреты, помню, как он после последнего сеанса, идя со мной в штаб партизанского движения, сказал: "Это дело надо еще оправдать". Я заметил, что он уже достаточно оправдал "это дело" (то есть его портреты), о чем свидетельствуют его боевые ордена на груди, и что знаю это после пребывания у него в отряде, что мы, художники, делая его портреты, еще в большом долгу перед ним. И вот месяца через два он приходит к нам в Союз и рапортует председателю Союза Серову о том, что его отрядом уничтожено фашистов столько-то, взято трофеев столько-то, подорван эшелон и т. д. и добавляет: "Теперь я оправдал мои портреты"».

²⁹ Речь идет о плакате «Накося выкуси».

³⁰ Имеется в виду Т. М. Ширинский. Все письма фронтовиков, с которыми переписывался художник, Серебряный передал в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).

³¹ Владимир Ильич Малагис (1902–1974) — живописец.

³² Кроме упомянутых работ, Серебряный вместе с В. А. Серовым и А. А. Казанцевым исполнил многофигурную композицию «Прорыв блокады. 18 января 1943 года». Картина шириной около пяти метров была готова к выставке «25 лет Красной Армии».

*160-летию Главной (Пулковской) астрономической
обсерватории РАН и подвигу ее сотрудников в годы
Великой Отечественной войны посвящается*

Письма-дневник из блокады

Публикация, предисловие и комментарии В. Ю. Жукова
и Н. Л. Марковой

В годы Великой Отечественной войны¹ и блокады ученые Главной (Пулковской) астрономической обсерватории АН СССР (далее ГАО) разделили общую судьбу ленинградцев: работали на строительстве оборонительных сооружений, сражались на Ленинградском фронте, голодали и умирали от истощения в осажденном городе...

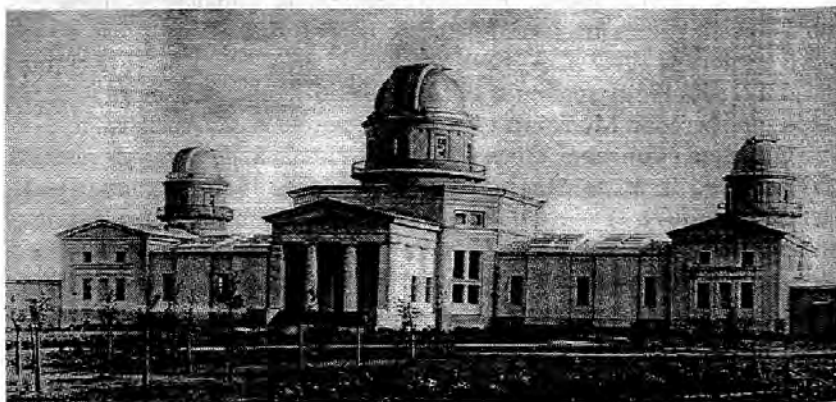
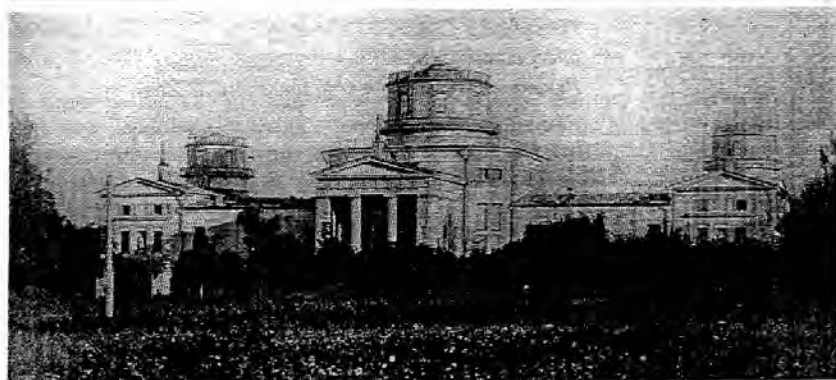
По инициативе кандидата физико-математических наук, научного сотрудника ГАО Е. К. Кохан к 40-летию полного снятия блокады Ленинграда были собраны воспоминания и письма о войне и блокаде 16 научных сотрудников Пулковской обсерватории. Они до сих пор не опубликованы². Этот документальный сборник хранится в Научной библиотеке ГАО и содержит 44 страницы машинописного текста.

В настоящей публикации вниманию читателя предлагаются письма Софьи Александровны Павловой (1900–1978), датированные январем–маем 1942 года.

С. А. Павлова (урожд. Кондратьева) была дочерью доктора физико-математических наук, профессора, старшего астронома и ученого секретаря ГАО А. А. Кондратьева (1867–1936) и К. С. Кондратьевой (1868–1922), младшей сестры композитора, пианиста и дирижера, профессора Московской консерватории А. С. Аренского.

Окончив гимназию, Софья Александровна вышла замуж осенью 1917 года за Л. М. Брендстеда (ок. 1886 — ок. 1940). В конце Гражданской войны она выехала вместе с ним и старшим сыном на родину мужа в Данию, в 1920–1922 годах жила в Копенгагене и работала на заводе. По возвращении в Пулково стала вычислителем ГАО.

Во втором браке Софья Александровна была замужем за астрономом Н. Н. Павловым. В июле 1942 года она вместе с мужем и двумя младшими детьми (ее старший сын — Г. Л. Брендстед служил на фло-

Главное здание Пулковской обсерватории. Фотографии.
1. Начало XX в. 2. 1944 г. 3. Начало 1950-х гг.

С. А. Павлова.
Фотография. 1925 г.

Н. Н. Павлов.
Фотография. 1948 г.

Н. Н. Сафонова.
Фотография. 1965 г.

те) была эвакуирована в Казань. Вернувшись в 1945 в Пулково, продолжала до середины 1960-х годов работать в ГАО старшим вычислителем.

С. А. Павлова покоится на Мемориальном кладбище астрономов в Пулкове, где похоронены ее родители, брат С. А. Кондратьев, обе сестры, В. А. Николаева и Н. А. Федорова (урожд. Кондратьевы), старший сын и другие родственники.

В жизни Софья Александровна была обаятельным и общительным человеком, отличалась артистическими способностями, прекрасно музицировала. Унаследовав от отца хороший голос, пела с ним дуэтом, а также соло на домашних концертах, которые нередко устраивались в довосном Пулкове, и на праздничных вечерах сотрудников ГАО.

Семья Павловых. Фотография середины 1950-х гг.

В первом ряду: Н. Н. Павлова (Сафонова), С. А. Павлова, Г. П. Павлова (жена О. Л. Павлова). Во втором ряду: Г. Л. Брендстед (старший сын С. А. Павловой), О. Л. Павлов (ее второй сын).

Павлова с детства дружила с дочерьми директора ГАО О. А. Баклунда (1846–1916) — Эльзой и Надеждой, которые уехали в 1916 на родину отца в Швецию, но в 1960-х годах несколько раз посетили Пулково. Творческий путь старшей из них — Эльзы Селсинг (урожденной Баклунд), известной шведской художницы, — начинался в России. Ее кисти принадлежат, в частности, портрет астронома Д. Гилла (до пожара 5 февраля 1997 года находился в главном здании ГАО, ныне — на реставрации) и картина «Бабушкино платье» (1910, ГРМ).

Гостями семьи Павловых в 1950–1970-е годы неоднократно бывали известный театральный художник Н. М. Кочергин с женой и дирижер К. И. Элиасберг. С его супругой, пианисткой Н. Н. Бронниковой, Софья Александровна была близко знакома еще с довоенной поры.

Брат Павловой, композитор театра и кино Сергей Александрович Кондратьев (1896–1970), жил в Москве. Диапазон его занятий и интересов был необычайно широк: ориенталист, этнограф, археолог и путешественник (в 1923–1926 годах помощник руководителя монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова), музыковед, фольклорист, переводчик, автор нескольких книг³.

В начале войны Сергей Александрович посоветовал сестре в особо тяжелые минуты писать ему письма, даже если их не удастся отослать. Сперва Софья Александровна отнеслась к этому предложению скептически, но затем она, хотя часто не имела сил дойти до почтового ящика, писала блокадные «репортажи из дома», мысленно адресуя их родному человеку. Письма помогали ей поддерживать с братом незримую духовную связь и выжить в нечеловеческих условиях блокадных будней.

С. А. Кондратьев.
Фотография начала 1960-х гг.

Павлова уверенно владела словом. В литературном отношении ее послания выходят за рамки обычных почтовых отправок. Написанные сдержанно и строго, короткие и яркие, эти документально достоверные зарисовки трагического блокадного быта превратились, по сути, в дневниковые записи.

В 1957 году письма были перепечатаны на машинке. Софья Александровна посвятила их дочери — Надежде Николаевне Сафоновой (урожд. Павловой), в домашнем архиве которой и сохраняются их оригиналы. Представленные на выставке в Пулкове в 1984 году, письма произвели глубокое впечатление на коллег-пулковчан. Их публикация в год 55-летия полного снятия блокады Ленинграда — дань памяти всем блокадникам.

¹ Авторство словосочетания «Великая Отечественная война советского народа» принадлежит советскому государственному и партийному деятелю, академику Е. М. Ярославскому (1878–1943), назвавшему так статью, опубликованную в газете «Правда» на второй день войны. См.: Правда. 1941. 23 июня.

² За исключением: Гольдберг Н. М. (Рогозинская). Воспоминания о войне // Астрономия на крутых поворотах XX века. По материалам научно-методической конференции к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Апрель. 1995. Пулково–Дубна, 1997. С. 220–223.

³ Книга стихов С. А. Кондратьева усилиями Н. Н. Сафоновой — дочери автора блокадных писем — опубликована к 100-летию со дня его рождения в серии «Семейный архив. XX век». См.: Кондратьев С. Весна в Кентзе. Стихи и поэмы / Вступит. статья и публикация А. Л. Никитина. М., 1996.

Письма С. А. Павловой из блокадного Ленинграда С. А. Кондратьеву в Москву

Январь 1942 г.

Поднимаясь по лестнице, знала, что застану одну и ту же картину: большая комната, тонущая в полумраке ранних январских сумерек. У окна в глубоком кожаном кресле сидит Коля¹: на нем зимнее пальто, меховая шапка, валенки, на руках перчатки с отрезанными пальцами. На всех пальцах между суставами глубокие ссадины с запекшейся кровью: это сделалось у него от постоянной низкой температуры в комнате. На коленях лежит папка с его последним незаконченным трудом.

Он работает, работает с утра и до вечера изо дня в день. Лицо восковое, пунцовый рот, обтянутые скулы, вытаращенные лихорадочные глубоко запавшие глаза, глухой голос: «Слава Богу, пришла!»

Рядом на низкой тахте сидят дети: Надя² одета во фланелевое платьице, вязаную кофточку, шерстяные чулки и плотно обвязана оренбургским платком. Маленькие ручки распухли, как подушки, щечки и нос сине-багровые: «Мама, дай пили» (так она называла тогда хлеб).

Олег³ в стеганом ватнике, валенках, в кожаных штанах. Худенькое личико прозрачно, под глазами синева, на макушке торчат волосы.

Взгляд сосредоточенно направлен на сумку в моих руках, и первоначальное выражение апатии сменяется временным интересом.

Спокойным острым взглядом осматриваю всех троих: кому сегодня в первую очередь нужна помощь, кто больше сдал. Потом даю Наде кусочек хлеба, чтобы замолчала и начинаю тормозить Олега, так как апатия — одно из самых опасных состояний. Бодрым голосом предлагаю им затопить печурку <...> Одеваю короткую меховую куртку, прорезиненный передник, беру сани, ведро и скатываю по лестнице тяжелый обледенелый бочонок, который, стоя в передней, никогда не оттаивал.

Мороз, тишина, розовый закат. Трамвайные провода, погребенные под толстым слоем инея⁴. Ни кошек, ни собак, ни птиц⁵. Только ползущие люди с закопченными лицами и пламенеющими ртами.

Вот и Нсва: обледенелые, скользкие сходни, узкая глубокая прорубь; чтобы зачерпнуть воды, приходится ложиться на лед плашмя и с силой давить на ведро. Вытаскивать еще тяжелее. В полном молчании поднимаются и опускаются по сходням люди. Никто никому не помогает.

Чем ближе к дому, тем тяжелее: несмотря на большой мороз валенки промокли, веревки от саней режут плечи. Подбадриваю себя всячески, мысленно пою любимые романсы.

Дома топится печка, все трое около огня. Олег постелил на стол чистую скатерть. Раздеваюсь, Олег развешивает около печки мою промокшую одежду. Коля идет в кухню ставить самовар. Не протестую, так как движение в небольшом количестве ему просто необходимо.

Вот все четверо за небольшим овальным столом. Самый трудный для меня момент <...>: распределение еды. Меню одно и то же: жидкий дрожжевой суп с 25-ю граммами хлеба, на второе студень из столярного клея или сыромятных ремней и иногда лепешки из кофейной гущи, поджаренные на вазелине⁶.

Потом пьем чай. Коля не пьет, боится жидкости, зато мы с Олегом глушим стакан за стаканом. Олег убирает посуду, и теперь уже я иду в ледяную кухню ставить самовар, чтобы сделать Наде ванну для ножек. У нее тоже от холода на всех пальчиках образовались язвы.

Прохожу через темную бывшую столовую, где за шкафом уже третью неделю лежит мертвая «баба Настя»⁷. Останавливаюсь и прислушиваюсь — не шевельнется ли внутри меня хоть малейшее ощущение трепета или волнения? Нет, ничего нет, полное равнодушие. <...>

Раздеваемся, все одеты в шелковое белье (профилактика от вшей, с которыми я так и не встретилась), и ложимся спать. Холодный комочек быстро подкатывается ко мне и принимает к груди. Начинаю считать: раз, два, три глотка. После двадцатого успокаиваюсь, значит на сегодня дочка будет сыта.

После кормления есть хочется уже совершенно невыносимо. Кружится голова, поднимается тошнота, сон бежит прочь. Слышу по дыханию, что и Коля с Олегом не спят: тоже мучаются. Начинаю разрабатывать программу следующего дня.

Первым засыпает Олег. Наконец и меня охватывает дремота. Вдруг чувствую во рту кусок хлеба: это Коля оторвал часть от своего пайка и категорически шепчет, чтобы не услышали дети: «Ты должна, ты обязана съесть!»

Раннее утро, будит голод. Кормлю Надю грудью лежа в кровати, чтобы не сделалось дурно, потом набрасываю шубу, надеваю валенки и иду в соседнюю комнату растопить там печурку. Грею чайник и на вонючей темно-коричневой олифе жарю микроскопические кусочки хлеба. Потом моюсь, одеваюсь, тщательно причесываюсь перед зеркалом. <...>

Смоленское кладбище. Январь 1942 года.

Хоронили мы «бабу Настю» так, как хоронили тогда всех: завернули в одеяло, обвязали веревками, положили на две пары детских санок, скрепленных вместе и ранним утром, еще в потемках, повезли с Марией Владимировной⁸ на Смоленское кладбище.

Мороз был больше 30-ти градусов. Стыли лицо и руки, дыхание перехватывало. На кладбище нас встретила незабываемая картина: на фоне фиолетового рассветного неба огромный экскаватор, похожий на гигантскую птицу, опуская и поднимая голову, выбрасывал груды земли, приготовляя глубокую траншею для тех, что лежали на санях.

На пригорке, окруженный костром в виде подковы из горящих гробов, отнятых у покойников, сидел бригадир, принимая похоронные свидетельства. Кругом в самых разнообразных позах валялись трупы, выброшенные из гробов.

Очередь с нагруженными саночками, извиваясь черной лентой, выползала далеко за пределы кладбища⁹.

Никто не плакал, никто не тосковал.

Ленинград, конец января 1942 года.

Далеко не каждый родители любят так своих детей, как любили Мессер¹⁰ с женой своего большого пойнтера Грааля.

Слезы умиления выступали на глазах у Елизаветы Алексеевны, когда она смотрела на резвящуюся в траве собаку. Каждое воскресенье (в разрешенное время года) с немецкой аккуратностью Мессер с гордым и торжественным видом выходил с медалистом Граалем на охоту.

В январе 1942 года они его съели.

Мессер резал, а Елизавета Алексеевна держала.

Собака была сильная, они не смогли справиться с нею одни и пригласили в помощь Пимснову, обещав ей за это кусок мяса.

Но по окончании всей операции они выдали ей только кишки.

Ленинград, март 1942 года.

Пришла ко мне Ольга Васильевна¹¹, бледная, распухшая, оборванная. Очень уговаривала есть собак и особенно кошек. «Они такие вкусные! А из лапок и головок я делаю замечательный студень»¹².

Она же с возмущением рассказала мне сценку, происшедшую в столовой стационара Дома ученых. «Сидим мы за обедом, подали пирожки. Я взяла свой пирожок и только поднесла его ко рту, как Ваша родственница жена Владимира Александровича¹³ <...> выхва-

тила у меня пирожок и стала запихивать его себе в рот. Часть я успела у нее отнять, но порядочный кусок она съела».

Кровь. Конец марта 1942 г.

Директор нашей Обсерватории¹⁴ вызвал меня к себе и сказал, что он узнал у главврача «Астории»¹⁵ (где лежал тогда Коля) о безнадежном положении Николая Никифоровича и что мой долг забирать детей и ехать в Ташкент вместе с учреждением, которое эвакуируется через два-три дня. На мою просьбу отложить отъезд хотя бы на несколько дней он ответил, что ничего сделать не может, так как еще только вчера он получил обвинение от моего большого друга К. И.¹⁶, что я не имею права задерживать эвакуацию из-за труп Павлова¹⁷.

Не колеблясь ни одной минуты, сказала, что никуда без Николая Никифоровича не поеду.

Ушла оглушенная, знала только одно: бороться до конца, до последних сил.

Знала также и то, что Коля борется вместе со мною. Что даже в самый тяжелый период болезни разум его оставался ясен, и желание жить и выздороветь было беспредельно, а это было почти все.

Дома ждали меня два маленьких беспомощных любимых существа, за жизнь которых я отвечала.

Через два дня, 18 февраля¹⁸, они уехали. Они — это была маленькая горсточка людей, остальные же все умерли.

Умер профессор Циммерман, умер профессор Ренц со словами «мяса», старший астроном Берг, старший астроном Елистратов с женой, заведующий механической мастерской Мессер, помощник зав. библиотекой Сапожников, вдова профессора Костинского, вычислительница Войткевич и почти весь младший технический персонал¹⁹.

Две вещи я себе запретила: думать о еде и предаваться воспоминаниям, так как и то и другое не помогало борьбе со смертью, вернее борьбе за жизнь. Но в ночь с 18-го на 19-е было настолько тяжело, что я не смогла избежать соблазна и вся ушла в воспоминания. Картины недавнего прошлого одна за другой вставали передо мной.

Дорогое Пулково. Сад <...>. Дом, полный музыки, радости, любви. <...> Боже, какой контраст! Уснула поздно.

Проснувшись от странного ощущения: подушка была мокрая, липкая. Свет чуть брезжил через заиндевевшие окна. На простыне, ночной рубашке, подушке — темные пятна — кровь. Кровь шла из носа двое суток, день и ночь. Ничто не могло ее остановить. Лежала неподвижно на спине, без подушки. И все равно она шла. Олег ставил

мне на грудь под шею тарелку и кровь сбегала по губам и подбородку непрерывной струйкой.

В опустевшей ледяной десятикомнатной квартире, где часть эвакуировалась, а остальные умерли, стояла глубокая тишина.

Испуганные дети жались ко мне. Есть было нечего. Я разделила между ними свой хлеб. Олегу — больше, Наде — меньше.

Следующий день не принес перемен. Подкрадывалась коварная апатия, которая мирила со всем.

И вдруг пронзила мысль! Ведь я умираю, а они?! Вот когда лихорадочно забилось сердце, заработала мысль. Надо что-то делать, надо что-нибудь съесть, чтобы дать возможность организму бороться с этой непонятной новой болезнью голода!

Если срывать обои? На оборотной стороне есть мучной клейстер?²⁰

Нет, это даст мало, а сил возьмет много.

Взгляд случайно упал на две глубокие тарелки, до краев наполненные студенистой кровью. Вот где спасенье! Зажарить ее и съесть²¹.

Я видела ее уже на горячей сковородке, превратившуюся в плотные серые куски, которые можно жевать.

Как все осуществить? Прежде всего удалить Олега, чтобы это не коснулось души ребенка. Потом разжечь печурку и тогда все...

Охватывала слабость: я засыпала и сейчас же снова просыпалась. Стала уговаривать Олега пойти погулять, чему он был крайне удивлен, так как в последнее время ввиду появившихся случаев людоедства я его на улицу не выпускала²².

Он долго копошился; торопила его, волновалась.

Наконец ушел. Завязала лицо махровым полотенцем и, держась за стенку, добрела до соседней комнаты, где стояла печурка. Нагнулась за поленом и... потеряла сознание. Очнувшись от шагов вернувшегося Олега. План сорвался.

Ленинград, апрель 1942 года.

Был и другой день... Я возвращалась домой после обычной вылазки в поисках еды. Шла тяжело, «авоська» была пуста, а дома была только соль²³. На следующий день перспектив не было никаких, а сил становилось все меньше и меньше.

Шла по набережной Васильевского острова, около Академии наук повстречалась с Федосеевым²⁴: он поклонился, удивилась его памяти, так как говорила с ним всего лишь один раз об устройстве Коли в стационар. Вдруг окликнул: «Товарищ Павлова, а Вы получили паск?» — «Какой паск?» — «А Вы разве не знаете, что Николай Ни-

кифорович получил спецпак?» Он вынул часы: «Если он поедет немедленно, то еще успеет получить его сегодня же в доме Елисеева».

Кажется, я поблагодарила. Вдгонку мне прогремела фраза: «Пусть захватит побольше тары»²⁵.

Через час было все по-другому: весело топилась маленькая кирпичная плитка, на двух конфорках бурлила в кастрюлях вода. В аккуратно убранной комнате на широком диване в чистых платьях сидели ребята и радостно щебетали при свете топящейся печки. Ухо улавливало совершенно новые, давно забытые интонации.

Все вокруг меня пело и ликovalo. <...> Никогда еще за время голода безобразная морда смерти не была мне так омерзительна, но в тот вечер я не боялась ее, я трунила, издевалась над нею, внутренне злорадствуя, прощалась надолго!

Стук в дверь. Ничего не существовало, кроме этого стука. Тяжелое дыхание, и на столе — 2 кило первосортной краковской колбасы, 2 кило крупчатки, кило сливочного масла, кило сахара, кило гречи, кило манной и две пачки «Беломорканала».

Ленинград, май 1942 года. Белые ночи.

Каждый вечер между одиннадцатью и двенадцатью часами, когда город погружался в глубокий, но чуткий сон, из дома напротив выходили женщина и собака. Они были удивительно похожи друг на друга: обе худые и аккуратные. Женщина была совсем седая, собака с проседью. Обе высокие и молчаливые. Медленно совершали они свою короткую прогулку и тихо шли обратно в молчаливый дом.

С каждым днем они делались все тоньше и тоньше, а походка их из спокойной сделалась колеблющейся. И пришел вечер, когда они не вышли.

Я долго сидела у окна, шила и ждала прихода своих вечерних друзей. Через несколько дней я узнала, что они умерли друг за другом в один и тот же день²⁶.

¹ Николай Никифорович Павлов (1902–1985) — муж С. А. Павловой. Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Родился в Петербурге в семье астронома-геодезиста, профессора, генерал-майора Н. Д. Павлова (1867–1929), был внуком крепостного крестьянина-кузнеца.

Н. Н. Павлов с детства интересовался астрономией. В 1920 г. окончил Омский кадетский корпус. После Гражданской войны работал геодезистом. В конце 1926 г. переехал в Пулковку.

В 1927–1930 гг. был аспирантом при ГАО (научный руководитель — Н. И. Днепровский (1887–1944), ведавший Службой времени). С 1933 г. Пав-

лов — ответственный исполнитель работ Службы времени, с 1935 — старший научный сотрудник ГАО. В том же году за работы в области практической астрономии ему была присуждена ученая степень кандидата астрономии и геодезии.

В 1936–1977 гг. Павлов заведовал Службой времени ГАО, которая вскоре стала лучшей в стране. В 1939 г. он изобрел фотоэлектрический (автоматический) метод меридианных наблюдений звезд и в 1940 был удостоен Менделеевской премии, а в 1947 стал лауреатом Государственной премии СССР.

В октябре 1941 г. Павлов принимал участие в спасении книг Научной библиотеки ГАО. Заболев во время блокады дистрофией, он не смог в феврале 1942 г. эвакуироваться с другими сотрудниками ГАО. Вместе с семьей Павлов выехал из Ленинграда последним из пулковчан 12 июля 1942 г. в Казань, куда были эвакуированы сотрудники Астрономического института АН СССР. Там он продолжил работу над докторской диссертацией, которую защитил в Казанском университете в 1943 г.

С сентября 1943 по февраль 1944 г. Павлов работал ученым секретарем Комитета времени и консультантом Службы времени в Москве, 15 февраля 1944 г. был назначен также ученым секретарем ГАО и первым из пулковских астрономов вернулся в Ленинград для восстановления разрушенной ГАО. В 1944–1955 гг. заведовал кафедрой астрометрии в ЛГУ, с 1946 г. профессор.

После смерти Г. Н. Неуймина (1886–1946) Павлов около года руководил Пулковской обсерваторией.

В 1960-е гг. ученый выдвинул гипотезу об использовании данных мировой сети Служб времени для предсказания землетрясений. Он является автором около 100 научных трудов.

² Надежда Николаевна Сафонова (урожд. Павлова) работала радиоинженером в ГАО после окончания Ленинградского института авиационного приборостроения. В 1962 и 1963 гг. участвовала в научно-астрономических экспедициях в районе станицы Зеленчукская на Северном Кавказе, подготовивших установку в то время самого большого в мире телескопа-рефлектора БТА-6 (Большого телескопа азимутального шестиметрового), который вступил в строй в 1975 г. Ныне пенсионер, живет в Пулкове.

³ Олег Львович Павлов (1929 г. р.) — сын С. А. Павловой от первого брака, усыновлен Н. Н. Павловым. Капитан 2 ранга в отставке, ныне пенсионер.

⁴ Трамвайное движение в городе прекратилось в конце декабря 1941 г., вагоны стояли на улицах.

⁵ В условиях пятикратного (к 20 ноября 1941 г.) сокращения хлебного пайка и наступления в блокированном Ленинграде голода люди пытались ловить сохранившихся кошек, собак и ворон, ели воробьев, голубей, домашних дроздов, канареек и попугаев. К январю 1942 в городе уже не оставалось ни кошек, ни собак: они были съедены или погибли от голода. Во многих письмах, дневниках, воспоминаниях о блокаде отмечается отсутствие в городе птиц и домашних животных. От этого было не только голодно, но и как-то особенно неуютно и жутко: не было слышно ни лая, ни мяуканья, ни птичьего писка.

⁶ Чтобы заглушить постоянный голод, ленинградцы употребляли в пищу малосъедобные или вовсе не предназначенные для еды вещи: снеции, вазелин,

глицерин, касторку, олифу, технические масла, торф. Осенью 1941 г. на «черном» рынке примерно за 30 руб. можно было купить плитку столярного клея или лоскут коровьей или лошадиной шкуры площадью в квадратный дециметр. «Хороший» студень получался, если клей варили вместе со шкурой, используя в качестве приправы горчицу, перец и уксус, который регулярно выдавался по карточкам. От студня из столярного клея нередко начинались запоры. Но в 1942 г. клея уже было не достать. Многие переходили на ремни. Сыромятные ремни резали на сантиметровые кусочки и варили, удаляя с поверхности воды темную пленку масляной пропитки. Разбухшие кусочки пропускали через мясорубку. После повторного кипячения смесь остужалась, превращаясь в студень.

¹ Умершая от голода тетя В. В. Каврайского. Владимир Владимирович Каврайский (1884–1954) — астроном, геодезист и картограф, талантливый изобретатель в области астроприборостроения. В 1916 г. окончил Харьковский университет. С 1921 г. работал в Военно-морской академии, с 1935 г. профессор, с 1944 г. инженер-контр-адмирал. Лауреат Государственной премии СССР (1952). До войны был сверхштатным астрономом ГАО. В его квартире на 11-й линии Васильевского острова (д. 20, кв. 3) жила его сестра М. В. Каврайская (подруга С. А. Павловой) и семья Павловых после эвакуации из Пулкова. Каврайские эвакуировались в Ташкент.

² Мария Владимировна Каврайская — сестра В. В. Каврайского.

³ Смертность от голода осенью — зимой 1941–1942 гг. нарастала, опередив по числу жертв такие причины, как артобстрелы и бомбардировки. В ноябре 1941 г. от дистрофии умерло 11 тыс. человек, в декабре впятеро больше — 53 тыс., что превысило общегородскую смертность за весь предвоенный 1940 г. В январе-феврале 1942 г. смертность достигла апогея — за два месяца умерло около 200 тыс. ленинградцев. Самое большое за весь период блокады суточное число умерших зарегистрировано 7 февраля 1942 г. — 4720 смертей. Только за первую блокадную зиму, по подсчетам петербургского историка Г. В. Соболева, в Ленинграде погибло от голода более 600 тыс. человек (Блокада рассекреченная: Сб. / Сост. В. Демидов. СПб., 1995. С. 229). Трупы, обычно завернутые в простыню или одеяло («куклы» — по «терминологии» кладбищенских служащих тех лет), везли на салазках родственники покойного, бывало, обессилев, бросали тело на поддороге.

В январе 1942 г. за индивидуальное захоронение просили один килограмм хлеба и 300 руб. деньгами (что, по тому времени, было эквивалентно 4–5-дневной хлебной норме и стоимости 10 плиток столярного клея).

Трупы с улиц и обнаруженные в результате обхода квартир ежедневно увозили бойцы Местной противовоздушной обороны (МПВО) на четыре основных кладбища — Богословское, Большеохтинское, Серафимовское и Смоленское, где команды МПВО взрывали мерзлую землю (стояли 20–30-градусные морозы) и, используя экскаваторы для рытья траншей, захоранивали в коллективные могилы десятки и сотни безымянных тел. Привезенных в гробах вынимали, чтобы компактное разместить в траншее или могиле, гробы шли на поддержание постоянного костра, необходимого для обогрева бойцов МПВО (часто — женщин) и кладбищенских служащих. Одни работ-

ники треста «Похоронное дело» не справлялись с таким числом покойников, тем более они сами понесли большие потери от голода.

В годы блокады на долю МПВО пришлось 460 тыс. захоронений. Всего, по современным оценкам, было захоронено 1 млн 93 тыс. человек. Еще 110 тыс. было кремировано в печах 1-го кирпичного завода (до 1 тыс. трупов в сутки при температуре 1100–1200°С) на территории нынешнего Московского парка Победы (теперь на этом месте воздвигнут мемориальный портик). Первый опыт сжигания трупов был произведен 10 февраля 1942 г. на Ижорском заводе в Колпино.

В общее число погибших вошли многие из 150 тыс. беженцев из Ленинградской области и Прибалтики. Эта общая цифра трагических жертв блокады (свыше 1,2 млн человек) приведена историком В. М. Ковальчуком. По оценке другого петербургского историка — Г. В. Соболева, погибло от 800 тыс. до 1 млн человек (Блокада расстрелянная. С. 230–231, 233).

По данным представителя ГКО в Ленинграде по продовольствию Д. В. Павлова, от голода умерло 641 803 человека, английский журналист Г. Солсбери называет 1,5 млн человек, по данным Российской Федерации, погибших в блокаду насчитывается около 900 тыс. (в среднем, по тысяче смертей на каждый день блокады). От бомбардировок и артобстрелов погибло несопоставимо меньше горожан — 16 747, ранено 33 782 мирных жителя. По-видимому, точное число жертв блокады никогда не будет подсчитано.

¹⁰ Виктор Алексеевич Мессер — ученый-механик, заведующий механической мастерской и электрическим участком ГАО. Умер в блокаду.

¹¹ Ольга Васильевна Ковальницкая преподавала английский язык в ЛГУ, в ГАО занималась переводом и подготовкой к печати статей на иностранных языках, курировала пулковских аспирантов.

¹² По свидетельству блокадного дневника школьницы (запись от 15 октября 1941 г.), поджаренное с перцем и чесноком кошачье мясо оказалось довольно вкусным и не уступало говяжьему, а по вкусу напоминало курицу. Через два месяца автор этого дневника записала: «Мою бедную Сильву (ирландский сеттер. — В. Ж., Н. М.) украли и съели. О кошках сейчас говорят как о лакомстве (но, увы, их нет)» (Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л., 1989. С. 177–178).

¹³ Владимир Александрович Кондратьев — дядя С. А. Павловой, родной брат ее отца, А. А. Кондратьева.

¹⁴ Имеется в виду А. Н. Дейч, временно исполнявший в то время обязанности директора ГАО после того, как директор ГАО (1937–1944) член-корреспондент АН СССР (1939) С. И. Белявский (1883–1953) вылетел вместе с женой осенью 1941 г. из Ленинграда в Ташкент, оставив его своим заместителем.

Александр Николаевич Дейч (1899–1986) — доктор физико-математических наук, профессор. Родился в городе Рени (ныне Одесской обл.). В 1924 г. окончил ЛГУ. С 1923 г. работал в ГАО, с 1927 г. сверхштатный аспирант и ассистент профессора С. К. Костинского (см. прим. 22). С 1937 г. преподавал также в ЛГУ.

Работал в ГАО до последнего часа, пока она не оказалась на линии огня. В октябре 1941 г. организовал и вместе с В. Р. Бергом и Н. Н. Павловым (см. прим. 24 и 2) принимал участие в спасении части гибнущих книг Научной библиотеки ГАО, в том числе инкунабул (первопечатных книг «колыбельно-

го» периода европейского книгопечатания с сер. XV в. по 1 января 1501 г.) ценного «Фонда Струве». Книги вывозились в Ленинград. По данным А. В. Букова, первая из трех поездок за книгами в разрушенное Пулковское, вокруг которого шли бои, состоялась в четверг 16 октября 1941 г. (Буков А. В. Блокада день за днем. 22 июня 1941 года — 27 января 1944 года. Л., 1979. С. 76).

В январе 1942 г. А. Н. Дейча положили в стационар в гостинице «Астория» незадолго до того, как туда же поместили Н. Н. Павлова. Дейч был выписан прежде Павлова. 19 февраля 1942 г. А. Н. Дейч возглавил небольшую группу сотрудников ГАО численностью около 16 человек, эвакуировавшуюся из Ленинграда в Ташкент, где он продолжал научную работу. В 1941–1942 гг. исследовал поглощение в туманностях по собственным движениям звезд, в 1942 г. завершил и в 1947 г. опубликовал материалы каталога собственных движений 18 000 звезд. Исследовал невидимый спутник двойной звезды 61 Лебедя. В 1927–1945 гг. участвовал в пяти научно-астрономических экспедициях. Внес большой вклад в развитие фотоастрометрии. Похоронен на Мемориальном кладбище астрономов в Пулковском.

¹⁵ К концу 1941 г. заболевания алиментарной дистрофией («ленинградской болезнью») стали носить массовый характер, причем в 85 % случаев имели летальный исход. Если же истощение не перешагивало еще критической черты, за которой начинался необратимый распад белков, больные при определенной поддержке довольно скоро приходили в себя. 27 декабря 1941 г. Ленинградский горком ВКП(б) принял постановление, а 29 декабря Исполком Ленгорсовета — решение о создании стационарных лечебно-профилактических учреждений для больных дистрофией, которые спасли жизнь тысячам ленинградцев. Всего было организовано 109 стационаров, часто располагавшихся в гостиницах, музеях, кинотеатрах. Одним из первых, в конце декабря 1941 г., был создан стационар на 100 коек в Эрмитаже для лечения сотрудников Эрмитажа, Музея В. И. Ленина, Музея Революции, Музея этнографии и Русского музея). В начале января 1942 г. подобный стационар для ученых, инженеров, артистов, архитекторов, литераторов, художников и скульпторов открылся в гостинице «Астория».

¹⁶ Катя Иванова — Екатерина Михайловна Иванова (1897–1982), вычислитель ГАО. Невестка бывшего директора ГАО в 1919–1930 гг. А. А. Иванова (1867–1939) и сестра А. М. Дейч (1908–1976) — жены А. Н. Дейча. См. примечание 17. Е. М. Иванова и А. М. Дейч — дочери астронома-профессора М. Н. Морина (1861–1933).

¹⁷ Подчеркнуто в тексте.

¹⁸ Неточность: сотрудники ГАО выехали из блокадного Ленинграда 19 февраля 1942 г.

¹⁹ Николай Владимирович Циммерман (1890–1942) — доктор физико-математических наук, профессор, старший астроном ГАО. Родился в Одессе, где в 1912 г. окончил Новороссийский университет. С 1915 г. работал в Пулковской обсерватории, в начале 1920-х гг. — в Николаевском отделении ГАО и в 1923–1929 — в Одесской обсерватории. С 1937 г. профессор ЛГУ, с 1938 — заведующий Астрометрическим отделом ГАО. Умер в блокаду. Посмертно был награжден премией АН СССР им. Ф. А. Бредихина.

Франц Францевич Ренц (1860–1942) — профессор, старший астроном ГАО. С 1935 г. заслуженный деятель науки РСФСР. Умер в блокаду.

Виктор Рудольфович Берг — старший астроном ГАО. Умер в блокаду в конце 1941 г.

Н. В. Циммерман, Ф. Ф. Ренц, В. Р. Берг, В. А. Елистратов были видными учеными-астрометристами.

В. А. Мессер — см. примечание 13.

М. С. Сапожников — телефонный механик ГАО. Умер в блокаду.

Сергей Константинович Костинский (1867–1936) — член-корреспондент АН СССР. С 1894 г. работал в ГАО. В 1920-е гг. профессор Петроградского университета. Положил начало астротфотографии в СССР.

Е. В. Войткевич — научно-технический сотрудник ГАО. Умерла в блокаду.

На 1 января 1941 г. штат научных и научно-технических сотрудников ГАО составлял 72 человека, а вместе с обслуживающим персоналом — около 100 человек. Около трети из них не дожили до Победы. Кроме упомянутых в письме С. А. Павловой, это: Т. С. Левун, аспирант С. С. Петров (погиб на фронте), аспирант Б. С. Шульман и завхоз Д. Е. Ежов (убиты при бомбардировках). Умерла старший научный сотрудник М. Д. Лаврова. 18 июля 1942 г. умер старший научный сотрудник Николай Георгиевич Пономарев (1900–1942) — оптик и конструктор астрономических инструментов; с 1934 г. работал конструктором на Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ) и одновременно сотрудником ГАО; конструктор первого отечественного рефлектора (в Абастумани); лауреат Государственной премии СССР (1941) за создание совместно с Д. Д. Максуповым (1896–1964) горизонтального солнечного телескопа, установленного в Пулковке в 1940 г. и уничтоженного во время вражеских бомбардировок.

Умерли в результате блокады зав. Ленинградским отделением Вычислительной станции ГАО Б. И. Рак, младший научный сотрудник А. К. Донбик, кочегар М. А. Бабкин, истопник И. А. Стариков, слесарь-водопроводчик М. Н. Каргачев, электромонтер А. И. Госков, пожарные С. А. Буланов, И. С. Трусов и Н. М. Чистяков, уборщицы Д. Н. Бабкина, Я. М. Гилимшина, А. В. Иванова, Е. В. Иконникова, А. К. Исаева, О. М. Маландина и А. М. Мирова, дворники И. А. Желтов, В. П. Желтова, К. А. Хапцов и П. Г. Чивилев (Список сотрудников ГАО АН СССР, пострадавших в результате злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Архив ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 77).

²⁰ Чтобы выжить, ленинградцы нередко соскребали со сломанной мебели застывший столярный клей, с книжных переплетов и обоев — мучной клей (т. е. первоначально жидкое тесто). Обои и книги по этой же причине грызли го-лодные крысы.

²¹ Известны случаи, когда, например, при отсутствии грудного молока матери прокалывали свою руку иглой, прикладывали ребенка к месту прокола, чтобы тот, насытившись материнской кровью, заснул.

²² Это была сравнительно маловероятная, но небезосновательная угроза. В январе–феврале 1942 г. было зарегистрировано 453 случая каннибализма и трупоедства. В секретном отчете от 5 апреля 1943 г. о работе городского

управления предприятиями коммунального обслуживания Ленинграда за период с июня 1941 по июнь 1942 г. в разделе «Похоронное дело» сообщалось, что на кладбищах часто находили отрубленные части покойников и даже человеческие черепа, из которых были извлечены мозги. Например, на Серафимовском кладбище была обнаружена отрубленная голова покойника, а жители окрестных домов занимались варкой человеческого мяса. На Кременчутской улице недалеко от покойницкой больницы им. Боткина был обнаружен труп с отрубленными мягкими частями тела. В 1943–1944 гг. подобные эпизоды стали единичными (Ленинград в осаде. С. 329; Блокада расскреченная. С. 208).

²³ Соль и спички в первые месяцы блокады продавались без ограничения. С декабря 1941 г. (по свидетельству зав. Архивом АН СССР Г. А. Князева, — с 1 ноября. См.: *Адамович А., Гранин Д.* Указ. соч. С. 297) по карточкам отпускалось 400 граммов соли и 4 коробки спичек на человека.

²⁴ Михаил Ефимович Федосеев — начальник Ленинградского административно-хозяйственного управления АН СССР.

²⁵ Ленинградские власти пытались хоть как-то поддержать ученых, хлебный паек которых в среднем за годы блокады составлял 2/3 от рабочей нормы. В первую очередь эта мера коснулась академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Так, 26 декабря 1941 г. Горисполком дал указание Ленинградской конторе «Гастроном» организовать для них с доставкой на дом единовременную продажу без карточек: пшеничной муки — 3 кг, яиц — 3 десятка, масла, сахара и печенья — по 0,5 кг, шоколада — 0,3 кг, мясных и рыбных консервов — 2 коробки, виноградного вина — 2 бутылки (Ленинград в осаде. С. 209). Н. Н. Павлов таким статусом не обладал, к тому же, судя по тексту, это происходило позднее, и идти за «спецпайком» надо было самому. Следовательно, были и другие меры поддержки ученых. Тем не менее в первую блокадную зиму академические учреждения Ленинграда похоронили треть своих сотрудников (450 человек).

²⁶ «Судьба животных блокадного Ленинграда — это тоже часть трагедии города. Человеческая трагедия», — пишут авторы «Блокадной книги», посвятив этому отдельную главу «Братья меньшие» (*Адамович А., Гранин Д.* Указ. соч. С. 175–189).

Воспоминания о блокаде Д. Н. Лазарева, Н. В. Лазаревой и Е. Д. Якубович

Публикация В. П. Мартыненко

Публикуемые ниже воспоминания принадлежат представителям одной семьи. Открываются они мемуарами доктора технических наук Дмитрия Николаевича Лазарева (1904–1996). В годы Великой Отечественной войны Дмитрий Николаевич как специалист по светотехнике и физиологии зрительного восприятия был оставлен в числе немногих сотрудников Государственного оптического института (ГОИ) в осажденном Ленинграде и выполнял ответственные задания по светомаскировке кораблей Балтийского флота. Последние годы жизни Дмитрия Николаевича были тесно связаны с работой в Музее истории ГОИ им. С. И. Вавилова. В этот период он написал мемуары «60 лет в ГОИ», которые, к сожалению, существуют до сих пор только в машинописном виде. Мы публикуем здесь те фрагменты, где рассказывается о военном времени. Воспоминания Лазарева основаны на его дневниковых записях и носят документальный характер. Вместе с тем в них отображены не только трагический пафос блокадных будней, но также мысли и чувства ленинградцев, живших и работавших в городе-фронте.

По-иному, иногда не без юмора, несмотря на весь драматизм описываемых событий и ситуаций, сделаны зарисовки блокадной жизни в воспоминаниях жены Дмитрия Николаевича — Нины Владимировны Лазаревой (урожд. Зеленковой; 1907–1992), которая приходилась внучатой племянницей А. Н. Бенуа и племянницей Е. Е. Лансере. Небольшие новеллы, публикуемые впервые, были написаны ею уже в 1980-х годах. Речь в них во многом идет об испытаниях, выпавших в блокаду на долю семейного «ковчега» Лазаревых, главным хранителем которого ей довелось быть. Разносторонне одаренный человек, Нина Владимировна работала не только художником в театре, а по-

зднее в цирке, но и писала стихи для детей. Многие из них предназначались ее дочери — Кате, ныне кандидату физико-математических наук, доценту Санкт-Петербургского электротехнического университета Екатерине Дмитриевне Якубович. Всю блокаду она вместе с родителями провела в Ленинграде, хотя в 1941 году ей исполнилось всего лишь шесть лет.

Очерком Екатерины Дмитриевны, в котором автор по воспоминаниям детства воссоздает образы военного времени, мы завершаем нашу подборку материалов о жизни одной из ленинградских семей в годы блокады. Есть в очерке слова, которыми хотелось бы закончить это небольшое вступление: «Из тех блокадных дней мы вынесли запас прочности, помогающий нам с оптимизмом смотреть в будущее».

Д. Н. Лазарев

Ленинград в блокаде

Главы воспоминаний составлены по сохранившимся записям тех голодных и холодных лет. Значительно сокращены в них описания ощущений голодного человека, тревог и надежд, связанных с хлебными выдачами. Сокращены и опущены некоторые другие места, занимавшие в записях большое место: вести с фронта, приносившие в разное время и боль, и радость, беспокойство за близких. Сейчас все это в значительной мере утеряло свою злободневность. Читателю, вероятно, интереснее узнать о быте блокадников, на чем в дальнейшем сделан акцент.

Выдержки из дневника

Июнь 1941

22-го днем на углах ленинградских улиц стоят толпы, слушают речь Молотова о нападении Германии на СССР. В течение дня эта речь несколько раз повторяется по радио, чередуясь с сообщениями МПВО города о введении угрожаемого положения. Передаются правила поведения, которым должно следовать население. «Слушайте! Слушайте! Передаем чрезвычайное сообщение Штаба местной противовоздушной обороны города Ленинграда». Позднее бесчисленное число раз так начиналось сообщение о воздушных тревогах. По городу запрещено движение после 12 часов ночи, затем этот срок был передвинут на 10 часов вечера.

Д. Н. Лазарев.
Фотография начала 1942 г.

Среди ночи этого первого тревожного дня, когда все уже спали, раздался вой сирен, гул самолетов, грохот зенитных орудий. С непривычки было страшно, многие встали, оделись, зубы кое у кого отбивали нервную дробь.

23–24 июня. Объявлено военное положение и указы Президиума Верховного Совета о мобилизации по 14-ти военным округам лиц рождения 1905–1918 годов. Сводки сообщают, что отданы Брест, Ломжа, идут бои за Гродно, Вильно, Каунас. В сберегательных кассах прекращен прием облигаций займа в залог, снимать деньги с книжки можно только до 200 рублей в месяц. В ларьках на Сытном рынке еще продают свободно крупу и сахар по 500 г на руки, пользуются спросом свечи, мыло. Очереди к ларькам растут.

Конец месяца. Почти ежедневно ровно в 10.30 вечера начинаются налеты. Стоят лунные ночи. Небо шарят лучи прожекторов, разрываются снаряды зениток, взлетают ракеты. По городу ходит малообоснованное и не разделяемое официально мнение, что немцы бомбить Ленинград не будут. По жактам дано распоряжение заклеивать оконные стекла полосками бумаги, чтобы стекла не разлетались от воздушной волны. В несколько дней город разукрасился белыми решеточками на окнах и стал от этого наряднее. Позднее стало ясным, что это был напрасный труд.

Июль–август 1941

Началась эвакуация из Ленинграда детей. В. Б. Вейнберг¹ и А. А. Гершун² одни из первых отправили своих детей с яслями Академии наук на Валдай. Вскоре оттуда пришло известие о неблагополучии. Вейнберг на институтской машине ездил на Валдай и вернул всех отправленных туда институтских детей в Ленинград. Введены продовольственные и промтоварные карточки. Нормы выдачи хлеба еще высокие: рабочим 800, служащим 600, иждивенцам и детям по

400 граммов. Одновременно открылась коммерческая продажа продуктов примерно по двойной цене. Например, сливочное масло вместо 28 рублей за килограмм стоило в коммерческой продаже 50 рублей. За хлебом сразу образовались большие очереди, а дорогие продукты: консервы, какао, шоколад, зернистая икра (100 р.) — продавались свободно. Никто не думал, что пройдет совсем немного времени и рыночная цена на хлеб ужасного качества поднимется до 600 р. за килограмм.

На улицах школьники, пионеры, жители и милиционеры ловят немецких шпионов. Спросить, как пройти куда-нибудь, было небезопасно. Несколько знакомых водили в отделение милиции для выяснения личности. Часто отличительным признаком «шпиона» оказывался заграничный покрой костюма или необычно опрятный вид. Со всех учреждений сняли вывески, на указателях трамвайных маршрутов замазаны белой краской названия вокзалов и заводов. Сняты почти все телефоны-автоматы. Снят телефонный аппарат в нашей квартире, а месяцем позднее все частные телефоны в городе выключены.

Рабочие и служащие учреждений во множестве посылаются на 7, 14 и более дней на рытье противотанковых рвов к Новгороду, Пскову, Кингисеппу, позднее — в районы, более близкие к Ленинграду. Женщин нашей квартиры тоже многократно посылали на рытье рвов в пригороды. В начале августа прекратилось движение рейсовых пассажирских поездов в Ленинград и из Ленинграда. В конце августа отправляются из Ленинграда последние железнодорожные эшелоны с эвакуируемыми учреждениями, семьями рабочих и служащих. Закончилась по железной дороге и эвакуация ГОИ в Йошкар-Олу.

Сентябрь 1941

2 сентября. Прекратилась коммерческая продажа продуктов.

8 сентября. Воздушная тревога застала меня на Садовой. Было около семи часов вечера. Из-под арки какого-то дома я впервые видел более 20 немецких самолетов, спокойно, как казалось, летевших над городом правильным строем. Неистово грохотали наши зенитные орудия, все небо покрывалось маленькими, медленно тающими в воздухе облачками. Быстро по всем направлениям летели, как светящиеся жуки, трассирующие снаряды. Переждав немного в подворотне, я продолжил путь, направляясь провести родственников на Фонтанку. Застал всех у открытой двери на балкон, выходящий на юг. Все со страхом смотрели на невиданное зрелище. За Обводным

каналом вставала громадная клубящаяся туча дыма, местами черная, местами ослепительно белая. Горели подожженные множеством зажигательных бомб Бадаевские продовольственные склады. Вероятно, бомбы сбросили те самые самолеты, строй которых я видел с Садовой. Позднее вечером была первая массовая бомбардировка города. Пострадало много домов на Старом Невском и в других районах.

В тот же день, 8 сентября, немецкие войска захватили Шлиссельбург и началась блокада Ленинграда. Сообщение со страной, с Большой Землей, стало возможным только по воздуху или через Ладожское озеро.

Часто обедаю в столовой Дома ученых. Здесь еще можно получить без карточек оладьи, пироги, сладкий кофе. Это привлекает сюда членов Дома со всех концов города. Пусть не удивляется читатель, что о великих днях сохраняются часто воспоминания будничные и мелкие. Нельзя сомневаться в патриотизме ленинградцев того времени, но большие чувства таятся глубоко и проявляются редко. Кто пережил зиму 1941–1942 года в Ленинграде, тот знает, сколь большое место занимали думы и разговоры о еде и тепле у голодного и иззябшего человека. В столовой толпятся ожидающие места за столиком, настроение у всех тревожное, разговоры о продолжающемся отступлении наших армий, об эвакуации Ленинграда.

Октябрь–ноябрь 1941

По ночам мужчины нашей коммунальной квартиры раз в неделю несут трехчасовое дежурство на чердаках. Принимая дежурство, обходят с «летучей мышью» длинное помещение чердака, в котором сняты все деревянные переборки, разделявшие раньше чердак на мелкие клетушки, а пол засыпан толстым слоем песка. Сдающие дежурство показывают, где песок, где щипцы для хватания зажигательных бомб, бочки с водой. Женщины одновременно дежурят по три часа у ворот и во время тревог загоняют прохожих в убежище, находящееся в подвале, где раньше держали дрова.

Однажды ночью в саду Народного дома горели американские горы, летний театр и другие деревянные сооружения. На всей Петроградской стороне было светло, как днем. В Доме ученых без карточек дают уже только супы и сладкий чай. Мой сосед слева рассказывает, что он пропустил за день 8 тарелок супа и 6 стаканов сладкого чая. Ведь в каждом стакане две чайных ложки! Это почти 100 граммов сахара в день, 400 лишних калорий! Сосед справа возражает, дока-

зывая вредность введения в организм больших количеств жидкости. Возникает интересующая всех дискуссия.

11 ноября. Снижена норма выдачи хлеба до 250 г по рабочим карточкам и до 125 г по остальным. Хлеб очень плохого качества: с древесиной, дурандой, липкий, черного цвета. Это — самая низкая норма хлебных выдач в блокадном Ленинграде. В аптеках и магазинах люди покупают остатки всего съедобного: гематоген, морскую капусту, касторовое масло, казеиновый клей, глицерин, а также все, что горит: машинное и камфарное масло, клопомор, антипятноль, одеколон и т. д. Все это отыскивается уже с трудом.

Декабрь 1941

Уже несколько дней дома нет ни электричества, ни воды, в городе не ходят трамваи и троллейбусы. Автобусы были мобилизованы под санитарный транспорт еще много раньше. С 5-го декабря около ГОИ (Биржевая, д. 6) лежит неразорвавшаяся бомба. Район огорожен, по Биржевой линии закрыто движение. Проживающие в домах 4, 8, 10 выселены. Через неделю при попытке прибывшими саперами бомбу разрядить она разорвалась. Погибло 12 человек команды, среди сотрудников института жертв нет. Во многих окнах зданий ГОИ и БАН вылетели стекла.

Шел по Невскому. Городского транспорта нет. Висят гирлянды перебитых трамвайных проводов. Витрины магазинов забиты двойными рядами досок, между которыми насыпан песок и шлак. В первых этажах угловых домов устроены бойницы и пулеметные гнезда. Квартиры эти заняты военными. На боковых улицах около магистралей построены баррикады в виде двух поперечных дощатых заборов, пространство между которыми (2–3 метра) засыпано землей и песком, сверху все завалено мешками с землей. В садах у площадей и улиц вырыты окопы с бойницами на уровне земли и щели для укрытия от взрывной волны и осколков.

Вместе с тем, теплится жизнь, похожая на мирную: на досках, которыми забиты магазинные витрины, расклеены свежие театральные афиши. Театр музыкальной комедии сообщает о предстоящей премьере — оперетте «Любовь моряка»³. В городе продолжают работать четыре театра: Музыкальной комедии (в помещении театра им. Пушкина), Ленинского комсомола (в помещении Малого оперного), Радловский (у себя)⁴ и Театр комедии (в помещении Большого драматического на Фонтанке). Открылся даже один новый театр во главе с Горин-Горяиновым⁵ и Мичуриной-Самойловой⁶ (в Театре ко-

медии на Невском). Здание Мариинского театра повреждено фугасной бомбой.

По рассказам обедающих в Доме ученых, многие живут ужасно. У кого в квартире минус 4, у кого минус 6 градусов. Догорели последние свечи, истрачена последняя капля керосина. Электричества нет, стекла выбиты, воды нет, спят, не раздеваясь, в шубах, накрывшись поверх шуб одеялами, встают ощупью, не моются. К счастью, есть семьи значительно более благополучные.

Много разговоров о предстоящей отправке самолетами на Большую Землю. С собой можно брать только 20 кг вещей. Профессор М. делится опытом. Он так похудел, что может надеть на себя две пары белья, два костюма и два пальто: летнее и зимнее. Это еще почти 20 килограммов. Все озабочены ухудшающимся продовольственным положением города. Что-то будет дальше?

Андреевский рынок. Первое, что бросается в глаза, это ничтожность всех обменных операций. Люди приходят сюда с куском сахара, кусочком дуранды величиною в две спичечных коробки, с десятью конфетками-подушечками в обрывке газеты. На деньги продают мало: я видел один сухарь черного хлеба граммов на 50–70, за который просили 50 рублей. Говорят, однако, что на других рынках можно купить небольшое количество продуктов, исходя примерно из следующих цен (за килограмм): черный хлеб — 400, белый — 600, шоколад — 1000 — 1500, мясо — 400, постное масло — 500. Цены эти нисуразны, т. к. зарплата сохраняется твердой: уборщицы получают в месяц 130–180 р., средние научные работники, бухгалтеры — 500–700, руководители лабораторий, учреждений, квалифицированные рабочие — 800–1200. Дополнительных заработков ни у кого нет. Промтоварные магазины торгуют без карточек всякой безделицей: карандаши (10 к.), ученические тетради (15 к.), галантерея. Много в продаже хорошо изданных книг (5–10 р.).

Начинают попадаться на улицах санки с трупами. Их везут в гробах и без гробов по направлению к Смоленскому кладбищу. Говорят, вечерами покойников обычно не довозят до кладбища (нет сил), а завозят в какой-нибудь пустынный переулок и там оставляют.

Чувствую большую слабость. Однажды, стоя в очереди в академической столовой (там горел еще электрический свет), почувствовал, что зал будто куда-то удаляется, на потолке уже не три лампочки, а десятки, голоса окружающих слились в какой-то далекий гул. Состояние это сразу напомнило мне приближающийся обморок. Такое чувство я испытывал неоднократно в детстве в гимназической

церкви. Одолевают пищевые сны. Сегодня видел во сне жирный блин. Какие-то обстоятельства долго мешают мне приступить к еде, хотя я чувствую, что очень голоден. Наконец все готово. От радости, что сейчас буду есть, теряю крепость сна и чувствую, что болит ухо. Понимаю, что ухом лежу на складке одеяла. Хочется повернуться или эту складку убрать, но пугает мысль, что пропадет блин. Я не шевелюсь, но блин все же пропадает. Три часа ночи. До самого утра резко сосет в желудке.

25 декабря. Первое увеличение нормы выдачи хлеба: по рабочим карточкам 350, по остальным 200!

Умерла от голода старушка-уборщица. Накануне еще она стирала пыль с моего стола. Говорят, пришла домой, легла на кровать, раскинула руки в стороны, вздохнула и умерла. На днях, придя в лабораторию, увидел в дальней комнате труп умершего накануне охранника.

Январь 1942

В институте умер отец одного из старейших сотрудников ГОИ. Для помощи при его похоронах был выделен сотрудник филиала В. С. Павлов. Он был настолько поражен увиденным на Смоленском кладбище, что по возвращении едва мог говорить от волнения. Если освободить его рассказ от эмоций, то суть его сводилась к следующему. На поле за кладбищем вырыт ряд параллельных, очень длинных рвов глубиной около метра, шириной около двух метров. Они заполнены лежащими поперек телами в гробах и больше без гробов. Рвы ничем сверху не засыпаны, хотя рядом тянутся насыпи вынутой земли, но она тверда на морозе, как гранит. Из рвов торчат руки, ноги, головы. Гробы в этой обстановке кажутся чем-то лишним. Кое-где с них сдирают крышки, бросают в костры или увозят на санках домой на дрова. Костров кругом десятки. Некоторые служат для оттаивания земли, у других греются, отогревают застывшие руки. Слышны близкие взрывы — это готовят новые общие могилы. Непрерывным потоком привозят санки с мертвецами, часто зашитыми в простыни. Девочка рассказывает: «Мама давно уже сшила гроб, еще папа был жив». Иногда гроб деревянный, поверх которого лежит крест или венок. Все дерево идет в конце концов в костры. Могильщики торгуются о рытье индивидуальных могил, просят два килограмма хлеба, согласны рыть и сдавать работу только при наличии покойника и в присутствии родных, т. е. оставить яму нельзя ни на минуту — ее тут же засыпают телами. Траншей не хватает. Не-

сколько поодаль возвышаются штабеля покойников, привозимых на грузовиках из районных моргов. Штабеля имеют несколько метров в ширину, около двух метров в высоту и десятки метров в длину. Покойников, одетых в майки, старенькие пиджаки, есть без обуви, есть и без одежды, укладывают в штабеля, как дрова... А через речку Смоленку, под сенью деревьев спокойно дремлет старое кладбище с аккуратными аллеями, памятниками, оградами, крестами и венками искусственных цветов.

Быт ленинградцев продолжает ухудшаться. Не действует водопровод, замерзли стоки. Поэтому помой и все, что нормально уходит под землю, приходится выносить в ведрах во двор или на улицу. Все выплескивается прямо у дверей. Город на глазах загрязняется. По улицам, по обледелым дорогам, то тут, то там люди везут на санках не только покойников, но также ведра и кастрюли с водой.

Наша семья живет в шестикомнатной коммунальной квартире⁷. Когда-то она принадлежала В. А. Зеленкову. Я женат на его дочери Нине Владимировне. В квартире живут: Владимир Александрович, жена одного из его сыновей Ника с дочерью, моя семья из трех человек (включая дочь Катю), Н. Г. Болдырев⁸ с женой и еще две супружеские пары.

Владимир Александрович высокого роста, до войны был довольно упитанным — он больше других страдает от голода. Сейчас он на бюллетене и сегодня чувствует особенную слабость, говорит, что сделать простое дело, даже пройти в соседнюю комнату, для него подвиг. Когда наша семья в сборе, три раза в день мы вшестером садимся за стол, нормально накрытый для обеда, и медленно съедаем третью часть дневного голодного пайка, запивая хлеб стаканом кипятка. Дни рождений, Новый год отмечается особо: стол накрывается белой скатертью, виновник торжества получает подарок (обычно, пищевой), всем выдается по куску суррогатной лепешки, испеченной на «буржуйке», иногда по кусочку шоколада, полученного по сахарным талонам, или даже по рюмочке кагора, выданного к праздничным дням. Распорядком наших трапез ведает Нина Владимировна. В голодное время режим питания так существенен, что ее твердому характеру многие из нас обязаны жизнью.

Часто было тревожно с нашей дочерью Катей. Общественные организации многократно настаивали на ее эвакуации с различными детскими учреждениями. Мы всячески этому противились, боясь отпустить ее в неизвестность с чужими людьми. Катя была стойкой девочкой: ни на голод, ни на холод не было слышно ее жалоб.

13 января. Владимир Александрович жалуется за столом на новое явление — отсутствие аппетита. Сегодня после обеда он тяжело прошел в свою комнату, лег и вечером не вставал. На следующий день утром я первым вошел к нему. Он лежал на спине с полуоткрытыми глазами. На свет внесенной свечи он реагировал, как мне показалось, желанием что-то сказать, но это выразилось лишь в едва уловимых движениях лица и тела и учащенном дыхании. Он дышал громко, но ровно, дыхание постепенно замедлялось, иногда прерывалось на доли минуты... После одного вдоха, ничем не отличавшегося от предыдущих, тело медленно выпрямилось, дыхание затихло. Это был конец... И это была первая смерть от голода среди близких людей.

Целый день горит студенческое общежитие на Мытнинской набережной. Дом горит, как костер, но не видно ни обычной суетни пожарных, ни любопытных. Стоит одна пожарная машина, пожарники тщетно стараются достать воду из проруби (водопроводы бездействуют). Редкие прохожие равнодушно проходят мимо, занятые своими заботами.

Давно хочу написать, что чувствует истощенный голодом человек. Вы спите мало (6–7 часов). Ночью все время кутаетесь, подтыкая под себя одеяло, вас знобит: озноб разливается по спине и всему телу. Выступающие повсюду кости быстро начинают болеть, что заставляет вас часто менять положение. Мучает ощущение голода, все время ощущаете пустоту желудка, часто глотаете слюну. Вам трудно что-либо предпринять, даже самый пустяк. Прежде чем повернуться на кровати, вы долго собираетесь с силами, откладываете, тянете, мысленно многократно повторяете все нужные движения прежде, чем их совершить. Наступает утро. Вам очень трудно преодолеть инерцию, встать и одеться. Днем ваши движения осторожны, замедленны. Несмотря на теплые одежды, вы продолжаете зябнуть, вас преследует неприятное ощущение шума в ушах: собственное дыхание и слова резонируют, как в пустом сосуде. Распухают ступни ног, на пальцах рук глубоко трескается кожа. Временами вы ощущаете перебои и ноющую боль в сердце, с трудом берете лестницы. Вы живете безучастно к окружающему. В столовой встречаете, например, хорошо знакомого сотрудника ГОИ и ленитесь приветствовать, смотрите на него вяло, и тот также смотрит в ответ: к чему тратить лишнюю энергию на слова?

Как ослаблена жизненная сила в отдельном человеке, так же вяло течет она и во многих учреждениях. По делам, связанным со смертью В. А. Зеленкова, я ходил на Гагаринскую⁹ в Институт охраны труда.

Во всем громадном здании института обитаемы только две комнаты. В одной помещается дирекция, заведующие отделами, канцелярия, бухгалтерия; в другой — штаб МПВО и местком. Весь институт фактически не работает. В таком же положении: без света, воды, дров, стоков, с остановившейся жизнью — существует много других учреждений. Бывали дни, когда и у нас в лаборатории ГОИ не было никаких сил работать. Утром садились у печки и молча, понутив головы, сидели часами, не двигаясь, не разговаривая. Когда кончились дрова, единственную печку перестали топить, хотя на дворе были и доски и всякий деревянный лом. Нести топливо по лестнице, пилить его, колоть было никому не под силу. Стали сидеть до обеденного времени в холоде. Не описать, как мы зябли! После обеда (из карточек вырезались мелкие крупяные талоны) расходились домой.

24 января. Новое увеличение норм выдачи хлеба: 400 г рабочим, 300 служащим, 250 иждивенцам и детям. Многим, не знавшим голода, может показаться, что это не так мало, что человек и в сытос время не съедает больше. На самом деле объявленная норма продолжает оставаться очень низкой. Все другие продукты выдаются в ничтожных количествах. Многие, принеся домой дневной паек хлеба, зарекаются съесть сразу больше половины, затем, после недолгой борьбы с собой, отламывают еще кусочек, еще, и кончается тем, что съедают весь паек и до следующего утра терпят муки голода.

В городе все без перемен: радио бездействует¹⁰, газеты не доставляются, телефоны не работают... В столовой Дома ученых через обеденный зал рабочий носит в молочном жбане воду из невской проруби. На столбе однажды я прочел объявление: «Отдам золотые часы за кошку».

Похороны (24 января 1942)

Хотя тело Владимира Александровича лежало в холодной комнате, все же настало время, когда нужно было срочно его хоронить. Я узнал в жакте, как это полагается сделать. Управхоз на клочке бумаги написал карандашом направление в районный морг на Глухой Зелениной улице, выдал санки, тяжелые, как дровни, и предупредил, что трупы без гробов можно возить теперь только после восьми вечера. Стоял даже для этой суровой зимы редкий мороз, термометр впервые спустился до 35 градусов ниже нуля. Нина, Ника и я привязали тело полотенцами к доске, с большим трудом спустили его по темной лестнице вниз и уложили на санки. Нина осталась дома укладывать детей, а мы с Никой потащили санки на Глухую Зеленину. Руки коче-

нели, ветер обжигал. Мы везли санки то вместе, то по очереди, чтобы другой мог повернуться к ветру спиной и хоть немного отогреть лицо и руки. Сравнительно недолгий путь казался бесконечным. Наконец мы у ворот морга — бывшего дровяного склада. Привратница, тоже еле живая от холода, собиралась уходить домой и страдающим голодом нас торопила. По узкой, расчищенной дорожке я ввез сани во двор к большому сараю. Отворив его широкую дверь, мы увидели при лунном свете высокую гору кое-как одетых или зашитых в простыни трупов, лежавших в беспорядке, точно сброшенные с воза дрова. Привратница распорядилась, чтобы привезенное тело мы бросили на эту гору, и нетерпеливо нас понукала. Чувствуя, что исполнить ее приказ мы не в силах, мы все же принялись за дело. Никого кругом не было, привратница стояла в стороне, явно не склонная нам помочь. Отвязали тело от доски, безрезультатно попробовали его приподнять — в отощавших мускулах силы не было. Ничего не оставалось, как пытаться втянуть труп на кучу волоком. Легче всего нам оказалось взять труп за ноги. Пятясь, мы начали взбираться наверх по чьим-то твердым и скользким как лед животам, спинам, головам. В сарае, несмотря на мороз, стоял удушливый запах. Силы наши совсем иссякли, но плечи и голова бедного Владимира Александровича оставались еще вне сарая. Привратница подталкивала голову двери, одновременно проверяя, может ли дверь закрыться. Дверь не закрывалась. Нужно было подниматься еще выше, но мы были без сил. Наконец, в отчаянии, мы как-то разом рванули, и тело легло по-новому, наклонно, с круто свернутой набок головой. Одновременно дверь закрылась, что-то залязгало. Вероятно, привратница возилась с накладкой, пробуя, войдет ли дужка замка в пробой. На несколько минут мы остались в полной темноте, боясь пошевелиться, чтобы не распластаться на куче трупов. Дверь отворилась. Мы осторожно, держась за руки, спустились на воздух, и все трое облегченно вздохнули. Привратница (а, может быть, это была начальник морга?) небрежно сунула в карман принесенное направление — похороны были закончены. Я помню, мы почувствовали тупое безразличие к смерти близкого человека, но были безмерно рады, что груз непосильной работы спал с плеч. Как сказала привратница, завтра утром трупы из сарая будут на грузовиках увезены на Голодай и сложены там в штабеля.

Обратный путь был легче. На минуту мы даже остановились, пораженные необыкновенной красотой блокадного Ленинграда в лунную ночь. Нигде не было видно даже щелки постороннего лунному

света, никакого движения, ни одного пешехода. Дома, отбрасывая черные тени, казались грандиозными декорациями нереальной сцены.

Астория (конец января 1942)

Стационарами в блокадное время назывались пансионаты, организованные при разных учреждениях и предприятиях. Там поддерживалась жизнь ленинградцев. Стационар высокого класса для работников культуры был открыт в гостинице «Астория», путевки туда выдавал лично заведующий Горздравотделом. Навещаю в этом стационаре нашу близкую знакомую, балерину Кировского театра О. Г. Иордан¹¹. Иду по темным коридорам гостиницы. Скользко от взявшихся откуда-то и замерзших на полу луж. Из темноты разные голоса спрашивают: «Обедать не зовут еще?», «Вы снизу? Как с обедом?» По-видимому, обед запаздывает, и все в тревоге. Нахожу нужную комнату, стучусь, вхожу. В первой проходной комнатке стоит параша (водопровод и канализация бездействуют). В маленьком номере шесть коек. Ольгу Генриховну нахожу в столовой. С известным пианистом Софроницким¹² она обсуждает трудное положение, в котором он оказался. На днях случилось, что Софроницкий не получил утром своего дневного пайка хлеба. С большим трудом ему удалось выхлопотать обещание, что ежедневно (кроме последнего дня) ему будут давать завтрашнюю хлебную порцию. Сегодня какие-то люди сменились, хлеба опять ему не было, хлопоты надо начинать сначала. А накануне Софроницкий в маленькой гостиной играл для нескольких человек вальсы и мазурки Шопена, «Карнавал» Шумана. Музыка навеяла и восторг, и боль, и грусть. Слушатели, не стесняясь, плакали.

Заходим в комнату отдыха — большой номер-люкс с видом на Исаакиевскую площадь. Там на диванах и в креслах, одетые в шубы, тесно сидят обитатели стационара. Многие читают, тишина. Вижу проф. Койранского (гигиениста), физика С. Э. Фриша из университета, музыканта Бихтера¹³. В стороне за низеньким столиком артист Горин-Горяинов, его жена и молодой композитор Игорь Болдырев играют в преферанс. На днях в стационаре умер Н. П. Извеков, профессор института театра и музыки. Выходя из «Астории», встречаю театрального художника Н. А. Ушина¹⁴. Узнаю его только по знакомому меховому пальто, т. к. в опухшем, одутловатом, старческом лице с дряблыми мешками под глазами нет даже отдаленного сходства с изящным лицом прежнего Николая Алексеевича. Он шел навестить своего брата, тоже художника Алексея Алексеевича¹⁵, не зная, заста-

нет ли его в живых. Алексей Алексеевич (отец известного сейчас в Ленинграде графика Ушина¹⁶) действительно умер в «Астории».

Ночная очередь (конец января 1942)

В городе особенно большие заторы с выдачей хлеба. Нина после ночного сестринского дежурства в детской больнице (медицинского образования не требовалось) встала в очередь в половине восьмого утра. В два часа дня хлеб кончился, и она заняла очередь в другом магазине. Когда я в десятом часу вечера вернулся домой, ее еще не было. Нашел ее стоящей в длинном хвосте на Большом проспекте, против пожарной каланчи¹⁷. Впускают в магазин по 10 человек. При очередном пуске ворвались и хлынули в магазин все, кто стоял близко к дверям. Подоспели два милиционера, которые долго и безуспешно сдерживали толпу и, наконец, прибегли к обману. Пообещав, что выпуск в магазин начнется, как только толпа несколько отступит, они заперли дверь и объявили, что магазин закрыт и народ может расходиться. Поднялись возмущение, причитания, плач: одни не ели уже двое суток, у других дома голодные дети, умирающие родственники. Несколько мужчин вместе со мной отправились через черный ход к заведующему булочной в качестве парламентариев. Договорились, что беремся установить в очереди образцовый порядок, а магазин отпустит хлеб еще 70 человекам. Достояли, получили за два дня, возвращались счастливые. В час ночи принесли домой на всю семью много вкусного хлеба (хлеб стал выпекаться лучшего качества). Пили чай с хлебом.

Много дней не видел газет. Зашел сегодня к секретарю института, где узнал, что даже ГОИ не получает газеты по подписке: газеты будто бы печатаются только для войсковых частей.

Людоедка (конец января 1942)

Зашла возбужденная Валентина Антоновна (приятельница Нины). Рассказала, дрожа от волнения, что вчера одна женщина настойчиво вовлекала ее в страшное дело. На днях на Крестовском разбирали дом. Упавшие бревна задавили насмерть нескольких работников МПВО. Трупы лежат сейчас в пустом сарае рядом с квартирой, в которой в одиночестве живет эта женщина. Она предложила Валентине Антоновне перенести труп одной девушки в ее квартиру, приготовить мясо для еды, поесть и посолить впрок. Дрова у нее есть, но одной не справиться. Приводила в пример свою сестру, которая уже три недели питается человечиною, чувствует себя хорошо, к ней возвратились силы, она выживет. Властно сказала, что никаких колебаний она не слушает, дело идет о

жизни и смерти, завтра утром она зайдет, чтобы вместе идти работать. Валентина Антоновна не спала всю ночь: то с возмущением отказывалась даже думать о полученном предложении, то, глядя на спящего взрослого сына, убеждала себя, что ради него она должна согласиться. Но начинала представлять себе, как все это будет происходить в подробностях, и вскакивала: «Нет! Что угодно, но только не это! Я сойду с ума!» Под утро снова убедила себя, что это ведь не убийство, что девушки все равно мертвы, что сына ее, высокого и большого, иначе, конечно, ждет смерть от голода. С тем уснула, с тем проснулась и стала ждать гостью. Но, когда та действительно явилась, Валентина Антоновна неожиданно и бурно реагировала резким отказом. Женщина ушла с руганью и злыми пожеланиями.

Воспоминания о блокадном Ленинграде слабо иллюстрированы. В те годы выйти на улицу с фотоаппаратом означало навлечь на себя подозрение в шпионаже, что всегда кончалось быстро и плохо.

Февраль 1942

Видел Валентину Алексеевну Паншину. Ее муж, Кирилл Борисович (сотрудник ГОИ), лежит в больнице. Ей трудно приходится с трехмесячным ребенком в холодной квартире. В буржуйке сожжено все, что может гореть: стремянка, кухонные столы, гладильная доска, большой шкаф, стулья, книги. На сегодня и завтра должно хватить чертежного стола. Затем пойдет обеденный стол, который пока еще служит по назначению. Потом останутся только наличники от дверей, двери, паркет.

На Петроградской мимо меня прошли один за другим пять больших грузовиков, груженных трупами, обернутыми тряпьем. За 30 минут пути в институт видел сегодня четырех мертвецов: два лежали на Тучковой набережной и два в Тучковом переулке. Несколько дней лежал труп мужчины около общественной уборной у Тучкова моста. Затем у него были отрублены и унесены ноги.

Смерть приходит неожиданно. Володя Борхсениус¹⁸ неделю назад просил у своей тещи кастрюльку. Скупая теща дать кастрюльку отказалась, а сегодня она умерла от голода. О близкой своей смерти ей, вероятно, и в голову не приходило, когда, дорожа вещами, она отказывала Володе в кастрюлке.

Носим воду в ведрах со Ждановки. А сегодня женщины полоскали белье прямо на Большом проспекте, где под толстой коркой льда течет откуда-то взявшаяся вода. Вода растекается все дальше, на Малый проспект и Большую Гребецкую¹⁹.

Зашла школьная подруга Нины — Тамара. Хотела навестить знакомую семью, живущую недалеко от нас. Стучит. Долго никто не открывает. Не хочется уходить ни с чем, стучит еще и еще. Наконец за дверью слышны шаги и раздается слабый голос: «Кто тут?» Тамара спрашивает, дома ли кто-нибудь из Алексеевых (их четверо). Тот же голос еле слышно отвечает: «Нет, все умерли...» И после паузы: «Я последняя в квартире и тоже умираю».

А вот рассказ Л. В. Л. У ее сына на улице выхватили из рук карточки. Ей удалось устроить его в больницу Эрисмана. В громадной нетопленной палате кровати составлены вплотную. На кроватях, на грязных, месяцами не стиранных простынях лежат в валенках, шубах и шапках умирающие от голода. Тут же стоят ведра, наполненные нечистотами. Ухаживают за больными только посетители. Они приходят в любое время, без всяких пропусков, в шубах, калошах, грязные, немые.

11 февраля. Новое увеличение норм выдачи хлеба: на карточки рабочих, служащих и иждивенцев соответственно 500, 400 и 300 г. Продовольственное положение несколько улучшается: во всех столовых города введена половинная вырезка талонов за супы и каши.

В столовой Дома ученых работает только первый светлый зал. Во втором темно: нет керосина. В ледяном вестибюле длинная очередь, уходящая на мраморную лестницу. Стоят молча, почти у всех через плечо привязаны портфели с посудой для обедов членам семьи. Время ожидания кажется бесконечным. Особенно холодно стоять вблизи массивных мраморных перил. Кажется, что от них ощутимо струятся волны холода. Наконец приходит наша очередь, мы входим в столовую. Замерзшие, в шубах и шапках, усаживаемся за освободившийся стол. Только через некоторое время начинаются нетопливые разговоры. Профессор-животновод, высокий и в прошлом полный, возмущается тем, что людям разного веса дают одинаковые пайки: «Помяните мое слово, что рослые мужчины...» Но его уже не слушают: к столу приближается Катюша с ножницами и спичечной коробкой для талонов. Это любимая подавальщица. Всем кажется, что она и подает быстрее и что порции у нее побольше. В столовую ходят со своими тарелками и ложками. Вижу, как почтенный профессор с седой головой вылизывает тарелку языком прежде, чем спрятать ее в сумку от противогАЗа.

Март 1942

Наша семья получила подарок от дирекции: килограмм сливочного масла и килограмм сала. Продукты присланы из Йошкар-Олы,

где находится в эвакуации наш институт. Мы очень рады, особенно за Катюшу, которая выглядит очень плохо.

В городе открылась первая баня на Карповке. Через работу я получил туда билет с указанием дня и часа. В бане еще скверно: холодно, электричества нет, люди дрогнут в очередях к кранам, а дойдя, отогреваются, поливаясь горячей водой. Моются отпущенное часовое время. Никак не отмыть катышки кожи: чем больше моешься, тем больше их крутится под ладонями. В раздевалках мороз. От мокрых и горячих людей клубами поднимается пар. Тем не менее все довольны. Вспоминают, что мылись в последний раз кто в ноябре, кто в декабре.

У всех замечаются признаки начинающейся цинги: болят ноги, кровоточат десны, расстраивается желудок. Рынок приспособливается: продают и меняют на хлеб сосновые ветки.

Гортоп разбирает в городе деревянные дома. Недалеко от нас разбирается на дрова громадный стадион у Тучкова моста. К счастью, кончаются морозы этой страшной зимы. Все улицы полны работающими в порядке трудовой повинности. Очищают улицы и дворы от снега, льда и нечистот, откапывают трамвайные пути. Сегодня вместе с В. А. Осиповым, Н. И. Сперанской и др. возил в Малую Неву замерзшие глыбы грязного льда с окрестных улиц. Умерла от истощения (вместе с родителями и сыном 11 лет) наша милая бухгалтерша Людмила Николаевна Данилова. Раиса Степановна (наш казначей) хотела ее навестить, но в ее квартире жил уже управхоз, который рассказал о трагической гибели всей семьи.

После перерыва открылся Театр музыкальной комедии в здании Александринского театра. Это единственный работающий сейчас в городе театр.

Апрель 1942

У меня распухла железа на шее и температура поднялась до 39 градусов. Наши девочки (7 и 9 лет) пошли в поликлинику с моей запиской, чтобы вызвать врача. Вызов приняли, но сказали, что если врач в течение пяти дней не придет, вызов нужно будет повторить. Врач не пришел. Сегодня я ходил в поликлинику. Там висят два злободневных объявления. «О детях, оставшихся без надзора в связи со смертью родителей, сообщайте в комнату № 4». И второе: «Справок об освобождении от трудовой повинности поликлиника не дает». На обратном пути прочел на заборе объявление: «Продается легкий гроб».

5 апреля. После долгого затишья вчера часов в 7 вечера и вторично ночью Ленинград подвергся мощному налету немецких бомбардировщиков. Рассказывают, что в налете участвовало около 70 самолетов. Часть пикировала военные корабли, другая часть — городские объекты.

К снегу, который не убирался всю зиму, льду от наплывшей воды из лопнувших труб (толщина его доходила в некоторых местах до метра) прибавилась песчаная грязь. Осенью витрины магазинов были защищены деревянными ящиками около метра толщиной, засыпанными песком и шлаком. Около многих домов стояли, кроме того, ящики с песком для тушения зажигательных бомб. Зимой с наступлением дровяного кризиса деревянные обшивки ящиков стали сдирать на дрова. Скованный морозом песок стоял кое-где как большие игрушечные куличики. Весной все растаяло, размокло от дождя, расплылось в грязь. Для уборки пущены первые грузовые трамваи, которые свозят снег, лед, песок, замерзшие нечистоты на мосты, там платформы разгружаются. Затем все сбрасывается через перила в реки.

У смерти руки длинные, а душа робкая. Если кто прячется или бежит от нее, смерть найдет, догонит и схватит. А если на смерть наступать, она пугается и убегает сама. Эта философская метафора основана на жизненных наблюдениях. Скорее умирали те, кто берег последние силы, меньше ходил, меньше тратил энергии. И наоборот: те, кто всячески боролся за жизнь: продавали, меняли вещи, ходили пешком за город в поисках съедобной травы и сосновых веток, те, усталые, изнемогающие, но продолжали жить.

15 апреля. В газетах объявлено постановление Исполкома о возобновлении пассажирского трамвайного движения на пяти маршрутах (3, 7, 9, 10 и 12). Город понемногу подсыхает и приводится в относительный порядок. Проходил по Глухой Зелениной. Туда продолжают стекаться санки с трупами. Трупы лежат громадными кучами высотой в человеческий рост по обеим сторонам той дорожки, по которой зимой я вез тело В. А. Зеленкова к сараю. Позднее я видел на воротах объявление: «Морг закрыт. Прием трупов производится Большая Зеленина, № 9».

Все усиленно пьют настой из сосновых игл.

23 апреля. Восьмой день нахожусь в стационаре при Доме ученых. Стационар помещается в бывших комнатах для приезжих. В палате семь человек, накурено, холодно, неуютно. В стационаре трехразовое питание. Из карточек вырезаются хлебные талоны и половина

продуктовых, но рацион восполняет потерю с некоторым превышением. Правда, втрое больше я бы съедал с жадностью. В комнате № 12 — уборная. Рядом со старинным столом красного дерева из дворца вел. князя Владимира Александровича, среди нескольких красивых шкафов с книгами в кожаных переплетах стоят два ведра-параша: одно для жидкости, другое для прочего. Второе накрыто стулом с выпиленным в сиденье круглым отверстием.

Май 1942

Последнее время в городе процветали меновые рынки: килограмм хлеба — новый мужской шерстяной костюм, кусок хлеба в 200–300 г — прекрасная алюминиевая кастрюля и т. д. С этим стали бороться, рынки закрывали. После этого мены стали совершаться сначала у хлебных лавок, а затем распространились по улицам, на Петроградской стороне преимущественно по Большому проспекту. Это тоже стали преследовать, меняльчиков забирать в милицию. Согласно новому постановлению Исполкома, продуктовые мены караются тюремным заключением до пяти лет.

Закрылся стационар в Доме ученых. Я снова дома, и снова на бюллетене: моя железа по-прежнему дает по ночам температуру 39 градусов. Неизвестно, чем бы моя болезнь закончилась, если бы неожиданно не пришло спасение. В Филиал ГОИ пришел заместитель командира минного заградителя «Марти» с просьбой оказать консультацию в применении на корабле светящихся красок. Требовалось обеспечить такую организацию стрельбы палубных зенитных орудий, чтобы боевые действия могли совершаться ночью с нужной быстротой и точностью и вместе с тем при полной невидимости объекта с воздуха. Узнав, что нужный специалист в институте есть, но болен, командир пришел ко мне домой и предложил мне переселиться на корабль, где, окрепнув, я начал бы работу. Через несколько дней за мной была прислана машина, которая доставила меня к кораблю, стоявшему у Полустровской набережной. Матросы помогли мне подняться по крутому трапу на борт. Начался для меня длительный период жизни и работы на военных кораблях, спасший мне жизнь. Хотя флотский рацион был в то время тоже весьма скудным, но все же много калорийнее рабочей карточки. Это позволило мне уже через несколько дней приступить к работе. В помещении красного уголка краснофлотцы-«художники» наносили светящиеся составы на шкалы и стрелки приборов, рукоятки управления и прочие детали, которые должны быть видимыми при управлении стрельбой. Много време-

ни я проводил с краснофлотцами. Среди них были пытливые молодые парни, увлекавшиеся чтением исторических романов. Общение с ними и совместное обсуждение прочитанного мне было интересно. В противовес этому разговоры в офицерской среде сводились почему-то всегда к пустой и бессодержательной болтовне.

Время от времени я навещал своих на Малом. Полупустые трамваи ходили редко и медленно. Подножки трамваев, казалось, стали втрое выше. Однажды трамвай, на котором я возвращался на корабль, попал под артиллерийский обстрел. Близко рвались снаряды, перед самым трамваем все заволакивало дымом и пылью. Вожатый не знал, что ему делать: то останавливался посреди улицы, то гнал без остановок вперед. На следующий день на Нижегородской улице трамваи едва ползли, ныряя, как по ухабам, по исковерканным рельсам.

Июнь—июль 1942

Еще о трамваях. Внутри вагонов расклеены два сорта объявлений. Одни остались от осени. Призывающие к бдительности, они почему-то изложены в примитивной и даже смешноватой стихотворной форме.

Язык болтуна не безделица!
 Это вода на фашистскую мельницу!
 Закрой эту воду —
 Не дай болтуну в городе ходу!
 Провокатор, шептун —
 Вражьи лазутчиков пара.
 Смерть провокатору!
 Шептуну — суровая кара!
 Не болтай лишнего,
 Не мели языком!
 Не будь вороной!
 Разоблачай шептуна, провокатора и шпиона!

Новые, весенние объявления носят мирный характер: «Ленинградцы, не теряйте драгоценного времени, быстрее получайте через райсоветы земельные участки под личные огороды и приступайте к их обработке! Семена приобретайте в специальных магазинах, открытых в каждом районе города»;

«Каждый трудящийся Ленинграда должен считать своим гражданским долгом вырастить овощи для себя и своей семьи на личном огороде»;

«Знай, что если ты посеешь овощи на 15-ти сотых гектара, то соберешь урожай: капусты 800 кг, свеклы 700 кг, огурцов 120 кг, мор-

кови 130 кг, брюквы 340 кг, томата 50 кг, других овощей 200 кг. Этого вполне хватит для семьи на весь год»;

«Собирай печную золу для своих огородов. Она увеличит урожай овощей».

В городе превращены в огороды многочисленные пустующие участки. Часть из них принадлежит учреждениям и коллективно обрабатывается сотрудниками. На рынках овощей пока нет, но есть разная съедобная трава: крапива, лебеда, щавель, подорожник, одуванчик. Картошку меняют на хлеб вес на вес. Иначе говоря, цена на картошку доходит до 500 р. за килограмм.

Для жителей введено «котловое питание». Желаящие сдают свои карточки в особые столовые, откуда трижды в день получают пищу, соответствующую категории сданных карточек. Поэтому на улицах каждый третий прохожий несет в авоськах и сумках банки, бутылки и бидоны с полученными в столовых супами, кашами, соевым молоком, киселями. Появилась новая особенность городского пейзажа: куда ни взглянешь, повсюду видны металлические кровати. Среди дорог они огораживают воронки, ими заделывают бреши в заборах и стенах; кроватями огорожены большие участки, занятые огородами, кровати во множестве лежат на развалинах разрушенных домов.

Артиллерийский обстрел идет последнее время тяжелыми снарядами. На Малом проспекте Васильевского острова снаряд расколот сверху донизу шестиэтажный дом. Так и стоит он с трещиной толщиной в 1–2 метра. Жильцы выселены. На случай уличных боев город оштетинился новыми амбразурами. На улицах и против улиц окна подвального, первого, иногда второго этажей заложены кирпичом с отверстиями для пулеметов и винтовок.

Прервавшаяся по ледовой дороге из-за весенней распутицы эвакуация населения началась вновь в меньших пока масштабах по воде Ладожского озера.

Деятельность моя на минном заградителе «Марти» получила хорошую оценку, для продолжения аналогичных работ я направлен на эсминец «Свирепый».

Август 1942

Навещаю Нину в гражданском госпитале для дистрофиков. Незабываемое впечатление оставляет двор бывшего Юсуповского дворца на Мойке²⁰. Ясный солнечный день. Множество мужчин и женщин вперемешку, предельно оголяясь и нисколько не стесняясь ни друг друга, ни посетителей, греют на солнце свои обтянутые кожей кости.

распухшие суставы, трофические язвы, цинготные пятна. Став от дистрофии бесполоыми существами, мужчины с женщинами не разговаривают. Они не только потеряли всякий интерес друг к другу, но прониклись взаимной антипатией: чисто женские черты характера стали отвратительны для мужчин, и обратно. Не соблюдается даже элементарная вежливость.

Дочь Катю я тоже устроил в эти месяцы в детский госпиталь при институте ОЗДиП²¹, где работал перед войной. Первый раз за свою семилетнюю жизнь Катюша оставалась и ночевала вне родного дома. Нина была больна, и я почему-то только через неделю первый раз смог Катю в госпитале навестить. Даже стойкий характер девочки не выдержал навалившегося испытания. Увидев меня, Катюша вскочила на кровати и с горькими рыданиями бросилась ко мне на шею. Несколько минут, не разжимая рук, она прижималась ко мне все крепче и крепче, вздрагивая всем телом. Еще долго она всхлипывала время от времени и снова разрыдалась, когда я собрался уходить.

На корабельных харчах я начинаю насыщаться. Пища уже не доставляет мне прежнего наслаждения. Я ем кашу без благоговения, без сожаления, что с каждой ложкой тарелка пустеет. Бывало, питаешься молча, сосредоточенно, истово, смотришь на свою порцию каши во все глаза, лелеешь ее ложкой, берешь понемногу, смакуешь, подчищаешь тарелку, собирая все крупинки. Сейчас я ловлю себя на том, что иногда во время еды думаю о постороннем. За последние 4 месяца я прибавил в весе 9 кг и вешу уже 76 кг (при росте 185 см). Сохраняются еще отеки ног, боль в коленках, особенно после перерывов в движении. Но в общем из-за работы и питания на кораблях я благополучен по сравнению со множеством других ленинградцев.

После долгих хлопот и волнений Т. П. Кравец²² с семьей, М. В. Савостьянова²³, В. И. Пясецкий²⁴, С. П. Тибилов²⁵ уехали в Йошкар-Олу.

Дома из водопроводных кранов временами идет вода. По ночам иногда будят стуки в дверь: проверка документов.

Я опять переведен на другой корабль — крейсер «Киров».

Сентябрь 1942

Рушат деревянные дома. В одном Приморском районе предназначено к разборке 400 домов. Когда крыша снята или частично разобрана, на обнажившийся угол дома накидывают громадную петлю из стального троса. Затем ее тянет трактор до тех пор, пока дом не рухнет, накрываясь облаком пыли. Каждый рабочий и служащий должен в свое нерабочее время заготовить не менее 4-х кубичес-

ких метров дров: два для себя и два для своего учреждения или городского хозяйства. Разобранные на топливо дома придают городу более разрушенный вид, чем он имел бы только от бомб и снарядов. Наступает темное время суток. Известкой мажут столбы и обочины тротуаров. Булочные по вечерам уже работают с коптилками. В городе нет спичек. В ходу линзы, которыми зажигают папиросы от солнца, в квартирах горят неугасимые коптилки. Появились самодельные спички (30 руб. за коробок). На улицах много воснизированных девушек и в последнее время велосипедистов (преимущественно моряков), которым раздолье мчаться по пустынным асфальтам проезжей части улиц.

С самых первых дней войны своеобразно обстоит дело с книгами. Быстрая блокада задержала в Ленинграде новые издания, приготовленные к рассылке по всему Союзу. Среди них однотомники Лермонтова и Маяковского, повести Достоевского. Книг было так много, что осенью их повсюду продавали с выставленных на тротуар столиков. С наступлением лета оживилась торговля старыми книгами, которые охотно принимаются магазинами и быстро раскупаются. Спрос на книги в такое трудное время обусловлен их неимоверной дешевизной по сравнению с рыночной стоимостью продуктов. Знакомый библиофил А. С. Лапин распродает свою прекрасную библиотеку, получая в среднем от 3 до 15 рублей за книгу. Чтобы купить килограмм хлеба, ему нужно отнести в магазин целую полку хороших книг. Заходил навестить Ольгу Яковлевну Ушину. Недавно умер ее сын, театральный художник Н. А. Ушин. В последние годы по его эскизам создавались декорации и костюмы к театральным постановкам во многих городах Союза. Перед премьерами он приезжал в эти города, всегда вместе с матерью, Ольгой Яковлевной. Накануне своей смерти Николай Алексеевич с удовольствием слушал радиопередачу, делился впечатлениями об исполнителях. А утром на следующий день умер. Последние его слова были: «А я все ждал чуда, но так и не дождался...».

Время от времени приходят письма и телеграммы с Большой Земли, идущие месяц и более. Чтобы ответить на одно письмо телеграммой, захожу в седьмом часу вечера в знакомое почтовое отделение на Невском. На улице уже темно. В дверях свалены бревна и доски (заготовки на зиму). Перебравшись через них и поднявшись по совершенно темной лестнице на второй этаж, ощупью нахожу дверь и вхожу в зал почтовых операций. Там тоже темно, но где-то в дальнем углу горит коптилка. Меня встречает сердитый оклик: «Кто там?» Оказывается, почта работает только до темноты.

Октябрь 1942 (еще о людоедах и прочем)

В своих записках я неохотно передаю чужие рассказы: кто знает, сколько в них правды, а сколько прибавлено для красного словца? В виде исключения решаюсь привести два как будто вполне достоверных рассказа работающей в райсовете, а потому близкой к первоисточникам, Л. М. Болдыревой:

У женщины пропал в очаге четырехлетний сын. Придя за ним, она с удивлением узнала, что кто-то ее сына уже взял. Подумав, не вернулся ли с фронта отец, она побежала домой, но там ничего нового не узнала. Она заявила в уголовный розыск и в НКВД и добилась организации розыска с ищейкой. Собака побежала от детского очага по улицам и не сразу, но привела всех к какой-то квартире, на дверь которой стала энергично бросаться. Никто на стук не отвечал. Сотрудником уголовного розыска и дворником дверь была взломана. В одной из комнат оказалась женщина. Ищейка стала бросаться на пустой шкаф, которым была загорожена дверь в другую комнату. Там на кровати сидел пропавший мальчик, связанный, весь в крови, со ртом, заткнутым тряпьем. Тут же стояла, дрожа как в лихорадке, другая женщина-дистрофик. Выяснилось, что две женщины были бесильны резать мальчика — так он яростно от них отбивался. Каждый раз им начинало казаться кроме того, что кто-то стучит во входную дверь. Они прерывали борьбу, прислушивались, потом борьба возобновлялась снова. Собака торжествующе лаяла и ликовала со всеми. Мальчик двое суток не смыкал глаз от нервного потрясения.

Второй рассказ из тех же источников. В большой квартире на Гулярной жил одинокий мужчина (остальные умерли или уехали). С некоторых пор его перестали видеть, а на частичное заселение квартиры был выписан ордер. В квартире оказалось логовище людоеда. На полу валялась куча детской одежды, в другой комнате грудка костей и остатков зажаренного и уже разложившегося мяса. Найдено несколько найвних записочек от детей к родителям. Как показало следствие, убийство совершалось на большом мягком диване. Сам людоед исчез неизвестно куда.

Так как у нас дома две девочки, которые выходят на улицу, Нина сочинила им «для бдительности» страшные стихи о людоеде:

Шел дистрофик с тусклым взглядом,
Нес корзинку с мертвым задом.

— Мне к обеду, людоеду,

Хватит этого куса...

Ох, голодная тоска...

А на ужин, ясно, нужен
 Маленький ребеночек.
 Только что-то неохота
 Начинать бочоночек.

В городе большая нужда в разного рода специалистах: печниках, водопроводчиках, часовщиках, портных, сапожниках. В сапожных мастерских всегда висит один и тот же плакат: «Прием заказов временно прекращен». Частным образом чинят обувь только за продукты: хлеб, крупу. Кто-то подслушал разговор двух девушек:

- Ты что вспухла?
- Туфли починила.
- А-а.

В городских садах, на пустырях, на Марсовом поле люди собирают шампиньоны. Умелые набирают несколько килограммов в день и меняют на хлеб, вес на вес.

Я опять на новом корабле — линкоре «Октябрьская революция». На кораблях проходит вся моя жизнь, в городе бываю не так часто. Из иллюминатора каюты виден купол Исаакиевского собора, окрашенный серой краской, и шпиль Петропавловской крепости, затянутый в брезентовый чехол. Перед заходом солнца играют зорьку. Все раньше и раньше слышны ее печальные звуки. После ужина, в восьмом часу, уже в полной темноте возвращаюсь иногда домой. По Косой линии и Большому проспекту тихо иду до Первой линии, где можно сесть на трамвай. По радио в это время передают концерты. Я люблю этот час своих суток.

Ноябрь 1942

После долгого промежутка снова начались налеты и многократные дневные и ночные тревоги. Один сигнал тревоги загнал меня к родственнице жены Е. Н. Зеленковой. Вместе с несколькими работниками ЛЕНИЗО она работает в Ленскупторге. От этого учреждения ходит по квартирам, жильцы которых вымерли, и оценивает оставшееся имущество. Оно отправляется на районные базы, а в квартиры переселяются жильцы из разрушаемых деревянных домов. Книги, фотографии, рукописи, письма, дневники учету не подлежат. Все это безжалостно бросается в кучи, и соседи топят этим печи. В пригородах (Лесном, Охте, Новой Деревне) снесены целые кварталы деревянных строений, а полукаменные обглаживаются, как мясо на костях.

8 ноября в Доме ученых праздничный вечер с «банкетом». После окончания в Белом зале торжественной части всех приглашают в

столовую на угощение без вырезки талонов. Настроение у всех приподнятое. В шубах, шапках, калошах и рукавицах все занимают места за столиками. Каждый получает два соевых сырника, стакан суррогатного кофе и порцию изюмного компота. Компот влит в глубокую тарелку и образует на дне небольшую лужицу. В столовую уже давно ходят со своими ложками, а на вечер не взяли. Кто пьет компот через край, кто переливает его в стакан из-под кофе.

11 ноября. Силами недавно образованного в Ленинграде оперного коллектива дается премьера «Евгения Онегина» в помещении Театра комедии. Танцы поставлены О. Г. Иордан. В основном ради встречи с ней мы с Ниной идем в театр. С утра, почти без перерыва, объявлялись тревоги. Отбой последней прозвучал за 40 минут до начала спектакля. На трамвае доехали только до Тучкова моста: артиллерийским снарядом перебило провода. Дальше шли пешком и, конечно, опоздали. Пели Нечаев (его же постановка)²⁶, Легков²⁷, Преображенская²⁸, Елизарова²⁹, Атлантов³⁰. В зале большинство военных, многие с противогазом через плечо, все в шинелях, шубах, шапках. Спектакль шел почти без антрактов и закончился к 8 часам.

Пошли трамваи еще по трем маршрутам: 17, 18 и 24. Наступила вторая военная зима. Многих нет (уехали, умерли), но оставшиеся живут лучше. Значительно увеличен хлебный паек, упорядочены выдачи продуктов, кто добавочно подкармливается на работе, кто поддержал себя огородами, сделаны запасы дров, детям по рецептам дают соевый кефир. Есть еще много бытовых невзгод, но прошлогодняя зима вспоминается уже как пережитый кошмар.

Декабрь 1942

Решением Исполкома с 15 декабря в домах с сохранившейся электропроводкой будет даваться свет с 7 до 12 часов утром и с 6 до 8 вечером, по два гектоватт-часа на семью. Многие радуются этому, как прибавке хлеба.

Ладожское озеро до сих пор не замерзает, что сказывается на подвозе продуктов. Масло стали выдавать яичным порошком, прекратилась выдача соевого молока, курильщики страдают без табака, курят хмель, дубовый лист, ромашку, разную травку.

В доме 16 нашего института разместился госпиталь выздоравливающих командиров Балтийского флота. Директор филиала А. Н. Бужинский³¹ передал мне просьбу главного врача госпиталя Л. Ф. Чернавиной устроить там лечебный фотарий, а также световые эффекты в зале, где будет зажжена новогодняя елка. Так как были уже после-

дние числа декабря, то я начал с елки. В зале был устроен уголок, оформленный люминесцирующими красками, которые светились под действием излучения двух ультрафиолетовых приборов. Ярко сияли нарисованные Ниной крупные светящиеся рыбы, интересный эффект стробоскопии давала вертушка с искусно подобранными безынерционно светящимися мазками и лентами. Проектор освещал разноцветными лучами елку и танцующих. Получилось хорошо, все были довольны. 31-го я ужинал вместе с приехавшими актерами. От тарелки тушеной картошки с мясом и соленого огурца осталось приятное воспоминание.

В конце месяца в продовольственном магазине ко мне подошла девушка лет 16-ти, располагающая к себе своим скромным и достойным видом. Слабым голосом она попросила о помощи. Я протянул ей пятирублевую бумажку. Увидев деньги, она отрицательно мотнула головой: «О, нет! Может быть, у вас есть корочка хлеба? Я живу без карточек, сейчас нашла голову селедки, съела и мне очень худо: так хочется кусочек хлеба!» Я дал ей довесок от только что полученного на семью хлебного пайка. Она благодарно поклонилась мне без улыбки и отошла. Я видел, как, прислонившись к стене, она медленно съела этот хлеб и так же медленно вышла из магазина. На полках в магазине было много продуктов, выдаваемых по карточкам: хлеб, масло, даже шоколад. Следующие несколько дней я пытался встретить эту девушку, заходил в магазин, хотелось как-то ее поддержать, но больше я ее не видел.

Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде, как это ни парадоксально, овеяны какой-то необъяснимой прелестью. Эвакуированная в Новосибирск Г. Н. пишет мне: «Не уезжайте никуда! Вы не представляете, как чужд этот мир нам, как безмерно сера и трудна здесь жизнь. Даже воздух давит грудь. Нет ничего лучше Невы и влажной мглы Ленинграда. Готова бросить все и вернуться!»

В дальнейшем я неоднократно испытывал труднообъяснимые положительные чувства к пережитому блокадному времени. В 1943 году мне пришлось провести значительное время вдали от Ленинграда: в Йошкар-Оле, Батуми, проездом в Москве, Тбилиси. Тамошнюю жизнь, приближающуюся к жизни мирного времени, я воспринимал почему-то с осуждением, передо мной маячила жизнь Ленинграда в блокаде, которая представлялась мне более правильной, более отвечающей духу переживаемого строгого времени. Когда Ленинград стал наполняться возвращающимися из эвакуации ленинградцами и с ними всяким случайным народом, многие, пережившие блокаду, чувствовали, что ухо-

дит что-то дорогое сердцу. Как объяснить и примирить эти чувства с воспоминаниями о голоде, трупах, людоедах, обстрелах и бомбах?

Много позднее этих записей я прочел в «Пулковском меридиане»³² созвучные стихи Ольги Берггольц:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.
<...>

Январь 1943

Ника, жена брата Нины, была вызвана в Райвоенкомат, где ей было объявлено, что она мобилизована. У нее был отобран паспорт, взамен которого была выдана следующая справка:

«Приморский РВК Справка

Г. Ленинграда Выдана Приморским РВК г. Ленинграда г-же...

Отделение I 1912 г. рождения, в том, что она 15 января 1943 г. на 15 января 1943 основании постановления ГОКО №№ 2383 и 2409 — № 1/1501 42 г. мобилизована в рабочую колонну и следует в составе колонны из Ленинграда. Паспорт Ш-ПС № 610988, выд. 34 отд. ЛГМ 14 октября 1940 г. отобран и сдан начальнику команды. Настоящая справка выдана для предъявления взамен отобранного паспорта. Действительна по 20 февраля 1943 г. Приморский Райвоенком, подполк. Ковалинский, Нач. I части, интендант 2 р. Ткаченко».

18-го января объявлено о прорыве блокады Ленинграда. До утра по радио передавали сообщения, посвященные этому событию. В городе расклеены извещения, напечатанные необычным крупным шрифтом и озаглавленные: «Успешное наступление наших войск южнее Ладожского озера и прорыв блокады Ленинграда». В Доме ученых это единственная тема всех разговоров. Все поздравляют друг друга, рассказывают, кто и как услышал об этом накануне, как в домовую контору вбегали женщины с этим известием, кто целовался, кто крестился... За столиками оживленные разговоры о грядущих событиях, предположения, как развернутся дальнейшие военные действия. Пусть особенно жестоки и часты налеты и обстрелы. Это уже начало конца: блокада прорвана!

Начавшиеся с конца декабря вечерние налеты на город за последние дни приняли весьма ожесточенный характер. Однажды вечером (на улице было минус 21 градус) началась тревога. Тут же послышал-

ся близкий гул самолета, свист и треск бомбы, звон стекол, дом ощутимо зашатался, и ветер начал гулять по комнатам. Потушив свет, мы откинули затенявшие окна материи и увидели яркие звезды: 12 больших стекол вылетело. Бетти (дочь Ники) плакала и кричала от страха. Ника ушла с ней ночевать к знакомым, а мы остались дома и кое-как заделали окна приготовленными на дрова створками шкафа. За ночь в умывальном самоваре замерзла вода. С утра начали заливать раны и дополнительно утепляться. В комнате стало почти темно, но температуру удалось поднять до плюс 4 градусов.

Весь конец месяца длятся бесконечные вечерние и ночные налеты бомбардировщиков. Вот как это много раз происходило. Радио внезапно замолкает. Начинается заунывный вой сирены, чередующийся с объявлением: «Говорит Штаб местной противовоздушной обороны города. Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Эта передача продолжается несколько минут, сменяясь частым и тревожным тиканьем метронома. Через окна доносятся разноголосые гудки заводов, вторящие звукам сирен. Вдалеке начинают потрескивать зенитки, звуки быстро приближаются, образуют уже сплошной грохот, на фоне которого слышится все усиливающийся монотонный звенящий гул бомбовозов. Вступают в строй зенитные орудия, установленные совсем рядом с домом. Они рывкают оглушительно. Вдруг, покрывая все остальные звуки, растет страшный гул. Это один из бомбардировщиков идет в пике. Затем в нарастающем темпе следуют: звенящий свист фугасной бомбы с эффектом Доплера, подземный толчок, взрыв с раскатистым треском, иногда гул и грохот разрушения. От взрывной волны дом иногда покачивается, как тяжелый корабль на воде. В ту же минуту слышен второй свист и второй разрыв фугасной бомбы, сброшенной с другого крыла бомбовоза. На фоне гула других зениток близкие зенитные орудия продолжают рывать с остервенением. Но вот ближайшие орудия смолкают, грохот зениток удаляется. Временами слышны слабые подземные толчки — это отголосок бомб, сбрасываемых уже в других частях города. Постепенно все смолкает — страшный Змей-Горыныч пролетел. Минут через десять все начинается снова — идет вторая волна самолетов. Иногда гроза проходит стороной. Уже все смолкает, а тревога еще длится долго. Наконец обрывается частое тиканье радио и слышится веселый рожок отбоя. С начала войны число тревог уже перевалило за 500.

Февраль 1943

Несколько наблюдений и рассказов об отношении животных к звукам разорвавшихся бомб и сиренам воздушной тревоги. Володя Б.³³

отдает стирать белье прачке, живущей в Лесном. У женщины пугливая коза. Когда однажды поблизости разорвалась бомба, хозяйка пошла проведать козу и нашла ее мертвой, как оказалось, от разрыва сердца.

У нашей знакомой живет несъеденный кот. В прошлом году при звуке сирены вся семья отправлялась в переднюю, там читали, шили — это было нечто вроде домашнего бомбоубежища. Вместе со всеми приходил в переднюю кот. С течением времени бояться тревог стали меньше и ходить в переднюю перестали. Но кот по-прежнему сохранял эту привычку: когда по радио начинает звучать сигнал тревоги, где бы ни был кот, даже если он спит, он просыпается, потягивается и идет в переднюю.

На днях, ночью, я проснулся от шороха в комнате: на столе возилась крыса с какой-то бумажкой (несмотря на голод, крысы всюду расплодились). Неожиданно вблизи разорвался снаряд. Я услышал, как крыса испуганно шарахнулась, задев что-то на столе, торопливо спрыгнула и затопала в угол комнаты. Больше в эту ночь она не появлялась.

Мне предстоит поездка в Казань на «слет маскировщиков», для которого я готовлю доклад об опыте светомаскировки кораблей Балтийского флота. Поездка необычная, путь предстоит через Ладожское озеро по легендарной ледовой Дороге жизни. Заданием предусматривается посещение ГОИ, находящегося в эвакуации в Йошкар-Оле близ Казани.

Поездка в Казань и Йошкар-Олу (февраль–апрель 1943)

Дорога жизни

28-го февраля для обмена опытом маскировки военных объектов направляюсь из Ленинграда в Казань на совещание маскировщиков. С флагманским специалистом штаба Балтийского флота инженер-майором П. выезжаем утром на легковой машине в сторону Пороховых, Всеволожской, к Ладожскому озеру. Первые впечатления — гонят куда-то цепочки из пяти-шести лошадей. Концы примитивных веревочных уздечек привязаны к хвостам лошадей, бегущих перед ними. На передней — бородатый крестьянин или маленький деревенский мальчонка 12–15 лет. Таких лошадиных цепочек я видел не меньше десяти. Довольно часто дорогу преграждают шлагбаумы: проверка документов. На перекрестках дорог указатели с названиями деревень и регулировщики: бойцы, часто девушки. Деревни выглядят пустынно.

Выезжаем к берегу Ладожского озера и у мыса Осиновец спускаемся на лед, на легендарную Дорогу жизни. В прошлую зиму она была неширокой, здесь постоянно происходили заторы, неслась ругань, обогнуть остановившиеся машины по рыхлому снегу было почти невозможно. Сейчас нам представилась картина совершенно иная. От самого берега уходят вдаль три параллельные по 20–30 метров шириной дороги, расчищенные, как каток, разделенные длинными грядами снега и вешками из сложенных шатром и связанных наверху палок. Одна дорога служит для движения в одну сторону, другая в обратную, третья запасная. Дорога тянется по озеру на 30 километров от мыса Осиновец до деревни Кобона.

Из-за сильной оттепели (+4 градуса) машина идет временами по сплошным лужам и при быстром ходе отбрасывает в обе стороны усы брызг, как торпедный катер. В поисках лучшего пути наш шофер пересезжает на встречную трассу. Несмотря на то, что, держась правой стороны, мы едем на удалении 15–20 метров от встречных машин, нас тотчас останавливают. Неистово маша обеими руками, удлинненными красными флажками, машине перерезает путь совсем молодая девушка с винтовкой за плечами, на ней полушубок, белый маскхалат и меховая шапка с белым башлыком.

— Как вы сюда попали?! — кричит она высоким, возмущенным голосом, стараясь перекричать свист ветра, который рвет на ней балахон, башлык, треплет флажки, надувает из всего паруса. — Сворачивайте! Здесь нет обратного пути!

Ветер воеет, порывами качает нашу машину, несет каскады брызг. Наш шофер утвердительно кивает головой, захлопывает дверцу и пробует продолжать путь по той же дороге, но через несколько минут машину столь же решительно останавливает другая, так же одетая регулировщица. Сворачиваем на свою трассу и едем дальше за санитарной машиной, везущей раненых.

По соседней дороге в сторону Ленинграда идут грузовики с прицепами, груженные доверху мешками с мукой. Они идут с более или менее правильными промежутками в 20–30 секунд. Иногда такая цепь машин прерывается на несколько минут, и снова идут одна за другой сотни, тысячи машин. И так круглые сутки, изо дня в день, всю зиму. Это зрелище волнует и привлекает взгляд. Хочется, не отрываясь, смотреть на эти вереницы машин, несущие жизнь Ленинграду. Но и кругом интересно. Время от времени попадаются теплушки. Иногда они построены из досок, иногда из ледяных глыб, из крыш торчат трубы железных печек. А часто это палатка, обложенная снегом. Здесь

живут или дежурят работники трассы: регулировщики, чистильщики дорог, работники технической помощи.

С нашей машиной происходит небольшая авария. Нужно перебрать колесо и поставить новую камеру. Машину ставят на домкрат. Шофер самоотверженно работает на сильном ветре с дождем, работает без недовольства, даже как будто с увлечением. Сумерки сменяются темной ночью, колесо исправлено, мы снова трогаемся в путь. В темноте дорога преобразается: становится своеобразной и непонятной. Огни идущих навстречу машин не воспринимаются почему-то движущимися. Кажется, что это огни, горящие на далекой станции или на краю большой площади, по которой мы едем... Снежная равнина встает, как это бывает на море, и воспринимается стенами далеких грандиозных сооружений. Этот мираж сохраняется в какой-то странной недостижимости: он стоит перед нами недоступный, чуть меняясь в форме, неясный в очертаниях. Огней то больше, то меньше, то зажгутся зеленые огоньки, то погаснут... Эта картина так крепко держится в представлении, что невозможно ее отбросить и представить все, как есть: дорогу с проблесковыми зелеными сигналами и цепь встречных грузовых машин.

Вот и конец озера и ледовой дороги. Из темноты вырастают фигуры бойцов с электрическими фонариками: проверка документов. Выясняется, что у нас не сделана отметка на том берегу. Нужно отыскать коменданта в Кобоне. «За мостом, налево, второй дом», — деловито поясняет дежурный по трассе, берет под козырек, и мы выезжаем на берег. Сквозь темноту силуэтно вырисовываются ряды товарных вагонов. Здесь, на конечном пункте грузового железнодорожного пути, проложенного по Большой Земле, идет разгрузка составов. Машин бездна! Лавируя среди них, наша машина увязает в колес, забитой рыхлым снегом. Выходим, помогаем ее вытаскивать. Ветер рвет с прежней силой. Едем дальше, поминутно останавливаясь и узнавая путь к коменданту. Наконец, подъезжаем к маленькой избушке, в которой еле помещается один стол. Процедура проверки не отнимает времени. Усаживаемся в машину. После пронизывающего ветра кажется, что в ней натоплено.

Проехали 80 километров. Шофер заправляет машину горючим, маслом, водой. Осталось 90 километров до Волховстроя. Уже поздно: десять вечера. Дорога идет преимущественно лесом, изредка попадаются деревни. Сквозь занавешенные окна кое-где пробиваются щелочки красноватого света керосиновых ламп. Все выглядит более мирно, чем на том берегу. После Кобоны мы едем без специальных

маскировочных козырьков на фарах. С козырьками уж очень темно: опасно врезаться в кучу снега, свалиться в канаву. Но это счастье недолго. Въезжаем в Новую Ладугу. Каменные строения гостиного двора, старых казенных учреждений. Дежурный по трассе резко опускает флажки к ногам — приказ остановиться. Шофер нехотя прилагивает козырьки к фарам.

Поздно ночью подъезжаем к развалинам вокзального здания станции Волховстрой. У перрона стоит формируемый здесь пассажирский поезд. Мой спутник получает два места. Садимся в вагон, ждем. Поезду давно бы пора отойти, но его почему-то не отправляют. В нашем купе четверо. Мы строим догадки, через сколько дней будем в Вологде и Москве? На столике горит свеча. Ужинаем. Пять часов утра.

Вдруг раздается прерывистый и тревожный гудок паровоза, знакомые хлопки зениток. Прибегает проводник: «Тушите свечку! Тревога!» В ту же минуту поезд трогается. Из темного вагона хорошо смотреть в окна. Зенитные снаряды рвутся в воздухе теплыми вспышками, красиво ходят синие лучи прожектора, летят какие-то трассирующие снаряды, время от времени слышен грохот небольших бомб, и то тут, то там видны их разрывы. В темноте кончаем скромный ужин и ложимся спать. Бомбовозы следуют за поездом, продолжают трещать зенитки.

Сквозь закрытые веки я вижу нескончаемый поток грузовиков с прицепами. Они идут и идут справа налево. И то, что поток их не прерывается, и я, наконец, лежу, и мирный перестук колес — все это порождает чувство спокойствия и уверенность, что все будет хорошо... Незаметно приходит сон.

Дальнейший путь лежит через Тихвин, Вологду, Ярославль. Претерпев в пути несколько задержек из-за неисправности полотна и бомбежек, поезд на пятые сутки прибывает в Москву. После пересадки в Москве следует более или менее нормальный переезд в Казань, там состоится совещание маскировщиков, длящееся несколько дней. <...>

Май—июнь 1943

Составляю руководящие указания по светомаскировке объектов МПВО. Д. П. Чехматаев³⁴ торопит телеграммами. За нужной справкой иду в Публичную библиотеку. Читальный зал помещается в маленькой комнате на 10–12 человек, в третьем этаже, вход с Садовой. Публичная библиотека получила из Книжной палаты обязательные экземпляры за два года.

Работниками искусств получена такая установка. Когда непрерывные тревоги или иные обстоятельства затрудняют работу теат-

ров, все артистические силы бросаются на внешние радиопередачи. Чем больше немцы будут кричать о своих успехах под Ленинградом, тем громче будут звучать на весь мир передаваемые из Ленинграда концерты. Это не касается городской трансляционной сети, которая работает по своим программам.

11 июня в торжественной обстановке получаю медаль «За оборону Ленинграда». В Доме партактива на 4-й линии собрались человек 300 из разных учреждений Васильевского острова. При входе все предъявляют паспорта, и в списках делается отметка. Оглашается приказ Ленсовета от 3 июня и приложенный к нему список награждаемых. Каждую фамилию сидящие встречают аплодисментами, а вызываемый подходит к члену райкома, получает поздравление и медаль, которую, возвращаясь на место, прикалывает на грудь. <...>

Ноябрь 1943

За время моего четырехмесячного отсутствия в Ленинграде не произошло существенных перемен. Город продолжает интенсивно обстреливаться немецкой артиллерией. Повседневно слышится свист снарядов, грохот, гул и эхо разрывов. Во время обстрелов радио через каждые несколько минут передает: «Говорит Штаб местной противовоздушной обороны. Артиллерийский обстрел района продолжается»³⁵. На улицах появилось много новых надписей. Белые на синем фоне предупреждают: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Другие призывают соблюдать правила противопожарной безопасности, не пользоваться бензином, лучинами, не подпускать к огню детей.

Открылось здание бывшего Михайловского театра, где даются оперные и балетные спектакли: «Травиата», «Конек-Горбунок», «Шопениана». Но театр еще не отапливается, в нем холодно, как на улице, зрители не раздеваются, артисты балета между выходами залезают в нетопленных уборных в валенки, под шубы и щелкают зубами. Дом ученых, напротив, стал весь отапливаться. В бывшем магазине полуфабрикатов на Екатерининской улице³⁶ научные работники и работники искусства получают раз в месяц повышенные «литерные» пайки.

Впервые разрешено осветить лестничные клетки. Синие лампы, горящие на улицах в фонариках с номерами домов, освещают участки стен и тротуаров лунным светом. Ходить по городу стало несравненно легче.

Приезжали в Ленинград сотрудники Научно-технического комитета ВМФ А. Н. Шибаев, Н. С. Шестов и И. Б. Левитин. На совместной встрече зародилась мысль об экспедиции на Каспийское море для

экспериментального решения оставшихся задач маскировки надводных кораблей. Нина Владимировна работала в это время уже по своей специальности художника в городских театральных мастерских. Мысль об экспедиции с ее участием была реализована в следующем 1944 году.

По заданию Комитета ВМФ мною была написана книга «Священные краски и их применение в военно-морском флоте». В ней был подытожен опыт моих недавних работ в этой области. Рукопись была отобрана Комитетом и принята к изданию, но по каким-то причинам издание не состоялось. В 1944 году материал под более широким названием «Священные краски» был опубликован Лениздатом. Рукопись была дополнена сведениями о светомаскировке городских объектов, отдельная глава посвящена применению люминесценции на военных кораблях.

Вскоре после того, как я сдал рукопись в печать, мне сообщили из редакции, что на публикацию книги цензор требует разрешения Штаба местной противовоздушной обороны. Еду в этот штаб, получаю бумагу с нужным разрешением и с нею — к цензору. Там происходит занятный разговор. Цензор так долго и пристально читает принесенное мною письмо, что я прерываю тягостное молчание.

— Здесь изложены сведения, — говорю я, — которые нужно знать населению в случае воздушной тревоги. По здравому смыслу ясно, что эти сведения не могут быть секретом...

Прерывая меня на полуслове и зло глядя на меня, цензор говорит:

— Вот я и боюсь, что этот полковник (кивок на принесенное мною письмо) тоже написал бумагу по здравому смыслу!

— А как же нужно?!

— По закону, конечно.

Цензура, наконец, сняла свои возражения, и книга увидела свет. Это было единственное печатное издание, вышедшее под шапкой Ленинградского филиала ГОИ. Возможно, что издание в годы блокады этой книги способствовало помещению моего портрета в престижном издании «Оружие победы» (М., 1985. С. 241).

¹ Вейнберг Всеволод Борисович (1907–1981) — доктор технических наук, основоположник научной школы и инициатор работ в области волоконной оптики в России.

² Гершун Андрей Александрович (1903–1952) — доктор технических наук, профессор, основатель научной школы в области гидрооптики.

³ Премьера оперетты «Любовь моряка» («Билли Кожаный чулок»; композиторы Р. Бенацкий, Р. Фримль) в постановке В. С. Сергеева состоялась 14 марта 1942 г.

⁴ Имеется в виду Ленинградский государственный театр им. Ленинградского Совета (его главным режиссером был заслуженный деятель искусств

РСФСР Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958/), располагавшийся в помещении нынешнего Театра им. В. Ф. Комиссаржевской по адресу: ул. Ракова (ныне Итальянская ул.), 19. В феврале 1942 г. театр под руководством Радлова был эвакуирован из Ленинграда на гастроли на Северный Кавказ.

⁵ Горин-Горяинов Борис Анатольевич (1879–1944) — актер Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Народный артист РСФСР. Был одним из инициаторов создания в Ленинграде в октябре 1942 г. «Блокадного театра», располагавшегося первоначально в помещении Театра комедии (Невский пр., 56).

⁶ Мичурина-Самойлова Вера Аркадьевна (1866–1948) — актриса Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР. В годы Великой Отечественной войны оставалась в Ленинграде, вела активную общественную и творческую деятельность.

⁷ Семья Д. Н. Лазарева проживала по адресу: пр. Щорса (ныне Малый пр. Петроградский стороны), 26/28, кв. 15.

⁸ Болдырев Николай Георгиевич (1907–1980) — доктор технических наук, профессор. Научное направление работ: математика, светотехника, фотометрия.

⁹ С 1952 г. ул. Фурманова.

¹⁰ Подробно о работе ленинградского радио в годы блокады см.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. Л., 1980.

¹¹ Иордан Ольга Генриховна (1907–1971) — балерина, заслуженная артистка РСФСР, солистка Государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, педагог классического танца в Государственном академическом хореографическом училище им. А. Я. Вагановой.

¹² Софроницкий Владимир Владимирович (1901–1961) — пианист, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР. С 1936 г. профессор Ленинградской консерватории, с 1942 г. профессор Московской консерватории.

¹³ Бихтер Михаил Алексеевич (1881–1947) — пианист, дирижер. Заслуженный деятель искусств РСФСР. С 1933 г. профессор Ленинградской консерватории.

¹⁴ Ушин Николай Алексеевич (1898–1942) — график и театральный художник.

¹⁵ Ушин Алексей Алексеевич (1904–1942) — график и театральный художник.

¹⁶ Ушин Андрей Алексеевич (род. 1927) — график, заслуженный художник России.

¹⁷ Пожарная каланча располагалась над бывшим съезжим домом Петербургской части по адресу: Большой пр., 11.

¹⁸ Борхсениус Владимир Сергеевич (1902–1970) — инженер-электротехник.

¹⁹ Малый пр. — в то время пр. Щорса; Большая Гребецкая — с 1932 г. Пионерская ул.

²⁰ Наб. р. Мойки, 94.

²¹ Институт охраны здоровья детей и подростков, с 1940 г. Научно-исследовательский педиатрический институт, ныне Научно-исследовательский институт детских инфекций (ул. Профессора Попова, 9).

²² Кравец Торичан Павлович (1876–1955) — член-корреспондент АН СССР, доктор физико-математических наук, профессор, создатель первой в России лаборатории научной фотографии.

- ²³ Савостьянова Мария Владимировна (1894–1982) — доктор физико-математических наук. Научное направление работ: оптика и молекулярная спектроскопия.
- ²⁴ Пясецкий Вячеслав Игнатьевич (1875–1965) — заведующий музеем оптических приборов.
- ²⁵ Тиболов Салам Петрович (1910–1995) — доктор технических наук. Во время Великой Отечественной войны был директором Ленинградского филиала ГОИ (1942 г.). Научное направление работ: приемники излучения.
- ²⁶ Нечаев Иван Алексеевич (1900–1963) — солист в 1928–1954 гг. Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова и Государственного академического Малого оперного театра. Заслуженный артист РСФСР. В годы Великой Отечественной войны организатор Блокадного музыкального театра, возглавлял оперную труппу. В 1953–1963 гг. преподаватель Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.
- ²⁷ Легков Валентин Львович (1894–?) — певец, солист Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Заслуженный артист РСФСР.
- ²⁸ Преображенская Софья Петровна (1904–1966) — певица, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР. В 1928–1959 гг. солистка Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова. В 1949–1961 профессор Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.
- ²⁹ Елизарова Мария Александровна (1898–?) — певица, солистка Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Заслуженная артистка РСФСР.
- ³⁰ Атлантов Андрей Петрович (1906–1972) — певец, артист Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова.
- ³¹ Бужинский Аркадий Наумович (1908–1972) — кандидат технических наук. Во время Великой Отечественной войны возглавлял Ленинградский филиал ГОИ и руководил группой сотрудников, занимавшихся ремонтом и модернизацией всех имевшихся в частях ПВО Ленинградского фронта зенитных дальномеров и стереовысотометров отечественного и зарубежного производства.
- ³² Автор поэмы «Пулковский меридиан» — В. М. Инбер. Ниже приведены стихи из поэмы О. Ф. Берггольц «Февральский дневник» (1942).
- ³³ Имеется в виду В. С. Борхсениус. См. примеч. 15.
- ³⁴ Чехматаев Дмитрий Павлович (1903–1954) — директор ГОИ (1937–1950 гг.), кандидат технических наук.
- ³⁵ Артиллерийских налетов на Ленинград в 1942 г. было 390, в 1943 г. — 2490. — Примеч. автора.
- ³⁶ Ныне Малая Садовая (в 1887–1917 гг. Екатерининская; в 1918–1944 — ул. Пролеткульта).

Н. В. Лазарева

Блокада

До войны в нашей коммунальной квартире¹ жило пять семей, тринадцать человек. К тому времени, когда замкнулось кольцо блокады, молодые мужчины были уже на фронте и многие эвакуировались. В нашей семье остались: мой отец², мой муж³ и наша дочь Катя⁴ шести лет. Вскоре к нам переехала жена брата Ника⁵ с девятилетней дочкой Бетти⁶. И еще пришел к нам знакомый мужа Борис Михайлович, бежавший из пригорода. Кроме нас у него не было в Ленинграде знакомых. Он был столь же интеллигентен, сколь и беден. По какому-то психическому заболеванию он получал крохотную пенсию, был он интересным человеком, страстным книголюбом. Сильно истощенный и слабый, он вскоре слег.

Н. В. Лазарева.
Фотография. 1942 г.

За карточку служащей я брала работу на дом: раскрашивала круглые значки на приколке светящимися красками. Их люди носили на улицах, чтобы во мраке затемнения не наткнуться друг на друга. На моих руках оказалось семь человек. При первых же холодах я схватила плевролит, что меня очень ослабило. Я отоваривала все карточки и дома скупуплезно делила все полученное. У каждого была заведена своя чашечка для сахарного песка. Кормила я всех три раза в день. Варила на буржуйке жиденький суп из пшена (дрова у нас были еще «мирные»), кипятила чайник и звала всех за стол, который первое время был еще покрыт белой скатертью. У каждого на тарелочке лежала своя маленькая порция хлеба. Каждому поровну я наливала блокадный суп, потом давала по стакану кипятка, в который все клали из своей чашки столько сахара, чтобы его хватило до следующей выдачи. Борису Михайловичу я относил «еду» и кипяток в постель и помогала ему есть. Я уже знала, что те, кто безудержно пили горячую

воду, отекали и умирали скорее. Каждый литр воды требовал для выведения из организма затраты 50-ти калорий. Пока топились буржуйка, все отогревались около нее. Но дрова надо было беречь, и блаженное время пролетало быстро. Мужчины на санках привозили воду с реки Ждановки.

Начались морозы. Очень мучительно было выстаивать очереди за хлебом, который подвозился нерегулярно из-за бомбежек, обстрелов и нехватки транспорта. Стоишь, стоишь и, чтобы не упасть, садишься на снег. Да и третий этаж петербургского дома одолевать было трудно.

Первые бомбежки произвели на меня сильное впечатление, я тотчас вскакивала и бегала, как тигр, по комнате. Но так было только первые дни. Во мне проснулась гордость, и я сказала себе: «Нет! Больше никогда подлый враг не вызовет у меня страха». И действительно, чувство страха ушло, ушло на всю блокаду. В бомбоубежище мы ходили дня три, не более. В нашей семье установилось особое спокойствие, свойственное многим блокадникам.

Вскоре в нашем ковчеге первым умер Борис Михайлович. Мне удалось поймать кота, вполне упитанного, которого мы съели. Было страшно, но вкусно. Потом наши знакомые дали нам своего кота, он все равно бы погиб, но поднять на него руку они не могли. Это все шло в копилку жизни.

За три дня до смерти моего отца девочки забыли положить ему на стул подушку, и он им сказал: «Мне больно сидеть на моих костях» — они тут же исправили свою ошибку. 14 января 1942 года папа скончался. На улицах уже лежали трупы.

Вскоре после смерти папы к нам пришел мой троюродный брат¹, одиноко замерзавший в своей неотапливаемой квартире на Васильевском острове. Вошел и опустился на пол. Мы с мужем довели его до постели, где раньше лежал Борис Михайлович. Я его передела, тепло накрыла, и он заснул. Теперь в ковчеге стало шесть человек.

Зимой по фасаду в нашей квартире выбило все стекла. Кое-как мы окна заделали. Я начала работать в детской больнице. Весной 42-го года нам прибавили хлеба, стало теплее и светлее, и это в какой-то мере оживило истощенных людей. Казалось, что теперь смерть от голода нам уже не грозит. Но это было не так: не было витаминов, свирепствовала цинга, которая быстро завершала злую работу голода. Слег мой муж и уже не встал, я понимала, что это конец. Пришла врач, дала ему бюллетень и сказала: «Его надо кормить». Какой болью отозвался во мне этот квалифицированный врачебный совет! Чем? Где взять еду? Выхода не было...

И вдруг, как в доброй сказке, к нам пришел волшебник в морской форме и сказал: «Нам нужен ваш муж для работы по его специальности». Узнав, что он болен и не встает, волшебник предложил достать машину и доставить его на корабль. И действительно, через несколько дней за ним приехали. Я помогла мужу одеться. Его крепко взяли под руки, медленно свели с третьего этажа и увезли на машине. Уходя, они сказали: «Его карточку на крупу и сахар оставьте себе с дочкой, а хлебную дайте ему с собой». Спасибо им за эти спасительные калории! На кораблях муж проработал несколько месяцев, и это спасло ему жизнь, наверное, и нам с Катей.

Недели через две он пришел навестить нас. А за это время я уже тоже была близка к смерти. Как-то, не дойдя несколько шагов до дома, я от слабости на улице потеряла сознание. Когда оно стало возвращаться, я услышала слова: «Такая молодая... закройте ей лицо». Я открыла глаза, и потому они не успели оказать мне эту «последнюю помощь»: с закрытым лицом я бы задохнулась и не вернулась к жизни. Как я дошла до дома, не помню.

А утром я проснулась оттого, что у меня остановилось сердце. Сознание было совершенно ясным, но я перестала видеть, слышать и дышать. Казалось, что все клетки моего организма как бы раздавлены и, мучительно борясь со смертью, умирают отдельно от меня. И тут, как током, меня пронзила мысль: «Я умираю, а как же Катя?!» Сердце дрогнуло и начало медленно и слабо биться. А потом Катя рассказала мне, что она увидела мое страшное, чужое лицо и побежала за тетей Никой. На следующий день пришла врач, выслушала мое сердце и сказала: «Странно, что она не умерла, что вы ей давали?» Невестка ответила, что она вливала мне в рот крепкий горячий черный кофе, который сохранился у нее от мирного времени.

Дней через десять я научилась вставать. Через некоторое время мы с мужем поняли, что самое страшное позади — мы остались живы. И тогда я впервые заплакала, вспоминая папу, который не дожид до прибавки хлеба, до тепла и света.

Пришла и Катина очередь: она заболела воспалением легких в тяжелой форме. Ее спас курс сульфадимезина и то, что вскоре ее и Бетти положили в больницу по дистрофии⁸, откуда они вышли достаточно окрепшими. А впереди было теплое лето.

Закончу свои воспоминания тем, что в нашем ковчеге все были дружелюбны и добры друг к другу, и это тоже помогло нам пережить тяжелейшее время.

Апрель 1987 г.

Дети в блокадном Ленинграде

После эвакуации большей части населения в блокадном Ленинграде всюду ощущается недостаток в работниках. Меня, имеющую маленькую дочку, трогала судьба детей в это беспощадное время. Сестринского образования у меня не было, но я умела делать инъекции, перевязки, компрессы и могла разбирать рецепты. Мне хотелось хоть как-то быть нужной детям. Мой муж был оставлен в Ленинграде по броне. Я с шестилетней дочкой решила разделить судьбу мужа и стала работать в детской больнице на улице Попова⁹. Дежурила сутки, а двое суток была дома с ребенком. В моем отделении было 60 коек. Лежали дети от года до 15—16 лет. Дети, найденные в разбомбленных домах. Дети родителей, погибших от голода или убитых на улицах Ленинграда, на окопах и на фронте. И никто ни разу не навещал их в больнице. Многие дети умирали, потому что даже усиленный больничный паек не всегда мог спасти от истощения. Болели дети воспалением легких, туберкулезом. Болезни при истощении протекали тяжело.

Слева от моего поста были две палаты для старших, а направо, по длинному коридору, — палаты для младших. На посту горела коптилка — единственный маленький огонек на все большое холодное помещение. Делая ночью обход и зная, где лежат самые слабые, я ощупью в темноте касалась головки ребенка и часто понимала, что он уже умер. Утром нужно было на кусочке картона написать имя, фамилию и возраст умершего. Потом эту картонку привязать куском веревки к запястью. И еще для перестраховки чернильным карандашом написать то же на предплечье маленького холодного детского тельца.

* * *

Однажды ночью я обходила детские палаты. Вернувшись, очень захотела, не дожидаясь утра и стакана кипятку, откусить хотя бы маленький кусочек от хлеба, который я брала с собой, уходя на суточное дежурство. Но хлеба в ящике моего стола не было. Я поняла, что это сделал кто-то из подростков.

* * *

Прихожу на дежурство, а в одной из палат девочки говорят мне, что Ира ночью умерла. А перед тем весь день не хотела есть и отдавала им всю еду. А про хлеб сказала: «Отдайте его тете Нине — у нее тоже есть девочка». Меня тронуло это завещание, тронуло, что дети исполнили его. Как это было прекрасно! И мне хотя и стало как-то неловко, пришлось взять этот кусочек хлеба. Умершую

девочку звали Ирина Садовникова, ей было только десять лет. Хороший бы человек из нее вышел!

Один раз летом случилась сильная и близкая гроза. Малыши перепугались. Отовсюду слышалось: «Тетя Нина! Тетя Нина, не уходи, мы боимся грозы!» Я стала их успокаивать, говоря, что это не гроза, а обстрел.

– Правда?

– Конечно же, правда!

Постепенно они затихли и заснули. Гроза бывала не так часто, а обстрелы были привычны и потому не страшны.

* * *

Возвращаясь домой с дежурства, я увидела на проспекте Щорса, недалеко от нашего дома, развороченную мостовую, осколки стекла и кровь, засыпанную песком. Около-этого места стояла женщина и рассказывала о происшедшем здесь несчастье.

– А он как вдарит, как вдарит, так сразу двоих насмерть убило. Кровь-то песком, вишь, засыпали, а убитых увезли. А еще тут около стенки женщина шла и мальчика маленького своо за руку вела. Так ей ничего, а мальчонке тому осколком пальчик оторвало. Он как заревить, заревить, а кровь-то с ручки, как с крану, льется. А мать-то как увидела, будто ума решилась... И все кричала: «За что это?! За что это?!» Бедная! И мальчонку жалко!.. Да радоваться надо, что жив остался! Тут давеча из смпео¹⁰ подскочили, кровь остановили, повязку наложили и повезли их в медпункт.

* * *

Наша маленькая дочка Катя была прикреплена к столовой недалеко от дома. Там за месяц вперед вырезали стограммовые талончики на хлеб, и к ста граммам хлеба давали еще ежедневно тарелку дрожжевого супа. Это было удобно, особенно в те дни, когда я дежурила, а муж ходил каждый день на работу. Прихожу с дежурства, а Катя мне рассказывает, что «совсем рядом с входом в эту столовую упала фугаска и ушла в землю. Это место огородили жердочками и повесили надпись: «Здесь лежит неразорвавшаяся фугасная бомба». Мама, я подумала, что же мне делать? А потом боком, мимо загородки, прошла в столовую. Я ведь очень хотела есть! Ты не рассердишься?» Я не рассердилась: нельзя было терять ни грамма пищи, голод был страшнее всего.

* * *

Как-то я с Катей была в столовой нашего района, где без карточек можно было съесть тарелку дрожжевого супа. Напротив нас си-

дела женщина. Посмотрев на Катю, она тихо и как-то очень просто сказала: «У моей девочки были такие же синие глаза. Ее съели...»

* * *

Зимой 1941 года нашла в кладовке две плитки столярного клея. По совету блокадника, стоявшего недавно рядом со мной в очереди за хлебом, вымачивала это клей два дня, сливая воду, а потом на буржуйке сварила из него нечто вроде киселя. Разлила всем по кружке. Все съели, а я не могла. Шестилетняя Катя, съев клей, вдруг сказала:

Столярный клей
Полярных дней!

И вправду, в 1941 году дни были такими же черными, как полярная ночь.

А племянница, перебравшаяся со своей мамой к нашему очагу — буржуйке, сочинила:

Шел дистрофик по дороге.
У него распухли ноги...

Два двустушья, а какие емкие! Действительно, «музы не молчали» и, оказывается, иногда навещали детей.

1986 г.

Театральная мастерская

В детской больнице появилось молоко — очень нужный продукт для малышей. В раздаточнике, по которому сестра получает пищу для больных, указывается вес всех блюд и продуктов. Молока полагалось на порцию 75 граммов, но его каждый раз недоливали граммов на 30. Меня это возмущало, и я не раз заявляла об этом. Вскоре буфетчица мне сказала: «Поговори еще и вылетишь!» И действительно, я вылетела в чернорабочие, по-тогдашнему — трудармейцы. Трудно и больно было прощаться с детьми. Самые маленькие плакали, постарше кричали наперебой: «Почему ты от нас уходишь? Не уходи!» Что я могла им отвечать?

Направили меня на овощехранилище, что находилось недалеко от места дуэли Пушкина. Мы разгребали навоз, мусор и таскали песок на носилках — готовили овощехранилище к приему урожая. Работа была очень тяжелой, по 12 часов ежедневно. В обеденный перерыв я валилась от слабости на еще холодную землю... А дети оставались без меня, а я без них...

Мой брат, который воевал на Ленинградском фронте, был театральным художником, и у него были уже две постановки в Малом

оперном театре. Мы оба из семьи Бенуа-Лансере, а в этой семье рисовали все, хотя и на разном уровне. В ту пору Ленинград оживал, и начали привлекать многих ленинградцев к работе по их мирной специальности.

С персональным затребованием в руке как-то подошла ко мне тетка из проходной и сказала: «Эй, ты, художница, хватит тебе г... копать, иди работать в театр». Так я попала в театральную мастерскую Кировского театра, где под руководством известного театрального живописца Евсеева¹¹ приступила к работе.

Мастерская находилась на углу улицы Декабристов и Лермонтовского проспекта, на седьмом этаже большого петербургского доходного дома. Была она во всю длину этого дома. Вместо потолка и крыши — сплошное стекло. А над стеклом ленинградское блокадное небо с отвратительно ноющими немецкими бомбовозами, сеющими смерть.

Радовала работа над огромными декорациями, которые расстилали на полу. Надо было их освежать и подновлять, так как они сильно пострадали от блокадной зимы.

Уже в августе 1942 года мы слушали «Ленинградскую» симфонию Шостаковича в Филармонии¹². Уже на маленькой сцене акимовского¹³ Театра комедии возрождался театр оперы и балета, пусть в почти камерном исполнении. И уже готовили к открытию Малый оперный театр, для которого мы делали декорации.

Все прежние работники мастерской жили близко от нее, и только одна я жила далеко, на Петроградской стороне. Путь мой к мастерской пролегал через Тучков мост, Васильевский остров, мост Лейтенанта Шмидта и далее. Мосты были стратегическими объектами. И действительно, идешь по мосту, а осколки так и вжикают, и Нева испещряется вороночками. А укрыться негде... Но за годы блокады мы стали до того обстрелянными, что уже потеряли реальное чувство опасности, вызывающее страх. Раз, подходя к мастерской, вижу, путь мне преградила груда кирпичей, щебня и искореженного железа. А пыль еще даже не улеглась от рухнувшего расфугашенного дома. Вхожу в мастерскую — все остоленели: «Как? Вы остались живы? Ведь фугас упал только что!» Выходит, что жива я осталась каким-то чудом.

Подновленные и освеженные декорации, тяжелые, свернутые как ковры, мы с трудом стаскивали с бесконечной лестницы вдвоем с молодой работницей и укладывали на огромную тачку. Затем брались за толстую деревянную ручку во всю ширину тачки и, толкая ее перед собой, трогались в путь... А путь был неблизкий, до площади Искусств. По дороге мы часто попадали в районы обстрела, но

как-то больше боялись за декорации, чем за себя. Так совмещалась работа художника с трудом рикши.

Ближе к весне устроили аврал. Вся мастерская вышла скалывать толстую наледь вокруг и у входа в Кировский театр. Поднимать лом было почти непосильно, но мы верили, что театр, поврежденный фугасами, после войны восстановят и еще не раз мы будем слушать оперу и смотреть балет. Это прекрасное «после войны», как оно нам всем помогало!

¹ Проспект Щорса (ныне Малый проспект), 26/28, кв. 15.

² Зеленков Владимир Александрович (1882–1942) — инженер-светотехник.

³ Лазарев Дмитрий Николаевич (1904–1995) — доктор технических наук, специалист в области светотехники.

⁴ Якубович (Лазарева) Екатерина Дмитриевна — математик, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ им. В. И. Ульянова /Ленина/).

⁵ Нина Юлиановна Зеленкова (1914–1982).

⁶ Беатриса Викторовна Лит ныне работает библиографом в Российской Национальной библиотеке.

⁷ Борхсениус Владимир Сергеевич (1902–1970) — инженер-электротехник.

⁸ Дети находились на лечении в Научно-исследовательском педиатрическом институте (ныне Научно-исследовательский институт детских инфекций), расположенном по адресу: ул. Профессора Попова, 9.

⁹ См. примечание 8.

¹⁰ «Емпео» — искаженное от МПВО (Местная противовоздушная оборона).

¹¹ Евсеев Сергей Александрович (1882–1959) — скульптор и театральный художник.

¹² Первое исполнение Седьмой («Ленинградской») симфонии Д. Д. Шостаковича в Ленинграде состоялось 9 августа 1942 г.

¹³ Акимов Николай Павлович (1901–1968) — режиссер и театральный художник, народный артист СССР. В 1935–1949 гг. и с 1955 г. был художественным руководителем Театра комедии. В 1989 г. театру было присвоено его имя.

Е. Д. Якубович

Когда началась война, мне было шесть лет, и я считала себя очень взрослой. Мы жили в квартире деда, где прошло детство моей мамы, а перед войной, помимо нас, деда и семьи маминого младшего брата — дяди Шуры¹, жило еще три семьи. Жили мы все дружно. Мама моя, не знаю почему, была уверена, что летом начнется война с Гитлером, поэтому весной 1941 года мы впервые не поехали на Украину и даже в Вырицу никак не могли собраться. Наконец, когда на 23 июня уже был назначен отъезд, мы с папой, нарядные и радостные, отправились воскресным утром делать последние покупки. Не успели мы дой-

ти до угла Большого и Пионерской, как раздался голос Левитана²: «Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза...»

Так мы узнали о начале войны и, вернувшись домой, прильнули к радио, где без конца повторялась речь Молотова³. Мы никуда не уехали, и потекли первые военные дни.

На улицах строили баррикады, на которых было очень интересно играть, гудели сирены воздушной тревоги. Сначала мы всей семьей шли в подвал, где было устроено бомбоубежище, потом взрослые ходить перестали, а дети, вдруг обретшие там клуб, уже по своей инициативе собирались стайками в убежище, где весело проводили время, рассказывая друг другу всякие истории. Особенно радовалась малышня, которая была допущена в более старшее школьное общество. И дома до нас никому не было дела. Мы были предоставлены самим себе, и нам по утрам вместо надоевшей и невкусной каши давали даже по большому брикету мороженого. За ним каждое утро ходил рано-рано мой дед, оно как-то дольше других продуктов сохранялось в свободной продаже.

На осенних улицах появился какой-то особенный серебристый свет. Может быть, его рождали висевшие в небе дирижабли. Я только один раз на выставке в Музее истории Ленинграда увидела этот свет на одном из офортов, сделанных в блокаду.

Взрослые ходили рыть окопы. Как-то раз, когда они вернулись после очередного такого похода, арестовали ночью «за анекдот» дядю Шуру. Правда, потом он вернулся, но на долгие годы, вплоть до появления «Архипелага Гулага», слова «у дяди Шуры» означали для нас места не столь отдаленные. Тетя Ника, жена дяди Шуры, и ее дочь Бетти остались одни, и мама присоединила их к нашей семье. Так нас, детей, стало двое.

Может быть, теперь события расположились в моей памяти в иной последовательности, но мне кажется, что осенью наступил момент, когда всех оставшихся в городе детей начали вывозить на Большую Землю. К этому времени стало ясно, что наша семья остается в Ленинграде.

Е. Д. Лазарева (Якубович).
Фотография. 1942 г.

де вместе с папой. На семейном совете было решено не отдавать в эвакуацию и нас. Поэтому в течение двух последующих недель мы забирались под стол при любом звонке в дверь. Эта нехитрая политика помогла: через некоторое время эвакуация детей была завершена, а мы остались. Постепенно дни становились короче, темнее и холоднее. Опустились бомбоубежища, у нас уже не хватало запасов веселья.

Как же мы жили? Во все времена, отправляя детей на улицу, родители их чему-то учат. Учили и нас. Заповеди были просты и понятны нам: «Если тебе предложат конфетку или кусочек хлеба, не ходи ни с кем, а то тебя убьют и съедят. Если на улице тебя застанет артиллерийский обстрел — спрячься в подворотне». И вот мы, взяв на руки большую, в пол нашего роста, куклу с фарфоровым лицом и закрывающимися глазами, идем важно по улице, а потом стоим в подворотне, с любопытством выглядывая из нее и наблюдая, как быстро с коротким шипеньем отскакивают от мостовой осколки снарядов. Как мы остались невредимыми — не знаю, ибо так продолжалось всю осень. А потом началась зима, и гулять мы уже не хотели, но мама ежедневно отправляла нас на улицу, не меньше чем на полтора часа. С каждым днем мы проделывали за это время все меньший путь. Сил становилось совсем мало. А дома, заложив руки за ворот свитера, мы лежали и читали. Чужие страдания очень трогали. Я и теперь вспоминаю бедного дядю Тома или бесстрашную Элизу, которая перепрыгивала со льдины на льдину, стремясь по вскрывшейся реке достичь свободного берега и спасти от рабства себя и сына. Вечерами все мы, взрослые и дети, собирались у единственной горевшей копилки, и кто-нибудь, чаще всего это был папа, читал вслух. Читались детективы еще «мирных» (т. е. дореволюционных) лет, и обрывалось чтение всегда на самом интересном месте. Весь следующий день мы с Бетти гадали, каким будет продолжение. Иногда вечерами устраивались шарады. Для нас ли это делалось, или взрослые сами ими увлекались — не знаю. Запомнились мне мама в шляпе с широкими полями в образе блоковской Незнакомки и папа в длинной ночной рубашке, изображавший грешника, которого чертовка-мама жарит на сковороде, не помню, как было сыграно междометие «а», но все слово в целом было представлено так: саночки с ведром воды и баночками для столовой каши, которые тащил спотыкающийся от голода дистрофик, — БЛОКАДА. А еще мы писали стихи:

Идет дистроф, качается, вздыхает на ходу:
Сейчас стена кончается, сейчас я упаду.

Уцелел в памяти и обрывок строчки про людей, бредущих по улице «с саночками, с баночками с кашками на дне». Главными сочинителями были мама и Бетти.

Нашей детской обязанностью было следить за тем, чтобы на всех стульях лежали мягкие подушки. Помню, мы недоглядели, дедушка сел на жесткий венский стул и сразу вскочил, как ужаленный, — так больно было выступающим из тела костям. Нам было очень стыдно. А вскоре дедушка умер от голода. Но с его смертью в памяти сохранился почти счастливый эпизод. Как-то утром, когда я еще лежала в кровати, вошла мама и дала мне настоящий соевый батончик. Он казался огромным и очень вкусным. Долгие годы потом для меня не было конфет вкуснее. У мамы кулек с батончиками хранился с «до войны», и конфеты выдавались в исключительных случаях. Таким был и этот: накануне вечером, когда я уже спала, папа и тетя Ника увезли в морг труп дедушки. Они очень измучились, пока везли его на санках в морг. Когда они вернулись, мама дала им по конфете, а утром дала и нам.

А еще как-то утром пришел с Васильевского острова мой двоюродный брат Коля⁴. Ему было 17 лет, он был высоким, красивым. Коля очень беспокоился о своей маме: «Боюсь, что она не доживет до новых карточек, очень она слаба». Мы ничем не могли им помочь, а вскоре узнали, что до нового месяца не дожил сам Коля. Все жалели, что он не дотянул нескольких месяцев до призыва в армию: «Может быть, уцелел бы».

Смерти были чем-то очень обычным. Как же мы выжили? Главным образом, благодаря железному характеру мамы, которая была нашей сестрой-хозяйкой и равномерно распределяла скудную пищу. А еще нас спасли кошки. Не помню, первый ли это был съеденный нами кот, но я сама принесла его от жены маминого старшего брата дяди Димы⁵. Он был на фронте, а его жена как-то позвонила нам (наверно, это было осенью 1941-го) и сказала, что у них больше нет сил кормить котенка и что мы можем забрать его. Меня снарядили на улицу Глинки. Я пришла туда, меня покормили и, провожая домой, дали мне корзинку с котом-подростком. Чтобы коту было не страшно сидеть в темной корзинке, тетя Оля⁶ положила ему картофельную лепешку. Дома обнаружилось, что кот лепешку не съел, но нагадил на нее. Жалость, что лепешка не досталась ни коту, ни людям, я ощущаю поныне.

А еще за одним котом мы с Бетти охотились на черной лестнице нашего дома. Коты в отличие от людей имели много пищи — крыс и

были сильными. Это был взрослый, умный кот, который очень хорошо понимал, что не надо попадаться к нам в руки. Мы долго пытались его поймать, но потом сдались и пошли за мамой. Она оделась и начала спускаться по лестнице, делая вид, что до кота ей нет никакого дела. Тот не почуял подвоха, а мама, проходя мимо него, быстро наклонилась и схватила его за шкурку. Спасибо вам, милые коты! Может быть, вы спасли нам жизнь.

Можно много еще рассказывать о блокаде, и удивительно, что тяжелые воспоминания сменяются воспоминаниями и о первой любви, испытанной летом 1942 года в детской больнице для дистрофиков, и о чудесном вкусе кормового турнепса, росшего на задах той же больницы (теперь — стадион «Медик»), и об осознании себя ленинградцем во время бесконечных походов по пустому и чудесному городу. Из тех блокадных дней мы вынесли запас прочности, помогающий нам с оптимизмом смотреть в будущее.

¹ Зеленков Александр Васильевич (1917–1998) — инженер-проектировщик.

² Левитан Юрий Борисович (1914–1983) — диктор Всесоюзного радио с 1931 г. Народный артист СССР.

³ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) — политический деятель СССР. В 1930–1941 гг. председатель Совета народных комиссаров СССР, с мая 1939 г. — нарком иностранных дел СССР.

⁴ Лазарев Николай Емельянович (1925–1942).

⁵ Зеленков Дмитрий Владимирович (1909–1953). См. о нем: *Лазарева Н. В. О моем брате // Двести лет семье Бенуа в России / Редактор-составитель В. А. Фролов. С. 23–24. СПб., 1994.*

⁶ Имеется в виду Иордан Ольга Генриховна. О ней см. примечание II к публикуемым выше воспоминаниям Д. Н. Лазарева.

А. В. Мишне

Воспоминания о блокаде

Публикация и комментарии Н. А. Тюренкова

Автор публикуемых отрывков воспоминаний о блокаде* — Альтер Вольфович Мишне. В 1940 году 16-летний юноша окончил восемь классов ленинградской школы для глухонемых и поступил в профтехшколу для глухонемых и инвалидов им. М. В. Фрунзе на Расстанной улице, 20. В школе обучалось около 200 детей из разных городов страны по слесарной, токарной и столярной специальностям.

В связи с началом Великой Отечественной войны летние каникулы в школе были отменены и учащихся распределили по заводам и фабрикам города. Мишне попал на Вагоностроительный завод им. И. Е. Егорова, где работал на изготовлении походных кухонь. В сентябре 1941 года он вернулся в профтехшколу, так как начались занятия. В марте 1942 года он был эвакуирован. Ослабевший от голода, больной, Мишне с огромными трудностями добрался до Свердловска (ныне Екатеринбург), где жил до августа 1945 года, а затем вернулся в Ленинград. Подорванное в блокаду здоровье вынудило его уехать, по совету родственников, на постоянное жительство в город Львов. В 1965 году приезжал в Ленинград.

По всей видимости, эта поездка подтолкнула Мишне к написанию воспоминаний о блокаде. Когда и при каких обстоятельствах рукопись попала в ГМИСПб, установить не удалось. Хранятся воспоминания в документах военно-исторического сектора Отдела истории города с 1969 года. В настоящее время проводится подготовка к передаче их в рукописно-документальный фонд музея. К воспоминаниям при-

* Полностью воспоминания о блокаде представляют собой рукописный текст на 132 листах. ГМИСПб, в обработке.

ложена фотография Мишне, датированная 1969 годом. В то время он работал на обувной фабрике, был женат, имел сына и дочь.

Мишне пытался опубликовать свои воспоминания, однако, судя по приложенному к ним письму редактора одного из издательств, ему это не удалось. Неизвестный редактор внимательно ознакомился с рукописью и дал следующий отзыв: «Это интересно прочитать, как человеческий документ. Очевидно, в Ленинграде есть музей обороны города, возможно, рано или поздно все документы и воспоминания будут опубликованы. В Сборнике Ваши воспоминания могут быть опубликованы как свидетельство человеческих лишений и страданий, причиненных фашистами.

Отдельной книгой их публиковать нельзя. Ведь речь идет исключительно о страданиях, а главное в эпопее обороны Ленинграда — мужество и героизм.

Надеюсь, Вы меня понимаете».

После этого Мишне сократил воспоминания до 40 страниц и сделал 18 рисунков — иллюстраций к текстам.

При подготовке к публикации документа мы старались сохранить авторский стиль и внесли в рукопись лишь незначительные поправки.

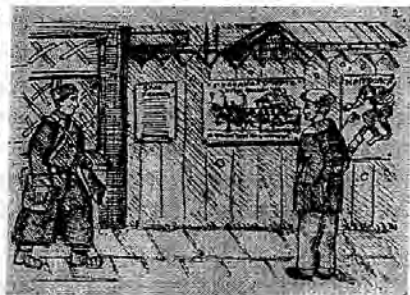
Пока данный сборник готовился к изданию, нам удалось через адресный стол найти Мишне. Он, как и прежде, живет во Львове, но теперь уже пенсионер. И хотя пенсия его невелика, он по-прежнему бодр, в чем мы смогли убедиться, когда в октябре 1999 года Альтер Вольфович, приехав в Петербург к знакомым, зашел и в наш отдел. Он поделился впечатлениями о своей поездке и был очень рад, что его воспоминания наконец-то будут опубликованы.

1

Наше внимание в суровое осеннее военное время 1941 года привлекли расклеенные на стенах домов плакаты, лозунги, воззвания и т. п., в частности, такие: «Враг у ворот!» «Гитлер напоролся на штык!».

Здесь я долго смотрел на плакат, где были изображены советские люди, попавшие в концлагерь фашистских извергов, мучивших наших людей и доводивших их до голодной смерти.

Тут была надпись: «Фашизм — это голодная смерть!»

2

Однажды, в июле, я увидел, как у подъезда дома (на улице Расстанной), где стояла группа женщин с малолетними детьми, остановился автобус, переполненный детьми-малышами. Одна из воспитательниц, подойдя к группе взволнованных женщин, отняла ребенка у стоявшей в слезах матери и отнесла его в автобус, который продолжал следовать по улицам, забирая детей у матерей для их эвакуации¹.

3

Помню, в середине октября 1941 г. вечером я зашел в булочную, где было полно людей, стояла большая очередь. Я хотел было занять в ней свое место, но вдруг объявили тревогу. Продавщица, оставив прилавок, пробралась через толпу к двери, дернула ее к себе, закрыла крючком и пошла обратно к прилавку.

Тут вдруг помещение магазина сильно зашаталось от близко взорвавшейся фугасной бомбы. От сильного сотрясения дверь настежь с шумом открылась, сорвав крючок.

Людей из очереди отбросило, многие падали на пол, и я чуть не упал.

В этот момент из рук продавщицы вылетел нож, а на голову ее посыпались буханки хлеба с полки. Она в смертельном испуге тотчас бросилась в склад. Из толпы, лежавшей на полу, раздавались вопли и крики, а эта женщина-продавщица несколько раз высовывала свою голову из-за двери склада, боясь выходить в магазин, что-то кричала. Когда утихло, женщины встали с пола, подняли упавшие хлебные карточки, а продавщица собрала слетевшие буханки хлеба, положив их на полки.

Закончилась тревога, и я, выйдя из этого магазина на тротуар, почувствовал во тьме, что он, как и вся дорога, был сплошь забит осколками разбитых стекол. Где-то вблизи возник пожар. Фашистские самолеты бросали фугасные бомбы.

4

Никогда, никогда не забуду день 14-го ноября 1941 года, когда мы сидели за партами в классе, расположенном к немецкой стороне².

Кончив ругать провинившегося ученика, учитель русского языка Беляев хотел просмотреть классный журнал и приблизил его к своему лицу.

Вдруг в стене около окна, забитого досками и фанерой, образовалась пробоина, блеснул дневной свет на класс, из этой пробоины вылетели обломки кирпичей, а вместе с ними обломки фанеры от окна, класс наполнился красной пылью. В момент взрыва у учителя из рук вылетела книга-журнал. Над головой учителя быстро закачалась потускневшая электрическая лампа, да так сильно, что чуть не ударилась и не разбилась о потолок. А мы, ребята, в момент взрыва упали на пол, повалив все стулья.

Чернильницы, ручки, книги, тетради были разбросаны в разные стороны.

Потом в испуге все вскочили и убежали вниз, а я, сам не зная почему, остался сидеть в классе. Было очень темно от красной кирпичной пыли, только светилась, все время качаясь из стороны в сторону, каким-то чудом не разбившаяся электролампа.

Я хотел было рассмотреть в этой красной тьме, убило ли кого-нибудь, лежат ли убитые ребята. Но никого из ребят я уже на полу и вообще в комнате не нашел, вместо них я, наконец, нашел свою авто ручку, которую раньше безуспешно искал.

Я пошел вниз.

Когда я спускался в бомбоубежище, у меня заметили на левом виске сочившуюся кровь и тут же перевязали бинтом мою голову. Записали в блокнот мою фамилию с указанием, что я пострадал от артобстрела. Моя рана была незначительной потому, что на голове была зимняя теплая шапка.

На моем пальто и шапке был слой красной пыли от разбитых кирпичей. Потом я узнал, что мы все, ребята вместе с учителем Беляевым, были бы уничтожены в прах, если бы тяжелый снаряд разорвался в классе, но, к великому нашему счастью, этот снаряд ударился о

фасад здания, отскочил и упал, не разорвавшись, на землю, оставив только пробоину в стене.

5

В столярную мастерскую зашла девочка 11–12 лет. Она почему-то долго стояла у верстака, а я сидел на табурете, устроив себе передышку от голода. Вдруг я заметил, что она сорвала из кастрюли пленку клея и съела ее. Я видел, как девочка жевала, с трудом глотая клей, лицо у нее сморщилось от этой неприятной еды, но она снова и снова брала из кастрюли этот клей и ела его, а затем ушла.

Она безусловно была очень голодна, если готова была есть клей.

А в соседнем цехе работали двое мужчин, несомненно страдавшие от голода, о чем говорил их внешний вид. Лица у них были изможденные.

6

Однажды я зашел в спальню, где некоторые ослабевшие лежали на кроватях. И тут я увидел, как, полулежа на кровати, склонил свою голову на колени мужчины, очень худой, обросший бородой. Он качал головой, обхватив ее руками, и плакал, может быть, предчувствовал, что он скоро умрет.

Я спросил его, что с ним. Он ответил, что он очень жалеет, что

семья его оторвана от него, она осталась там, в г. Ораниенбауме³, ему неизвестна судьба его семьи. До войны и в начале войны он ездил из этого города электровозом в Ленинград на работу в профтехшколу, а тут блокада задержала его. Со слезами на глазах он добавил:

– Что будет с моей семьей? Я умираю, но я не хочу умирать, я хочу жить, жить!

Через некоторое время он умер. Он был мастером-инструктором по обучению курсантов слесарному делу.

7

В спальне полумрак, без электросвета, только дневные лучи освещали нас через два окна, забитых досками и фанерой.

Мы с курсантом Пашей Панченко приносили из столовой куски 300 граммов хлеба и суп.

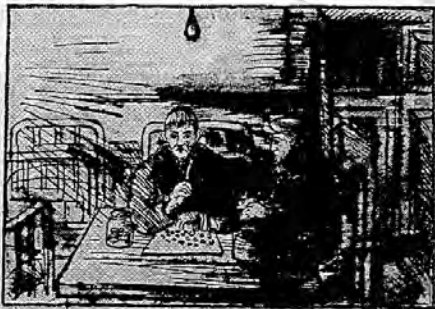
Сначала мы сразу съедали суп с малым количеством макарон или крупы без жира, без лука.

Я сразу съедал хлеб, не оставляя ни крошки, а Панченко осторожно раскладывал бумагу на стол, на которую клал кусок хлеба и разрезал его на две части. Первую часть хлеба клал кусочек за кусочком в банку, как монеты в кубышку-копилку, а другую часть съедал, но не сразу, а опять разрезав на мельчайшие части. Их он осторожно брал скальпелем и клал в рот, не глотал, медленно жевал, не уронив ни крошки хлеба. Я, проглотив свой хлеб, смотрел на него с завистью, чувствуя голод.

Впоследствии Паша умер дома у матери от полного истощения, потому что он отдавал ей накопленные в банке кусочки хлеба, порции каши, которые он приносил своей матери.

8

Я, будучи голодным, вышел на Лиговку со стороны улицы Расстанной, где я жил, и увидел с унынием, как два ослабевших от голода рабочих с трудом тянут сани со скудным хлебом в ящиках для доставки в магазины оборонного предприятия.

9

Со стороны улицы Лиговки и других улиц на Расстанную, где я жил в 1941–42 г., хлынул поток женщин и девушек, которые везли на санях и досках умерших от голода к Волкову кладбищу. Они были завернуты в простыни и тряпье. Это зрелище, за которым я наблюдал, относится к самым тяжелым январским дням блокады 1942 г.

10

Январь 1942 г.

В одной из спален Профтехшколы, обращенной к линии фронта, царила полная тьма, не было света, холодно.

Рано утром, часов в 6, ребята как всегда принесли котелки, в которых плавали всего две-три фасолины, и паек хлеба в 300 граммов.

Ели завтрак стоя, склонив головы над котелками. Один из ребят держал одной рукой щепку (прутик) с огнем, освещая спальню, другой рукой — ложку. Запасные щепки (прутья) лежали на столе, если прут с огнем потухал, то вновь приходилось зажигать новые щепки (прутья), пока не появлялись дневные лучи, проникавшие в комнату через щели окон, забитых фанерой, досками.

Мне, как ослабевшему, умирающему и прикованному к кровати, мой суп и кусок хлеба приносила учительница Федорова. А рядом со мной на крайней кровати у печки лежало тело курсанта Грищенко, умершего от голода ночью.

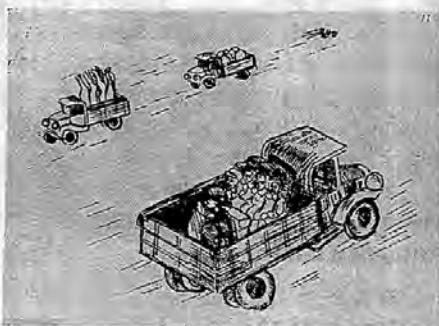
На передней левой стороне у окна обедали два курсанта — Данилов и Львов. Обедали из общего котелка, в который бросали ломтики хлеба. Данилов съедал больше Львова, и тот вскоре умер на моих глазах от полного истощения.

У двери стояло ведро для пользования им взамен уборной. После пользования ведром каждый из нас был обязан выносить ведро на

двор и, опорожнив его, чистить снегом и, набрав немного чистого снега, приносить ведро в спальню.

11

Я попросил эвакуированных из Ленинграда, блокированного врагом, помочь мне, как ослабевшему, подняться в грузовик. С их помощью я сел в кузов. Севшие ранее меня спрятались впереди под брезентом или одеялом, прижимаясь друг к другу, и наш грузовик тронулся по Дороге жизни. Я сидел на своем чемодане, пригнув голову к коленям. Руки мои были

глубоко засунуты в карманы пальто. Я сжался от холодного ветра в комок, ибо я сидел совершенно открытый холодному ветру, который, как мне казалось, долго бежал за мной. Так я мучился, замерзая все больше и больше. Изредка я видел трассу, по которой шли навстречу грузовики, везущие мешки муки, крупы, забитые коровьи туши и пр. Мои руки почти онемели, сторбившийся, я качался, и у меня было такое чувство, будто бы в моем теле уже не было ни кровинки.

12

Наконец наш грузовик остановился на суше в деревне Кобона. Мимо нас проходили солдаты, один из них остановился и начал раздавать махорку ленинградцам, ехавшим со мной. Они с радостью закурили и начали прыгать на снег, разбегаясь по хатам.

Я хотел было тоже спрыгнуть, взял чемодан, но тут же упал. Хотел попытаться встать на ноги, но даже на колени я никак не мог долго встать. Ноги были очень непослушны. Как я ни напрягался, встать ничего не получалось, и я долго стоял на коленях. Солдаты, проходившие мимо меня, везли санки с пулеметами и, недоумевая, смотрели на меня, а кое-кто и улыбался, не понимая в чем дело.

Я хотел было попросить кого-либо из прохожих помочь мне подняться, но язык мой как бы отнялся, и я не мог говорить.

В это время меня заметил шофер нашего грузовика. Я видел, как сначала этот здоровый человек смеялся надо мной, потом, поняв в чем дело, помог мне подняться на ноги. Я, шатаясь, взял свой «тяжелый» чемодан и направился к одному из ближайших небольших деревянных домов.

13

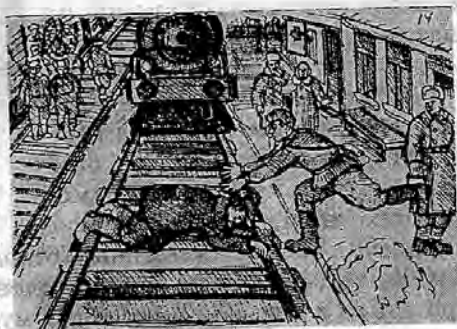
С помощью местного, неизвестного мне железнодорожного путейца удалось добраться до станции Бакситогорск Тихвинского района Ленинградской области. На этой станции стоял военный эшелон, ожидая отправки на фронт — к осажденному врагом Ленинграду.

Когда я подходил к эшелону, из вагонов смотрели на меня казахи, одетые в военную форму⁴. Некоторые солдаты выпрыгнули из вагонов, окружили, смотря со страхом и сожалением на меня — страшно худого, болезненного, почти бескровного. Может быть, они впервые увидели жителя голодного блокированного Ленинграда. Некоторые из казахов, сидевшие в вагоне, бросили мне куски хлеба, а стоявшие рядом дали его мне в руки. Я брал хлеб и засовывал его в карманы. Один офицер увидел, что у меня отмороженные руки, и указал мне знаками на белый флаг с красным крестом, пояснив, что я должен идти в медицинский пункт.

14

Я направился к медицинскому пункту, пройдя мимо вагонов, откуда были устремлены на меня взгляды всех солдат-казахов. Желая обойти поезд, я с величайшим трудом перешагнул через рельсы, но, желая перешагнуть другую пару рельсов, упал. Хотел встать, но не было сил, мои ноги не слушались. Вдруг мимо этого казахского эшелона откуда-то помчался на меня другой поезд.

Я был бы раздавлен поездом, если бы кто-то из военных в этот момент не бросился ко мне, лежавшему, и молниеносно не вытащил на безопасное место.

Здесь я совсем потерял силы и не мог даже стоять на ногах. Несколько человек понесли меня на руках в здание станции и положили на лавку-скамейку.

15

Я крепко спал в зале станции и не помню, как меня вытащили и положили на сани.

Вдруг я очнулся, как будто бы качали, я увидел, что меня в теплом тулупе везли бегущие лошади, и тут же я опять заснул.

Но вот мы приехали, с меня сняли одежду и валенки, помыли мое страшно исхудалое тело, надели больничное белье и положили на стоявшую в коридоре кровать.

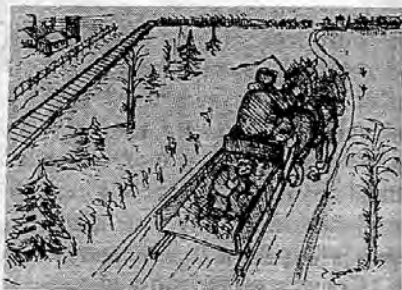
Очнувшись утром 22-го марта 1942 года, я узнал, что я нахожусь в больнице, куда я попал благодаря людям, спасшим меня от верной смерти.

16

Я прибыл 7-го июня 1942 года на станцию Пермь-I в разгар лета. В это время я был одет в зимнее пальто и валенки. Особенно в то время болели у меня стопы ног, и я шатался, очень медленно ходил, мне часто приходилось садиться.

В Перми в ресторане по путевке я получил хлеб, завтрак и обед. Выйдя на перрон, сел на скамейку, ожидая прибытия поезда, с которым мог бы отправиться в Свердловск.

Вдруг я увидел у женщины в белом фартуке поднос, на котором лежали груды красных корок от головок сыра. Она хотела было выбросить их в большой деревянный мусорный ящик, стоявший недалеко от вокзальной кухни. Я моментально подбежал к ней и попро-

сил, чтобы она оставила мне эти корки от сыра. Она пододвинула поднос ко мне, и я собрал их своими руками, на которых отмороженные мизинцы были еще забинтованы. Вернувшись к скамейке, я позавтракал так вкусно, как не ел со времени блокады Ленинграда.

Вскоре прибыл поезд с эвакуированными ленинградцами, среди них было много женщин.

В это время работница кухни вынесла ведро с говяжьими костями и хотела было бросить их в мусорный ящик, вдруг из вагонов выскочили исхудавшие голодные женщины со взъерошенными растрепанными волосами. Они бросились с безумными криками, выхватили эти кости со дна ведра у растерявшейся работницы кухни, а затем бросились к мусорному ящику, где были ранее выброшенные кости, набрали их в подолы юбок и побежали к кухонному раздаточному окну, где им выдавали суп и хлеб.

Видя все это, я понимал, что у этих женщин, переживших ужасы голодной блокады, еще не прошли муки голода, которые я сам испытал.

17

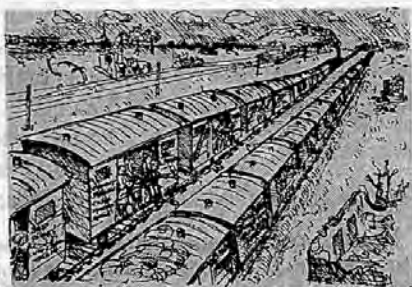
Закончилась война, и в августе 1945 года в г. Свердловске я получил пропуск в Ленинград. Мне было очень радостно, когда я наконец сел в товарный вагон, и поезд тронулся по направлению к Ленинграду.

Через три дня я уже подъезжал к г. Тихвину, я с волнением вспоминал, как в районе этого города я чуть не умер от истощения и холода, как меня спасли в Бокситогорской больнице.

Чем ближе к Ленинграду, тем сильнее билось сердце в моей груди от сознания того, что я жив. Жив, несмотря на тяжелую болезнь, что мне довелось дожить до окончания войны, до полного освобождения Ленинграда от блокады фашистских захватчиков.

Но чем ближе к Ленинграду, тем больше и больше видел я разрушений и развалин мест, ставших теперь мне незнакомыми. Всюду выжженные, неузнаваемые земли, все это результаты ударов немецко-фашистских варваров.

Эта картина разрушения очень огорчила и опечалила.

И вот 27-го августа 1945 года я прибыл в Ленинград, израненный и больной. Это результат бомбежек, вражеских артобстрелов и голода в годы блокады.

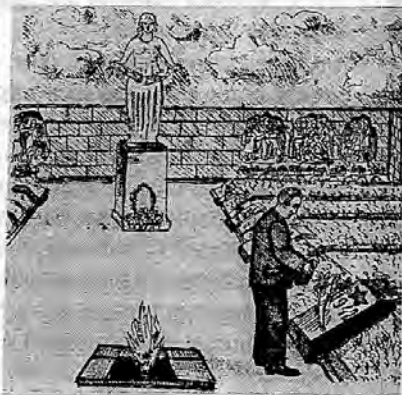
18

В 1965 г. я ездил в Ленинград. Посетил музей — Пискаревское мемориальное кладбище, осмотрел павильоны, где показаны фотодокументы и материалы о пережитых страданиях и жертвах ленинградцев в период блокады в 1941–43 г.

Я обошел все могилы, где были погребены сотни тысяч ленинградцев, умерших с голоду. Там, несомненно, лежали и мои родные: отец и близкие. Я долго стоял, склонив голову у одной из гранитных плит, на которой выгравировано «1942».

Да, я был очевидцем блокады Ленинграда, был очевидцем великих жертв ленинградцев, очевидцем голода, обстрелов и бомбежек.

С чувством печали я вспоминал 1942 г., долго думал, что, наверное, был бы погребен в этой огромной могиле, если бы умер с голоду, но, благодаря судьбе, чудом остался в живых.

¹ Эвакуация детей из города началась уже на шестой день войны — 27 июня. До 6 июля было вывезено около 240 тыс. детей. Из них более половины (около 166 тыс.) в юго-восточные районы области. Детей вывозили без родителей в составе дошкольных детских учреждений и школ в сопровождении педагогов и медперсонала. В связи с прорывом немецких войск в эти районы во второй половине июля 1941 г. большинство детей (около 115 тыс.) было возвращено в Ленинград. Сцена, которую наблюдал автор, не свидетельствует о насильственном вывозе детей. Мать просто не могла без страдания расстаться со своим ребенком.

² Фасад здания школы как раз и был ориентирован в сторону линии фронта у Пулковских высот и южного побережья Невской губы, захваченной противником.

³ Город в Ленинградской области, в 1948 г. переименован в Ломоносов.

⁴ Казахстан в годы Великой Отечественной войны послал на фронт более 20 дивизий и бригад. Из них почти 50 % в разные периоды сражались за освобождение Ленинграда от блокады.

Э. Мартино

**Блокада: между героизмом и трагедией
(к методике изучения вопроса)**

Публикация неизвестных ранее архивных документов¹, относящихся к советскому периоду истории России, вызвала во Франции новые вопросы, которые касаются, в основном, структуры власти в 1920–1950-х годах². Большой интерес также вызывает и современное состояние русского государства: понять сегодняшнюю Россию — основная цель и задача ученых всего мира³. Одни историки полагают, что сейчас ей нужно идти по западному пути развития, другие видят в современных событиях доказательства того, что в политической жизни России всегда была, есть и будет традиция тоталитаризма. Однако понимания ее современного развития можно достичь только при знании прошедших событий. Ведь те люди, которые сегодня делают историю, родом из прошлого. Распад СССР поставил точку XX столетия, то есть тому периоду мировой истории, который сформировался после Первой мировой войны. События, которые происходят сейчас в России, может быть, представляют нам силуэты не прошлого, а будущего⁴. Таким образом, изучение России, ее истории важно не только для нее самой, но и для всего мира, так как позволит по-новому взглянуть и на развитие западных государств.

Для того, чтобы понять, как люди реагируют на определенные события, чем предопределяются их действия, важно вскрыть движущие ими мотивы. В силу этого изучение представлений и субъективных реакций является не менее существенным, чем рассмотрение самих исторических фактов. Быть может, в исследовании русского прошлого заключен особый смысл, поскольку слова и символы здесь всегда имеют особое значение.

С такой точки зрения, анализ представлений о блокаде Ленинграда вызывает исключительный интерес. Изучение этого вопроса

может открыть новые направления в интерпретации современного российского менталитета, в частности; жителей Санкт-Петербурга.

О блокаде Ленинграда опубликовано достаточно много материалов. Помимо русских исследователей, эта проблема глубоко изучается учеными США, Германии и Франции⁵. Большинство историков спорят по поводу стратегии и тактики во Второй мировой войне. Страсть и субъективность занимают в их исследованиях слишком большое место, причем часто просто забывается о людях — непосредственных участниках исторического процесса.

Я же попыталась посмотреть на историю блокады именно с точки зрения людей, переживших ее. Изучение свидетельств очевидцев, наблюдение за изменением взглядов в 1950–1970-е годы, наконец, анализ их современного отношения к трагедии 1941–1944 годов дают неисчерпаемый материал для понимания прошлого и настоящего.

В последние десятилетия во Франции много исследований посвящается проблеме памяти, которая с 1980-х годов стала считаться полноправной исторической темой. Впервые проблема исторической памяти была поднята в работах социолога М. Албвакса⁶. Албвакс определил такие понятия, как индивидуальная (личная) и коллективная (общественная) память. Человек принимает участие в их формировании, однако у него одновременно могут существовать противоположные точки зрения на один и тот же объект воспоминаний. В рамках своей индивидуальности он смотрит на прошлое не так, как другие, что отличает его от остальных членов группы, к которой он принадлежит. Вместе с тем тот же самый человек способен подчиниться интересам группы и принять целесообразные для коллектива воспоминания. Коллективная память включает в себя личные впечатления о том или ином событии каждого из членов группы, но отличается от них. Память группы больше всего принимает во внимание общие черты воспоминаний своих членов. Благодаря единству памяти группа укрепляет свою «идентичность», свое социальное лицо.

Албвакс подчеркивал, что у каждого субъекта существует индивидуальная система ценностных ориентаций в области памяти, но объективно существует только одна история. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить противоречия и единство в интерпретации исторического процесса у различных категорий населения от личности до целой страны, как определенной группы носителей памяти в тот или иной период времени.

Пьер Нора, опираясь на эти понятия, создал новую теорию исторической памяти⁷. Он определил различные этапы отражения исто-

рии в памяти французов, проанализировал связи, существующие между историей и памятью. Согласно теории Нора в XIX веке сформировалось ощущение исторической памяти, для определения которой он ввел термин — «история-память» (память, которую считают историей). Ученый сопоставил естественную (бытовую) память и «историю-память». Естественная память всегда жива, она существует в традициях, в привычках, в поведении, а все, что мы включаем в понятие «история-память», уже принадлежит истории. Однако существование «памятных мест» — «Les Lieux de Memoire» — доказывает, что естественная память, покинув повседневную жизнь, стала «памятью-историей» и нашла приют в специфических местах. «Памятные места» стали символами исторических событий, они определили официальное отношение к прошлому. Появилась общественная обязанность отмечать социально значимые исторические даты.

Антуан Прост определил, что во Франции существует особый механизм развития «национальной памяти». Республиканская модель отношения к наследию влияла на общественное представление о прошедших событиях и не позволяла развиваться отдельным формам их интерпретации⁸. Аннэт Вивиорка доказала, что сразу после окончания Второй мировой войны вернувшиеся из лагерей французские евреи не имели сложившихся групповых воспоминаний о лагерях. Существовали до 1970-х годов две версии: государственная (сформулированная де Голем) и коммунистическая. Только в середине 1970-х годов третье поколение, то есть внуки тех, кто прошел опыт лагерей, начали собирать воспоминания, подчеркивая особенности судьбы евреев во время войны⁹. Республиканская модель играла важную роль в разработке структуры общественной памяти. Если бы государство и общество признали особенность судьбы евреев, то возникло бы противоречие в общей республиканской концепции, по которой гражданство и национальность слиты в одно целое.

В России же сложилась другая ситуация. Стремление защитить родину объединила всех, хотя всегда существовало различие в интерпретации понятий национальности и гражданственности. Русская государственная модель отличается от французской тем, что представляет Россию и СССР «многонациональным государством», в данном случае механизмы формирования «национальной памяти» другие. Они должны способствовать объединению общества, но, кроме того, дать каждой группе возможность узнать саму себя.

Размышления о природе исторической памяти больше позволяют понять состояние современного мира, чем прошлого. Когда чело-

век рассказывает о прошедшем событии, он, как правило, рассматривает его с точки зрения сегодняшнего дня и привлекает в качестве фильтра весь свой опыт, имевший место в промежутке между прошлым и моментом воспоминания. Таким образом, его повествование не только относится к какому-либо конкретному эпизоду, а является результатом жизненного опыта. Анализ воспоминаний дает возможность определить отношение рассказчика к прошлому и настоящему, а также общие модели исторической памяти в его сознании.

С этой точки зрения, Вторая мировая война и блокада Ленинграда являются важным моментом памяти в Петербурге. Все ветераны и блокадники вспоминают об этом как об определенном этапе на оси времени: было до войны, до блокады и после войны, после блокады. Часто рассказы начинаются так: мы были на даче и вдруг... вдруг появилась речь Молотова, вдруг появились тучи на ясном летнем небе: началась война. Это конец мира и определенной эпохи. Как важный момент события участники и свидетели войны определяют появление новых психологических ситуаций.

Пискаревское кладбище, площадь Победы, парк Победы, Зеленый пояс Славы, книги, картины и фильмы о войне, важные даты: 8 сентября 1941, 27 января 1944 года — все это принадлежит исторической памяти о блокаде.

В рамках небольшой статьи невозможно проанализировать всевозможные объекты, хранящие память о войне, поэтому я сосредоточусь только на письменных и устных рассказах о блокаде.

«Полной ясной картины пережитого участниками этих грандиозных по трагедии и подвигу событий у нас еще нет. Даже у специалистов нет единого мнения <...>»¹⁰. В частности, вопрос о количестве жертв остается до конца не выясненным. Так, например, В. И. Ковальчук, проработав много лет над этим вопросом и сопоставив официальную цифру погибших — 632 254 с результатом собственных исследований — 1 900 000¹¹, пришел к выводу, что «назвать бесспорную цифру числа жертв ленинградской блокады пока невозможно»¹².

Первые попытки определить число погибших во время блокады имели место уже в 1943 году, когда районные комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев сообщили результаты своей работы в городскую. В 1945 году на Нюрнбергском процессе фигурировала официальная цифра: более 600 000 человек. Наверное, с точки зрения власти следовало указать меньшее количество жертв. Г. Л. Соболев утверждал: «Жданов в сорок четвертом году создал специальную комиссию, получившую более точные данные <...> Такой

доклад есть, но еще никто из исследователей его не видел»¹³. У людей, живших тогда, в страшную первую зиму, в Ленинграде, было другое впечатление о событиях: «В декабре все в большем количестве ездили по городу огромные грузовики, груженные покойниками, обычно без простыней и без оджды <...> Никто не ужасался <...> Смертность в ноябре поднялась до 2000, 2500 человек в день»¹⁴. Все дневники того времени описывают чувство близости смерти. Люди видели, сколько умерло вокруг них. В течение почти трех лет смерть была естественным, ежедневным явлением. Вместе с тем в конце блокады она приобрела политическое значение.

Сразу после блокады, в 1945–1949 годах, вопрос о количестве погибших звучал бы неуместно, и официальная цифра жертв оставалась неизменной. В конце 1960-х этот вопрос возник снова, и некоторые историки, может быть, тогда почувствовали, что официальная цифра не соответствует действительности. В то время на страницах газет шли горячие споры о числе жертв. В этом сыграл определенную роль нарком торговли РСФСР (1939–1942), уполномоченный ГКО по продовольственному снабжению Ленинграда Д. В. Павлов. «<...> получилось так, что потом некоторые (Д. В. Павлов в первую очередь) увидели ущерб чести мундира в этих огромных жертвах <...> смертность настолько захлестнула город и стала такой неуправляемой, что действительно ни о каком точном учете, начиная с декабря 1941, не могло быть и речи по очень многим причинам»¹⁵. Все рассказы очевидцев подтверждают эту мысль.

Интересно проанализировать методику подсчета погибших. Во время блокады считали по захоронениям и продовольственным карточкам. Позднее, особенно в 1960-е годы, проводили более сложные исследования. Одни историки вели подсчет по числу выданных продовольственных карточек, другие сравнивали количество карточек с данными об эвакуации населения, опираясь на сведения, почерпнутые из архивов. Разница между этими цифрами, утверждали они, и есть число погибших от голода! Результатом стало заключение, сделанное в 1965 году: «Предположение о том, что от голода погибло свыше миллиона ленинградцев, неправильно <...> жертвами блокады (голода, артобстрелов, авиабомбежек) были за период войны 569 225 человек», то есть меньше, чем официальная цифра!

В период полемики о количестве жертв блокады можно заметить разный подход исследователей к интерпретации истории. Кроме общих политических споров, здесь проявились две концепции исторической памяти о блокаде: «героическая» и «трагическая». Эти две кон-

цепции образовали два подхода к одной проблеме, то есть стали как бы сторонами одной медали, причем казалось, что эти стороны не могут одновременно существовать.

Вопрос о жертвах снова возник в конце 1970 — начале 1980-х годов. Он возник в рамках официальной истории, ориентированной на «героическую» концепцию. Большая роль в этом принадлежала поисковым отрядам. Их целью было найти и назвать поименно всех, кто погиб во время войны. Назвать поименно — значит отойти от анонимной массы и подойти к личности. В связи с этим появились новые вопросы. Работа поисковых отрядов выявила большое количество пропавших без вести, забытых и не включенных в официальные списки жертв. Ковальчук первым подчеркнул возможность сосуществования «героической» и «трагической» памяти: истинное количество жертв «не только не умаляет, но подчеркивает героизм и доблесть миллионов людей, одетых в шинели, которые не только независимо ни от чего дрались с врагом, гибли, грудью защищая Родину <...> отказаться от идеи установить точное число жертв голодной смерти невозможно <...>»¹⁶.

«Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича сыграла важную роль в разработке новых подходов к истории войны. Она раскрыла судьбы конкретных лиц блокады и наметила новый путь в изучении вопроса. Однако история цифр продолжается, и две стороны исторической памяти, хотя и с трудом, но могут примириться. Газеты 1980–1990-х годов отражают самые жесткие споры. Вслед за вопросом о количестве жертв определились так называемые «белые пятна» истории. Статьи Д. К. Жеребова¹⁷ продемонстрировали факт обострения дискуссии. Они показали, что в исследованиях о блокаде возникают проблемы не только в области правдивого отражения истории, но и в отношении к ней всего общества в целом. Все, и блокадники, и историки, и молодое поколение жителей города на Неве, являются неотъемлемыми участниками хранения и развития памяти и ответственны за свою историю.

Вопрос о количестве жертв блокады является важным, поскольку из него вытекает ряд других. Он не только отражает столкновение двух концепций памяти, но и политические ориентации в интерпретации истории. Вслед за ним возникает вопрос об ответственности: кто виноват в том, что Ленинград оказался во вражеской блокаде? Кто отвечает за такое огромное количество смертей? Все ли меры были тогда приняты? «Кто конкретно виновен?» — спрашивал в 1988 году Жеребов¹⁸. Какую роль играли Сталин и другие руководители в бло-

каду? Какую связь имела блокада с Ленинградским делом 1949 года? Кто ответственен за голод, почему до блокады отказались от предложения Микояна направить в Ленинград эшелоны с продовольствием, шедшие в районы страны, уже занятые противником?¹⁹ Здесь важно отметить, что в России, как, впрочем, и в других странах, тема смерти образует как бы нервный центр памяти, и в данном случае исторические проблемы проходят сквозь него. В истории изучения этих проблем можно найти следы двух рассмотренных концепций «истории-памяти».

Когда был сформулирован вопрос об ответственности? Если посмотреть дневники блокадного времени, станет очевидным, что уже тогда люди задавали этот вопрос. Впервые он появился в августе-сентябре 1941 года и все больше и больше развивался с ухудшением материального и физического положения населения. Н. А. Ломагин привел характерные высказывания блокадников: «Кричали, что мы непобедимы, а немцы нас бомбят, я не уехала из Ленинграда, потому что поверила Советской власти, а теперь хожу голодная, а правительство зачем кормит нас, заживо погребенных людей, все равно погибнем от бомб»²⁰. По дневникам можно определить два направления критики существующей политической системы. Впрочем, очень редко в документах ставился вопрос о самой системе, часто считали, что ответственны за голод плохая организация и отдельные руководители торговли, а также обвиняли «фашистов-людоедов» (пресса того времени широко употребляла подобную терминологию). После войны вопрос об ответственности практически исчез и в официальных речах, и в печати.

Только в 1980–1990-е годы был снова поднят этот вопрос. Тогда изучение блокады сблизилось с проблемами истории Великой Отечественной войны. Было высказано мнение, что «объяснение причин поражения Красной Армии в начале войны следует искать не в общем соотношении сил, а прежде всего в крупнейших политических ошибках и просчетах военно-стратегического характера сталинского руководства»²¹. Интересно, что эффект внезапности (версия самой сталинской истории) теперь стали применять для того, чтобы доказать ответственность самого вождя. «Дело в том, что наша предвоенная концептуальная теоретическая мысль неправильно оценивала начальный период вооруженного столкновения <...> с начала войны стало ясно: прогноз Сталина не оправдался»²². Но еще больше, чем бездарность Сталина-полководца, причиной неудач называют репрессии 1930-х годов: «Сейчас многие утверждают, что чуть ли не един-

ственной причиной трагедии сорок первого года и Ленинграда, в частности, явились репрессии тридцать седьмого, тридцать восьмого годов против военных кадров»²³. Однако здесь слышится эхо вопросов французских историков — русские исследователи лишь подчеркивали трудности в определении ответственности.

Если обратиться к сборникам документов периода Великой Отечественной войны, станет ясным, что совершенно не освещен механизм принятия важных политических решений. «<...> это еще одно белое пятно в историографии битвы за Ленинград: отсутствие системного представления о структуре, функциях, полномочиях, деятельности органов руководства и управления в регионе во время войны»²⁴ и серьезная проблема для тех, кто исследует историю блокады. Какими были отношения между центральной властью и властями города? Документ № 181 из сборника «Ленинград в осаде» ясно отвечает на этот вопрос²⁵. 19 октября 1941 года ГКО СССР принял постановление о введении в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения. А. А. Жданов после этого обратился к главному прокурору Красной Армии В. И. Носову с предложением подготовить проект указа Президиума Верховного Совета СССР «Осадное положение». Тогда считалось, что введение осадного положения в столицах должно решаться Президиумом Верховного совета СССР и ГКО, а в остальных местностях постановлением Военного совета фронта или местного Комитета Оборона. «Пункт три проекта указа позволял командованию Ленинградского фронта самому решить вопрос о введении осадного положения»²⁶. В. И. Носов в вышеуказанном документе говорит: «Однако мне недавно по телефону сообщили, что проект этот отложен <...>»²⁷. История формирования Совета Оборона Ленинграда в августе 1941 года тоже ставит вопросы. После формирования Совета Оборона Ленинграда Сталин потребовал, чтобы Ворошилов и Жданов вошли в его состав. 30 августа функции Совета Оборона Ленинграда были переданы Военному совету Ленинградского фронта²⁸. Некоторые документы подчеркивают влияние центральной власти на городские. Как же все функционировало на местах? Статья М. В. Ежова объясняет эти вопросы: «Многообразная деятельность органов местного самоуправления, направленная на решение военных задач и проблем жизнеобеспечения населения, приобрела ярко выраженный общественно-политический характер»²⁹. Но не только общественно-политический, можно сказать, что все органы самоуправления города имели и военный характер, в то время политика и война слились в одно целое. Таким образом, если у

ленинградских деятелей была некоторая независимость, тогда и «все они несли равную ответственность за все»³⁰. Так кто же решал городские актуальные проблемы? Самоуправление города или же все решения принимались Сталиным?

Подсчет количества жертв блокады сам собой привел к вопросу об ответственности. Все споры, ведшиеся по этому вопросу до настоящего времени, показывают тесные связи, существующие между официальными интерпретациями и отдельными мнениями. Они отражают, уже обозначенные, две концепции исторической памяти, которые существуют в обществе.

Переходя от статистической проблемы жертв к вопросу об ответственности, можно определить основные ориентиры исторической памяти по страницам газет и книг. Из анализа периодики ясно вырисовывается не менее двух направлений, по которым формируется общественная память.

Если провести сравнительный анализ дискуссий историков с простыми разговорами блокадников, то можно найти в них объединяющие черты: стремление к правде и констатация «белых пятен». Все согласны, что полная история блокады пока еще не написана. С этой точки зрения особое значение для исследователя приобретает свидетельство очевидца — непосредственного участника событий.

Первая основная проблема, которую встречает ученый, намеренный опираться на интервью, заключается в выборе группы людей. В данном случае возникает вопрос, кто является истинным блокадником? На первый взгляд, такой вопрос может показаться странным, но на самом деле он не так уж прост. Откуда взялось само слово «блокадник»? В документах блокадного времени такого термина не встречается. Тогда существовало выражение: «защитник блокадного Ленинграда». Когда же появилось слово «блокадник»? Этот вопрос решить сложно. Официально терминология определилась только в 1989 году, когда был учрежден знак «ЖБЛ» (Жителю Блокадного Ленинграда), но до этого официальные представления менялись. Сначала власти предоставили льготы лицам, проработавшим в учреждениях Ленинграда с 8 сентября 1941 по январь 1943. Им вручалась медаль «За оборону Ленинграда». В середине 1980-х годов официальная точка зрения изменилась. Однако уже в конце блокады представления населения были примерно следующие: «Я не была на оборонных работах, в группах МПВО тоже не участвовала и знаю, что медали мне не дадут. Зато значок «Ленинградец» выдадут всем»³¹. Тогда принадлежность к Ленинграду — городу-символу в истории СССР и России означала очень многое.

Поскольку исследователям, изучающим историческую память, важны все направления мыслей интервьюируемых, без всяких моральных оценок их суждений, необходимо определить понятие носителей памяти. Все, кто был долго или недолго в осажденном городе, являются объектами нашего внимания, так как несут в своей памяти сведения о блокаде Ленинграда. Историк не может следовать социологическим путем, который требует выделения характерной и показательной группы людей, как, например, при опросах общественного мнения. Ему невозможно вычленив такую группу, во-первых, потому, что так называемые «блокадники» не являются характерной группой, не говоря о том, что большинство из них уже умерло. Только судьба, а не социологическая методика, решила, кого оставить в живых. Методика не дает рецепта, как определить заранее процент женщин, мужчин или возраст респондентов. Единственный факт, что человек пережил блокаду Ленинграда, определяет его включение в группу.

Мы решили задавать вопросы тем, кто считает себя блокадником, и тем, кто прожил либо все, либо часть времени блокады. Опыт показал, что при опросе ученый попадает в мир индивидуальных представлений и теряет целостное впечатление. Нельзя не учитывать, что тяжесть впечатлений блокадного времени многим людям просто не дает возможности говорить и рассказать об этом. Таким образом, часть информации теряется. С этой точки зрения история памяти о блокаде, по нашему мнению, очень близка к истории памяти о нацистских лагерях.

Опыт опроса бывших заключенных концлагерей помогает понять психологические механизмы воспоминаний блокадников. Первый общий вопрос: возможно ли рассказать? Смысл этого вопроса можно понять. Например, узник концлагеря Ерге Семприн выразил такое сомнение: «Но можно ли рассказать? И возможно ли это будет? Сомнение ко мне пришло уже с этого первого момента», то есть, сразу после освобождения из лагеря³². «Тем не менее я сомневаюсь в том, что возможно рассказать. Не потому что испытание было невыразимым. Оно было невыносимым, а это другое дело»³³. В конце концов автор сделал вывод: «Только мастерство освоенного рассказа сумеет частично передать правду свидетельства»³⁴. Некоторые блокадники уверены, что молодое поколение не может их понять; может слушать, сочувствовать, а понять — нет. Это очень показательно. Часто блокадники обращают нас к литературе, потому что она, быть может, лучше выразит их чувство, то тяжелое чувство, которое так сложно передать словами. Многие старались описать свое состояние в пери-

од блокады: «Это обязательно надо сказать, у нас ноги опухли, чувство безразличия ко всему, худые лица...». Чтобы понять то чувство, которое объединяло людей в экстремальных условиях гибели, процитируем еще раз Семприна: «Смерть. Она была существом нашего братства, ключом нашей судьбы, знаком принадлежности к обществу живых. Мы вместе ощущали это испытание смерти, это сочувствие»³⁵. Рассказ автора во многом напоминает сегодняшние рассказы блокадников. Он ясно описывает свою жизнь после освобождения и свои колебания между забвением и памятью: «Мне было ли дано право жить в забвении?»³⁶. Он объясняет, что испытание смертью не закончилось, когда освободили из лагерей. Так же говорит и одна из блокадниц: «Мы заболеваем блокадой, надо говорить о синдроме блокады»³⁷. Все это свидетельствует о сложных процессах, проходящих в сфере индивидуальной памяти. Одни просто физически не могут рассказать, другие думают, что надо забыть ужас пережитого.

В столкновении двух концепций памяти, о которых мы уже говорили, проявляются указанные психологические механизмы воспоминаний. Это доказывает, что блокада еще живет в настоящем, блокадники не распрощались с выпавшими на их долю испытаниями и не могут распрощаться. Странно, что об этом не говорят, когда рассматривают вопрос о последствиях блокады. Здесь тоже очень много близкого с воспоминаниями узников концлагерей. Прямо Леви, который находился в 1944 году в концлагере Освенцим, так описывает реакции бывших узников: «Можно определить две категории людей. Принадлежат к первой категории все, кто отказывается от рассказа, от возвращения на место лагеря, все, кто хотел бы забыть, кто не смог забыть и мучается кошмарами, и все, кто забыл, кто с нуля начал жизнь... Во второй категории можно найти бывших политических заключенных или лиц, у которых есть политическое образование, религиозное убеждение или моральная совесть. Для них вспомнить — это долг, они не хотят забывать, и больше того, не хотят, чтобы мир забыл, потому что они поняли, что их испытание имело смысл, что лагеря не были только случайностью»³⁸. Среди блокадников также можно встретить сходные позиции тех, кто хочет забыть, и тех, кто хочет свидетельствовать. Например, Леви решил дать всему миру объективное, простое свидетельство, потому что «может быть, то, что происходило, невозможно понять, и даже нельзя понять, поскольку понять — это почти оправдать»³⁹.

Необходимо отметить, что блокадник не может воссоздать все то, что с ним произошло, многое лежит в области чувств и проявля-

ется только в эмоциях. В рассказах свидетелей не надо искать правду. Важно слушать и постараться понять, как они сумели пережить испытания включить в жизнь, а потом в воспоминания. Собирая свидетельства очевидцев как важные документы в исследовательской работе, историк испытывает методологические трудности и вынужден идти по длинному пути. Интервью является не только механической процедурой, это прежде всего живой момент общения, который создает и сам историк, задающий вопросы, и опрашиваемый человек. Надо отметить и другую сложность. Результаты встреч с блокадниками, то есть воспоминания, собранные историком, не являются объективными документами, хотя и представляют собой исключительно оригинальные тексты. Исследователь несет большую ответственность, так как сам влияет на характер встречи, что воздействует на результат. Один и тот же человек может ответить на конкретный вопрос сегодня — одно, а на следующий день — другое. Очень важно, чтобы историк проявил скромную интеллектуальную порядочность, признаваясь в том, что он, и только он, отвечает за свои выводы.

Какие главные темы можно выделить из массы полученной информации? Рассказывая о своих испытаниях, блокадники тесно связывают прошедшее с настоящим. Все они подчеркивают внезапность возникновения войны в их жизни. Если внимательно проследить за структурой повествования, можно определить два вида воспоминаний. В первом ударение ставится на действие — оборону и работу, осуществлявшуюся жителями Ленинграда в то время. Второй — основывается на страданиях, выпавших на долю рассказчиков. Здесь заметно проявление отмеченных нами двух направлений памяти.

4 декабря 1943 года Ленинградский горком партии и Военный совет Ленинградского фронта приняли постановление «Об организации выставки "Героическая оборона Ленинграда"»⁴⁰. Управление по делам искусств Ленгорисполкома должно было осуществить необходимые меры по созданию выставки. Л. Л. Раков руководил подготовкой экспозиции, которая разместилась в 26 залах (9000 кв. м)⁴¹ Соляного городка на набережной реки Фонтанки. Открытие выставки состоялось 30 апреля 1944 года. У входа стояли трофейные танки и самоходные орудия. Выставка отражала борьбу советских воинов на дальних подступах к Ленинграду, рассказывала о Дороге жизни, боевых действиях по прорыву и снятию блокады, о героическом труде защитников на заводах и фабриках. 13 октября 1945 года Совнарком Российской Федерации принял решение преобразовать выставку в Музей обороны Ленинграда.

В данном случае можно было говорить о героико-эпической летописи подвига ленинградцев-богатырей, но официальная государственная история Великой Отечественной войны гораздо позже усвоила эпiku героической защиты Ленинграда, превратив ее в подвиг советского народа.

У рассказчиков второго вида воспоминаний больше акцента на страданиях и горе, которое стирает другие аспекты. Причин этому может быть много, не случайно одна блокадница сказала: «У каждого была своя блокада». Например, особо жестокие события или возраст рассказчика могли спровоцировать такую ориентацию памяти. У детей-блокадников особая память о страданиях. Иногда противоречивыми оказываются воспоминания взрослых и детей периода войны. Социальное положение также создает отличие в переживании блокадных лет.

Все рассказы имеют очень близкие структуры: начало войны, возникновение чувства страха, потом оборонные работы. Начало блокады почти у всех связано с пожаром Бадаевских складов. Блокадники вспоминают черный дым и сразу начинают рассказывать о «бадаевской» земле, которую ели. Подсознательно они считают этот пожар символом начала блокады и голода. Воспоминания надо слушать и читать как символическое переосмысление трагических событий. Тот, кто не сразу упоминает пожар, либо молчит о периоде зимы, либо очень откровенно рассказывает об испытаниях и скоро переходит к описанию смерти. Как мы уже сказали, смерть, даже когда люди молчат, занимает центральное место в их памяти. Надо еще отметить, что размышления об испытаниях приводили иногда к творчеству. Некоторые блокадники старались выразить все чувства тогдашней жизни в картинах, стихах, рассказах. Эти произведения появлялись и во время, и после блокады. Через процесс созидания люди вновь переживали испытания и преобразовывали его в объекты творчества.

Задавался и такой вопрос: какие у блокадников памятные ценности? Почти никто из них не отмечал день 8 сентября (1941). Важными для них датами являются 18 января (1943), 27 января (1944) и 9 мая (1945). Январь — это памятный месяц. Потом следуют скорбные семейные даты: смерть отца, матери, сына... Из этого можно сделать вывод, что трагическая память сохраняется индивидуальной памятью, а героическая — официальной, государственной, а в настоящее время — общественной. Как уже говорилось, редко упоминается дата 8 сентября. Возможно, это говорит о том, что хронологические пределы блокады не одинаковы для всех. Но в чем мож-

но быть совершенно уверенными, что для всех более важен конец блокады, чем ее начало.

В своих рассказах блокадники, как правило, связывают трагедию прошлого с настоящим. Историк при этом может услышать две жалобы. Первая главная жалоба — недостаток правды. Все хотят, чтобы рассказывали и писали о блокаде правду, подразумевая часто, что пока правду не говорили и не писали. Критерии правды зависят от людей и вращаются вокруг тем героизма и страданий. С точки зрения одних, о блокаде рассказывается в слишком черных красках, по мнению других — многое скрывают. В жалобе на дефицит правды сталкиваются героическая и трагическая стороны исторической памяти.

С этой точки зрения вопрос о перерегистрации блокадников, который возник в сентябре 1997 года, очень показателен. Было высказано мнение, что в настоящее время стало больше блокадников, чем было жителей в блокадном городе. Из этого вытекает вторая жалоба, связанная со стремлением к правде: жалоба на непризнание. Многие рассказчики выражают сильное желание, чтобы им поверили и признали. Две названные жалобы имеют тесную связь с утверждением статуса ветеранов и блокадников.

Предоставив льготы только определенным категориям, власть способствовала особому прочтению истории блокады. До середины 1980-х годов она признавала только тех, кто работал в Ленинграде с сентября 1941 по январь 1943 года, и тех, кто имел медаль. Таким образом, официально признавался труд и героизм, и отодвигались в сторону страдания, то есть, в основном дети, пережившие блокаду, но не только они. Все те, кто не вошел в официальные категории, вынуждены теперь доказывать обществу, что они имеют право на признание. Движение за признание началось снизу среди блокадников. По инициативе самих жителей блокадного Ленинграда был создан Комитет при мэрии Санкт-Петербурга. Потом в 1994 году федеральная власть решила пересмотреть общий статус ветеранов и в том числе блокадников. Однако можно предположить, что военное поколение считает себя жертвой истории и сегодняшнего экономического положения.

Сравнение разных слоев индивидуальной, общественной памяти в хронологическом и социальном измерении дает важные ключи для понимания современного российского общества. Две стороны восстановления исторической памяти, которые мы здесь отметили, не всегда противостояли друг другу. В период войны героизм и трагизм тесно переплетались между собой. Понятие героизма тогда было раз-

носторонним. По дневникам и рассказам героизмом считалась не только работа, а сама способность выжить в нечеловеческих условиях. Сами себя люди не называли героями, героями для них были военные. Героев разных типов создали потом, и вместе с этим отделились друг от друга героизм и трагедия. В течение примерно 50 лет, воссоздавая историю Великой Отечественной войны, старались больше опираться на героическую память, отчего и возникла традиция коллективной памяти, которую мы выше рассмотрели. Трагическую память старались не будить, главным образом, потому, что она вызвала бы вопросы, касающиеся количества жертв. Люди военного поколения приняли это, потому что вспоминать о тяжелых временах никто не хотел. Героическая официальная история опиралась на первую концепцию памяти. «Нужда» в героизме, если можно так сказать, существовала всегда в ленинградском обществе. Однако с исчезновением СССР были поставлены под сомнение не только вопросы истории, но и исторической памяти. Начали сомневаться и в героизме, и в трагедии. Сложилось впечатление, что была только трагедия, поскольку раньше о ней умалчивали.

Изучение проблемы исторической памяти в России, в частности в Петербурге, вскрывает в ней особые черты. Албвакс разработал социологическую теорию памяти, зафиксировав характерные признаки индивидуальной и коллективной памяти. Ученый обнаружил связи, существующие между отдельными видами памяти. Они могут взаимодействовать в интеллекте одного и того же человека. Личность может проявлять себя либо как индивидуум, либо как представитель некоторой группы, к которой она себя причисляет, и при дискуссии на тему войны она опирается на те или иные элементы своей памяти. Можно даже сказать, что индивидуальная память по-своему включается в коллективную⁴². Однако элементы индивидуальных воспоминаний могут изменяться тогда, когда человек выступает от лица группы. В этом смысле, можно сказать, что общественные организации ветеранов войны играют важную роль в корректировке индивидуальной памяти своих членов и разработке параметров коллективной. Организации ветеранов считают своим долгом и обязанностью нести ответственность за формирование «правильной исторической памяти» и берут на себя моральную оценку итогов изучения войны. По этой причине они принимают большое участие в инициативах по социальной защите ветеранов-блокадников.

Чувство ответственности и принадлежности к организации влияют на интересы носителей коллективной памяти. Албвакс считает,

что историческая память не является историей. Память человека опирается на прожитую им историю, а не на выученную историю по учебнику⁴³. Рядом с написанной историей существует индивидуальная история (или индивидуальная память).

Здесь можно выявить особенности в сохранившейся памяти о блокаде Ленинграда. Как уже говорилось, индивидуальная и коллективная память расчленяются на две концепции в их интерпретации. Первая — героическая — стремится к объединению, она опирается на высокие чувства: братство, героизм, совместный труд. Вторая — трагическая, — как правило молчалива, она чаще принадлежит к частному миру воспоминаний. Молчание здесь не обозначает забытье. Официальная история, обобщая героическую сторону памяти о блокаде, признавая героические страницы обороны Ленинграда, умалила значение трагической, растворив эпiku блокады во всеобщем советском героизме. В конце 1980-х годов возникли закономерные сомнения в истинности советской интерпретации истории Отечественной войны, всеобщие референции менялись. Под влиянием новых жестких событий в неустойчивом мире коллективная память начала снова просыпаться, стараясь найти новые рамки идентичности.

⁴¹ Хлевнюк О. и Квашонкин А. Большеви́стское руководство, переписка 1912–1927. Сталинское политбюро в тридцатых годах // Документы советской истории. М., 1995.

⁴² Cahiers de l'htp. N 35, dec., 1996.

⁴³ Sapir J. Le chaos Russe. Paris, 1996. P. 13, 295.

⁴⁴ Ibid. P. 13.

⁴⁵ Солсбери Г. 900 дней. М., 1994. Первое издание было осуществлено в Америке в 1969; Barber J. The soviet Home Front, 1941–1945. London, 1991; Bidblack R. Workers at war: Factory workers and labor policy. The siege of Leningrad-Pittsburgh. 1991.

⁴⁶ Halbwachs M. La memoire collective. Paris, 1950; Он же. Les cadres sociaux de la memoire. Paris, 1925.

⁴⁷ Nora P. Les Lieux de memoire. Paris, 1984. 4 tomes.

⁴⁸ Prost A. Les anciens combattants 1914–1939. Paris, 1977.

⁴⁹ Wiewiorka A. Deportation et genocide, onhe la memoire et l'oubli. Paris, 1992.

⁵⁰ Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов. СПб., 1995. С. 228.

⁵¹ Там же. С. 231.

⁵² Там же. С. 232.

⁵³ Там же. С. 227.

⁵⁴ Там же. С. 228.

⁵⁵ Ленинград в осаде. Сборник документов / Под ред. Дзенискевича А. Р. СПб., 1995. С. 319. Док. № 153.

⁵⁶ Ковальчук В. И. Война, Победа и Правда истории // Правда. 9 мая 1990 г.

- ¹⁷ Жеребов Д. К. Белые пятна Блокады // Смена. 8 сентября 1989 г.; Панов В. Не знает сердце середины // Правда. 1 июля 1989 г.; Долгопятова Е. Кому нужны такие открытия? // Вечерний Ленинград. 25 сентября 1989 г.; Брайловский Г. Мы все-таки ленинградцы // Смена. 26 января 1990 г.
- ¹⁸ Жеребов Д. К. История белых пятен ленинградской битвы // Диалог. 1988. № 36. С. 9.
- ¹⁹ Отказ был сформулирован А. А. Ждановым, сославшись на недостаток места для их складирования. См.: Масолов Н. Слова и боль великого города // Смена. 4 марта 1989; Жеребов Д. К. Кто развел кошмар блокады? // Невское время. 22 января; 24 января; 26 января 1991; Барышников Н. И. Эффект внезапности был или не был? // Ленинградская правда. 22 июня 1991; и др.
- ²⁰ Ломагин Н. А. Настроение защитников и населения Ленинграда в период обороны города. 1941–1942 // Ленинградская эпопея / Сборник статей. СПб., 1995. С. 217.
- ²¹ Блокада рассекреченная. С. 9.
- ²² Там же. С. 10.
- ²³ Там же. С. 29.
- ²⁴ Там же. С. 88.
- ²⁵ Ленинград в осаде. С. 422–423.
- ²⁶ Там же. С. 598.
- ²⁷ Там же. С. 423.
- ²⁸ Там же. С. 46. Док. № 11.
- ²⁹ Ежов М. В. Местное самоуправление Ленинграда в период обороны города. 1941–1944 // Ленинградская эпопея / Сборник документов. СПб., 1995. С. 110.
- ³⁰ Блокада рассекреченная. С. 90.
- ³¹ Ленинград в осаде. С. 483. Док. № 204.
- ³² Semprun. J. L'enture ou la vie. Gallimard. Paris, 1994. P. 23. (Здесь и далее перевод мой).
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Semprun J. L'ecritvre oulav. Paris, 1994. P. 34.
- ³⁶ Там же. С. 194.
- ³⁷ Выступление на Коллоквиуме ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград. СПб., 1997.
- ³⁸ Levi Primo. Si c'est un Homme. Paris, 1997. P. 200.
- ³⁹ Ibid. S. 211.
- ⁴⁰ Добротворский Н. П., Хрящев Ю. К. Трудная судьба. Как был разгромлен и возрожден Музей обороны Ленинграда. СПб., 1992. С. 3.
- ⁴¹ Там же. С. 6.
- ⁴² Halbwachs M. La memoire collective. Paris, 1997. P. 94.
- ⁴³ Ibid. P. 105.

Е. В. Лезик

Монумент героическим защитникам Ленинграда (история создания)

Идея создания памятника защитникам Ленинграда возникла еще в годы войны. В 1942 году, когда судьба города решалась на поле брани, когда ленинградцы только возвращались к жизни после страшной блокадной зимы 1941–1942 годов, Ленинградское отделение Союза архитекторов объявило конкурс на лучший проект монумента в честь подвига защитников города под девизом «Пулковский меридиан».

В 1943 году, ставшем переломным в ходе Великой Отечественной войны, эта идея получила дальнейшее развитие, и в Ленинграде был проведен второй конкурс проектов. Однако начавшееся уже в военное время восстановление промышленности и народного хозяйства и развернувшееся послевоенное строительство отодвинули по времени реальное воплощение этого замысла.

С конца 1950-х годов в Ленинграде реальное воплощение нашла идея создания Зеленого пояса Славы, который, по мысли ленинградского поэта-фронтовика М. А. Дудина, должен был обозначить на вечные времена своим зеленым шумом рубеж мужества советских людей. На основных участках переднего края обороны города предполагалось соорудить различные по форме и эмоциональному характеру мемориальные объекты.

Монументу в честь защитников Ленинграда отводилась роль важного связующего элемента в достижении целостности художественного образа Зеленого пояса Славы.

Эта задача требовала тщательной проработки вопроса о местоположении памятника. В качестве такового предлагались и западная оконечность Васильевского острова, и Южно-Приморский парк, но

наиболее удачным вариантом стала площадь, известная жителям города как Средняя Рогатка.

Старое название этого места напоминает о том, что здесь была южная окраина города. В прошлом у въездов в Петербург находились заставы: шлагбаум закрывал дорогу в столицу. Охрана проверяла документы у прибывавших в город людей. По ночам ставились рогатки, которые загораживали въезд. В этом районе было три заставы, или рогатки: первая — возле деревни Пулково, вторая (средняя) — у слияния нынешних Московского и Пулковского шоссе (т. е. на территории площади Победы) и третья — вблизи Заставской улицы.

Средняя Рогатка, находясь в месте соединения важных магистралей страны — дорог на Москву и Киев, — была свидетельницей многих исторических событий. Через нее проходили русские войска после победы на Балканах в войне с Турцией 1877–1878 годов, а в 1919 году после разгрома белогвардейских войск Юденича — красновардейцы. Через площадь в 1941 году шли в бой с фашистскими захватчиками солдаты и матросы, батальоны народного ополчения. В январские дни 1944 года в нескольких километрах от Средней Рогатки началось победоносное наступление дивизий Ленинградского фронта, разгромивших гитлеровцев под стенами города. В районе Средней Рогатки летом 1945 года была воздвигнута триумфальная арка в честь Победы¹. Под ней проходили советские воины, возвращавшиеся домой к мирной жизни.

Таким образом, сама история во многом обусловила и предопределила выбор места для возведения грандиозного монумента, который, по замыслу авторов, должен был раскрыть «все значение и смысл героического подвига его защитников»².

С начала 1950-х годов площади у Средней Рогатки отводилась важная роль в формировании южной части Московского проспекта, и мысль о создании здесь монумента в честь защитников Ленинграда была целесообразной.

В 1957 году Ленинградским отделением Союза архитекторов и Исполкомом Ленгорсовета был объявлен открытый конкурс проектов памятника. Сорок четыре работы были представлены на рассмотрение авторитетного жюри. Первой премии был удостоен проект под девизом «Прорыв», выполненный авторским коллективом в составе С. Б. Сперанского, П. А. Арешева, В. С. Маслова, Ю. К. Покровского³. Разорванное кольцо, доминирующая высотная конструкция внутри него, «стремительный наклон вперед пилона как бы продолжался экспрессивным порывом венчающей его скульптуры»⁴ — таков был

Конкурсный проект Монумента Победы под девизом «Прорыв». 1958 г.

замысел. Думается, именно этот проект стал источником идей композиционного решения памятника, созданного уже другим авторским коллективом, в состав которого также вошел С. Б. Сперанский.

28 марта 1963 года в газетах появилось сообщение: «В Совете Министров СССР. О сооружении в г. Ленинграде памятника героическим защитникам Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Совет Министров Союза ССР поддержал предложение трудящихся Ленинграда и разрешил Исполкому городского Совета сооружение на народные средства в г. Ленинграде памятника героическим защитникам Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

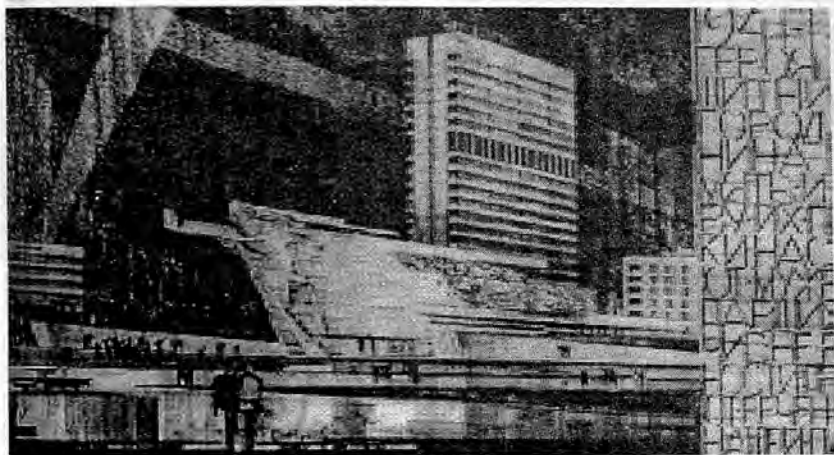
В проведении сбора средств на сооружение памятника должна соблюдаться строгая добровольность»⁵.

Одновременно с постановлением Совета Министров «Ленинградская правда» опубликовала обращение М. А. Дудина⁶, в котором поэт подчеркнул необходимость сооружения мемориального комплекса в городе на Неве.

В печати, в передачах радио и телевидения появились выступления ветеранов войны, общественных деятелей и простых граждан. Общественно значимая цель получала все более четкое оформление, каждый получил реальную возможность отдать долг памяти героям войны.

В том же 1963 году был объявлен конкурс на лучший проект мемориального комплекса, «основной целью которого стало определение места для постановки памятника»⁷, так как это вопрос, несмотря на обозначившиеся приоритеты, оставался открытым.

К числу вариантов местоположения памятника, ставших уже традиционными — Средняя Рогатка, Южно-Приморский парк, западная оконечность Васильевского острова, — авторы представленных

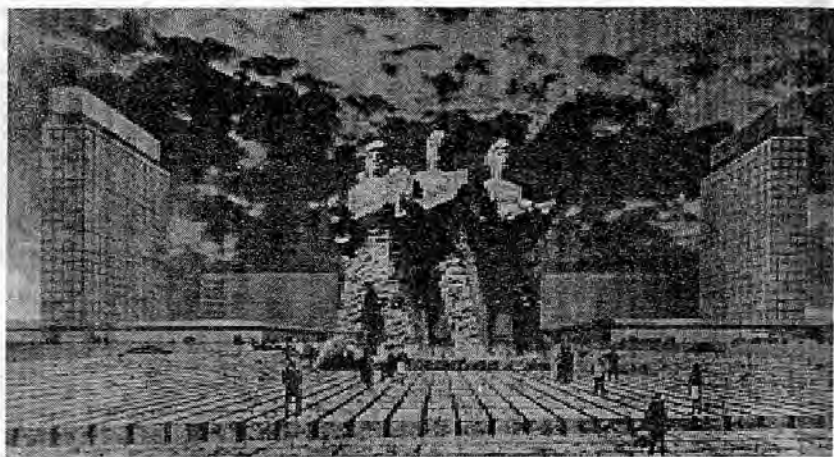

Конкурсный проект под девизом «Вечен огонь нашей памяти». Перспектива.

проектов предлагали целый ряд альтернативных мест, выбор которых требовал незаурядного воображения. Так, предлагалось установить памятник у невского фасада Адмиралтейства, на ступенях набережной⁸; в Адмиралтейском саду, напротив главных ворот Адмиралтейства⁹ и в других местах.

Представленные на конкурс проекты анализировались и обсуждались в Ленинградском отделении Союза архитекторов, в результате чего предпочтение было вновь отдано площади у Средней Рогатки, которая уже со следующего, 1964 года, по решению Исполкома Ленгорсовета, стала именоваться площадью Победы.

Возможность высказать свое мнение по поводу местоположения мемориала вызвала живой интерес ленинградцев, обсуждения проходили в разных трудовых коллективах и творческих организациях. За создание памятника именно на Средней Рогатке высказалась значительная часть специалистов. По достоинству оценивалась роль подобного сооружения с позиций формирования архитектурно-художественного образа нового района Ленинграда. При этом подразумевалась «преимственность в развитии такого рода ансамблей, превращение их в целостные системы, столь необходимые в условиях территориального расширения города, обогащение содержания его отдельных градостроительно важных узлов и возросшие требования к их идейному звучанию»¹⁰. В памяти горожан со Средней Рогаткой связаны многие эпизоды блокады и битвы за Ленинград.

Конкурсный проект под девизом «900».
Перспектива.

В 1966 году прошел второй тур конкурса проектов монумента защитникам города, на который было представлено более 80 работ. Из них жюри отобрало 60, полностью соответствовавших конкурсной программе. В Доме архитектора шли острые дискуссии и обсуждения, но в итоге первая премия не была присуждена ни одному из авторских коллективов, хотя участие в конкурсе принимали многие известные зодчие и ваятели.

Несмотря на обилие критики, высказанной в адрес каждого из проектов, жюри посчитало необходимым присудить вторую премию сразу трем творческим коллективам. Работы под девизами «Вечен огонь нашей памяти», «900» и «Бессмертие» были признаны лучшими из конкурирующих. Слова из обращения М. А. Дудина — «... Вечен огонь нашей памяти...» — стали девизом проекта авторского коллектива, в состав которого входил С. Б. Сперанский¹¹. Проект нового памятника по сравнению с предложенным в 1957 году был более динамичным, но тематически одноплановым. Несколько трансформированная, но не утратившая стремления вперед композиция отражала идею прорыва, освобождения, а столь удачная деталь — аллегорическое разорванное кольцо, которое придает особое звучание нынешнему памятнику, — в этой работе отсутствовала.

Отметим, что четвертая премия была присуждена проекту под девизом «Факел-30», над которым работал авторский коллектив в со-

ставе скульпторов М. К. Аникушина, М. Т. Литовченко и архитекторов Ф. А. Гепнера и В. Н. Ловкачева¹². Проект «Факел-30», будучи признанным аллегорическим отображением подвига Ленинграда, стал, тем не менее, одним из этапов творческого пути, который привел М. К. Аникушина к работе над созданием скульптурного ансамбля мемориала.

После прошедшего в 1971 году так называемого «заказного» конкурса было принято решение объединить творческие усилия ранее работавших в разных авторских коллективах мастеров. Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся утвердил состав творческой группы, в которую вошли: скульптор, народный художник СССР Михаил Константинович Аникушин, удостоившийся в 1958 году Ленинской премии за создание в Ленинграде памятника поэту А. С. Пушкину; народный архитектор СССР Сергей Борисович Сперанский, в 1973 году лауреат Государственной премии СССР за создание проекта гостиницы «Ленинград» и комплекса таможни на советско-финляндской государственной границе; народный архитектор СССР Валентин Александрович Каменский, с 1951 по 1971 год главный архитектор Ленинграда, один из авторов проекта Большого концертного зала «Октябрьский».

Все трое — участники обороны Ленинграда, и их первые попытки образно осмыслить героизм защитников и жителей осажденного города, великую человеческую трагедию были предприняты именно в период блокады.

Для Сперанского, ушедшего на фронт ополченцем со студенческой скамьи Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и попавшего в конце 1941 года в армейский госпиталь после ранения, ужасы первой блокадной зимы стали реалиями его собственной жизни. В декабре 1941 года он вернулся в институт, защитил диплом на звание архитектора-художника, а уже в 1942 году поступил в аспирантуру института, избрав для себя темой работы «Монумент Победы».

Для Каменского, 34-летнего архитектора, с первых же дней войны стала временем работы над созданием оборонительных сооружений, маскировкой важнейших объектов города, в том числе штаба обороны Ленинграда — Смольного. В 1942 году в первом конкурсе проектов монумента, посвященного героическим защитникам Ленинграда, Каменский принял участие¹³. В числе других его работа экспонировалась на выставке в Доме архитектора. В 1943 году, когда в Ленинграде прошел очередной конкурс, из всех представленных проектов работа Каменского была признана лучшей.

Военная биография Аникушина началась на второй день войны. Он ушел на фронт, будучи студентом 5-го курса Института им. И. Е. Репина, участвовал в строительстве оборонительных сооружений, защищал подступы к Ленинграду в Дачном. Он был санинструктором 4-го противотанкового полка, левый фланг которого примыкал к Средней Рогатке, выносил с поля боя раненых бойцов, оказывал первую помощь, доставлял в госпиталь, а в перерывах, после многочасовой изнурительной работы и во время передышек рисовал и лепил портреты раненых воинов. В памяти навечно оставались события и встречи тех лет. Тяжелой болью отозвалось в душе Аникушина известие о гибели на фронте младшего брата Павла, курсанта Севастопольского военного училища. В короткие часы между боями Аникушину удавалось бывать в Ленинграде. Под впечатлением от увиденного в городе он создал небольшую скульптуру «Горе». Вместе с военным госпиталем Аникушин исколесил много боевых дорог Ленинградского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. 9 мая 1945 года война для младшего лейтенанта медслужбы Аникушина не закончилась. Он был направлен на Забайкальский фронт, где участвовал в войне с Японией.

Аникушин окончил институт в 1947 году. Его дипломной работой стала скульптура «Воин-победитель». Этот образ был впоследствии введен автором в пластический ансамбль Монумена.

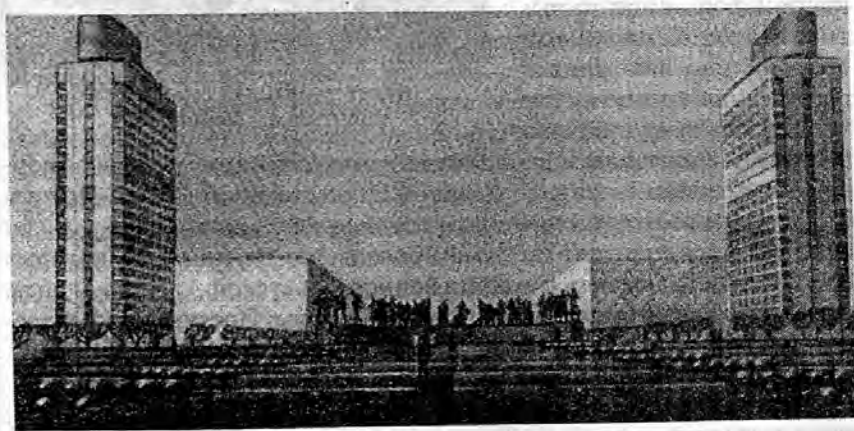
Не только военные дороги, но и мирные, довоенные и послевоенные пути всех троих участников этого творческого коллектива пересекались неоднократно. Сперанский и Аникушин знали друг друга еще по институту, а с Каменским Аникушина до начала работы над проектом Монумена объединял уже и опыт творческого сотрудничества. В 1970 году они стали соавторами памятника В. И. Ленину на Московской площади.

Примечательно, что Сперанский с 1953 года, со времени его победы в конкурсе на лучшую планировку Средней Рогатки, предполагал именно здесь разместить памятник в честь Победы.

Работа над обликом памятника продолжалась несколько лет. Поиск композиционного и пластического решения требовал неторопливой, вдумчивой работы.

Один из первых вариантов памятника был представлен на обсуждение в Ленинградском Доме архитекторов уже в начале 1972 года. В «Ленинградской правде» от 10 марта 1972 года в рубрике «Никто не забыт, ничто не забыто» появилась статья О. Колесовой «...Это в сердце было моем...», где был опубликован проект будущего монумента на площади Победы. В статье пояснялось: «Многофигурная компо-

зация (более 30 фигур) <...> располагается на пьедестале в виде полукруга, символизирующего разорванное кольцо блокады <...> Изможденные женщины отливают снаряды. Мать на вытянутых руках держит застывшее тело ребенка. Слабеющую женщину, так и не доvezшую домой на саночках ведро с драгоценной водой, поднимает воин <...> Вот матросы-балтийцы с автоматами идут в яростную атаку. Юная санитарка, почти девочка <...> Трое несут тяжелый рельс, согнувшись от непомерной тяжести, — для баррикад, что строились прямо на улицах, здесь, именно здесь, где будет памятник. Фигуры десантников, снайперов, партизан <...> А в центре композиции, уже без высокого пьедестала, а прямо на земле, стоит маленькая фигура мальчика. Это малыш, ради счастья которого приносились великие человеческие жертвы, о радостном смехе которого так мечтали те, кто не дожил до мирного времени. Ради жизни на земле — таков де-

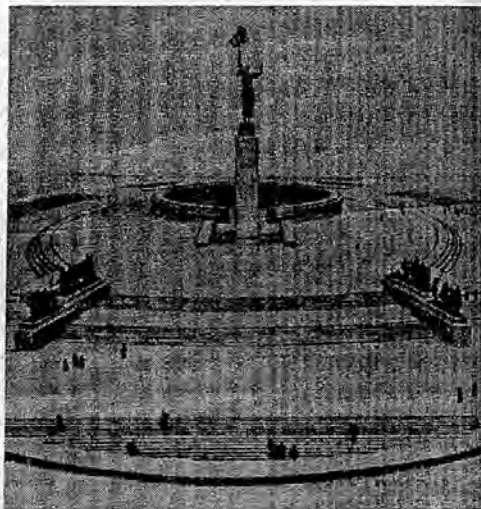
Проект Монумента защитникам Ленинграда. Перспектива. 1972 г.

виз памятника»¹⁴. В мае 1972 года ленинградцы увидели макет будущего памятника на выставке в Русском музее.

После многократных обсуждений первоначального проекта, учитывая характер площади, представляющей собой мощную транспортную развязку, авторы продолжили творческий поиск и нашли новое композиционное решение мемориального комплекса. Смысл его состоял в том, чтобы памятник не растворялся зрительно в общей пространственной композиции, а стал бы доминантой площади.

В качестве композиционного ориентира как самого памятника, так и всего пространства уже в следующем варианте проекта авторы

предложили гранитную стелу, увенчанную символической женской фигурой, в которой, по словам Аникушина, и виделся образ Победы. Предполагалось, что вместе с пьедесталом фигура составит около 40 метров. В интервью газете «Вечерний Ленинград» Аникушин рассказал о новом варианте проекта: «Эта фигура предваряет вход в помещение круглой формы под открытым небом. С наружной стороны оно напоминает разорванное кольцо — так мы решаем тему прорыва

Макет памятника героическим защитникам Ленинграда.

блокады Ленинграда. В центре будет установлена скульптурная композиция, ее тема — начало Великой Отечественной войны. Нижняя часть стены этого помещения — его периметр около 50 м — будет оформлена светло-золотистыми бронзовыми плитами, на которых предполагается выбить фамилии воинов Советской Армии и Флота, жителей нашего города, награжденных Указом Президиума Верховного Совета СССР медалью «За оборону Ленинграда». Таких граждан в нашей стране около 930 тысяч.

Верхняя часть стен представит собой выступающую потемненную, словно опаленную огнем войны, плиту, на которой будут барельефы на темы событий обороны Ленинграда, чередующейся со стихами ленинградских поэтов»¹⁵.

По своему архитектурному замыслу, площадь — внушительный эллипс шириной 350 м и длиной (с севера на юг) около 380 м — с севера, запада и востока обрамлена жилыми домами и зданиями общественного назначения. В южной же части перед ней свободное пространство. Авторы сориентировали памятник именно на юг, на Пулковские высоты. Такое решение было правильным как с архитектурной, так и с идейно-исторической точек зрения: ведь Пулковские высоты — та часть линии фронта, где, по выражению Г. К. Жукова, в сентябре 1941 года решалась судьба Ленинграда. Подобный

композиционный прием решал также проблему оформления парадного въезда в наш город с юга.

Пространство перед памятником было спроектировано в виде широкой лестницы, на которую вынесены радиально развернутые гранитные пилоны. На них должны были занять место скульптурные группы. В предыдущем варианте проекта их предполагалось установить в виде полуколыска.

Народный архитектор СССР Г. Н. Булдаков, новый главный архитектор города, и главный художник города В. А. Петров в статье, опубликованной в газете «Ленинградская правда»¹⁶, высоко оценили доработанный авторским коллективом проект памятника. Он был одобрен и на совместном заседании Градостроительного совета, Художественного совета Главного Управления культуры Ленгорисполкома. Тем не менее творческий поиск не прекращался. В течение всего последующего года вносились различные коррективы. Концепция памятника в целом не менялась, но переосмысление деталей стало причиной появления некоторых новшеств.

Так, существенной трансформации подверглась основная вертикаль памятника — стела. Авторы сочли необходимым отказаться от увенчания ее скульптурным изображением Победы. Стела превратилась в классический обелиск, форма которого, а также его соотношение с масштабом всего Монумента (высота обелиска была увеличена с 40 до 48 метров) стали предметом жарких споров. Большую строгость решили соблюсти создатели комплекса в убранстве памятного зала, образованного символическим кольцом, отказавшись от барельефных сюжетов и стихотворных фрагментов. Кроме того, было решено не увековечивать на стенах открытого зала имена награжденных медалью «За оборону Ленинграда».

К концу октября 1973 года, после согласований с Министерством культуры РСФСР и одобрения со стороны художественно-экспертных советов по монументальной скульптуре Министерства культуры и Главного Управления культуры Исполкома Ленгорсовета, а также Градостроительного совета Ленинграда, эскизный проект монумента Победы был утвержден. Несколько месяцев ушли на подготовку проектно-сметной документации и разрешение организационных вопросов.

По нормам Госстроя СССР на строительство объекта такой степени сложности полагалось около трех лет. Однако близился юбилей — 30-летие победы в Великой Отечественной войне, что налагало на создателей, проектировщиков и строителей памятника особые мораль-

ные обязательства. Решено было выполнить основные виды работ и сдать в эксплуатацию первую очередь объекта через 13 месяцев после начала «нулевого цикла».

Для координации был создан совет, в который вошли руководители партийных организаций Ленинграда, авторы проекта мемориального комплекса, представители специальных ведомств, призванные наиболее активно участвовать в его сооружении. На стройплощадке, которой стала площадь Победы с апреля 1974 года, развернулся Штаб строительства памятника героическим защитникам Ленинграда и созданный на общественных началах Штаб содействия строительству.

Генеральный проектировщик монумента — ЛенЗНИИЭП (ныне СПбЗНИПИ) и генеральный подрядчик — строительный трест № 16 Главленинградстроя (ныне ЗАО «Шестнадцатый трест»). Необходимо упомянуть, что часто задания, возлагавшиеся на специалистов, были уникальны и поэтому плохо поддавались как затратному, так и временно-му нормированию.

На начальном этапе строительства на месте будущего памятника был создан глубокий котлован, при раскапывании которого экскаваторщики 4-го управления треста «Строймеханизация-1» вынули, по различным данным, от 70 до 93 тысяч тонн грунта¹⁷. В основание памятника «нулевыми» 10-го управления треста № 105 было забито свыше 800 железобетонных свай, после чего началось бетонирование подземной части монумента. Работы по устройству восточных и западных свайных полей велись в конце лета 1974 года, а затем приступили к бетонированию ростверков — специальных железобетонных балок, объединяющих сваи в одно целое и являющихся, таким образом, верхней частью конструкции свайного фундамента. Бетонные работы на территории будущего монумента шли до глубокой осени. Впереди предстояло забетонировать днище пространства, отведенного под внутренние помещения комплекса. О масштабах проделанного можно судить по следующим данным: объем земляных работ составил порядка 150 000 куб. м, а количество уложенных железобетонных и бетонных конструкций исчисляется 30 000 куб. м¹⁸.

Основной проблемой, осложнявшей строительные работы, было то, что подобный инженерный комплекс предстояло соорудить на месте одной из «самых напряженных магистралей города, под которой проходили коммуникации, питавшие значительную часть района электроэнергией, водой, газом. С ними содействовали линии теплотехники и связи. Многие требовало переделок, перекладок — вы-

Один из этапов строительства Монумента. 1974 г.

Публикуется впервые.

полнения операций, при которых ни в коем случае не должна была нарушаться нормальная деятельность всего этого сложного, многообразного хозяйства»¹⁹, — так оценивал степень проблемности А. Н. Алфимов, инструктор отдела строительства, транспорта и городского хозяйства Ленинградского горкома КПСС, член координационного совета.

Наряду с трудностями, которые можно было предусмотреть, приходилось решать целый ряд технических вопросов, возникавших уже в процессе строительства. Внимание к ним обеспечивало в будущем надежность самого сооружения и его эксплуатации. «После завершения компоновочного этапа проектирование конструктивной части мемориала столкнулось с традиционной проблемой: какому бетону отдать предпочтение — монолитному или сборному. Исключительно сложная геометрия сооружения, его конструктивная неоднородность, казалось бы, сами по себе предопределяли выбор. Важным аргументом в пользу монолитного варианта была и необходимость обеспечить долговечность несущих конструкций. А этого проще всего достичь, используя толстостенные монолитные конструкции из

бетона повышенной плотности и морозостойкости. Однако настойчивость строителей, предпочитающих сборный железобетон, все же привела к весьма широкому использованию данного материала»²⁰, — рассказывал главный конструктор проекта Е. М. Израилев.

Максимум умения и опыта потребовался для выбора варианта платформ, определяющих пространство, где предполагались основные помещения музея — экспозиционный зал со вспомогательными службами, инженерные отсеки и многое другое. Избранный метод обеспечивал стабильность основания под декоративную горизонтальную поверхность памятника, которую, по замыслу авторской группы, предстояло вымостить диабазовой брусчаткой, снятой с улиц города, и отделать гранитными плитами, а это — многотонный, расположенный на большой площади груз.

После завершения этих работ и удовлетворительных результатов, полученных в ходе наблюдения за перемещением контрольных точек платформы (строго отслеживалась любая деформация поверхностей), приступили к основным работам на месте будущих музейных помещений — армированию и бетонированию пространства. Здесь одной из основных инженерных задач стала проблема гидрозащиты.

«По данным треста ГРИИ (Геодезических работ и инженерных изысканий. — Е. Л.), проводившего здесь инженерно-геологические изыскания, расчетный уровень грунтовых вод оказался весьма высоким. При глубине котлована около 10 м гидрозащита становится сложной, поскольку приходится думать не только о водонепроницаемости, но и о возможности всплытия всего сооружения»²¹. Пришлось создать сразу две взаимодополняющие системы гидрозащиты, учитывая, какая роль в комплексе памятника отводится этому участку. Первая система, дренажная, разработана совместно со специалистами Ленинградского отделения Государственного проектного института «Фундаментпроект», вторая нацелена на обеспечение водонепроницаемости ограждающих конструкций. Кроме того, была создана специальная защита, способная подавлять выталкивающую силу грунтовых вод, которая в случае отказа постоянно действующей здесь системы понижения уровня этих вод может быть равной 41 000 тонн.

Огромное количество специфических вопросов решалось в стенах проектного института ЛенЗНИИЭП, в его научно-исследовательских лабораториях. Все эти вопросы были связаны с обеспечением жизнедеятельности будущего монумента, с выработкой наиболее оптимальных конструктивных решений, с его, так сказать, инженерной начинкой.

Множество интересных эпизодов связано с практическим воплощением авторских замыслов, высокая точность в исполнении которых была залогом неповторимого облика Монумента.

Уникальным было сооружение заглубленного круглого памятного зала, формируемого символическим кольцом, диаметром 20 м, конструкция которого представляет собой железобетонный монолит. Были проведены сложные расчеты перед тем, как «кольцевая разомкнутая балка» заняла свое место. После завершения формирования подземных музейных помещений и свайных полей из всего широчайшего фронта бетонных работ уже по наружной части памятника самые объемные и ответственные проводились именно на устройстве кольца. В конце ноября 1974 года, когда уже различимы были очертания внутреннего пространства памятника, под кольцо возводились специальные колонны, призванные поддерживать нелегкую конструкцию. Лицевые поверхности кольца, по мысли авторов, должны иметь особенный вид, и для этого их выполняли «в деревянной опалубке столярной работы»²², причем в месте символического разрыва опалубка выполнялась в достаточно замысловатой форме. Чтобы добиться эффекта «рваного» края, необходимо было очень тщательно подогнать доски под разными углами и с различными уступами. Здесь пригодился опыт специалистов треста № 16, коллектив которого еще во время войны, в 1941 году, соорудил 200 железобетонных дотов, для них также готовилась опалубка. Впоследствии внутренние стены зала под открытым небом и подземного памятного зала были выполнены по этой технологии. Работы по созданию кольца еще только начинались, была возведена лишь железобетонная сердцевина будущего грандиозного сооружения. Впереди предстояли работы газовиков и специалистов института «Ленгипроинжпроект» по прокладке оборудования для подачи газа к горелкам Вечного огня, которое предусматривалось в теле кольца. Подготовка к облицовочным работам шла полным ходом.

Задачи, связанные с сооружением памятника, решались не только на строительной площадке. Для облицовки авторы избрали традиционный для Ленинграда материал — гранит, поэтому геологи и работники Выборгского карьероуправления занимались поиском камня, по структуре и цвету отвечавшего требованиям проекта. Гранит серого и розового оттенков добывался в карьере «Ровное» под Приозерском и на разработках под Каменногорском. Особенно хорош с точки зрения специалистов и архитекторов был красный гранит Бородинского месторождения под Выборгом. «Когда я впервые

увидел его, — рассказывал Сперанский, — то восхитился художницей-природой. Подобно мазкам на полотне, в нем застыл кварц и полевой шпат, его багрово-красный цвет поражал богатством и глубиной оттенков»²³. Именно этот гранит решено было использовать в изготовлении блоков для пьедестала под скульптурные композиции. Исключение составляет лишь постамент под скульптурной группой «Блокада», установленной в центре круглого памятного зала. Для нее уместнее оказался другой камень, по мысли автора, более соответствующий эмоциональной окраске самой скульптуры — черный с голубой искрой лабрадорит, добытый на Украине. Красный бординский гранит решено было использовать и при изготовлении блоков огромного обелиска — композиционной доминанты памятника. Для него было заготовлено 800 куб. м гранита, который после первичной обработки в карьере направлялся на камнеобрабатывающие предприятия Главленстройматериалов. «Во время сооружения мемориала был выполнен колоссальный объем работ по добыче, обработке и установке крупных гранитных блоков, примерно равный (по этому виду продукции) десятилетней программе соответствующих подразделений Главленстройматериалов»²⁴. В целом на площадь Победы предстояло доставить порядка 13 000 куб. м гранита.

Помимо относительно мелкоразмерных элементов для облицовки внешних поверхностей при строительстве применялось большое количество крупных блоков. Вес некоторых из них превышал 100 тонн. В основном они использовались при изготовлении постаментов. Доставка этих глыб к месту строительства была одной из труднейших операций в истории создания монумента.

На протяжении нескольких километров от месторождения до железной дороги гранитные блоки передвигались на сварной из стальных листов волокуше. Затем мощная подъемная техника переносила камни на специальные платформы-тяжеловозы, отправлявшиеся в город. Пунктом назначения были железнодорожные погрузочные станции у объединения «Электросила», откуда каменные блоки доставлялись на стройку трейлерами. Доставка необычного груза осуществлялась исключительно в ночные часы, когда движение на линии Выборг–Ленинград практически замирало.

Менее трудоемким был процесс переправки к стройплощадке средних блоков. Именно такие, весом от 3,5 до 9 тонн, требовались для обелиска, сооружение которого началось зимой 1975 года.

По оценкам специалистов, «пожалуй, самым сложным в инженерном отношении элементом гранитного раздела (а может быть, и всего

Бригада рабочих у пилона Монумента. Март 1975 г.
Фотография А. Недошивина. Публикуется впервые.

комплекса сооружений) был обелиск»²⁵. После изменения его внешнего облика, которое отчасти было продиктовано техническими сложностями исполнения первого варианта, включавшего скульптурное завершение, обелиск приобрел пирамидальную форму. Обелиск предполагалось составить из сорока ярусов гранитных глыб, высотой 1,2 м каждый. Для большей устойчивости и прочности конструкции между ярусами в горизонтальных швах предусматривались листы-прокладки. Гранитные блоки соединялись между собой скобами из нержавеющей стали. Вертикальные швы обеспечивали неподвижность блоков, имеющих шлифованную опорную поверхность. Для верхних ярусов обелиска были разработаны специальные штифты, укрепленные вертикально в его теле.

Над расчетами, которые требовались для установки столь высокой и относительно узкой конструкции (соотношение сторон обелиска — 4,0 × 4,5 м), трудились специалисты лаборатории исследований и испытаний строительных конструкций ЛенЗНИИЭП, а также в соответствующих лабораториях ЛГУ им. А. А. Жданова и ЛГПИ им. М. И. Калинина. К работе подключилась и лаборатория обеспечения точности заводского домостроения и инженерно-геодезических методов ЛенЗНИИЭП. Необходим был контроль не только за конечным результатом при возведении обелиска, но и за высокоточным изготовлением гранитных блоков. Отправка готовой продукции с предприятия производилась только после выдачи лабораторией «геометрического паспорта» на каждый блок.

Для монтажных операций по установке гранитных глыб, предназначенных как для обелиска, так и для постаментов, специалис-

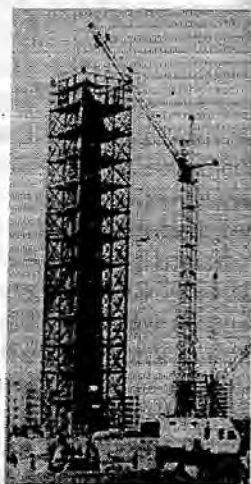
ты треста «Ленинградоргстрой» смогли предложить целую серию грузозахватных устройств и приспособлений, а также оригинальную, хорошо действующую монтажную оснастку.

Над созданием обелиска, а предстояло возвести самую высокую конструкцию такого рода в городе²⁶, трудилась бригада опытных гранитчиков 60-го управления треста «Ленотделстрой». «Монтаж обелиска осуществлялся со стальных башенных автоматических лесов. Поскольку одновременно у подножия обелиска бетонировались лестницы, нижнюю опорную секцию лесов замонолитили в тело лестничной плиты. В дальнейшем, после разработки верхних секций опорная была срезана автогенном над и под плитой»²⁷.

18 января 1975 года установили первый блок в основание обелиска. Это был знаменательный день на стройке. Однако без неожиданностей не обошлось: «Незаметная трещинка в толще одного блока вдруг разошлась, и монолит раскололся. На его замену ушло несколько дней»²⁸.

Спустя два месяца, к 19 марта, монтаж обелиска был завершен. 236 гранитных глыб было установлено в проектное положение, вес сооружения оказался внушительным — 1600 тонн. Внутри обелиска смонтировали лестницу, по которой можно подняться вверх на 43 м для производства ремонта. Когда работы на высоте подходили к концу, гранитчики оставили свои подписи на одной из свинцовых прокладок, которыми заполнены швы обелиска, и бросили в стык блоков монеты — на счастье!

Почти одновременно с завершением монтажа стелы подходили к концу и наземные работы по облицовке медными и бронзовыми листами внутренней поверхности кольца. Этот заказ был выполнен лучшими специалистами Балтийского завода, вместе с которыми трудились работники Адмиралтейского объединения, заводов «Красный выборжец», «Экономайзер» и других предприятий. Финальным этапом в оформлении символического кольца стало размещение элементов декоративного убранства: горельефных изображений орденов и медалей Ленинграда, надписей — цитат из Указов и Постановлений о награждении города, газовых светильников Вечного огня. Более трех тысяч метал-

Сооружение стелы.
19 марта 1975 г.
Фотография
А. Недошивина.

лических букв были отлиты в одном из цехов завода «Электросила», а монтаж их осуществляли работники ленинградского объединения «Реставратор». Они же разрабатывали и создавали светильники Вечного огня, по форме напоминающие танковые или корабельные артиллерийские башни. Специалистам этого же объединения поручили перед открытием Монумента вызолотить надпись на внешней гранитной стороне символического кольца, на северном его фасаде — «Подвигу твоему, Ленинград!»

Специалисты объединения «Реставратор» золотят надпись.
Фотография А. Недошивина. Публикуется впервые.

Весной 1975 года началась доставка на строительную площадку и поэтапный монтаж бронзовых скульптурных групп. Их появление оживило пространство памятника, озвучило его тем выразительным языком пластики, который присущ авторской манере Аникушина.

С самого начала работы Аникушин говорил: «Мы стремимся показать народ, как главную идею памятника, стойко сражавшийся за свой город, и дать характеры людей, соединив предельную документальность с обобщением, с символом <...> Я хотел сделать реалистический памятник, на который хотелось бы очень долго смотреть. Чтобы все масштабы его были скромные — ленинградские — и в меру торжественные, и в меру скромные, и в меру боевые, и в меру трудовые. Чтобы никакого пафоса там не было. Хотелось, чтобы фигуры не пугали своей величиной, чтобы они не потрясали людей какой-то мелодрамой <...> Размер фигур должен быть небольшой, ненамного выше человеческого роста, они должны быть масштабны человеку и не подавлять. А вся композиция должна быть масштабна по отноше-

нию к площади»²⁹. Образы ленинградцев, запечатленные мастером, были по-настоящему живыми прежде всего для него самого, поэтому с момента их появления в осязаемых формах, в миниатюрных пластилиновых макетах до окончательной отливки в бронзе Аникушин постоянно искал новые композиционные решения и пластические приемы, сообразуясь со своими личными впечатлениями и чувствами. Предстояло вылепить 34 фигуры, найдя для каждой из них свой характер, психологическое состояние, движение, и объединить их в единое целое. В процессе долгого пути, который проходили скульптурные композиции от мастерской Аникушина до цехов Комбината декоративно-прикладного искусства Ленинградского отделения Художественного фонда и завода «Монументскульптура», специалистам которых были поручены формовка и отливка моделей, мастер постоянно вносил коррективы.

Первой была готова скульптурная группа «Блокада», предназначенная для круглого Памятного зала. Ей отведено особое место. Она призвана звучать самостоятельным аккордом, быть самостоятельной частью целого архитектурно-пластического произведения. Для группы «Блокада» была предусмотрена особая пространственная постановка, нацеленная на художественный эффект зрительского сопереживания с трагическим ее содержанием. С этой целью размеры композиции были уменьшены относительно высоты, общей для остальных фигур, и составили 2 м 80 см, а также снижена высота пьедестала. В первоначальном эскизе скульптурная группа «Блокада» состояла из четырех фигур, и только в окончательном варианте она стала шестифигурной. Возможно, в силу особого значения этой композиции она и была избрана мастером для того, чтобы оставить в ее тверди отпечаток своей руки.

Практически с каждой скульптурной композицией связаны личные переживания автора, помогавшие рождению образов или целых сюжетов. «Блокада» — это своего рода монолог скульптора, слова которого подсказаны памятью. Здесь в аллегорической форме «отражены сразу два события, — вспоминал Аникушин, — рассказ жены о том, как встретила на Измайловском (тогда он назывался проспектом Красных Командиров) женщину со странно остановившимся взглядом, несущую на руках убитого при артиллерийском обстреле ребенка, и собственные переживания во время одной из бомбежек города, под которую я попал на площади Труда <...>»³⁰.

Вскоре появились фрагменты многофигурных композиций — «Литейщицы» и «Окопницы». Началась работа над скульптурными

группами, предназначенными для установки на гранитные пилоны. Вновь память воскрешала в сознании автора живые образы войны, болезненные воспоминания о пережитом, и в этом он не был одинок. Его творчество вплоть до мельчайших деталей находило живой отклик в сердцах тех, чьи судьбы отражены в его работах. Аникушин вспоминал о необычном эпизоде: «Однажды в газете опубликовали фотографию группы "Окопницы". И вдруг звонок по телефону: "Почему у вас женщина-окопница босая? Я сама рыла окопы, но мы были обуты..." Ответить ей мне было и легко, и трудно. Ведь можно сказать: "Работали и босые, всякое случалось..." Но можно поразмыслить и о том, что искусство — не иллюстрация. Я изваял эту женщину таким образом, что мне казалось — именно так острее передается ощущение ее незащитности (в небе — бой, внизу — холод, сырость), и все равно она не бросает лопату, все равно стоит насмерть»³¹.

Большинство скульптурных образов, созданных Аникушиным для Монумента, наглядно отражают атмосферу военных лет в Ленинграде, людей, их характеры, их настроения. Особенно запомнившаяся скульптору сцена, увиденная в блокадном городе, подсказала динамичный, трогательный и вместе с тем сдержанный облик композиции «Народные мстители (Снайперы)». «Было это, пожалуй, зимой 1942–1943 года. По каким-то неотложным фронтовым делам оказался я тогда в городе. На площади у Технологического института увидел небольшую группу бойцов в белых маскахалатах. Вооруженные автоматами — очевидно, разведчики — они направлялись на передовую. Внезапно из ближайшей парадной выбежала девочка лет четырнадцати — худенькая, в наспех накинутом на плечи шерстяном платке, и, что-то крикнув, бросилась к одному из солдат. Он шагнул к ней, порывисто обнял, поцеловал. Бойцы остановились, выжидая. Кто он был, солдат, этой девочке — отец, брат? Не знаю...

Всего несколько мгновений длилась эта сцена. Потом разведчики двинулись дальше, а девочка скрылась в парадной. До сих пор необычайно осязаемо вижу эту картину. И нет ничего удивительного в том, что воспроизвел этот эпизод в одной из композиций», — рассказывал Аникушин³².

Яркое впечатление от встречи Аникушина со знаменитым снайпером Федором Дьяченко нашло свое отражение в той же композиции, посвященной легендарным стрелкам Ленинградского фронта. Портретом Сергея Проненко, своего товарища довоенной поры, служившего в конце 1944 года в морской пехоте, воспользовался скульптор при работе над группой моряков-пехотинцев — людей в черных

бушлатах, которых гитлеровцы боялись пуще всего. «Это не означает, конечно, что я ввел в памятник портреты реальных людей, — говорил Аникушин. — Нет, как художника, меня интересуют образы собирательные, обобщенные»³³.

Велась напряженная работа. Требовались большие усилия, чтобы вовремя, по графику отправлять работы на завод для отливки, ведь всегда находилось нечто, что надо было усовершенствовать, улучшить, доработать. Всего лишь за шесть месяцев опытные мастера художественного литья предприятия «Монументскульптура» справились с переводом гипсовых изваяний в бронзу.

Монтаж скульптурных композиций начался весной 1975 года. Это был тот период в жизни стройки, когда весь коллектив строителей и многочисленных помощников стояли на 50-дневной вахте. До открытия памятника оставались считанные месяцы.

В начале апреля первой была водружена на место скульптурная композиция «Литейщицы», за ней и все остальные бронзовые фигуры заступили на свой вечный пост на гранитных пилонах, обращенных в сторону бывшей совсем рядом с городом линии фронта. Затем была установлена скульптурная композиция «Блокада», и в последнюю очередь был произведен монтаж бронзовых фигур рабочего и солдата на постаменте у основания обелиска. 29 апреля работы по установке скульптур памятника были полностью завершены.

Мемориальный ансамбль на площади Победы почти обрел свои очертания. Вокруг мемориала быстро разбивались газоны, насыпались пешеходные дорожки. На 13-гектарном зеленом обрамлении Монумента уже высажен был кустарник — кизильник, жасмин, сирень.

Отшумел торжественными военными парадами и демонстрациями светлый праздник Победы. Долгожданное событие состоялось — открылся для посетителей Монумент героическим защитникам Ленинграда.

Воплощены замыслы, затихла полемика вокруг поиска архитектурно-пластических форм, большинство специалистов признали удачным избранный авторами стиль, приемы и жизнеутверждающий пафос мемориала. Но сколько всего пережито вновь, передумано, переосмыслено создателями памятного комплекса за этот короткий и вместе с тем очень длинный временной промежуток.

Долго не покидали скульптора некоторые идеи, которые в процессе работы казались необычайно уместными и выразительными, но так и остались за рамками реализованного проекта. Уже после открытия Монумента Аникушин вспоминал: «Я долго думал, что по-

ставить в центре композиции. Однажды, уже во время работы над памятником, в мастерскую вбежал мой внучок — пятилетний Адриашка. Я вдруг отчетливо понял: символ найден! Именно фигурка маленького ребенка, его крохотная жизнь должна объединить всех этих больших и мужественных людей <...> Мы боролись не ради славы, мы боролись ради жизни, и ребенок для меня эту непобедимую жизнь символизирует»³⁴.

Монтаж скульптурной группы «Победители». Фотография А. Недошивина. Публикуется впервые.

Полутораметровая фигурка ребенка, которая исчезла из проекта в последний момент, действительно могла бы стать апогеем тех чувств, переживаний, стремлений, которые были очень близки отстоявшим свою родину людям.

Этот памятник многие горожане и граждане бывшего СССР совершенно справедливо считают своим. Ведь когда было принято решение о создании мемориала в честь героических защитников Ленинграда, начался сбор средств на специально открытый в Сберегательном банке счет. Каждый мог внести свои денежные средства в фонд строительства. Журналисты П. М. Булушев и В. И. Ганшин в книге «Подвигу твоему, Ленинград!» подробно рассказали о многих из тех, кто принял участие в этой патриотической акции, о людях, чьи жизни опалила война и блокада, о тех, кто родился после войны и знает ее, к счастью, только по рассказам близких, о тех, кто никогда не видел Ленинграда, но для кого его судьба навсегда запала в душу и боль от сопереживаний не отступает, несмотря на прошедшие года. Сбор средств был только начальным этапом того удивительного морального подъема, который охватил людей в связи с сооружением памятника.

8 августа 1974 года трудящиеся завода «Электросила» на общем собрании, где присутствовали Аникушин и начальник СМУ-1 треста № 16 Е. В. Торопов, приняли решение помимо заказов, которые завод уже выполнял для Монумента, безвозмездно работать в свободное время на стройплощадке памятника. На следующий день в го-

родских газетах появилось обращение электросиловцев к ленинградцам с призывом вложить частицу своего труда в создание памятника в честь защитников великого города. Сотни тысяч людей поддержали этот патриотический почин.

Для многих жителей Ленинграда–Петербурга Монумент стал близок не только потому, что он посвящен отрезку еще живой истории, хранимой очевидцами и участниками военных событий. Эти камни, живущие в образе величественного памятника, были уложены, вкопаны, врезаны в питерскую твердь заботливыми руками тысяч людей — ленинградцев и жителей многих городов нашей страны. Они приходили и приезжали на стройплощадку, безвозмездно отдавая свое время и силы для создания монумента беспримерному человеческому героизму.

¹ Архитектор А. И. Гегешю.

² Бартенев И. А. Монумент героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Альбом. Л., 1980. С. 8.

³ См.: Астафьева-Длугач М. И., Сперанская В. С. Сергей Сперанский. Л., 1989. С. 131.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Ленинградская правда. 28 марта 1963.

⁶ Дудин М. А. Людям и подвигу твоему, Ленинград! // Ленинградская правда. 28 марта 1963.

⁷ Астафьева-Длугач М. И., Сперанская В. С. Там же.

⁸ Автор проекта архитектор П. Ф. Козлов (при участии В. П. и К. П. Молитвиных).

⁹ Авторы: В. В. Попов, С. А. Ушаков, Ю. Ф. Кожин, В. В. Брагин и др.

¹⁰ Зайцев А. К. Мемориальные ансамбли в городах-героях. М., 1985. С. 54.

¹¹ См.: Мачерет А. Я. Подвигу твоему, Ленинград! // Строительство и архитектура Ленинграда. 1967. № 4. С. 6.

¹² См.: Там же. С. 18.

¹³ Малина Т. Мемориальные сооружения в архитектурных проектах периода Великой Отечественной войны // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. М., 1975.

¹⁴ Колесова О. ...Это в сердце было моем... // Ленинградская правда. 10 марта 1972.

¹⁵ Цит. по: Цимбалов В. Памятник защитникам Ленинграда // Вечерний Ленинград. 27 августа 1973.

¹⁶ Булдаков Г. Н., Петров В. Новый архитектурный ансамбль // Ленинградская правда. 26 августа 1973.

¹⁷ См.: цифры приведены соответственно: Калинин О. В. Память в граните и бронзе // Строительство и архитектура Ленинграда. 1975. № 5. С. 10 и статья «В честь великой победы» (Строительство и архитектура Ленинграда. 1975. № 1. С. 6).

¹⁸ Данные приводятся по: *Израилов Е. М.* Сложный инженерный комплекс // *Строительство и архитектура Ленинграда.* 1975. № 7. С. 8.

¹⁹ *Алфимов Е. М.* Зримая эстафета патриотизма // *Строительство и архитектура Ленинграда.* 1975. № 7. С. 7.

²⁰ *Израилов Е. М.* Указ. соч. Там же.

²¹ Там же. С. 9.

²² Там же. С. 10.

²³ Цит. по: *Михайлова Р. Ф., Журавлева А. А.* Величие и подвигу человека. Л., 1983. С. 118.

²⁴ *Израилов Е. М.* Указ. соч. С. 10–11.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Для сравнения: высота Александровской колонны от земли до самой высшей точки равна 47,5 м.

²⁷ *Израилов Е. М.* Указ. соч. С. 11.

²⁸ *Калинин О. В.* Указ. соч. С. 12.

²⁹ Цит. по: *Михайлова Р. Ф., Журавлева А. А.* Указ. соч. С. 112.

³⁰ *Аникушин М. К.* Боль и мужество // *Аврора.* 1975. № 5. С. 18.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 19.

³⁴ Там же.

В. А. Фролов

Монумент на площади Победы (архитектурно-художественный анализ)*

В первые десятилетия после Великой Отечественной войны тема подвига и героизма, проявленного при защите родины, как правило, воплощалась в классицистически ясных архитектурно-скульптурных формах, ориентированных на триумфальные и мемориальные памятники прошлого¹. Основой идейно-художественного образа этих произведений был патриотический подъем, связанный с победоносным наступлением советских войск и разгромом вражеских полчищ².

В 1960–1970-е годы увеличившийся временной разрыв с моментом победы погасил патетику ликования, заставил приступить к осмыслению трагедии войны, унесшей множество человеческих жизней. В это время была создана целая серия мемориальных комплексов на местах бывших фашистских концлагерей, массовых экзекуций, на территориях сожженных деревень³. Произведения этих лет характеризуются эмоциональной силой, порождаемой эффектом взаимодействия ландшафта — свидетеля событий и архитектурно-пластических форм, воссоздающих трагические образы. Пространственно-планировочное решение таких произведений основывается на программном развитии впечатлений, последовательно возникающих при их осмотре.

В мемориалах тех лет одной из ведущих тенденций, как отмечали исследователи, был «синтез архитектурно-скульптурно-живописных и ландшафтных форм с формами непластическими: словом, звуком, светом, музыкой, документальной, визуальной и звуковой информацией»⁴. По-разному эта тенденция проявлялась в изолированном от

* Сокращенный вариант статьи опубликован: *Фролов В.* Монумент героическим защитникам Ленинграда на площади Победы // *Искусство.* 1985. № 10. С. 30–33.

города пространстве и в городской среде. Действительно, в первом случае ландшафт являлся документально-историческим компонентом ансамбля. Он не должен подвергаться коренной реконструкции. Создавался заповедник, локальная зона, в которой все подчинялось доминирующей теме, задаваемой самим пространством-документом. Во втором случае авторам необходимо было считаться с требованиями «живого» города и решать сложную проблему органического включения мемориальной зоны в среду, без нарушения ее функциональных характеристик. Кроме этого, использование в памятниках широкого арсенала разнообразных художественных средств требовало их согласованности и взаимодействия, при которых рождалось бы качественно новое синтетическое произведение, органически связанное с городским ландшафтом.

В 1975 году в Ленинграде был открыт Монумент героическим защитникам Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов⁵ (филиал Государственного музея истории Санкт-Петербурга). Сложность композиционного решения, многоплановость замысла затруднили «прочтение» его образного содержания. Памятный зал⁶, дополнивший мемориальный комплекс в 1979 году, еще более усложнил его художественную характеристику.

Со времени открытия Монумента вышло достаточно много работ, посвященных этому произведению. Все они носят, как правило, описательный характер: перечисляются элементы, составляющие памятник, дается их характеристика, раскрывается идейно-художественное значение. При таком анализе создается впечатление, что памятник отрешен от городской среды, состоит из разрозненных, плохо связанных между собой элементов, распадается на фрагменты и не формирует необходимого синтетического образа. Характерно в этом отношении замечание А. И. Мазеева: «Недавно завершён окончательно памятник Победы в Ленинграде, в пространственной композиции которого <...> использован обелиск в качестве пластической доминанты, что, будучи трафаретным приемом, уже само по себе ограничивает художественные возможности этого мемориала как произведения монументального искусства, сообщает его трактовке темы Победы ту известную однозначность, которая была присуща памятникам 40–50-х годов. К тому же новый ленинградский памятник не лишен ряда формальных недостатков. Так, ощущается его немасштабность по отношению к двум огромным жилым домам, фланкирующим въезд в город со стороны аэропорта, отсутствует пластическое единство между архитектурными и скульптурными формами и др.

Главным же недостатком этого памятника является его установка на острове, омываемом транспортными потоками. Будничная жизнь, вторгаясь в зону этого мемориала, нейтрализует его воздействие на человека, и нет уверенности в том, что это положение, обусловленное серьезным градостроительным просчетом, удалось исправить с введением в строй музея, располагающегося в цоколе этого мемориала»⁷.

Подобное рассуждение, безусловно, является поверхностным и недостаточно продуманным. Сразу же отметим: то, что Мазаев назвал «главным недостатком памятника», мы рассматриваем как его основное достоинство. Действительно, Монумент посвящен не только Победе, но, главным образом, защитникам Ленинграда, страшным, мучительным и героическим дням блокады. По контрасту с жизнеутверждающим ритмом будней современного города эта тема звучит особенно остро. Страдание, стойкость и мужество ленинградцев в самые жестокие дни войны, запечатленные в архитектуре и пластике Монумента, в свою очередь, подчеркивают спокойствие и деловое напряжение текущей вокруг него мирной жизни.

Монумент защитникам Ленинграда — сложное синтетическое произведение. Здесь взаимодействуют многообразные виды искусства: архитектура и скульптура, мозаика и «монументальная литература»⁸, кинематограф и массовые ритуальные действия. Многоплановость и полифункциональность комплекса предопределили его композиционное решение.

При создании ансамбля на площади Победы впервые в практике ленинградских строителей ставилась задача создания крупного мемориального комплекса в городской среде одновременно с возведением жилых и общественных зданий. Необходимо было еще при проектировании стремиться к комплексному решению всего района.

«<...> Площадь Победы, — писал руководитель авторского коллектива народный архитектор СССР С. Б. Сперанский, — начальное звено в системе площадей, преддверие городского центра, его составная часть.

<...> с самого начала, — подчеркивал он, — площадь проектировалась как неразрывное архитектурно-художественное целое, что определило общий идейно-образный строй»⁹.

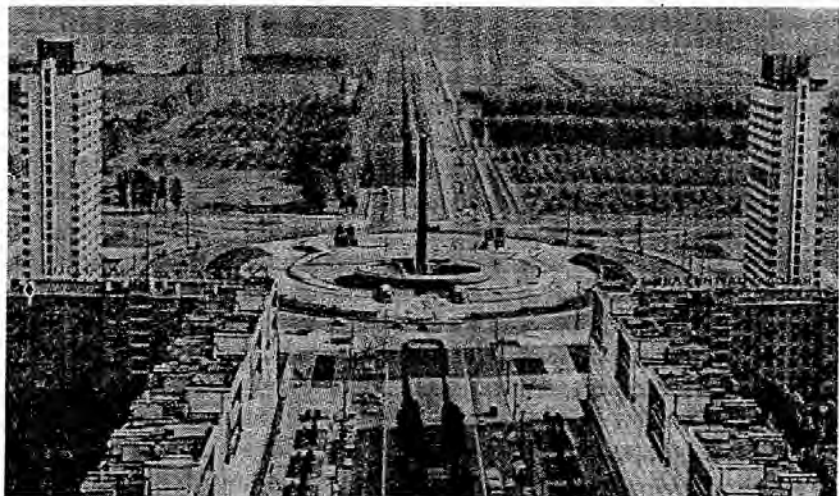
Однако при первом же осмотре ансамбля бросается в глаза его неоднородность, некоторая дробность и усложненность силуэта. Однако это не «просчет», а результат продуманного стремления авторов, наравне с обобщенной идейно-тематической символикой памятника, дать достаточно подробный и насыщенный конкретными деталями рассказ.

На повышенном относительно проезжей части, овальном в плане (150 × 250 м) подиуме развернута композиция памятника. Монумент состоит из трех основных частей: внешней крупномасштабной, вступающей во взаимодействие с архитектурой площади, изолированного от внешней среды зала «Блокады» под открытым небом и Памятного зала, расположенного под землей. Повествование о подвиге Ленинграда и героизме его защитников ведется в двух основных планах: во внешней городской среде и внутри самого памятника.

Наземная часть Монумента разделяется на две тематические и достаточно самостоятельные зоны, сливающиеся в центре, в месте, где установлен обелиск. Одна из них, обращенная к Московскому проспекту, посвящена теме города-героя, соответственно, она решена средствами архитектуры. Вторая, обращенная к Пулковским высотам, раскрывает тему подвига людей — защитников Ленинграда. Не случайно, что здесь главное значение приобрела скульптура. Обелиск является смысловым и композиционным центром объемно-пространственной композиции всего Монумента.

Введение вертикали в образный строй площади обусловлено традицией в организации идейно значимой петербургской исторической среды. Обелиск на площади Победы — символ стойкости города. Своей устремленностью ввысь он напоминает такие доминанты, как шпили колокольни Петропавловского собора и башни Адмиралтейства, ассоциирующиеся с победами петровского времени, утверждением на невыхских берегах и основанием города, Александровскую колонну — памятник в честь победы в Отечественной войне 1812 года, Румянцевский обелиск и другие подобные сооружения. Разумеется, не стоит искать внешней схожести обелиска на площади Победы с перечисленными вертикалями, не в этом заключается ассоциативное сопоставление. Здесь важно градостроительное звучание, основанное на идейно-смысловой значимости, которое роднит их между собой. Вместе с тем необходимо отметить, что правильность выбора силуэта обелиска вызывает сомнение. Из удаленных точек, откуда, кроме него, ничего не видно, вертикаль можно принять за заводскую трубу, что совершенно не соответствует замыслу.

Здания, выходящие на площадь Победы, не организуют ее реального плана. Ансамблевое единство во многом обеспечено абрисом проезжих частей и тротуаров. Таким образом, эти функционально необходимые элементы среды непосредственно включены в общий пространственно-планировочный строй. Композиционным и идей-

Ансамбль площади Победы. Фотография. 1970-е гг.

но-тематическим центром площади является обширный «островок» Монумента с вертикальной доминантой — обелиском. Два гигантских 22-этажных здания-пластины¹⁰, вместе с протяженными 9-этажными¹¹ акцентируют «начало» Московского проспекта, являясь своеобразными пропилями города. Высотные здания соединены одноэтажными корпусами, что обеспечивает масштабный переход к более низкой застройке площади. Размещение этих сооружений создает классицистически ясную, основанную на осевой симметрии пространственную взаимосвязь опорных объектов. Взаимодействие памятника с архитектурной средой раскрывается в словах Сперанского: «При движении из центра города к югу ожидание встречи с монументом плавно нарастает. Перед самым подъездом зрительный кадр как бы диафрагмируется: после широкого простора Московской площади следует заключительный "коридорный" отрезок проспекта, ограничивающий рамки перспективы. Протяженные 9-этажные дома четко ведут взгляд прямо вперед, к памятнику. При выезде из "коридора" пространство вновь свободно распаивается»¹².

Другие здания, выходящие на площадь, отодвинуты далеко от ее композиционного центра и составляют своего рода «кулисы» (выражение Сперанского). Их горизонтальная ориентация подчеркивает главную ось площади, совпадающую с осью Московского проспекта

и его продолжения — Пулковского шоссе. Здания научно-исследовательского института «Электронстандарт»¹³ на восточной стороне площади и гостиница «Пулковская»¹⁴ на западной являются как бы переходным «мостом» от монументальной геометрически четкой архитектурной среды к зеленому массиву парка, расположенного между Московским и Пулковским шоссе. Жилая зона квартала¹⁵, разместившегося к западу от Пулковского шоссе, находится за полосой зеленых насаждений и продолжает мотив «кулис».

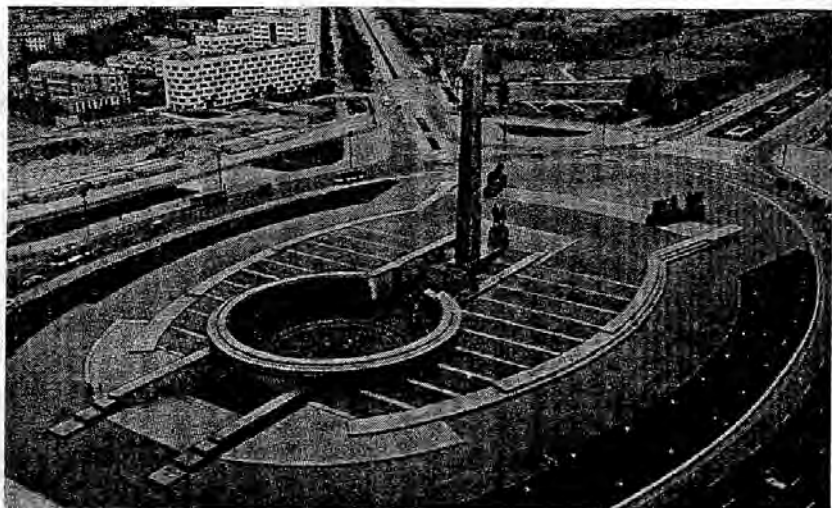
Резкое понижение высоты застройки площади и переход к парковой зоне воспринимается покидающими город как его завершение, а прибывающими — как начало. Вся архитектурная организация ансамбля строится на контрастном сопоставлении ограниченного 22- и 9-этажными домами Московского проспекта с открытым, перетекающим в пригородный ландшафт пространством площади.

Именно распаханность пространства, о которой говорил Сперанский, акцентирует внимание на Монументе. При выходе на площадь зритель попадает в среду, определяемую взаимодействием «вершин» гигантского пространственного «треугольника»: двух 22-этажных зданий и 48-метрового обелиска. Все остальные архитектурные сооружения гораздо ниже этих трех доминант, что обуславливает активность геометрически ясного построения. Обелиску при этом придано особое значение быть «вершиной» «треугольника», расположенной против его «основания» — парадного фасада города.

В пространстве «треугольника» заключено кольцо, облицованное гранитом. Со стороны Московского проспекта хорошо читается надпись: «Подвигу твоему, Ленинград!». Эти слова поэта М. А. Дудина, выполненные в жанре «монументальной литературы», раскрывают содержание северной зоны памятника.

Взаимодействие вертикальной и горизонтальной составляющих, воспринимаемых со стороны Московского проспекта, тревожный силуэт скульптур, видимых в перспективе пешеходных дорожек, надпись, выполненная четким шрифтом «золотых» букв, вызывают эмоциональный подъем и заставляют двигаться в направлении к Монументу.

Однако осмотр мемориального комплекса, по замыслу авторов, должен начинаться с его южной стороны. Здесь основным компонентом, раскрывающим его идейно-смысловое содержание, является скульптура. Расположенная на высоких пьедесталах-пилонах, она рассказывает о патриотическом вдохновении защитников Ленинграда, об их порыве и мужестве, то есть соответствует своей идейно-темати-

Монумент Героическим защитникам Ленинграда на площади Победы.

ческой зоне. При подъезде к южному фасаду Монумента зритель воспринимает обобщенный силуэт пластических групп, обелиск, врезающийся в небо, и спокойную панораму города с удаляющейся перспективой Московского проспекта. Резкий контраст динамичных, как быдвигающихся скульптур и уравновешенной статичной архитектуры создает необходимое эмоциональное напряжение, вносит в ансамбль взволнованность и одухотворенность.

Впечатление несколько ослабевает при начале обозрения с северной стороны памятника непосредственно на его территории. Слева или справа от кольца, что, впрочем, предусматривается планом его осмотра и обуславливается единственным подземным переходом, расположенным у «начала» Московского проспекта (переход с другой стороны хотя и был запроектирован авторами, но не построен), его гранитные стены практически утрачивают свою символическую роль сдавившего город пояса блокады и воспринимаются нейтральной поверхностью, лишенной образного наполнения. Хорошо обозримая вблизи скульптура оказывается в этом случае обращена к зрителю спиной, что снижает ее воздействие. Эти негативные результаты возникли не из-за просчета авторов, а из-за недоделки памятника-ансамбля, в котором важна каждая деталь.

Масштабом и ритмом расстановка объемов внешней части Монумента рассчитана на восприятие с более удаленных мест площади. Обтекаемый транспортной магистралью островок с памятником как бы проплывает перед окнами движущихся автомобилей и, подобный исполинскому кораблю, оставляет в памяти образ неколебимого сооружения, способного противостоять превратностям исторических стихий, как и сам город на Неве — стихиям капризного климата. «Нейтральные» боковые поверхности кольца и пластические формы в этом случае обозреваются в динамике, в более короткий отрезок времени и эффектно раскрывают свою символику. «Блокадное» кольцо легко схватывается одним взглядом, скульптура воспринимается не в деталях, а общей массой, силуэтом. Композиция, сложный ритм Монумента, все время меняющийся ракурс его архитектурно-пластических форм убедительно раскрывают идейно-смысловое содержание памятника.

За проезжей частью, омывающей «островок» Монумента, находятся тротуары. Двигаясь по ним, зритель легко воспринимает статичный силуэт кольца и динамичный — скульптурных групп. На расстоянии символический язык архитектурно-пластических компонентов в единстве с архитектурно-парковым ландшафтом становится действенным и многозначным.

Монумент защитникам Ленинграда — неотъемлемая часть многозначного ансамбля площади Победы. Его внешнюю форму нужно рассматривать из городской среды и на фоне этой среды. В этом отношении верными представляются слова И. И. Васильева, заметившего, что «в образном строе ансамбля авторы стремились, не исключая и скорбных нот, выразить торжественность, силу духа и оптимизм советского человека. Эта торжественность подчеркнута и цветом фланкирующих высотных домов — их светлой облицовкой, золотистыми "коронами", перекликающимися с бронзой монумента»¹⁶.

Второй масштабный план Монумента воспринимается зрителем непосредственно на территории комплекса.

У подножия лестницы подиума расположены мощные пьедесталы-пилоны со скульптурными группами «Защитники города» («Фронт и Тыл»). Эти своеобразные пропилеи — начало осмотра памятника. В перспективе центральной оси хорошо видна скульптурная группа «Победители» («Рабочий и Воин») и связанный с ней вертикальный ориентир. Если группы «Защитники» передают реалистические, жизненно правдивые эпизоды блокадных лет и требуют долгого и внимательного «прочтения», то центральная — «Победи-

тели» — является символическим апофеозом «рассказа». В ее образном строе, как определил И. А. Бартенев, «воспроизведены две силы, обеспечившие победу, — рабочий класс и Советская Армия»¹⁷. По силе воздействия скульптура близка классическому произведению советского искусства «Рабочий и Колхозница» В. И. Мухиной¹⁸.

Ориентация пилонов со скульптурными группами предопределяет направление взгляда зрителя и его движение к центральной группе. Две мощные фигуры олицетворяют нерушимый союз армии и трудового тыла. Спокойны позы богатырей, однако в них заключена сдержанная динамика, приглушенная энергия «Защитников».

Нетрудно заметить, что пластические формы разделены на три основные группы (две многофигурные — «Защитники» и одна двухфигурная — «Победители»), отмечающие собой вершины пространственного «треугольника», подобного «треугольнику», образованному вертикальными доминантами площади. Единое пространственное построение узловых элементов южной и северной частей ансамбля определяет важную структурную единицу композиции. Взаимодействие двух описанных «треугольников» обеспечивает целостность и взаимосвязь отдельных частей пространства.

Поставленные радиально пьедесталы-пилоны с группами «Защитники», ориентированы своими осями к центру, к скульптуре «Победители». Таким образом от «основания треугольника» с семантическим значением — защита города тема развивается к «вершине треугольника», символизирующей итог защиты — Победу. Пафос Победы воплощен во взметнувшемся к небу обелиске. Его художественный образ расширяет значение события, олицетворяя не только победу под стенами города и снятие блокады, но и вообще Победу над фашистской Германией, о чем говорят даты на обелиске: «1941–1945».

Обелиск — практически вершина двух «треугольников». Сфокусированная в нем идея победоносно завершенной войны передается 22-этажным зданиям, на городскую среду. Активные вертикали домов-пластин и спокойная гладь 9-этажных формируют представление о стабильности мира, возвращенного Победой, определяют гуманизм и значимость самоотверженной борьбы защитников города.

Масштабное соподчинение пространственных «треугольников» связывает памятник с городской средой, способствует переводу градообразующих элементов ансамбля до локальных размеров Монумента.

Посетитель, попавший на его территорию и следующий маршрутом, запланированным авторами, все время, независимо от направленности своего внимания, находится в атмосфере действия жизнеут-

верждающей среды, панораму которой он если и не рассматривает непосредственно, то все время ощущает. Это ощущение тем более эффективно, что рождается не только структурно-ритмическими параметрами ансамбля, но и колористическим контрастом. Если городская застройка выполнена в светлых тонах, то Монумент — в темных, традиционных для петербургских памятников материалах: в граните и бронзе. Темно-красный гранит, патинированная бронза создают строгую и торжественную, созвучную героической памяти защитников города и жертв блокады цветовую гамму.

Автор скульптурных композиций М. К. Аникушин, переживший тяготы войны, свидетель и очевидец страданий и героического подвига ленинградцев, ставил перед собой сложную задачу показать в пластических образах типические «портреты» защитников города и жертв блокады.

Этой своей работой выдающийся мастер во многом продолжил поиск крупнейших западноевропейских скульпторов О. Родена и Ф. Кремера. Роден в скульптурной группе «Граждане Кале» (1884–1886) и Кремер в пластических образах памятника в Бухенвальде (1952–1958) стремились представить «полный драматизма исторический факт <...>, предельно слить изображаемое с реальной жизнью <...>, запечатлеть почти документально точно событие, которое само по себе значительнее и красноречивее любого вымысла»¹⁹. Без сомнения, особенно сильным было влияние антифашистского произведения Кремера. Это чувствуется при сопоставлении памятника в Бухенвальде с одним из предварительных проектов ленинградского Монумента. И там, и здесь скульптура сконцентрировалась в сложно-ритмическую пластическую группу, охваченную единым волевым напряжением. Размещение группы по дуге (в Бухенвальде выпуклой, в ленинградском проекте вогнутой) обеспечивало пространственное звучание произведений.

Разница воздействия этих произведений обусловлена их различным идейно-смысловым содержанием. Пластика Кремера исполнена ненависти к фашизму как явлению всемирной трагедии. Ее образный строй широк и монументален. В Ленинграде задача ставилась более камерно: увековечить подвиг защитников города. Здесь больше конкретных эпизодов, лирического рассказа, обращенного к памяти и истории.

В процессе поиска большей выразительности композиция Монумента на площади Победы усложнялась. Линия дуги, по которой формировалась скульптурная группа, «распалась» на части. «Блокада» —

стала центром идейно-символического пространства «Зала под открытым небом», а «Защитники» вместе с группой «Победители» составили пространственный «треугольник» южной части Монумен-та.

«Ощущение огромного пространства и торжественности охватывает зрителя с южной стороны памятника с площади Защитников Ленинграда»²⁰. Это ощущение рождается открытостью архитектурно-художественного ландшафта всей площади, хорошо воспринимаемой отсюда, и активной ролью пластических форм — главного компонента, формирующего идейно-смысловую среду. Сила их звучания определена точно найденным масштабным соотношением пьедесталов и скульптур с архитектурной средой и человеком. Скульптурные фигуры относительно небольшие (высота 380 см), они сопоставимы с размерами человека.

Желание «сделать реалистический памятник, на который хотелось бы очень долго смотреть», предопределило ведущую роль в решении скульптурных композиций пластического повествования: «Вот девочка подбежала к снайперу, а там юноша с ружьем, а тут интеллигент таскает железо <...>»²¹. Поиск реалистичности образов, их жизненной правды велся автором на пути воссоздания подлинных событий блокадного города, портретов действительных защитников Ленинграда. «Литейщицы», «Окопщицы», «Ополченцы» — в этих группах запечатлены типичные будни блокадного города. В «Народных мстителях» передана сцена, которую наблюдал сам Аникушин. В одном из снайперов этой группы — портрет бойца Ленинградского фронта 19-летнего Феодосия Смолячкова²². В композицию «Летчики и моряки» был включен портрет товарища Аникушина — С. Проненко²³.

Так, основываясь на воспоминаниях, документах, автор воссоздал страницы ленинградской блокадной эпопеи, сумев передать в пластических образах ритмы героического сопротивления²⁴.

Скульптурные формы разбиты на две, воспринимаемые последовательно, основные тематические части. Каждая из них состоит из двух групп, размещенных на отдельных постаментах слева и справа от главной оси памятника. На первых двух пилонах-пьедесталах, находящихся в начале широкой лестницы с южной стороны Монумен-та, расположены композиции, посвященные теме военной защиты Ленинграда. «В скульптурных группах представлены все основные «категории» защитников города, его гарнизона»²⁵. Перекликаясь в пространстве, они и создают первую идейно-смысловую зону.

В динамике движений, в ритме пластических форм передан порыв воинов, их безудержное стремление к действию, к победе. После-

дние фигуры в этих композициях наделены особенной пространственной активностью. Поднятые руки, сложные движения матроса и солдата звучат заключительным аккордом темы. В то же время они играют важную роль в общей организации скульптурных групп, становясь элементами их идейно-художественного единства.

На следующих двух пилонах-пьедесталах, установленных на площадке между двумя маршами лестницы, раскрывается тема трудовых будней блокадного города. Здесь показаны ленинградцы — участники обороны города: женщины-сталеваары, воины Народно-го ополчения, горожане, роющие окопы и строящие противотанковые заграждения. Пространственным взаимодействием эти скульптурные группы формируют вторую тематическую зону. Здесь нет активной динамики движущихся к прорыву воинов первой зоны, здесь больше лирического рассказа, раздумий автора. Драматическая патетика жизни блокадного города представлена драматургией реалистических образов и эпизодов. Она раскрывается в необычности исполняемых женщинами работ, в различной социальной характеристике людей, ведущих оборонное строительство, в резком различии возрастов в строю Народного ополчения, в трогательной сцене прощания матери с сыном, отправляющимся на фронт, в пронизывающей остроте внешнего контраста группы вооруженных снайперов и хрупкой юной девочки.

На каждом из пьедесталов этой зоны скульптуры разбиты на две подгруппы. «Снайперы» и «Литейщицы» — меньшие по количеству «действующих лиц» композиции — размещены впереди. Запечатленные здесь эпизоды — не просто характерные примеры жизни ленинградцев блокадных дней, это — полный внутреннего драматизма рассказ о постоянстве явлений, неизменности эмоционально-психологического состояния людей. Женщины, несмотря на тяжесть труда, дадут армии боеприпасы; армия, воины — защитят...

Следующие многофигурные композиции «Оборонные работы», «На окопах», составляющие фактически одну группу, и «Народное ополчение» олицетворяют идею города-фронта. Они олицетворяют массовость патриотического порыва ленинградцев. Горожане возводят оборонительные сооружения, вступают в ряды Народного ополчения. Психологическая окраска изображенного усиливается введением дополнительных, органически связанных с общей темой сцен: женщины, приостановив работу, смотрят вверх, на враждебное небо войны... мать, может быть, в последний раз обняла сына...

Элементы жанровости, не характерные для монументальной скульптуры, вносят в пластические образы человеческое чувство и придают историческую достоверность запечатленным событиям.

Аникушин создал типические портреты ленинградцев 1940-х годов. Независимо от того, ориентировался он на образ реального человека или нет, каждый из его героев наделен индивидуальностью, убедительной психологической характеристикой. «Психологизм пластики — вот сфера, в которой Аникушин наиболее полно проявил себя как мастер»²⁶. Действительно, именно эмоционально насыщенная выразительность его работ заставляет остановиться и долго рассматривать скульптуру, погружаясь в идейно-пластический мир созданных им образов. Трактую частный эпизод как типический, скульптор в индивидуальных характерах своих персонажей выявил общие идейно-значимые черты, и реалистические образы его произведений стали символами эпохи.

Пластика в структуре Монумена — это не просто скульптура в городской среде. Она находится в неразрывной идейно-художественной связи со всем ансамблем площади. Ее активность обусловлена контрастом со статикой архитектуры, с открытостью пространства. Аникушин — талантливый скульптор-монументалист. В работе над памятником он показал себя выдающимся мастером многофигурного ансамбля. Скульптура говорит обобщенным языком пластических масс, силуэтом, если воспринимать ее с обширных просторов площади Победы, и переходит к неторопливому подробному повествованию при обозрении ее с территории Монумена. Только такое, достаточно близкое восприятие обеспечивает полноценное ощущение ее пластического богатства, эмоциональной силы. Основываясь на повествовательности в размещении скульптурных образов, Аникушин сумел найти ту трудно ощутимую грань, на которой преодолена недосказанность, но не сделан шаг к многословию. На этой грани автор остановился, создав доходчивый «портрет» защитников города и убедительно показав историческое значение единства армии и тыла.

Художественная и смысловая целостность «эпопеи, запечатленной в бронзе», достигнута пространственным взаимодействием многофигурных групп с центральной — «Победители» — символическим образом единства армии и тыла. Спокойны и величественны позы рабочего и солдата. Их бронзовые фигуры установлены на высоком пьедестале. В руках у рабочего молот, у солдата — автомат, которые олицетворяют готовность к труду и обороне. Лица богатырей

устремлены вдаль, туда, куда уходили солдаты и ополченцы Ленинградского фронта. «В группе "Победители" <...> отразились глубокие размышления художника о связи битв под Ленинградом и за Ленинград с жизнью сегодняшнего дня, о героическом "сегодня", невозможном без героического "вчера". Они — олицетворение самоотверженности и мужества ленинградцев, не сдавших город, победивших смерть и ныне строящих новую жизнь»²⁷. Идейно-пластическое решение этой группы является не только оптимистическим итогом развития темы предыдущих скульптур, но и воплощением более широкой мысли о готовности армии и трудового народа встать в любую минуту плечом к плечу на защиту своего отечества. Эта мысль подхватывается и стоящим за «Победителями» обелиском и передается им в городскую среду. Обелиск, выложенный из гранитных блоков, — символ стойкости города — в структуре памятника является композиционным центром и фоном скульптуры.

У пьедестала с группой «Победители» начинается переход в круглый в плане «Зал под открытым небом». Широкие трехмаршевые лестницы ведут вниз. Прямо перед собой зритель видит неровные края разорванного кольца, опоясывающего «Зал». С этого момента начинается новая тема, запечатленная в образном строе Монумента.

Находясь еще под впечатлением пластических образов, в неровностях разрыва посетитель видит символ прорыва блокадного кольца, сковавшего Ленинград в годы войны, то есть реального исторического факта — результата упорной и самоотверженной борьбы защитников города.

Эмоциональная «подготовка» для восприятия пространства «Зала» начинается еще на лестнице и в «коридоре», ведущем к нему. Стены «коридора» и грани разрыва кольца обработаны «ломающимися» плитами серого бетона, «сохраняющего на своей поверхности фактуру деревянной опалубки — такими были оборонительные сооружения военных лет»²⁸. По контрасту с ровной кладкой обелиска и мощными квадрами «необработанного» гранита его основания эти, как бы нагроможденные, плиты вносят беспокойство, эмоциональное напряжение. Мотив ломающихся бетонных плит использован и при обработке стен самого зала. Над ними нависает кольцо. Таким приемом достигается изоляция «Зала» от окружающей среды, что резко контрастирует с открытым пространством площади.

В центре расположена скульптурная группа «Блокада». Размещенная на невысоком пьедестале из черного полированного лабрадорита, она наиболее приближена к размерам человека: высота фигур — 280 см.

Скульптурная группа «Блокада». Фотография. 1984 г.

Сложная композиция группы своим силуэтом ассоциируется с развороченным взрывом строением²⁹. В силу этого в ней можно увидеть не только страдания людей, но и аллегорическое изображение самого блокадного города. Ленинград держался и выстоял только мужеством, стойкостью и силой людей. Такое идейно-смысловое содержание скульптуры «Блокада» подчеркивается темой кольца, охватившего «город», и усиливается конкретной деталью: покрытием центрального пола «Зала» диабазом — камнем, которым были замощены многие площади и улицы Ленинграда до войны. Чтобы осмотреть вблизи скульптурную группу, надо преодолеть три широкие ступеньки, спуститься на вымощенную диабазом площадку и почувствовать под ногами мостовую 1940-х годов.

Скульптурная группа состоит из шести фигур, связанных попарно. Каждую пару составляют персонажи, олицетворяющие страдание и стойкость, гибель и сопротивление. Солдат поддерживает пожилую ослабевшую женщину. Она уронила ведро с водой, которую зачерпнула в Неве. Этой паре противопоставлена фигура молодой матери с мертвым ребенком на руках. В центре композиции лежит угловатое тело изможденной девушки, его поддерживает женщина. Поверженные фигуры размещены между стоящими, создавая тема-

тическое и композиционное единство всей группы. Повороты фигур, ритмические акценты и пластические нюансы незаметно сообщают композиции едва уловимое вращательное движение, что передается зрителю, заставляя его совершить обход скульптуры, осмотреть ее с разных сторон, отметить все детали и подробности.

Аникушин — мастер монументально-психологического дарования. В образах «Блокады», как и в наружных скульптурах, он сумел с глубоким проникновением показать главное. Каждая пара группы составляет реальный момент из жизни ленинградцев, возведенный до степени символа. Так было со всеми. Так проходили дни и ночи блокадного города.

В скульптурной группе показаны не совпадающие по времени события. На руках у молодой матери убитый во время обстрела ребенок — начало бедствий. Контраст между статной, красивой фигурой женщины, олицетворяющей жизнь, и переживаемым ею событием подчеркивает беспредельность материнской муки и ужас неоправданной, преждевременной смерти.

Совсем иначе трактован образ пожилой женщины, которую поддерживает солдат. Под ее одеждой ощущается высохшее, изможденное тело. Это — время страшной блокадной зимы. Не работал водопровод, ослабевшие люди ходили за водой на Неву и часто не имели сил вернуться домой. Присутствие здесь воина закономерно. Задыхающийся в блокаде город всем жертвовал фронту. Армия сражалась насмерть и своей стойкостью помогала городу жить. Заботливо подхватил пошатнувшуюся ленинградку солдат: у них одно горе, одна забота, одна цель — выстоять.

Тема гибнущего и борющегося города с яркой и убедительной силой воплощена в центральной паре фигур. Поникшее, обессиленное, умирающее тело девушки поддерживает волевая сильная женщина. Энергия сопротивления, яростный гнев преобразили ее облик. Умелым применением пространственного противопоставления фигур эта тема раскрывается с необычайной эмоциональной убедительностью.

Аникушин говорил о своей скульптуре «Блокада»: «Здесь все: и бомбежки, и артиллерийские обстрелы и страшный голод, и лютая стужа — страдания и боль Ленинграда, который терзал безжалостный враг»³⁰. То, что страдания жителей города запечатлены в женских образах, вполне оправданно. Женщины — основное население Ленинграда военного времени. Это они не дали городу умереть, преодолев блокаду.

Тема блокадного города, запечатленная в пластической форме, острее и убедительнее звучит в архитектурном обрамлении «Зала под открытым небом». В момент эмоциональной взволнованности при восприятии группы «Блокада» кольцо, ограничивающее пространство, может быть, не всегда осознанно для посетителей, вдруг «включается» в формирование эмоционально-психологического строя впечатлений. Зритель невольно начинает ощущать тяжесть окружающих его стен. Они «сжимают» его кольцом, усиливая чувство сопереживания блокадному городу. В этом плане особой образной силой обладает разрыв кольца с видимым в перспективе обелиском и зелеными елочками перед ним, символизирующими 30 лет мирной жизни с момента окончания войны до открытия Монуменга. Но если в этот момент посетитель по ступеням, ведущим к выходу, поднимется во внешнюю часть памятника, то по контрасту с замкнутым сжатым пространством «Зала» окажется под впечатлением жизнеутверждающего размаха городской среды, спокойной ясностью «пропилей» многоэтажных зданий Московского проспекта.

Прием изоляции «Зала под открытым небом» дал возможность локализовать, отстранить от городской среды скульптурную группу «Блокада» с ее характером реквизита, требующим особого настроения, сосредоточенности.

Идейно-смысловое содержание «Зала под открытым небом» раскрывает и широко примененная здесь «монументальная литература». Этот вид искусства уже давно стал традиционным и широко используемым в образном строе мемориальных ансамблей и памятников. Классическим примером синтеза «монументальной литературы» с архитектурными формами стал созданный в 1917–1919 годах Памятник борцам революции на Марсовом поле (архитектор Л. В. Руднев, художник В. А. Конашевич, автор эпитафий А. В. Луначарский).

В «Зале блокады» надписи распределены на поверхности кольца, облицованного патинированными бронзовыми листами. Они чередуются с обрамленными знаменами рельефными изображениями орденов и медалей, которыми награжден Ленинград. Строгий четкий шрифт золоченых букв надписей (выдержки из указов и постановлений Советского правительства о награждениях города-героя Ленинграда) хорошо выделяется на темном фоне.

В нижней части ленты кольца проходит бронзовый фриз с газовыми светильниками на консолях. Их колеблющееся пламя усиливает торжественность оформления пространства. В «Зале» звучит, чередуясь, музыка Р. М. Глиэра, С. В. Рахманинова, А. Н. Скрябина. Она способ-

ствует формированию настроения зрителя, который и слышит, и чувствует ее в пластических образах «Блокады». Музыка в арсенале средств художественной выразительности мемориальных сооружений стала с 1960-х годов достаточно распространенным явлением в советском искусстве. Ее роль — создание особой эмоциональной окраски и одушевление архитектурного пространства. Она наполняет его звуками и ритмами, которые влияют на характер и скорость движения посетителя.

Продолжением развития идейно-художественной программы Монумента является «Памятный зал», расположенный внизу под его центральной частью.

Чтобы попасть в зал, зритель после кругового обхода скульптурной группы «Блокада» должен снова пройти под разрывом кольца. На внутренней части его, по краям разрыва, помещены две лаконичные надписи: «900 дней» и «900 ночей». Это сроки пережитой ленинградцами блокады. Все, что ощутил посетитель под действием пластических, архитектурных и музыкальных образов, город переживал ежечасно 900 дней и ночей. Велика впечатляющая сила этих коротких строк.

В «Памятный зал» ведет портал, облицованный полированным гранитом. Он расположен слева в стене «коридора», если двигаться от «Зала блокады» к обелиску. С противоположной стороны находится выход. Тяжелые дубовые двери украшены бронзовыми накладками. Входящего встречают слова: «Мужество ленинградцев, доблесть защитников города Ленина навсегда сохранятся в благодарной памяти нынешнего и грядущего поколений советских людей». Эта надпись, имеющая несомненный оттенок идейной архаичности, тем не менее настраивает посетителей на особый лад сопричастности истории города на Неве.

Галерея с двумя лестничными маршами ведет вниз. Стены здесь обработаны полированным гранитом. По их верхней части идет бронзовый фриз с непрерывной лентой светильников, сделанных из гильз 76-миллиметровых снарядов. Их — 900, по числу дней блокады. Под светильниками надписи: перечислены все предприятия города и области, внесшие вклад в оборону Ленинграда. Мотив фриза со светильниками и надписями продолжается в зале, и далее во второй галерее, ведущей к выходу.

Над входом в зал — надпись: «О камни! Будьте стойкими как люди!» — эти слова поэта Ю. Воронова усиливают ноту торжественного величия перед встречей с человеческим подвигом, перед восприятием «Памятного зала».

Помещение зала огромно. Его площадь 1200 квадратных метров. Прямо перед собой, в перспективе входа, на фоне белого мрамора в обрамлении мечей, перевитых лентами, посетитель видит слова: «Ленинград победил потому, что в борьбе своей, даже в период жесточайшей блокады, постоянно опирался на поддержку всего советского народа». Эти строки, обращенные к вошедшему, напоминают о сплоченности всех людей нашей страны перед лицом военной опасности.

«Памятный зал» наполняют звуки, ставшие документами эпохи. Звучат радиопозывные Совинформбюро Москвы, которые с таким трепетом слушали ленинградцы и вся страна в период Отечественной войны. Их сменяют удары метронома, навсегда ставшие звуковым образом блокадных страшных дней.

В атмосфере парадной торжественности «Памятного зала», может быть, далеко не сразу чувствуется слияние звучащих документов блокадных лет с цветовыми «мелодиями» декоративного оформления торцовых стен помещения. Замыкая глубинные перспективы, в зале размещены два монументальных мозаичных панно. Расположенные друг против друга, они «держат» все пространство интерьера, одухотворяя его и усиливая эмоциональное напряжение. Эти произведения были выполнены художниками С. Н. Репиным, И. Г. Ураловым и Н. П. Фоминым под руководством народного художника СССР А. А. Мыльникова.

Дать общую художественную характеристику помещения — задача трудная из-за полифункциональности его назначения. Это и зал памяти, и музей, и кинозал, и зал для ритуальных мероприятий. Желание авторов конкретизировать и детализировать тему, начатую во внешней части памятника, усложнило его структуру. Чтобы избежать перегруженности, было предусмотрено дифференцированное восприятие помещения с таким расчетом, чтобы частности не нарушали художественную структуру общего. Для просмотров кинолент в зале созданы два кармана-ответвления. Демонстрация фильмов не нарушает спокойной торжественности «Памятного зала», а гранитные витрины, расположенные в зале, оборудованы так, что экспонаты-реликвии можно увидеть, только подойдя к ним вплотную. В центре зала на невысоком постаменте распластана рельефная карта, выполненная из бронзы в технике чеканки, на которой отмечены рубежи ленинградской обороны. Карта электрифицирована и радиофицирована. Здесь зримыми становятся рубежи героической защиты Ленинграда, этапы прорыва и снятия блокады. Ее горизонтальная ориен-

Интерьер «Памятного зала». Фотография. 1970-е гг.

тация и отсутствие вертикальных отметок не нарушают общего ритмического построения интерьера.

Местоположение карты отмечает помещенная на южной стене зала стела Славы, на которой золотыми буквами светятся 660 имен защитников города. Светлый мрамор стелы доминирует в этой части помещения, акцентируя его идейно-тематическую значимость. У противоположной, северной, стены разместились страницы гигантской бронзовой книги. Эта книга рассказывает посетителю о том, что происходило в осажденном городе в конкретный день. Расположенная под знаменами у беломраморной стены «Летопись героических дней блокады Ленинграда» вместе с картой и стелой входит в главную по конкретности и смысловой значимости информационную зону «Памятного зала». Присутствие этой зоны в помещении согласовано с его общим идейно-художественным решением.

Зритель, попавший в интерьер, в первую очередь, ощущает на себе воздействие крупномасштабных элементов, формирующих общую среду зала. Сюда входят: мозаики, боковые стены, облицованные ложающимися бетонными плитами, такими же, как и верхний «Зал бло-

Мозаика «Блокада». Фрагмент. Фотография.

кады», пол, выложенный плитами черного полированного габродиабаза с широкими латунными прокладками в швах, потолок с глубокими кессонами, в которых заключены светильники. Военно-мемориальное звучание помещению придает бронзовый фриз светильников с мерцающим «пламенем» ламп и ряд знамен частей Ленинградского фронта и Балтийского флота.

В образный строй зала включены 12 облицованных темно-красным гранитом призматических витрин. Их форма, напоминающая надгробия (саркофаги, по выражению И. И. Васильева), вызывает чувство присутствия реального захоронения³¹, заостряет скорбь по понесенным в войну жертвам.

Несомненными доминантами всего образного строя интерьера являются монументальные мозаики «1941 год» («Блокада») на западной стороне и «Победа» — на восточной. Фактически они играют роль торцовых стен, покрывая их целиком (площадь каждой мозаики около 56 квадратных метров). Набранные сравнительно мелкими кусочками нешлифованных смальт (набор производился художниками и мастерами Мозаичного отделения Академии художеств СССР под руководством авторов), мозаики передают тектонику стеновой поверхности, подобно мозаикам Древней Руси.

Мозаика «Победа». Фрагмент. Фотография.

Трехчастные композиции распределения «сюжетных» групп панно, установленных друг против друга, подчинили себе организацию пространства зала. По их осям установлены витрины-надгробия, что обеспечило единство и целостность всего помещения. Воздействие мозаичных торцовых стен на посетителей усиливается звуком, освещением, цветовой гаммой помещения и его масштабным строем. Маршрут по залу определен: движение происходит от западной стены («Блокада») к восточной («Победа»).

Ужас войны, блокады и пафос мира, победы трактуется в зале как два взаимосвязанных, но тематически противопоставленных друг другу состояния, как смерть и жизнь, горе и радость, зло и добро.

Так, «1941 год» («Блокада») всем строем средств художественной выразительности вызывает ощущение тяжести, враждебности. Мозаика как бы отталкивает от себя. «Победа», наоборот, притягивает, она передает настроение радости, в ней легкость, всплеск, подъем. Круг этих ощущений не замыкается в панно. «Силовые линии» идейно-тематического «поля» как бы движутся вдоль помещения, соединяя мозаики и преобразуя среду. Они зафиксированы расстановкой витрин, запечатлелись в продольных линиях латунных накладок швов пола и кессонированного потолка. Причем если «Победа» порождает

ет эти «силовые линии», генерирует их, то «Блокада» — поглощает и гасит. Ощущение активности мозаик в интерьере обусловлено точно найденной ритмической проработкой частей и целого. Их архитектурно-тонические узлы, диагональные членения содержат в себе ритмы архитектурной обработки зала.

Пространственной глубины в мозаиках нет, что подчеркивает их плоскостность. Центральные композиции обоих панно строятся на вертикальных ритмах фигур людей и архитектурных сооружений. Такой порядок соответствует восприятию их из пространства зала и подчеркивает главенство и тематическую важность. Боковые части как бы вписаны в прямоугольные треугольники, гипотенузы которых ориентированы от подножия центральных групп к верхним углам произведений.

В «Победе» слева «гипотенуза» начинается у ног женщины с поднятыми руками, идет через голову солдата, обнимающего женщину, и подхватывается ориентацией букетов в верхнем углу. Справа — от ног воина с поднятым в левой руке букетом, через голову одинокой фигуры, повернутой к зрителю спиной, и заканчивается в силуэте дома в углу. Радостный эмоциональный всплеск, формируемый общим образом строем мозаики, создает ощущение энергичной «рождаемости» пространства, которое подхватывается архитектурой зала.

В «Блокаде» слева «гипотенуза» идет от купола Исаакиевского собора, через голову женщины с ведром к ногам группы женщин, провожающих воинов. Справа — от капители колонны, через головы старика и женщины, работающих за станком, к ногам солдата, прощающегося с отцом. Эти ритмы как бы продолжают мотив продольных линий кессонированного потолка, поглощая в пространстве мозаики перспективу зала.

Активность плоскостей мозаик подчеркивается не только их композиционным строем, декоративно трактуемым набором смальт, но и введением в изобразительную канву мотивов укрупненных венков: в «Победе» из цветов, в «Блокаде» — подобный терновому (слева) и просто моток колючей проволоки (справа). Плоскостность панно обусловлена еще и тем, что авторы задумали придать им вид, напоминающий «бронзовые плиты словно побитые осколками снарядов, закопченные дымом пожарниц»³². Таким образом, по мысли художников, их произведения имеют два плана художественной образности: декоративно-оформительский и монументально-сюжетный, оба подчиненные решению одной идейно-тематической задачи. Их единство обеспечивает остроту эмоционально-художественного воздействия.

Основой композиции каждой из мозаик, как уже отмечалось, стал триптих, что дало возможность включить в них разные по содержанию, но близкие по темам эпизоды. В центральных частях произведений концентрируются главные идейно-смысловые сюжеты, а по бокам — аккомпанирующие и углубляющие основную тему сцены.

В центре композиции «1941 год» изображен уход воинов на фронт. Видны спины солдат, удаляющихся в «перспективу» яркого белого, контрастного общей ночной мрачно-коричневой с золотым мерцанием гамме фона, пятна. В зажатом между силуэтом дома и дымом пожарами пространстве белой «бездны» виднеются нависшие темные тучи и летящие вражеские самолеты. Слева, симметрично силуэту дома, изображены репродукторы на столбе, объявившие начало войны. Тоской, ожиданием страшного будущего веет от этой композиции. Это — начало страшной эпопеи города-фронта. Мужчины уходят на битву с врагом. Остаются провожающие их женщины, дети и старики...

Боковые части панно продолжают и развивают тему, начатую центральной композицией. Слева — апофеоз страдания блокадного Ленинграда. Выбран страшный, но частый тогда, в лютую зиму, эпизод смерти на Неве женщины, пришедшей за водой... В суровой задумчивости стоят над трупом три закутанные фигуры. Над ними — аэростат и лучи прожекторов в тревожном ленинградском небе. Замыкая панно слева, символом неколебимой стойкости города выглядит темный силуэт Исаакиевского собора.

В правой части, на фоне рушащегося здания, изображена мужественная и упорная борьба людей, волей и силой духа которых город выстоял. Женщина, старик и мальчик изготавливают для фронта снаряды. В нижнем углу помещен сидящий у рояля Д. Д. Шостакович. Включение портрета реального человека в художественный строй произведения оправдан. Как в скульптуре Аникушина, создававшего типические образы защитников города, обращаясь к живым героям, так и здесь — композитор олицетворяет тип творческого борца. Образ создателя патриотической «Ленинградской» симфонии напоминает о самой музыке, сочиненной и исполненной в блокадном городе (август 1942 года³³). Известно, каким мощным призывом к борьбе прозвучала тогда «Ленинградская» симфония Шостаковича, как помогла она собрать силы, поднять моральный дух людей, усилить стойкость и выносливость. Сосредоточенный, собранный и напряженный образ композитора напоминает о роли, которую играла вообще творческая интеллигенция в годы войны. Музыканты, художники, писа-

тели, архитекторы, артисты все силы отдавали победе. Своим искусством они помогали крушить врага.

В этом отношении выбор для монументально-декоративного оформления интерьера «Памятного зала» мозаики представляется символическим. Не говоря о том, что само это искусство называют «вечным», его история тесно связана с городом на Неве, в частности, с тяжелыми днями блокады. Мозаики для станции Московского метрополитена «Новокузнецкая» (открыта в 1945 г.) набирались в 1941–1942 годах под руководством профессора В. А. Фролова. Как писала А. А. Караваева, картины «создавались в осажденном Ленинграде, где не было ни тепла, ни света по вечерам, ни хлеба. Тем возвышеннее порыв художника, который, пронзая мечтой своей тьму, видел впереди победу созидания, будущую реальность, являющуюся подлинной сущностью бытия нашей страны»³⁴. Эта «победа созидания» в радостном фейерверке красок воплотилась в образном строе мозаики «Победа» «Памятного зала».

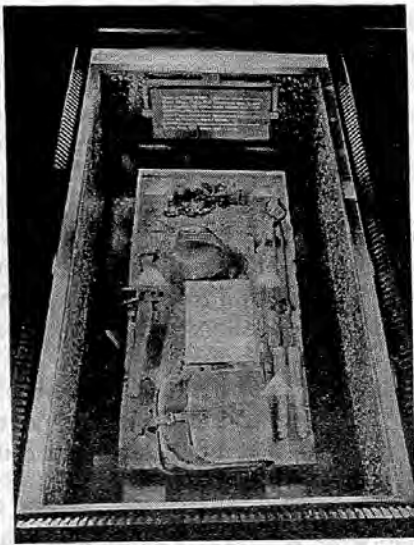
В центре панно изображено возвращение советских воинов-победителей. Военно-патриотический подъем и праздничное ликование раскрываются изображением триумфальной арки, напоминающей победные сооружения в честь разгрома наполеоновских войск, и искрящимся цветущим колоритом. Здесь преобладают белые, красные, золотые смальты.

Если в мозаике «1941 год», подобно скульптурной группе «Блокада», в одной композиции запечатлены разные по времени и месту происшествия события, то в «Победе» художники создали единую по времени и месту прохождения сцену. Этим они усилили эмоциональное воздействие произведения.

Из «пространства», заключенного между реющим над людьми, пробитым в боях алым знаменем и триумфальной аркой, прямо на зрителя идут воины. Поле над ними заполнено блистающими вспышками золотистого фона, летящим букетом цветов. Над головами солдат виден профиль мальчика — символ новой жизни. Он повернулся к арке Победы, олицетворяя благодарность потомков мужественным защитникам города.

Белое пятно — эмоциональный центр драматургии панно «1941 год» — в «Победе» перемещено по свод Триумфальной арки. Если в «Блокаде» оно вызывает чувство тревоги, беспокойства и напряжения, то здесь оно гармонирует с общим цветовым решением мозаики и растворяется в многоцветной палитре праздника.

Навстречу воинам бросаются женщины. Поднятые руки с цветами усиливают ликующее чувство мира и жизни. Слева и справа от

Документально-художественные композиции «Памятного зала».

центра в боковых композициях запечатлены два чувства, сопутствующие празднику Победы: радость встречи и горечь утраты. Счастье отразилось на лице молодой женщины, к которой вернулся муж (слева). Грустью и тоской веет от сиротливого силуэта женщины, оставшейся одной (справа).

Горечь лишений и тяжесть прошедших лет отразились и в суровых, не улыбающихся лицах возвращающихся домой воинов. Это придает панно «Победа» оттенок драматизма, созвучного мемориальному назначению зала.

Панно «Блокада» и «Победа» — два полюса одного художественного пространства. Ощущению «отчужденности» живому человеку темы мозаики западной стены, в чем, собственно, и заключена сила ее эмоционально-эстетического воздействия, способствует особый, найденный художниками метод решения света. «Изображение напоминает негатив снимка, сделанного в момент разрыва снарядов, ослепительного света прожекторов. Изменчивый блеск темно-зеленых, буро-красных, коричневых смальт, кажущихся черными по контрасту с золотистыми смальтами, лишает фигуры людей и архитектуру реальной осязаемости»³⁵. Образы мозаики подобны воспоминанию о тяжелом, страшном прошлом, которое ушло и как бы уходит перед зрителем в мистически мрачное непроницаемое пространство панно.

В противовес западной восточная стена освещена светом солнечного дня. Его лучи преобразуют набор смальт в яркие вспышки салюта. Искрящаяся поверхность панно раскрывает жизнеутверждающую тему будущего, которая «выплескивается» в зал, формируя у зрителя, покидающего зал, оптимистическое чувство исторического значения и смысла Победы.

В 12 гранитных витринах под стеклом помещены реликвии блокадных дней. В отличие от обыкновенного музея, в «Памятном зале» документы-экспонаты не формируют специфического музейного интерьера. Они собраны по тематическому признаку в витринах, составляя своеобразную документально-художественную композицию (выражение Л. Н. Беловой).

Гильзы, обрывок пулеметной ленты, пробитая осколками каска — давно использованные, брошенные, потерянные в тяжелые 1940-е годы предметы. Здесь же, под стеклом витрины, они красноречиво напоминают: этим была усеяна обгаренная кровью защитников ленинградская земля.

Подобные экспонаты не нуждаются в этикетаже, их значимость не в уникальности и атрибутивной конкретности, а именно в том обобщенном образе, который рожден идейно-художественной интерпретацией. Помогая зрителю настроить мысль на образной характеристике реликвий, рядом с ними, не нарушая целостности документально-художественной композиции, помещены небольшие комментарии. В витрине — простреленные, со следами крови партийный и комсомольский билеты, красноармейская книжка, пробитые осколками медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда». Рядом надпись: «Массовый героизм, стойкость и самоотверженность проявили воины, защитники города Ленина. Вдохновителем и организатором его обороны была Ленинградская партийная организация. Около 70 тысяч коммунистов и 135 тысяч комсомольцев ушло на фронт.

368 тысяч воинов Ленинградского фронта вступили за время войны в ряды партии, а более 230 тысяч стали членами ВЛКСМ».

Блокадный суточный хлебный паек ленинградца, продовольственная карточка, страничка дневника школьника, программа концерта в Филармонии, на котором звучала Седьмая («Ленинградская») симфония Шостаковича, выпел «Стахановцу военного времени» и многие, многие другие реликвии помещены в витринах. Они раскрывают идейно-художественный образ всего пространства «Памятного зала» в конкретном предмете, документе.

Конкретизация и детализация темы «Памятного зала» Монумента защитников города осуществляется разнообразными средствами. Объединяет их единый принцип не формальной, а художественно осмысленной подачи экспоната или информации.

В центре зала, у южной стены, на беломраморной стеле высечено 660 имен защитников города, удостоенных званий дважды Героя Советского Союза, кавалера ордена Славы трех степеней, Героя Социалистического Труда. Это — информация, но, более, — это документ: список реальных, живших и боровшихся за Ленинград людей. Документ, трансформированный образной силой искусства «монументальной литературы», по сути, является главным конкретизирующим элементом всего ансамбля памятника. Действительно, это не символ, не аллегория, а имена, золотом сияющие на гладком светлом мраморе. «В длинной, самой тяжелой из войн в истории нашей родины советский народ совершил подвиг, равного которому еще не знало человечество» — эта надпись предваряет список героев.

Композиция «Памятного зала» подчинена строгой симметрии, что подчеркивает торжественную величавость пространства. Тема героической защиты города развивается последовательно от мучительной блокадной эпопеи до торжества Победы. В центре помещения документально-художественными средствами раскрывается вся историческая конкретность событий, своей силой достигая апофеоза в звучании образа мемориального зала.

Стеле Славы героев на южной стене отвечают мраморные композиции с мечами и текстами, замыкающие перспективы входа и выхода.

Анализ архитектурно-художественных форм Монумента героическим защитникам Ленинграда показывает, что в его решении с высокой эффективностью была решена сложная проблема взаимодействия искусств. При обилии средств художественной выразительности авторы сумели исключить перегруженность и многословие, объединив все одной идейно-тематической программой. Сформированная крупномасштабными архитектурными формами в городской среде, подхваченная эмоциональной символично-реалистической пластикой Монумента и мозаичным циклом «Памятного зала» идейно-патриотическая тема конкретизируется в представленных документальных реликвиях, событиях, именах, акцентируя внимание на человеке, на его подвиге.

¹ См.: Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1978. С. 20, 39, 53, 66–72; Зайцев А. К. Мемориальные ансамбли в городах-героях. М., 1985, и др.

- ² Например, памятник Победы в Калининграде. 1945–1946. Ск. Ю. Микенас, арх. Л. Ватранов, Н. Паремузова.
- ³ Например, Мемориальный ансамбль в Саласпилсе под Ригой. 1967. Ск. Л. Буковский, Я. Заринь, О. Скайранис; Мемориальный комплекс «Хатынь». 1969. Ск. С. Селиханов, арх. Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, инж. Б. Макаревич; Памятник героическим защитникам Брестской крепости. 1973. Ск. А. Кибальников, А. Бембель, В. Бобыль, арх. В. Волчек, В. Зенкевич, Ю. Казаков, О. Стахович, Г. Сысоев, В. Король и др.
- ⁴ Азизян И. Мемориал: функция, концепция, композиция // Декоративное искусство СССР. 1972. № 3. С. 15.
- ⁵ Авторы: Народные архитекторы СССР, лауреаты Ленинской премии С. Б. Сперанский, В. А. Каменский и Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии М. К. Аникушин.
- ⁶ Арх. С. Б. Сперанский, худ. Я. Н. Грачев, при участии сотрудников Государственного музея истории Ленинграда Л. Н. Беловой, А. М. Гондельсман, Б. П. Ионова, И. И. Смирнова и др.
- ⁷ Мазаев А. И. Воинский мемориал. Современные задачи и проблемы // Советское искусствознание' 78. М., 1979. Вып. 1. С. 38–39.
- ⁸ Термин «монументальная литература» был введен В. Хазановой, полагавшей, что в нем «довольно точно выражены признаки особого жанра искусства, синтетического изначально, по самому своему происхождению <...> В отличие от живописи и скульптуры слово обращено прямо к разуму человека, минуя сложный мир, рождаемых художественными образами ассоциаций». См.: Хазанова В. Монументальная литература в городе // Синтез искусств и архитектура общественных зданий. М., 1974. С. 151–177.
- ⁹ Сперанский С. Б. Ради жизни на земле // Строительство и архитектура Ленинграда. 1975. № 5. С. 14.
- ¹⁰ 1973–1975 гг. Арх. С. Б. Сперанский, А. Кац.
- ¹¹ 1963–1965 гг. Арх. С. Б. Сперанский, Е. Владимирова.
- ¹² Сперанский С. Б. Указ. соч. С. 14.
- ¹³ 1983 г. Арх. В. С. Волонсевич, Ю. В. Милейко, инж. М. И. Скегин.
- ¹⁴ 1981 г. Арх. С. Б. Сперанский, В. А. Каменский, В. С. Волонсевич, инж. М. П. Катышева.
- ¹⁵ Арх. В. Н. Щербин, В. Э. Шевеленко, С. П. Шмаков.
- ¹⁶ Васильев И. И. Памятник Победы в Ленинграде // Лучшее в архитектуре. М., 1979. С. 7.
- ¹⁷ Монумент Героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Альбом. Авт. и сост. И. А. Бартенев. Л., 1980. С. 25.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Полякова Н. Фриц Кремер. М., 1972. С. 64.
- ²⁰ Толстая И. Монумент в честь героической обороны Ленинграда // Архитектура СССР. 1979. № 3. С. 37.
- ²¹ Цит. по: Михайлова Р. Ф., Журавлева А. А. Величие и подвигу человека. Л., 1983. С. 112.
- ²² Толстая И. Там же.
- ²³ Михайлова Р. Ф., Журавлева А. А. Указ. соч. С. 113.

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Бартенев И. А. Указ. соч. С. 15.

²⁶ Замокишин А. И. Михаил Константинович Аникушин. Л., 1973. С. 12.

²⁷ Там же. С. 236.

²⁸ Булушев П. М., Ганишин В. И. Подвигу твоему, Ленинград. Л., 1980. С. 53–54.

²⁹ Ср.: «Группа "Блокада" словно взрывом "развалена" посередине» (Веселитская-Игнатус Н. Эпопея, запечатленная в бронзе и граните // Творчество. 1975. № 5. С. 19).

³⁰ Цит. по: Булушев П. М., Ганишин В. И. Указ. соч. С. 55.

³¹ Помещение «Памятного зала» невольно ассоциируется с интерьером Петропавловского собора.

³² Гусева Е. Мозаики для монумента Победы в Ленинграде // Советское монументальное искусство '74–77. М., 1979. С. 69.

³³ Впервые Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича была исполнена в Куйбышеве 5 марта 1942 г., а 29 марта того же года в Москве.

³⁴ Гудок. 16 мая 1945 г. А. А. Караваева ошибочно назвала мозаики станции метро «Новокузнецкая» изготовленными в период войны. В блокадном Ленинграде набирались мозаики для станции метро «Завод имени В. И. Сталина» («Автозаводская»; открыта в 1943 г.). Часть из них переправили в Москву по Дороге жизни.

³⁵ Гусева Е. Указ. соч. С. 70.

Т. М. Семенова

«Каменная летопись» Великой Отечественной войны

Идея создания мемориальных ансамблей возникла еще в дни жесточайших сражений под Ленинградом и Москвой в 1941 году. В проектировании монументов принимали участие как маститые зодчие, так и начинающие, но уже опаленные «дыханием войны» архитекторы. 19 декабря 1941 года Ленгорисполком вынес решение «О развертывании работ по монументальной пропаганде». Отделу охраны памятников Управления по делам искусств было предложено привлечь к этим работам архитекторов, скульпторов и художников¹.

По рекомендации Ленгорисполкома Музей городской скульптуры совместно с Ленинградским отделением СА СССР в декабре 1941 года провел первый закрытый конкурс на «монументальное военно-агитационное оформление нескольких узлов магистральных точек города»². Проекты А. С. Гинцберга, Н. К. Кравченко, А. С. Никольского, Л. В. Руднева, В. И. Твелькемейера были отмечены специальными премиями.

В конце 1941 года Никольский создал эскизы памятника для установки на подступах к Ленинграду. По его замыслу высокая стела, расположенная на холме, должна была неожиданно появляться среди деревьев на повороте дороги или же отражаться в зеркале водоема у подножия холма. Задумывался памятник предельно простым: лишь купы деревьев подчеркивали его значимость. В январе 1942 года зодчий, предвосхищая еще не скорое освобождение Ленинграда, рисовал проекты триумфальных арок для встречи героев на улицах и площадях города³. В дневнике он записал: «Я твердо верю в скорое снятие осады и начал думать о проекте триумфальных арок <...> Специалист всегда должен быть готов, всегда, — я готовлюсь, не ожидая понукания извне, не ожидая заказов <...> Арки, я думаю, пра-

вильно проектировать с учетом отсутствия всего: материалов, физической силы у рабочих, а главное, времени <...> Поэтому я придумал временные триумфалки из комбинации гигантских 20-метровых знамен, декорированных под арку <...> Поставить арку на место займет один, максимум два дня. А при сноровке и полдня. Эта мысль, я считаю, и восторжествует <...>»⁴.

Зимой 1942 года ленинградские архитекторы подготовили выставку живописных работ и рисунков «Ленинград в дни блокады» и провели конкурс на проекты монументов, посвященных героическим защитникам города⁵. В программе конкурса указывалось, что в представленных работах архитекторы должны «художественными средствами раскрыть суровое величие города, мощь и красоту его архитектурных ансамблей и отдельных сооружений в исторические дни Отечественной войны и блокады»⁶. Конкурс, объявленный Ленинградским отделением СА СССР, закончился 20 мая 1942 года. На выставке в Ленинградском доме архитектора экспонировалось более 100 работ, среди которых были рисунки Л. А. Ильина, С. С. Бровцева, В. А. Каменского, О. И. Гурьева, Б. М. Серебровского, Н. В. Баранова, А. А. Грушке, Я. М. Рубанчика, М. А. Шепиловского и других. В эскизах первых памятников, посвященных Великой Отечественной войне, на первый план выдвигались приемы агитационных форм искусства: листовки, плаката, карикатуры. Такой же подход наблюдался и в монументальном искусстве. Архитекторы использовали любую возможность выразить свое отношение к происходившему. Проекты памятников явились средством обращения к зрителю, поэтому не случайно, что в суровое военное время практиковались общественные просмотры, обсуждения конкурсных материалов, стационарные и передвижные выставки. Проекты публиковались в периодической печати, на открытках, во фронтовых листках.

Х пленум СА СССР, состоявшийся в апреле 1942 года, уделил особое внимание проектированию памятников, посвященных героям и событиям Великой Отечественной войны. В его резолюции предлагалось «систематически проводить товарищеские соревнования на проекты-эскизы, устраивать просмотры проектов и обсуждать их»⁷. С этого времени отделения Союза советских архитекторов стали регулярно проводить конкурсы и выставки проектов будущих мемориалов. Инициаторами первых конкурсов стали Московское и Ленинградское отделения СА СССР.

Выступая на пленуме, представитель Ленинградского отделения Б. Р. Рубаненко докладывал своим коллегам: «Мы провели конкурс

проектов оформления въездов в город и монументального оформления сооружений, которые выражают нашу волю к победе <...>, закончился большой конкурс на зарисовку Ленинграда в дни Отечественной войны. Архитекторы должны были показать Ленинград в суровые дни блокады, когда город насторожился и приготовился к обороне. И город великих традиций, великих архитектурных ансамблей отображен десятками рисунков и эскизов, выставленных в Доме ленинградских архитекторов <...>⁸. «Произведения-улики» с репортерской достоверностью воспроизводили разбитые здания, танки на улицах, зенитки на площадях и набережных, огороды в скверах, замаскированные памятники. В реальную ситуацию осажденного города архитектор вводил рожденную его воображением триумфальную арку.

В декабре 1942 года был объявлен Всесоюзный конкурс на проекты монументов Великой Отечественной войны. Программа конкурса предлагала десять отдельных тем:

- «1. Пантеон героев Отечественной войны.
2. Пантеон партизан Отечественной войны.
3. Героическим защитникам Москвы.
4. Героическим защитникам Ленинграда.
5. Героическим защитникам Севастополя.
6. 28 гвардейцам-панфиловцам.
7. Восьми волоколамским комсомольцам.
8. Партизанке Герою Советского Союза Зое Космодемьянской.
9. Братская могила героев Великой Отечественной войны (памятник на месте погребения).
10. Герою Великой Отечественной войны (памятник на месте погребения)»⁹.

Таким образом, в основном определилась тематика памятников, отражавшая всенародный характер войны: монументы в память ее важнейших событий, героев и полководцев; надгробные сооружения над могилами воинов и партизан.

Наряду с традиционными формами увековечения воинской доблести (стелы, обелиски и т. д.) в конкурсных проектах по-новому переосмыслились древние курганы, скальные гробницы, шатровые храмы, маяки. Проекты архитекторов подчас оказывались излишне усложненными — авторы сознавали нереальность строительных работ во время войны и своими помпезными замыслами выражали мечту о скорой победе, старались подчеркнуть величие подвига советского народа. Одновременно шла работа над созданием проектов, пригодных для воплощения в первые послевоенные годы. Результатом это-

го труда стал альбом «Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии, Военно-Морского Флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны»¹⁰, издание которого диктовалось необходимостью массового строительства памятников такого рода. Их более чем простые формы давали зрителю информацию о конкретных фактах военного времени. Первые надмогильные памятники строились из имевшихся подручных недолговечных материалов и представляли собой традиционные кресты и надгробия в виде пирамидок.

Одновременно с разработкой мемориальных комплексов велись поиски новых форм прославления индивидуального и массового героизма. Создавались памятники-бюсты, павильоны для экспонирования военных трофеев и т. п. Возникли необычные, нетрадиционные формы памятных объектов: памятник-маяк, памятник-мост и другие. Оценивая конкурсы военных лет, можно сделать вывод: шел процесс развития мемориальной темы от единичного объекта — надмогильного знака — к более сложным композициям.

В первые послевоенные годы сложились предпосылки, позволившие продолжить разработку градостроительных замыслов, намеченных генеральным планом развития Ленинграда (1932–1935) и новым его вариантом (1935–1939). Проектами предусматривался рост города в южном направлении, вдоль берегов Финского залива и реки Невы. Эти территории с одной из важнейших транспортных артерий города — Международным (ныне Московским) проспектом — во время блокады Ленинграда были передним краем обороны. Основой застройки десятикилометровой магистрали было формирование ансамблей нового общегородского центра. Подобная направленность включала в себя и характерные для послевоенного времени идеи отображения всенародной победы в Великой Отечественной войне.

Несмотря на отказ от идеи переноса центра города на юг, за Московским проспектом сохранилась роль важной транспортной магистрали. В систему его пространственной структуры вошли «глубинные» ансамбли, тематически обогатившие идейное содержание всего комплекса. Одним из таких ансамблей стал Московский парк Победы площадью около 68 гектаров, заложенный 7 октября 1945 года в честь Победы в Великой Отечественной войне и торжественно открытый 7 июля 1946. Проект мемориального парка был разработан в архитектурной мастерской профессора Е. Н. Катонина его учеником архитектором В. Д. Кирхоглани. Парк органично сочетал в себе эле-

менты регулярной и пейзажной планировки, естественным украшением стали пруды общей площадью около 14 гектаров.

В 1953 году главный вход в парк со стороны Московского проспекта украсили пропилеи, сооруженные по проекту Кирхоглани: два четырехколонных павильона, завершенных антаблементом. Внутри павильонов размещено шесть бронзовых барельефов, исполненных по моделям скульпторов И. М. Носовой, В. В. Безрукова и И. А. Сыроежкина. Тематика барельефов посвящена боевым и трудовым подвигам ленинградцев. На торцовых стенах павильонов укреплены медальоны с надписями: «В честь Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов парк Победы создали трудящиеся города Ленина, как символ вечной славы, как живой памятник народу — герою». Высота пропилен — 9 метров.

От круглой площади, разбитой за пропилями, начинается Аллея Героев с бронзовыми бюстами дважды Героев Советского Союза и дважды Героев Социалистического труда¹¹. В пейзажной части парка были установлены памятники Героям Советского Союза З. А. Космодемьянской (скульптор М. Г. Манизер, архитектор В. Д. Кирхоглани, 1951) и А. М. Матросову (скульптор Л. Ю. Эйшлин, архитектор В. Д. Кирхоглани, 1951).

В северной части дельты Невы находится Крестовский остров, которому в соответствии с градостроительными замыслами отводилась роль парково-спортивной зоны. В годы Великой Отечественной войны на острове базировалась военно-морская школа, были установлены доты¹². 7 октября 1945 года на западной оконечности Крестовского острова был заложен Приморский парк Победы площадью 168 гектаров. В основе его планировки, разработанной А. С. Никольским, В. В. Степановым, В. В. Медведевым и П. С. Волковым, — сочетание регулярных и пейзажных участков. Главная аллея длиной два километра украшена цветниками и газонами, декоративной скульптурой. Посредине аллеи — восьмиугольная площадка с клумбой и высокой вазой в центре. В композицию парка входят живописные Северный и Южный пруды с причудливо изогнутой береговой линией. В 20-ю годовщину Приморского парка Победы состоялось открытие памятника героям Великой Отечественной войны. На широкой гранитной площадке установили стелу с изображением девочки, сажающей зеленый росток — символ обновления земли. Авторы памятника — скульптор Л. Г. Могилевский, архитекторы А. Л. Изойтко и Л. М. Хидекель. В 1970 году получил архитектурное оформление дот, расположенный в западной части парка.

Московский и Приморский парки Победы стали в Ленинграде первыми крупномасштабными мемориалами в честь подвига советского народа.

Есть в городе на Неве особые памятные места — братские захоронения на кладбищах. По данным Д. В. Павлова, только за январь–февраль 1942 года от голода погибло около 200 тысяч человек¹³. За первую половину 1942 года голодная смерть унесла свыше 600 тысяч жизней¹⁴. Зима 1941–1942 годов была в Ленинграде на редкость суровой. Стояли 30-градусные морозы. Скованная морозом земля не поддавалась лопате. Подходы к кладбищам были завалены трупами. Умерших горожан хоронили в братских могилах, которые выкапывались экскаваторами. За первый год блокады на Смоленских, Волковских, Большеохтинском, Киновеевском, Серафимовском, Богословском, Памяти жертв 9 января, Пискаревском, Северном, Шуваловском, Пороховском, Красненьком и других ленинградских кладбищах были вырыты 662 братские могилы общей протяженностью 20 тысяч погонных метров¹⁵. 7 января 1942 года Ленгорисполком принял решение о наведении порядка на всех городских кладбищах. Отныне стали хоронить только на Пискаревском кладбище. После окончания войны в память о жертвах блокады было решено создать архитектурно-художественные ансамбли на городских кладбищах. Так, на Смоленском, напротив православного кладбища, находятся братские могилы, на одной из многочисленных надгробных плит которых надпись: «Мухины: Александра, Мария, Ниночка, Димочка. Погибли при артобстреле 14 декабря 1941 года»¹⁶.

В 1942 году на восточной окраине Киновеевского кладбища были вырыты братские могилы, а в 1946 по проекту архитекторов И. И. Фомина, С. И. Герасименко и других на месте братских захоронений был сооружен мемориал с колонной-обелиском из черного гранита в центре¹⁷. Число похороненных в песчаных карьерах Богословского кладбища превышает 100 тысяч. Братские захоронения периода блокады находятся в северной части кладбища, у линии железной дороги, с насыпным холмом, увенчанным обелиском (архитекторы А. К. Барутчев, Я. О. Рубанчик).

В начале блокады особая роль отводилась Серафимовскому кладбищу. С ноября 1941 года потянулись погребальные «процессии» в сторону Серафимовского. Те, у кого еще были силы, везли сюда умерших на санках, а то и на листе фанеры. Один за другим подъезжали грузовики, доверху груженные трупами, собранными по всему городу. В книге воспоминаний главного архитектора города Н. В. Бара-

нова «Силуэты блокады» есть строки: «Я давно здесь не бывал и впервые увидел, что людей теперь хоронят не в могилах, а в общих траншеях <...> Девушки из МПВО <...> взрывали мерзлую землю, прокладывая длинные и широкие рвы, куда укладывали мертвых <...>, перед уходом я спросил, как потом узнать место погребения, и мне ответили, что в конце траншеи ставятся дощечки с номерами и сейчас захоронение велось в траншее № 6»¹⁸.

Мемориал жертвам блокадного Ленинграда находится справа от главного входа. Он был открыт на месте 16 братских могил 27 января 1965 года, в 21-ю годовщину снятия блокады. Общий проект некрополя разработал профессор Я. Н. Лукин, пластические образы выполнили студенты ЛВХПУ им. В. И. Мухомовой под руководством Р. К. Таурита. В центре композиции — четырехпролетный портик на высоком цоколе с пятью монументальными скульптурами защитников и тружеников Ленинграда. Перед портиком — гранитный куб с Вечным огнем и площадка, вымощенная черным лабрадоритом. Авторы стихотворных эпитафий — М. А. Дудин, И. К. Абраменко, С. С. Орлов, О. Н. Шестинский. Мемориал обрамлен кустарниками и деревьями¹⁹.

Наибольшее число жертв погребено на Пискаревском кладбище. 470 тысяч мужчин и женщин, детей и стариков — мирных граждан и воинов. Для наших соотечественников, для всех, кому дорог мир и покой на земле, главный ленинградский мемориал стал символом стойкости, мужества, любви к Родине. Никакие события, никакие сроки не могут заслонить величия подвига ленинградцев — подвига, равного которому не знает история.

Издавна за северо-восточной окраиной города существовала деревня Пискаревка. В 1930-х годах территорию в районе Пискаревской и Большеохтинской дорог отвели под городское кладбище. Уже с самого начала обороны города здесь хоронили погибших при обстрелах и бомбежках, умерших от ран в больницах и госпиталях. В 1941 году здесь образовалась Коммунистическая площадка, где были погребены первые герои войны: И. Н. Шсин, генерал-майор В. Б. Лавринович. Но голод начал тысячами косить осажденных, и сюда ежедневно стали доставлять машинами страшный жертвенный груз. В сборнике «Непокоренный Ленинград» приведен рассказ очевидца, побывавшего на Пискаревском кладбище в январе 1942 года: «Чем ближе мы подъезжали к Пискаревке, тем больше валялось трупов по обеим сторонам дороги <...>, вдали я увидел какие-то необычайно высокие бесформенные кучи. Подъехал ближе и убедился, что по обеим сторонам дороги навалены огромные кучи покойников, причем

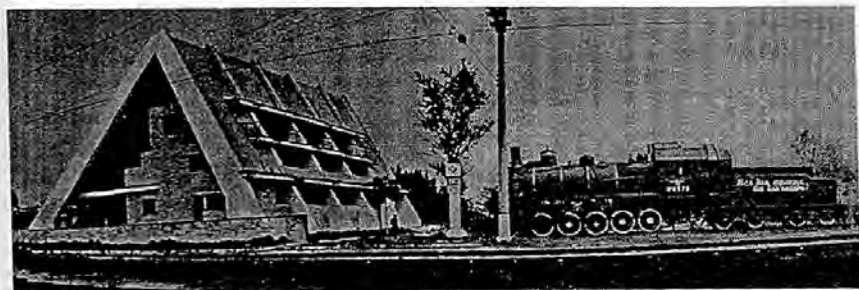
навалены они так, что две машины разойтись по дороге не могут <...>²⁰. Оставшиеся в живых верили, что наступит день, когда можно будет вернуть долг павшим.

В 1945 году в Ленинграде прошла серия конкурсов на проекты памятников защитникам города-героя. Многих зодчих увлекла задача создать архитектурно-художественный ансамбль на Пискаревском кладбище. В двух турах конкурса наивысшую оценку получила работа архитектора А. В. Васильева, которому совместно с членом-корреспондентом Академии строительства и архитектуры СССР, профессором Е. А. Левинсоном было поручено разработать проект. Соавторы так вспоминали о начале работы: «Получив задание от Архитектурного управления <...>, мы выехали для ознакомления на место. Перед нами встала печальная картина. Братские могилы были неравномерно разбросаны по территории кладбища <...> Зеленые насаждения не имели никакого плана, на месте бывшего песчаного карьера образовался большой пруд. Самым сильным впечатлением от осмотра этой местности была необычайная широта, необъятный простор <...>, и это стало главным при выборе решения архитектурного проекта»²¹. Авторы сделали множество вариантов проекта мемориала. Первоначально центр композиции был решен зодчими в виде высокого заостренного обелиска из гранита, слева и справа от которого высились стены²². Проект с обелиском был утвержден Архитектурным советом. Надо было приступить к работе, но авторы считали, что традиционный обелиск не может выразить всю глубину чувств потомков, и вскоре они пришли к убеждению, что достойно о подвиге ленинградцев может рассказать такой памятник, в котором органично будут сочетаться архитектура, скульптура и поэзия. В 1948 году были рассмотрены два новых варианта мемориала: скульптура Матери-Родины на фоне стены высотой 15 метров и такая же скульптура перед четырехметровой стеной-стелой. Последнее решение выделяло фигуру Матери-Родины, делая ее центром всего замысла. Выбор был единодушным: осуществлять второй вариант. Постепенно складывался авторский коллектив: О. Ф. Берггольц, чей голос звучал из ленинградских репродукторов все 900 дней блокады; М. А. Дудин, поэт, военный журналист, В. В. Исаева, скульптор, вернувшаяся после начала войны из Москвы в родной город; Р. К. Таурит, работавший в творческой группе вместе с Исаевой. В числе авторов были скульпторы А. Л. Малахин, участник блокады, и Б. Е. Каплинский, сражавшийся на Ленинградском фронте. Скульпторы М. М. Харламова и М. А. Вайнман, вошедшие в авторский коллектив, потеряли в осажденном городе родных и друзей.

В процессе работы возникло множество вариантов, одна за другой создавались различные модели статуи и скульптурных рельефов. В 1955 году на Пискаревское кладбище пришли строители. При сооружении мемориала, площадь которого 26 гектаров, было насыпано 50 тысяч кубометров земли, привезено 800 вагонов гранита. У входа, вдоль центральной аллеи и вокруг памятника уложили 10 тысяч квадратных метров каменных плит; братские могилы окружены гранитным поребриком, общая длина которого 45 километров. На территории мемориала высадили 10 тысяч красных роз, около тысячи деревьев различных пород. Проект осуществляли: строительный трест Управления предприятий коммунального обслуживания, Ленметрострой, дорожно-строительные организации, трест зеленых насаждений, ЛО Художественного фонда СССР. С начала работы над проектом до его реализации прошло 15 лет. Торжественное открытие мемориала произошло 9 мая 1960 года, а в 1967 ленинградский композитор Н. П. Червинский создал ораторию, посвященную памяти погибших в блокаду, которая часто звучит над некрополем.

Приметной страницей в «каменной летописи» блокады стал уникальный комплекс Зеленого пояса Славы, созданный на рубежах Ленинградской битвы 1941–1944 годов. Первые памятники были возведены в 1944–1945 годах из подручных недолговечных материалов и до наших дней не дошли. Самые ранние из существующих сооружений мемориала — стела между Урицком и Сосновой Поляной (архитекторы К. Л. Иогансен и В. А. Петров, 1944) и обелиск на Петергофском шоссе у развилки дорог на Красное Село и Петродворец (архитекторы К. Л. Иогансен и В. А. Петров, 1946) входят ныне в состав мемориального комплекса «Кировский вал»²³. 23 июня 1956 года Исполком Ленгорсовета принял постановление «О мероприятиях по сооружению памятников и мемориальных досок, посвященных героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны», в соответствии с которым в 1957 году был открыт обелиск у Московского шоссе (архитектор М. К. Меликова; ныне в составе мемориала «Штурм»), а в 1961 году — гранитная стела, установленная на рубеже, где в сентябре 1941 года были остановлены немецко-фашистские захватчики на 32-м километре Петергофского шоссе (архитектор О. И. Соколова, скульптор Г. В. Беляева; ныне в составе мемориального комплекса «Приморский»).

Идея создания единого мемориального комплекса родилась в канун 20-летия Победы. 23 февраля 1965 года газета «Смена» опубли-

Станция-мемориал «Ладожское озеро».

Здесь поставлен на вечную стоянку паровоз, доставлявший топливо в осажденный Ленинград. Фотография. 1975 г.

ковала воззвание поэта М. А. Дудина, который от имени ветеранов войны писал: «Пусть каждый ленинградец, молодой и старый, долго и честью сочтет <...> посадить на смертельном рубеже дерево вечной жизни и памяти — это наш долг». Организаторами работ по сооружению Зеленого пояса Славы стали партийная и комсомольская организации Ленинграда, органы городского управления.

Основа планировки Зеленого пояса Славы — рубеж, на котором в сентябре 1941 года советские войска остановили наступление гитлеровцев. Большую работу по уточнению линии фронта и мест дислокации войск провел Штаб Ленинградского военного округа. Общая протяженность Зеленого пояса Славы — свыше 200 километров. Он подразделяется на отдельные участки: южная часть «Большого блокадного кольца» (южный берег Финского залива в районе Урицка — Пулковские высоты — севернее города Пушкина — южнее города Колпино — Кировск — правый берег Невы — район «Невского пятачка» на левом берегу Невы — западный берег Ладожского озера); северная часть «Большого блокадного кольца» на Карельском перешейке (западный берег Ладожского озера — поселки Верхние и Нижние Никулясы — Васкелово — река Сестра — северный берег Финского залива); «Малое блокадное кольцо» (Ораниенбаумский плацдарм: Петродворец — Гостилицкое шоссе — Порожки — река Воронка — Керново). Кроме того, Зеленый пояс Славы включил также западный и восточный (Леднево — Кобона — Лаврово — Войбокало) участки Дороги жизни и мемориал «Кронштадтский» на острове Котлин. Проект общей планировки Зеленого пояса Славы был разработан в 1958–1964 годах работниками архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома и 1-й мастерской института

«Ленпроект» (архитекторы Г. Н. Булдаков, В. Л. Гайкович, М. А. Сементовская). Главная роль в генеральной схеме мемориала отводилась архитектурным формам, которые в сочетании со скульптурой, памятными знаками, сохраненными или восстановленными оборонительными сооружениями символизируют героизм защитников Ленинграда. Зеленые насаждения (парки, мемориальные аллеи, скверы) выполняют функцию связующих элементов, соединяя рассредоточенные на больших расстояниях мемориалы в единый комплекс.

Зеленый пояс Славы возводился методом народной стройки. В канун 20-летия Победы на местах будущих мемориалов были посажены первые деревья и установлены закладные камни. В 1965 году проекты мемориалов, разработанные на общественных началах ленинградскими архитекторами и скульпторами, были выставлены в Исполкоме Ленгорсовета, а в начале 1966 года в Доме архитектора. Для реализации общего замысла Зеленого пояса Славы исполкомы Ленинградского городского и областного Советов приняли решение о шефстве исполкомов над отдельными его участками. К работам были привлечены коллективы промышленных предприятий, учебных заведений, воинские части. Строительство первой очереди Зеленого пояса Славы завершили к 9 мая 1967 года. В конце 1960-х — первой половине 1970-х годов строительство комплекса продолжалось. Вторая очередь была завершена к 30-летию Победы.

Зеленый пояс Славы получил четкие очертания: на бывшей линии фронта — свыше 80 памятников, объединенных в крупные мемориальные комплексы.

В качестве самостоятельных элементов в Зеленый пояс Славы включены братские воинские кладбища и захоронения, здания и сооружения, отмеченные мемориальными досками (в их числе сохранившиеся доты, блиндаж в поселке Ваганово, входящий в мемориал «Тройка-1», здание в поселке Борисова Грива, где ожидали отправки на Большую землю эвакуировавшиеся ленинградцы), образцы боевой техники, установленные в местах сражений. Неотъемлемой частью Зеленого пояса Славы стала Дорога жизни.

Когда 8 сентября 1941 года противник замкнул кольцо блокады вокруг Ленинграда, единственная связь с Большой землей осуществлялась по Ладоге. Пути, подходившие к западному и восточному берегам Ладожского озера, а также водно-ледовая трасса по самой Ладоге, являвшаяся их связующим звеном, получили общее название — «Дорога жизни». В память героев этой легендарной трассы и были воздвигнуты мемориальные сооружения.

Шоссейная трасса начиналась вблизи станции Ржевка, через которую в 1941–1943 годах проходил основной поток автомашин на Ладогу и обратно. Каждый километр этого пути отмечен мемориальными столбами, среди них — столб вблизи станции Ржевка, от которого идет отсчет километража по шоссе. Исполненные из белого бетона, они представляют собой прямоугольные стелы с рельефным изображением звезды или серпа и молота с надписью: «Дорога жизни». Первые столбы были установлены в 1967 году. Высота каждого около четырех метров. Автор проекта — архитектор М. Н. Мейсель. На Дороге жизни восемь мемориальных комплексов: «Цветок жизни» у поселка Ковалева, на третьем километре (архитекторы А. Д. Левенков, П. И. Мельников, Г. Г. Фетисов, конструкторы Г. М. Василевский, А. З. Пинчук, 1968–1972).

9-й километр Дороги жизни отмечен стелой из красного гранита — это первый памятник на ленинградской трассе, сооруженный в начале 1960-х годов ветеранами Всеволожского района.

На 10-м километре у подножия Румболовской горы во Всеволожске стоят огромные, выполненные из металла листья лавра и дуба — символы славы и мужества. Памятник был открыт в 1967 году, а в мае 1975 завершена вторая очередь мемориала по проекту архитекторов П. Ф. Козлова и В. Н. Полухина.

В 1985 году, к 40-летию Победы, по проекту архитектора А. Д. Левенкова на 12-м километре был реконструирован подлинный участок дороги. Предельным лаконизмом, простотой формы и оригинальностью решения отличается мемориал «Катюша» на 17-м километре трассы у деревни Корнево. Пять двутавровых стальных балок напоминают устремленные в небо зенитные стволы. Монумент воздвигнут на самом высоком месте проходящего мимо современного шоссе. В годы войны здесь находились зенитная батарея и расположенный поблизости полевой аэродром. Авторы проекта — архитекторы А. Д. Левенков, П. И. Мельников, Л. В. Чулкевич, конструкторы Г. П. Иванов и Л. В. Изъюрков.

На 40-м километре у Вагановского спуска Дороги жизни находится мемориал «Разорванное кольцо», сооруженный у самой кромки Ладожского озера. Две полуарки, сходящиеся, но не смыкающиеся, поднимаются высоко в небо. Между ними просвет. Это символ Дороги жизни в блокадном кольце. На площадке с впечатанными в бетон следами автопокрышек установлена стела со словами: «Потомок, знай! В суровые года... через торосы Ладожского льда отсюда мы вели Дорогу жизни, чтоб жизнь не умирала никогда». Неподале-

ку от памятника установлена зенитная установка. Мемориал «Разорванное кольцо» был открыт 29 октября 1966 года. Авторы проекта — скульптор К. М. Симун, архитектор В. Г. Филиппов, инженер И. А. Рыбин. Автор текстов — поэт Б. А. Кежун.

На восточном берегу Ладожского озера у рыбацкого поселка Кобона в 1965 году сооружена гранитная стела по проекту архитектора М. Н. Мейселя.

На 45-м километре возведен музейный павильон, открытый 12 сентября 1972 года.

27 января 1974 года на 103-м километре шоссе Ленинград–Лодейное Поле у поворота на Войбокало (станция Войбокало была одной из главных перевалочных баз на Дороге жизни) был открыт монумент «Легендарная полуторка».

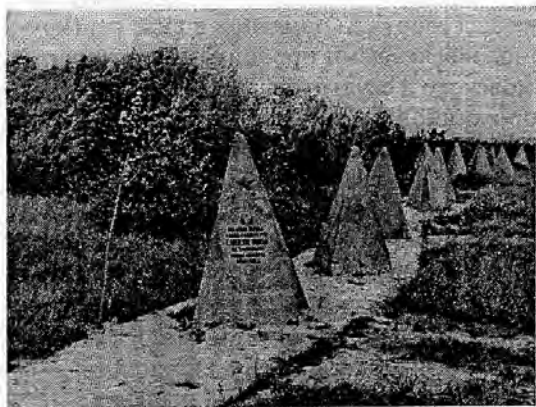
В комплекс вошла поднятая со дна Ладожского озера автомашина ЗИС-5 с бортовым номером М-8524, совершавшая рейсы по Дороге жизни в 1941–1943 годах, и могила неизвестного водителя ладожской трассы (прах перенесен с кладбища 1941–1943 годов у деревни Суханово), на которой установлен гранитный валун с мемориальной доской. Рядом с полуторкой врезанная в холм стела в виде ледяного тороса с надписью «Дорога жизни». Авторы проекта — архитектор А. Д. Левенков, художник В. В. Фоменко, конструкторы Г. М. Василевский, Т. А. Мураневич при участии архитекторов Л. В. Калягина и П. И. Мельникова.

Начальным пунктом стальной магистрали Дорога жизни является Финляндский вокзал, от которого в годы войны шли поезда с эвакуировавшимися жителями до станции Ладожское Озеро. На всем протяжении эта дорога отмечена мемориальными столбами, как и шоссейная трасса. Первый с отметкой «0–1» установлен в 1970 году у платформы Финляндского вокзала, последний с цифрами «46–47», у станции Ладожское Озеро. Всего на трассе 56 мемориальных столбов: 10 из них по Финляндской соединительной линии и 46 от станции Пискаревка по Ириновской железнодорожной ветке. Авторы проекта — архитекторы М. Н. Мейсель и И. Г. Явейн. Станция Ладожское Озеро — основной перевалочный узел в годы войны. В память о труде железнодорожников сооружен мемориал — памятник-вокзал в виде гигантского надолба. У здания вокзала — подлинный паровоз серии ЭШ-4375, возивший тяжелые составы по железнодорожной ветке «Дороги жизни». Мемориал был сооружен по проекту архитекторов Э. И. Казарновского и В. И. Кузнецова и открыт 27 января 1974 года к 30-летию снятия блокады. В здании вокзала создали

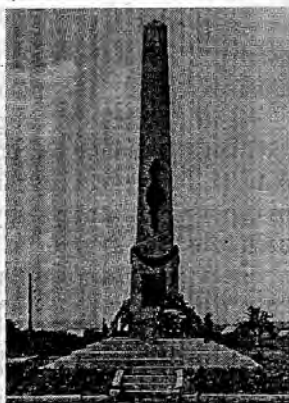
музей. В 1975 году здесь же был сооружен памятник в виде перекрученных кусков брони с многочисленными пробойнами по проекту архитектора В. Н. Герасимовского и скульптора И. И. Павлова.

О подвиге железнодорожников напоминает открытый в мае 1972 года у станции Петрокрепость памятник (архитекторы М. Н. Мейсель, И. Г. Явейн и скульптор Г. Д. Гликман) — прямоугольная стела из серого гранита, с вырубленными на ней звездой, рельсом, разводным гаечным ключом и надписью «Героям железнодорожникам за доблестный труд и подвиг на Дороге жизни. 1941–1944». На другой стороне стелы — барельеф с изображениями железнодорожника, моряка и солдата. В 1975 году у памятника установили паровоз. В 1974 году весь комплекс Зеленого пояса Славы был принят под охрану государства как памятник республиканского значения.

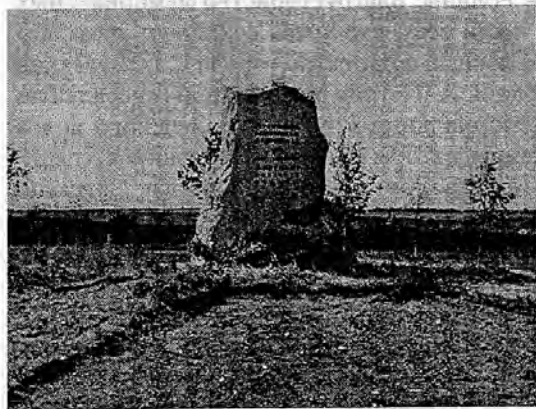
Во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х годов совершенствовались уже построенные и создавались новые мемориалы (в том числе бойцам батареи «А» в районе Пулковских высот), благоустраивались прилегающие территории, высаживались новые деревья. Мемориалы Зеленого пояса Славы до 1985 года были традиционными местами проведения торжественных и траурных церемоний в память защитников Родины. Благоустройство мемориальных комплексов стало делом чести всех, кто хотел сохранить память о подвиге великого города. Главный архитектор города Г. Н. Булдаков и главный художник города В. А. Петров разработали генеральную схему озеленения всех мемориальных комплексов Зеленого пояса Славы. К работе привлекались авторы проектов памятников, специалисты «зеленого» строительства, ботаники, дендрологи. Согласно генеральной схеме предполагалось соединить памятники туристскими тропами, которые должны были пройти по существующим лесным массивам и паркам. В 1985 году была создана инициативная группа, которую возглавили профессор В. М. Ковальчук и начальник ГИОП К. И. Качина. Эта группа неоднократно выезжала к памятникам Большого блокадного кольца и Дороги жизни для осмотра комплексов и определения степени их «старения». Сотрудники военно-исторического и архитектурного секторов ГМИЛ составили научные паспорта с точными данными о воинских частях, воевавших на тех или иных рубежах, о людях, совершивших ратный подвиг. Были разработаны специальные указатели проезда и прохода к мемориальным комплексам, но пришли иные времена, и эти замыслы остались лишь на бумаге. «Самый длинный памятник в мире» ветшает. Все меньше и меньше остается в живых тех, кто пережил 900-дневную

Передний край обороны в Ям-Ижоре.
Обозначен в 1964 г.
Фотография. 1965 г.

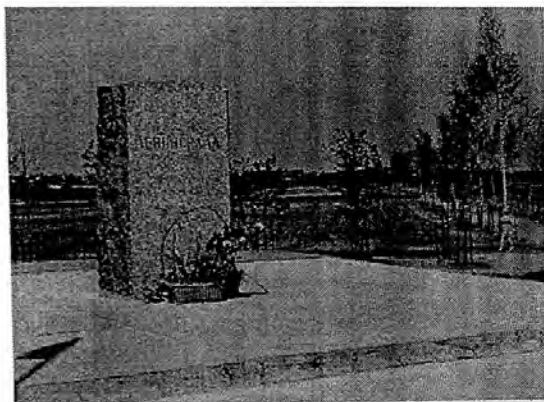
Памятник воинам
Советской Армии.
Село Гостилицы.
Установлен в 1967 г.
Фотография. 1967 г.

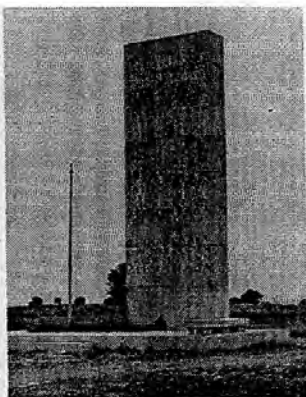
Памятник воинам-защитникам Ленинграда.
Деревня Большая Кузьминка.
Установлен в 1965 г.
Фотография. 1965 г.

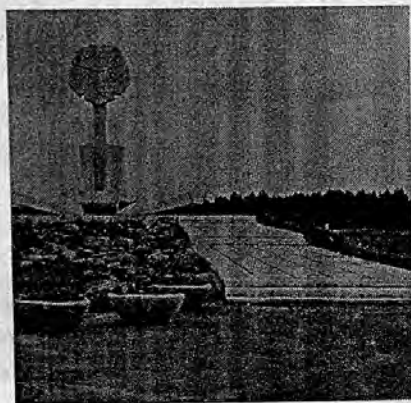
Мемориальный комплекс
«Штурм» на 30-м км
Ленинград-Москва. 1944 г.
Фотография. 1965 г.

Стела в честь воинов Ленинградского фронта
у станции Лигово.
Установлена в 1965 г.
Фотография. 1965 г.

Стела на переднем крае
обороны.
Старый Петергоф.
Установлена в 1961 г.
Фотография. 1965 г.

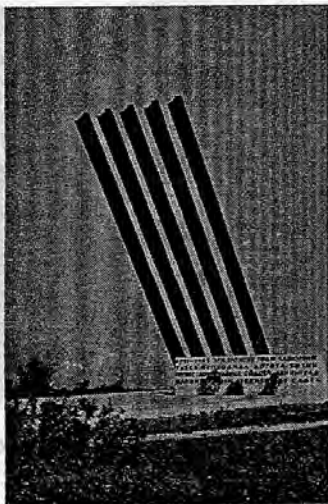
«Цветок жизни» — первый памятник
на Дороге жизни,
3-й км.
Установлен в 1965 г.
Фотография. 1966 г.

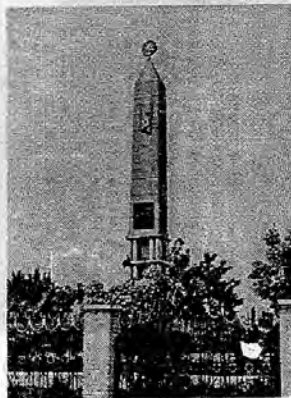
Мемориальный столб на
Дороге жизни,
17-й км.
Установлен в 1965 г.
Фотография. 1966 г.

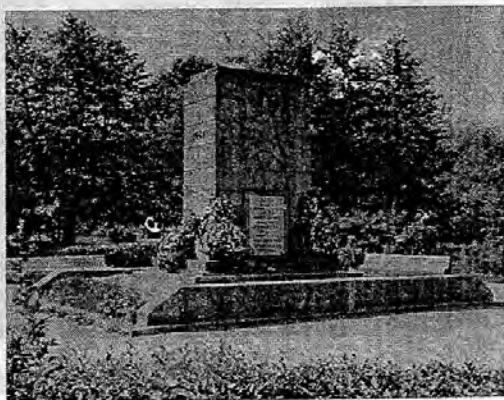
Памятник «Переправа» у истоков
Невы близ поселка Морозово.
Установлен в 1970 г.
Фотография. 1974 г.

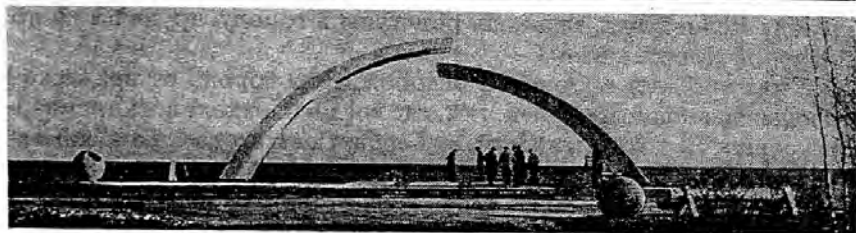
Памятник «Катюша».
Деревня Корнево.
Установлен в 1966 г.
Фотография. 1968 г.

Памятник на могиле
советских воинов.
Село Ивановское.
Установлен в 1944 г.
Фотография. 1965 г.

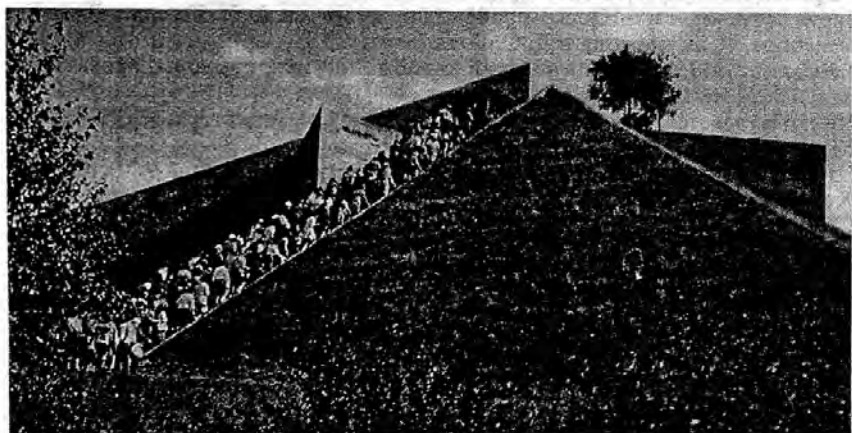

Памятник-стела в честь героев
боев за Ленинград.
Петродворцовое шоссе, 15-й км.
Установлен в 1944 г.
Фотография. 1965 г.

Мемориальный комплекс «Разорванное кольцо» на берегу Ладожского озера у Вагановского спуска.

Фотография. 1966 г.

Памятник «Безымянная высота» на правом берегу Невы.

Фотография. 1968 г.

Мемориальный ансамбль «Лемболовская твердыня» на Карельском перешейке. Фотография. 1967 г.

блокаду Ленинграда, защищал подступы к городу, трудился на легендарной Дороге жизни.

В канун 55-летия полного освобождения города от вражеской блокады на площади Стачек, там, где когда-то находилось трамвайное кольцо, был открыт памятник Герою Советского Союза, командующему Ленинградским фронтом маршалу Л. А. Говорову. Проект нового памятника был выполнен скульптором Б. А. Петровым по модели Н. В. Боголюбова.

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 9579. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 53.

² Там же. Ед. хр. 88. Л. 21–22.

³ Временные триумфальные арки были созданы к 8 июля 1945 г. в Кировском, Московском и Невском районах по проектам А. И. Гегелло, В. А. Каменского, И. И. Фомина и Д. С. Гольдгора.

⁴ *Никольский А. С.* Ленинградский альбом. Рисунки, гравюры, проекты военных лет. Л., 1984. С. 43.

⁵ Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. М., 1975. С. 72.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Задачи архитекторов в дни Великой Отечественной войны // Материалы X пленума СА СССР. М., 1942. С. 27.

⁸ Там же. С. 74–75.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии, Военно-Морского Флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. М., 1947.

¹¹ *Иванов В. Л.* Парки Победы // Сады и парки Ленинграда. Л., 1981. С. 115.

¹² Ныне доты (долговременные огневые точки) — памятники героической обороны Ленинграда в период 900-дневной блокады. В черте города их около 20. В 1970 году бывшие доты получили архитектурное оформление по проекту В. Э. Шевеленко, О. В. Василенко и Ю. Ф. Кожина.

¹³ Непокоренный Ленинград. Л., 1985. С. 109.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 147.

¹⁶ Там же. С. 246.

¹⁷ Там же. С. 477.

¹⁸ *Баранов Н. В.* Силуэты блокады. Л., 1982. С. 56.

¹⁹ *Калинин Б. А., Юревич П. П.* Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Справочник. Л., 1979. С. 84–85.

²⁰ *Петров Т. Ф.* «Памятник скорби и славы». Пискаревское мемориальное кладбище. Л., 1986. С. 28.

²¹ Там же. С. 30.

²² Конкурсный проект Пискаревского мемориального кладбища хранится в фонде архитектурной графики ГМИСПб (Инв. № ИБ-710ч, ИБ-711ч, ИБ-712ч).

²³ В фонде архитектурной графики ГМИСПб хранятся проекты памятников на месте боев под Ленинградом, датированные 1942–1947 гг.

блокаду Ленинграда, защищал подступы к городу, трудился на легендарной Дороге жизни.

В канун 55-летия полного освобождения города от вражеской блокады на площади Стачек, там, где когда-то находилось трамвайное кольцо, был открыт памятник Герою Советского Союза, командующему Ленинградским фронтом маршалу Л. А. Говорову. Проект нового памятника был выполнен скульптором Б. А. Петровым по модели Н. В. Боголюбова.

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 9579. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 53.

² Там же. Ед. хр. 88. Л. 21–22.

³ Временные триумфальные арки были созданы к 8 июля 1945 г. в Кировском, Московском и Невском районах по проектам А. И. Гегелло, В. А. Каменского, И. И. Фомина и Д. С. Гольдгора.

⁴ Никольский А. С. Ленинградский альбом. Рисунки, гравюры, проекты военных лет. Л., 1984. С. 43.

⁵ Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. М., 1975. С. 72.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Задачи архитекторов в дни Великой Отечественной войны // Материалы X пленума СА СССР. М., 1942. С. 27.

⁸ Там же. С. 74–75.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии, Военно-Морского Флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. М., 1947.

¹¹ Иванов В. Л. Парки Победы // Сады и парки Ленинграда. Л., 1981. С. 115.

¹² Ныне доты (долговременные огневые точки) — памятники героической обороны Ленинграда в период 900-дневной блокады. В черте города их около 20. В 1970 году бывшие доты получили архитектурное оформление по проекту В. Э. Шевеленко, О. В. Василенко и Ю. Ф. Кожина.

¹³ Непокоренный Ленинград. Л., 1985. С. 109.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 147.

¹⁶ Там же. С. 246.

¹⁷ Там же. С. 477.

¹⁸ Баранов Н. В. Силуэты блокады. Л., 1982. С. 56.

¹⁹ Калинин Б. А., Юревич П. П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Справочник. Л., 1979. С. 84–85.

²⁰ Петров Т. Ф. «Памятник скорби и славы». Пискаревское мемориальное кладбище. Л., 1986. С. 28.

²¹ Там же. С. 30.

²² Конкурсный проект Пискаревского мемориального кладбища хранится в фонде архитектурной графики ГМИСПб (Инв. № ИБ-710ч, ИБ-711ч, ИБ-712ч).

²³ В фонде архитектурной графики ГМИСПб хранятся проекты памятников на месте боев под Ленинградом, датированные 1942–1947 гг.

Елена Витальевна Лезик — историк, аспирантка исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Работает в ГМИСПб с 1988 г., экскурсовод филиала «Монумент героическим защитникам Ленинграда». Автор научных и популярных статей.

Наталья Леонидовна Маркова — историк, заведующая Научной библиотекой Главной астрономической обсерватории РАН (отделом Библиотеки РАН). Имеет публикации по истории фондов Библиотеки ГАО, о жизни и научной деятельности четвертого директора Пулковской обсерватории О. А. Баклунда.

Элеонор Мартино — аспирантка Парижской Школы Высших исследований по общественным наукам.

Виктор Петрович Мартыненко — искусствовед. С 1993 г. старший научный сотрудник Отдела истории города ГМИСПб. Автор ряда статей по истории советского искусства 1920–1930-х гг., а также проблемам современной художественной культуры и искусства. Член Санкт-Петербургского Союза художников России.

Альтер Вольфович Мишне — см. вступительную статью к публикации.

Евгений Павлович Перовский — историк, внештатный научный сотрудник ГМИСПб (с 1999), работал в ЦВММ (1953–1958), ГМИСПб (1969–1994), ГММОБЛ (1995–1999). В 1963–1967 гг. был контрольным редактором Главной редакции ГШ ВМФ СССР, преподавал историю военного искусства в ВВМУ им. Ф. Э. Дзержинского. Основная тема исследований — оборона Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Автор более 20 описаний карт исторического тома «Морского атласа» (М., 1965) и 600 статей, очерков и повестей.

Татьяна Михайловна Семенова — историк, старший научный сотрудник сектора архитектуры отдела истории города ГМИСПб. Работает в музее с 1971 г. Темы исследований — «Архитектура и строительство Петрограда–Ленинграда–Санкт-Петербурга. 1920–1990-е гг.», «История памятников в 1920–1990-е гг.» Автор экспозиций и выставок. Участница научно-практических конференций в ГМИСПб, источниковедческих чтений, конференций и встреч в «Обществе охраны памятников истории и культуры». Отмечена знаком «Ударник культурного шефства над селом». Заслуженный работник культуры России.

Марина Александровна Ткачева — искусствовед, кандидат исторических наук, доцент. В 1985–1990 гг. заведовала кафедрой истории КПСС в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. К. Крупской. Член Совета содействия ГМИСПб, член правления региональной общественной организации «Юные участники обороны Ленинграда». Автор ряда статей и публикаций.

Николай Александрович Тюренков — старший научный сотрудник военного сектора Отдела истории города ГМИСПб, кандидат исторических наук, капитан 1 ранга в отставке. В музее работает с 1985 г. Основная тема исследований — «КБФ в битве за Ленинград». Преподавал военные дисциплины в Ленинградском механическом институте (ныне Балтийский Государственный технический университет). Автор 30 печатных трудов: учебных пособий, методик и статей. Несколько статей опубликовано за границей (во Франции).

Наталья Михайловна Уствольская — см. вступительную статью к публикации.

Ольга Родионовна Федорченко — историк, ведущий методист филиала ГМИСПб «Особняк Румянцева». Работает в музее с 1985 г. Тема научной работы — изучение новых документов и публикаций о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда.

Владимир Александрович Фролов — искусствовед, работает в музее с 1978 г. Специалист в области архитектуры и монументально-прикладного искусства Санкт-Петербурга. Автор многочисленных статей. Участник и организатор ряда научных конференций и выставок. Действительный член Русского генеалогического общества.

Геннадий Иванович Чугунов — кандидат искусствоведения, консультант научной части ГРМ. Занимается исследованием проблем развития русского искусства и художественной культуры XX в. Автор более 10 книг, многих статей и публикаций по различным вопросам отечественного искусства. Член Санкт-Петербургского Союза художников России.

Алена Геннадьевна Чугунова — педагог музыкальной школы Тютти.

Логин Людвигович Шретер — см. вступительную статью к публикации.

Список сокращений

- АН СССР — Академия наук СССР
ВВС — Военно-воздушные силы
ВС — Военный совет
ГИОП — Государственная инспекция охраны памятников
ГКО — Государственный комитет обороны
ГлавАПУ — Главное архитектурно-планировочное управление
ГМИЛ — Государственный музей истории Ленинграда
ГМИСПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГМИСПб РДФ — Рукописно-документальный фонд ГМИСПб
ГМИСПб ФАГ — Фонд архитектурной графики ГМИСПб
ГМИСПб ФГГМиР — Фонд графики городов мира и России
ГМИСПб
ГМИСПб ФСЖиГ — Фонд советской живописи и графики
ГМИСПб
ГММОБЛ — Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда
ГРМ — Государственный Русский музей
ГШ ВМФ — Главный штаб Военно-Морского Флота
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга
КДПИ ЛОХФ — Комбинат декоративно-прикладного искусства Ленинградского отделения Художественного фонда РСФСР
КМОР — Кронштадтский морской оборонительный район
ЛВХПУ им. В. И. Мухиной — Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОСХ — Ленинградская организация Союза художников РСФСР
ЛССХ (должно быть ЛОССХ) — Ленинградское отделение Союза советских художников

МПВО — Местная противовоздушная оборона
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НМИИС КГИОП — Научно-методический информационно-издательский сектор КГИОП

ОК и ГК ВКП(б) — Областной комитет и Городской комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ПВО — Противовоздушная оборона

РАН — Российская Академия наук

РВК — Районный военный комиссариат

РНБ — Российская Национальная библиотека

СА СССР — Союз архитекторов СССР

СЗРП — Северо-Западное речное пароходство

СНК (Совнарком) — Совет народных комиссаров

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения

Содержание

Вступление	5
<i>Е. П. Перовский. О создании оборонительных рубежей Ленинграда в 1939–1941 годах</i>	7
<i>О. Р. Федорченко. Дорога жизни (основные этапы истории)</i>	18
<i>И. А. Богданов. Эвакогоспиталь № 991</i>	36
<i>М. А. Ткачева. Детские музыкальные школы Ленинграда в годы блокады</i>	46
<i>Ю. И. Кашаверская. Испытание временем</i>	54
<i>Н. М. Уствольская. Воспоминания ленинградки.</i> Публикация <i>А. О. Евлановой</i>	73
<i>А. О. Евланова. Архитектор И. М. Чайко и его блокадный дневник</i>	101
<i>Л. Л. Шретер. Артиллерийская разведка в период осады Ленинграда (отрывки из воспоминаний архитектора).</i> Публикация <i>В. А. Фролова</i>	125
<i>Блокадные письма А. П. Остроумовой-Лебедевой.</i> Публикация <i>Л. П. Баклан</i>	142
<i>Письма художника И. А. Серебряного из блокадного Ленинграда.</i> Публикация <i>Г. И. Чугунова и А. Г. Чугуновой</i>	150
<i>Письма-дневник из блокады.</i> Публикация <i>В. Ю. Жукова и Н. Л. Марковой</i>	175
<i>Воспоминания о блокаде Д. Н. Лазарева, Н. В. Лазаревой и Е. Д. Якубович. Публикация В. П. Мартыненко</i>	192
<i>А. В. Мишине. Воспоминания о блокаде.</i> Публикация <i>Н. А. Тюрenkова</i>	241
<i>Э. Мартино. Блокада: между героизмом и трагедией (к методике изучения вопроса)</i>	253
<i>Е. В. Лезик. Монумент Героическим защитникам Ленинграда (история создания)</i>	270
<i>В. А. Фролов. Монумент на площади Победы (архитектурно-художественный анализ)</i>	294
<i>Т. М. Семенова. «Каменная летопись» Великой Отечественной войны</i>	324
<i>Сведения об авторах</i>	343
<i>Список сокращений</i>	346

Contents

Introduction.....	5
<i>Ye. Perovsky</i> . Formation of Leningrad defensive line in 1939–1941.....	7
<i>O. Fedorchenko</i> . Road of Life (the main phases of its history).....	18
<i>I. Bogdanov</i> . Evacuation hospital № 991.....	36
<i>M. Tkachyova</i> . Music schools for children in Leningrad in the years of blockade.....	46
<i>Yu. Kashaverskaya</i> . Time test.....	54
<i>N. Ustvol'skaya</i> . Reminiscences of a leningrader. Publication by <i>A. Yevlanova</i>	73
<i>A. Yevlanova</i> . Architect <i>I. M. Chaiko</i> and his blockade diary.....	101
<i>L. Shreter</i> . Artillery reconnaissance during the siege of Leningrad (fragments from the architect's memoirs). Publication by <i>V. Frolov</i>	125
Blockade letters by <i>A. P. Ostroumova-Lebedeva</i> . Publication by <i>L. Baklan</i>	142
Letters by artist <i>I. A. Serebryany</i> from the sieged Leningrad. Publication by <i>G. Chugunov</i> and <i>A. Chugunova</i>	150
Blockade diary. Publication by <i>V. Zhukov</i> and <i>N. Markova</i>	175
Reminiscences of blockade by <i>D. N. Lazarev</i> , <i>N. V. Lazareva</i> and <i>Ye. D. Yakubovich</i> . Publication by <i>V. Martynenko</i>	192
<i>A. Mishne</i> . Reminiscences of blockade. Publication by <i>N. Tyurenkov</i>	241
<i>E. Martino</i> . Blockade: between heroism and tragedy (on the method of studying).....	253
<i>Ye. Lezik</i> . Monument to Heroic Defenders of Leningrad (history of its creation).....	270
<i>V. Frolov</i> . Monument on Victory Square (architectural and artistical analysis).....	294
<i>T. Semyonova</i> . «Stone Chronicle» of the Great Patriotic War.....	324
About the authors.....	343
Abbreviations.....	346

**Альманах «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга»
зарегистрирован Северо-Западным региональным управлением комитета
Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)
№ П2165 от 25 октября 1996 г.**

**Учредитель альманаха «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» —
Государственный музей истории Санкт-Петербурга**

**Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга
Вып. V
Материалы к истории блокады Ленинграда**

**Редакторы Л. Н. Коннова, В. П. Мартыненко, В. А. Фролов
Корректор О. Е. Юдина**

**Подписано к печати 10.01.2000 г. Формат 60 × 88 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 22, 0. Тираж 2000 экз.**

**Типография Академии Медико-Социального Управления (АМСУ)
197046, Александровский парк, 5**

Посетите

Монумент героическим защитникам Ленинграда

Проводятся: обзорная экскурсия «Монумент героическим защитникам Ленинграда, его история, архитектурно-художественный анализ и историческая экспозиция»; тематическая экскурсия «Ленинград в годы войны и блокады».

Демонстрируются документальные фильмы: «Ленинград в борьбе» и «Воспоминание о блокаде».

На мемориале можно ознакомиться с электронной Книгой памяти, получить выписку о погибших защитниках. Справки по телефону: 293 65 63 (с 11 до 16 часов).

На Монументе героическим защитникам Ленинграда в юбилейные и памятные в истории города и страны даты проходят митинги и встречи, концерты хоровых коллективов ветеранов Великой Отечественной войны; организуются церемонии принятия воинской присяги и выпуски офицеров военных учебных заведений Санкт-Петербурга.

Монумент открыт ежедневно, кроме среды и последнего вторника каждого месяца, с 11 до 18 часов, по вторникам и пятницам — с 10 до 17 часов.

Предварительные заявки на экскурсионное обслуживание принимаются по телефону: 293 65 63.

Адрес: площадь Победы.

Транспорт: метро — станция «Московская».

Посетите

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

1. Музей-заповедник «Петропавловская крепость» предлагает экспозиции: «История Санкт-Петербурга–Петрограда. 1703–1917», «История тюрьмы Трубецкого бастиона», «История Санкт-Петербургского Монетного двора», «История ракетостроения и космонавтики. Газодинамическая лаборатория», экспозиционно-производственный комплекс «Печатня».

2. Шлиссельбургская крепость «Орешек». Экспозиция открыта с 15 мая по 15 октября, с 10 до 18 часов, без выходных.

3. Экспозиция «Ленинград в годы Великой Отечественной войны» в бывшем Румянцевском особняке (Английская набережная, 44).

Помимо этого имеются следующие филиалы:

1. Музей печати Санкт-Петербурга (набережная реки Мойки, 32).

2. Музей-квартира А. А. Блока (улица Декабристов, 57).

3. Музей С. М. Кирова (Каменноостровский проспект, 26–28).

4. Монуменг героическим защитникам Ленинграда (площадь Победы).

Музей и филиалы работают с 11 до 18 часов. Выходной день — среда и последний вторник каждого месяца.